

А. ЗИМИН

А.ЗИМИН

У ИСТОКОВ СТАЛИНИЗМА

1918-1923

У ИСТОКОВ СТАЛИНИЗМА. 1918-1923

СЛОВО

Издательство СЛОВО

А. ЗИМИН

У ИСТОКОВ СТАЛИНИЗМА

1918-1923

Издательство СЛОВО

ДЕКЛАРАЦИЯ О НАМЕРЕНИЯХ

Сталинские режимы в СССР и в странах восточной Европы подавили всякое критическое размышление об их обществах и о средствах перемены этих обществ. Однако, как это показывают многочисленные самиздатские произведения, в чрезвычайно трудных условиях, рискуя тюрьмой и ссылкой, многие люди стараются понять и объяснить сущность так называемого реального социализма.

Эти режимы в глазах многих дискредитировали борьбу за социализм и сам социализм. Но они не смогли предотвратить очередные восстания трудящихся и граждан этих стран против угнетения: Венгрия 1956, Чехословакия 1968, Польша 1980. Все эти события показали, что идеалы борьбы трудящихся за независимость и справедливость все еще живы в этих странах, даже если они не всегда выражаются положительной ссылкой на "социализм" — термин, которым существующие режимы прикрывают свою диктатуру.

Слышны голоса, хотя еще очень слабые, выступающие против такого злоупотребления, утверждающие, что социалистические идеалы не имеют ничего общего с догмой, навязанной Кремлем.

Задача издательства "Слово" — давать им слово, публикуя эти тексты на их собственном языке, способствовать обмену и дискуссиям, переводя тексты на разные языки стран восточной Европы, налаживать диалог между теми, кто — как на Западе, так и в странах восточной Европы — борется за осуществление демократического социализма.

Éditions SLOVO - LA PAROLE

ОТ АВТОРА

Существование сталинизма как политического и идейного течения, стоящего вне ленинизма и принципиально отличного от ленинизма, — *факт*, отрицание которого, откуда бы оно ни шло, исторически и теоретически ложно, если не заведомо лживо. Слова "сталинизм" и "ленинизм" не синонимы — ни в каком смысле и ни в каком отношении. Но слово "ленинизм" и не покрывает слова "сталинизм", ибо сталинизм никакая не разновидность ленинизма: это отнюдь не применение ленинизма к русским условиям и даже не модификация ленинизма применительно к этим условиям. Сталинизм извращает самые основы ленинизма и изгоняет ленинизм как из дел мировой борьбы за социализм, так и из дел русской социалистической революции.

Сталинизм сложился в, принципиально отличную от ленинской, концепцию Октябрьской революции и социализма, а тем самым в идейное течение, противостоящее ленинизму, только после Ленина. Но, как показывают собранные в предлагаемом очерке документированные материалы, уже при Ленине, и притом с первых месяцев Октября, будущий сталинизм существовал в зачаточных формах и противопоставлялся Ленину, носителем и проводником этого зачаточного сталинизма был никто иной как сам Сталин. Сталинская линия в революции и в строительстве социалисти-

ческого общества проявляла себя тогда эпизодически и отрывочно, то в одной то в другой области — и, хотя с гордостью и капризами, упираясь, изворачиваясь и лицемеря, Сталин отступал. Так было пока революцией руководил Ленин, но когда болезнь увела Ленина от руководства, процесс оформления и самоопределения, словом, — созревания, сталинизма ускорился. Сталинская линия постепенно переходит в наступление и уже на XII партсъезде (весной 1923 года) начинает оттеснять линию Ленина — конечно, под видом верности ленинизму.

Настоящий очерк о шестилетии 1918—1923гг. не занимается проблемой социальных корней и социального содержания сталинизма. В нем лишь рассматривается предыстория сталинизма, приходящаяся на эти годы и развертывавшаяся внутри партии Ленина в противодействии Ленину, под конец и в борьбе против Ленина. А именно, в нем исследуются пять кардинальных линий этой предыстории или, если угодно, этого пролога сталинизма: отношение между русской революцией и сферой национальных отношений, военную политику пролетарской революции, вопрос о существовании государства и государственности в эпоху перехода к социализму, вопрос о коммунистической партии в однопартийной политической системе.

То, что в этом перечне нет проблемы профсоюзов, места крестьянства в социалистической революции, проблем экономической политики пролетарской революции (таких, в частности, как оплата труда буржуазных специалистов, как монополия внешней торговли, как кооперация, как функции Госплана, как переход к НЭП'у...), соответствует существу дела. Эти вопросы, занимавшие кардинальное место в теоретических и программных представлениях и политической деятельности Ленина, в круг интересов Сталина тех лет программно и вообще сколько-нибудь самостоятельно не входили — факт, сам по себе (как читатель убедится, ознакомившись с материалами нашего очерка) характерный. В особенности это характерно, когда дело идет об игнорировании профсоюзов со стороны человека, возглавлявшего рабоче-крестьянскую инспекцию. За эти

годы Ленин буквально десятки раз выступал с отчетными речами перед съездами и конференциями профсоюзов и фабзавкомов — металлстов и горняков, железнодорожников и водников, текстильщиков и швейников, учителей и медиков, печатников и сельхозрабочих..., не говоря о ВЦСПС и других профсоюзных объединениях — и посылал им десятки писем. Сталин же за эти шесть лет *ни одного раза* не обращался к профсоюзным организациям — ни с отчетами, ни с предложениями. Невозможно представить себе, чтобы Сталин сказал слова, с которыми Ленин обратился к комфракции II Всероссийского съезда горнорабочих: "Если партия раскалывается с профессиональными союзами, тогда партия виновата, и это наверняка гибель Советской власти" (январь 1921 года, ПСС, т.42, с. 249).

Но конечно, и эти противостояния Сталина Ленину мы постараемся отразить в предлагаемой работе там, где они играли более или менее существенную роль.

Одно замечание по поводу предлагаемой работы следует, пожалуй, сразу же сделать, несмотря на то что оно может показаться тривиальностью. Расхождения с Лениным и противостояние Ленину, из которых и в которых уже при Ленине зарождался будущий сталинизм, мы находим в те годы в той или иной форме и той или иной мере не у одного Сталина. Оно и понятно: сталинизм — явление социальное, а не выдумка или изобретение одного зловредного человека. В том, что впоследствии вылилось в сталинизм, шло политическое и идеологическое оформление интересов, стремлений, расчетов и понятий определенных (и притом весьма широких) социальных слоев огромного народа, приведенного в движение социалистической революцией. И естественно, что в условиях однопартийной политической системы немало деятелей правящей большевистской партии искало и находило ответы для этих социальных слоев послеоктябрьской России в том же направлении, что и Сталин, — вначале независимо от него и без связи с ним, а с ходом времени все больше вместе с ним и группируясь вокруг него, иногда просто следуя за ним, но иногда и подталкивая его и подсказывая ему

— и, неосознанно или сознательно, выдвигая его как своего глашатая, а то и вожака. О некоторых из таких полных и частичных единомышленников, подсказчиков и помощников Сталина — соучастников в подготовке сталинизма — идет речь в нашем очерке, но лишь тогда и там, когда и где без этого были бы трудно объяснимы поведение и действия Сталина и реакция на них со стороны Ленина и Политбюро, после того как последнее осталось без Ленина. В целом же это очерк о самом Сталине: с идеями, высказываниями и политическими действиями Ленина сопоставляются почти исключительно одновременно взгляды, высказывания и действия одного лишь Сталина. Автор вырывает фигуру Сталина из ее узкого и широкого окружения и воздерживается от исследования того, *из кого и как* уже в эти годы идейно, а там и политически, формировалось и консолидировалось сталинское крыло Российской коммунистической партии. Это воздержание было для автора вынужденным: ему недоступны были архивы ЦК партии — единственный аутентичный источник для такого исследования. Ведь даже полувековой давности стенограммы и протоколы пленумов ЦК, не говоря уже о переписке ЦК с местными парторганизациями и о материалах совещаний ЦК с их руководителями и с руководителями советских и профсоюзных органов, Центральным Комитетом КПСС не опубликованы и по сей день тщательно утаиваются от глаз историков (1).

Автор отдает себе отчет, что вследствие этого тема генезиса сталинизма предстает в настоящем очерке в суженном и далеко не полном виде. Но он надеется, читатели согласятся, что для работы, желающей *начать*, наконец, выяснение предстории сталинского вырождения русской социалистической революции (а на большее предлагаемый очерк не претендует), это — разумное ограничение. Ибо после десятилетий замалчиваний, утаиваний и фальсификаций *начать* следует с восстановления фактов о самом Сталине — о том, каким он был в годы Ленина. Более счастливые исследователи внесут необходимые дополнения и исправления.

И наконец, требуется ли предупреждать читателя, что в нашем очерке ему предлагается не история ленинских годов Октябрьской революции, а всего лишь материалы к одной из линий этой истории? Правда, это существенная линия, без знания которой дальнейший путь революции не может быть понят. Однако, критическая история этих великих годов, данная в свете последующих десятилетий (меньше всего к ней способны советские историки), показала бы, что и в решениях, которые для социалистической революции в отсталой, разоренной и окруженной врагами России, разрабатывались при участии Ленина, бывали и непрактичность и недальновидность, а порою и прямые ошибки. Но это, повторяем, не входит в нашу тему. Мы берем Ленина таким, каким он был в глазах его соратников-современников, и сопоставляем с ним нарождавшееся и пробивавшее себе дорогу сталинское направление в РКП(б).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Да и не только к архивным, но и ко многим опубликованным (а впоследствии изъятым из обращения) материалам автор не имел доступа — таким, например, какие были к услугам английского историка Карра (E.H. Carr), когда он писал первые четыре тома своей многотомной "A History of Soviet Russia". Больше того, даже теми из этих материалов, которые приводятся у Карра (но, конечно, не у советских историков!), автор не мог воспользоваться — по той простой причине, что в нашей стране эти книги Карра отнесены в разряд засекреченных. Мы имеем в виду три тома под общим названием "The Bolshevik Revolution, 1917-1923" и том, озаглавленный "Interregnum, 1923-1924".

1

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

С самого начала русской революции XX века Ленин видел ее в контексте мировой антикапиталистической революции. В первом же его отклике на революцию 1905 года читаем: "Величайшие исторические события происходят в России. На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций во всех государствах, во всех концах земного шара" (Статья "Начало революции в России", написанная в Женеве 12 января 1905 г. по ст.ст. — ПСС, т. 9, стр. 201, 204). А февраль 1917 года Ленин встречает как "начавшуюся всемирную рабочую революцию" (Автореферат доклада "О задачах РСДРП в русской революции", сделанного в Цюрихе 14 марта 1917 г. по ст.ст. — ПСС, т.31, стр. 78) и намечает для революционной России "программу, основанную на учете классовых сил русской и всемирной революции" (5-ое "Письмо из далека", март 1917 г. — ПСС, т.31, стр. 56). В "Прощальном письме к швейцарским рабочим" Ленин прямо говорит, что уезжает из Швейцарии в Россию для продолжения революционно-интернационалистической работы на нашей родине, что "русскому пролетариату выпала на долю великая честь начать ряд револю-

ций” и что ”крестьянский характер страны... может придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции *пролог* всемирной социалистической революции, *ступеньку* к ней” (Письмо датировано 8 апреля 1917 г. по нов.ст. — ПСС, т.31, стр. 87, 91, 92).

Мы привели эти выдержки из дооктябрьских работ Ленина, чтобы напомнить, что в его теоретических размышлениях, программах, политических планах даже буржуазно-демократическая революция России связывалась с мировой пролетарской революцией. О российской социалистической Октябрьской революции такого напоминания не требуется. Широко известно, что *эта* революция была задумана Лениным и во все годы его руководства осуществлялась не как пролог, а как органическая часть мировой пролетарской революции, как ее собственный первый этап. Известно, что в апреле 1917 года, открывая первую после февральской буржуазной революции партийную конференцию и провозглашая курс на социалистическую революцию, Ленин сказал: ”На долю российского пролетариата выпала великая честь начать, но он не должен забывать, что его движение и революция составляют лишь часть всемирного революционного пролетарского движения... Только под этим углом зрения мы и можем определить наши задачи” (ПСС, т.31, стр.341). А свою первую речь о свержении Временного правительства и победе революции — ”Доклад о задачах власти Советов” а на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7ноября) 1917 года — Ленин закончил словами: ”У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции. В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства. Да здравствует всемирная социалистическая революция!” (ПСС, т. 35, стр.3).

Очень точные выражения для ленинского определения мировой связи русской революции нашел Каменев, выступая спустя год после смерти Ленина. ”Вопросы пролетарской революции” — писал он — ”не могли ставиться Ильичем в каких-либо национально-ограниченных рамках... Те вопро-

сы, которые поставил Владимир Ильич, как и то движение, которое он возглавлял, носят характер полной международной, охватывают человечество все целиком. Они, эти вопросы и ответы, ставят и решают не национальную проблему пролетариата России, Франции, Германии или Англии, или Америки — они ставят вопросы в общем, интернациональном масштабе”(1).

Рассмотрим теперь, как Сталин в годы Ленина воспринимал и претворял этот “характер полной международной” Октябрьской революции.

а) Потенции революции и факты революции: проблема.

Уже очень скоро после Октября, при первом же большом международном кризисе, поставившем под угрозу судьбу и самое существование социалистической революции, обнаружилось то направление взглядов Сталина на существо русской революции и ее историческую миссию, которое в принципе отличалось от ленинского и впоследствии развилось в концепцию “полного социализма” в одной, изолированно взятой стране. 11 (24 по нов.ст.) января 1918 года, при обсуждении на заседании ЦК партии вопроса о войне и мире (в связи с Брестским ультиматумом германского империализма), Сталин, в тот день разделявший позицию Ленина о необходимости подписать мир, выдвинул такой довод в ее пользу: “Революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться”. И вот, Ленин, при тогдашнем соотношении сил в ЦК дорожа каждым голосом и называя Сталина своим “единомышленником”, счел нужным сразу же категорически и резко отмежеваться от этой аргументации. Ленин сказал: “На Западе есть массовое движение, но революция там еще не началась. Однако, если бы в силу этого мы изменили бы свою тактику, то мы явились бы изменниками международному социализму” (ПСС, т.35, стр.257,479).

Мы не располагаем сведениями о более ранних послеоктябрьских проявлениях противоположности между ленин-

ским и сталинским пониманиями мировой революции и места русской революции в ней и не знаем были ли такие проявления, но достаточно и этого, чтобы оценить ситуацию (2). Представим себе тогдашнюю Россию, тогдашнюю большевистскую партию, тогдашний русский рабочий класс, которые только что свою социалистическую революцию совершили под знаменем и во имя мирового социализма и которые в мыслях и чувствах своих не отделяли русскую революцию от мировой, чтобы понять, что слова Ленина об измене и изменниках были не просто разъяснением ошибки, но и предостережением. Ныне, имея перед глазами всю эволюцию Сталина, мы понимаем, что довод не был случайностью или оплошностью. Мы видим, что уже тогда у Сталина не существовало первого, основного, решающего ленинского критерия при установлении стратегии и тактики нашей революции. Не существовало понимания того, и убежденности в том (а может быть и согласия с тем), о чем через год с небольшим, в марте 1919 года, в отчете ЦК на VIII съезде партии Ленин сказал: "В эпоху Брестского мира... Советская власть поставила всемирную диктатуру пролетариата и всемирную революцию выше всяких национальных жертв, как бы тяжелы они ни были" (ПСС, т.38, стр.133) (3) и там же, в заключительном слове по партийной программе разъяснил: "У нас в программе речь идет о социальной революции в мировом масштабе" (стр.175) (4). И сегодняшнему коммунисту предостережение, на заре Октября сделанное Лениным лично Сталину должно представляться зловещим.

Сделал ли Сталин выводы для себя из ленинского предостережения? Да, сделал — в своей сталинской манере. Во всяком случае, в годы, когда у руля революции стоял Ленин, Сталин, не пересмотрев и не изменив своей позиции, не выставлял вместе с тем открыто своего безразличия к "потенциям" мирового революционного движения. Но он, единственный из сложившейся вокруг Ленина руководящей группы большевистской партии, не проявлял и интереса к этому движению — не только к его потенциам, но и к его фактам.

То было время, когда чуть ли не во всех странах мира рабочий класс, разбуженный Октябрем, поднимался на революционную борьбу против капитализма, когда складывался и грозно набирал силу Коминтерн, когда русские большевики стоя во главе своей разоренной, голодающей и всячески страдавшей страны, сознавали и ощущали себя солдатами переднего фронта и знаменосцами мировой антикапиталистической революции, пусть не так стремительно и прямолинейно, как первоначально ожидалось и нетерпеливо хотелось, но неуклонно идущей вперед, — сознавали и ощущали себя кровно — и повседневно — связанными с мировой революцией и ответственными за ее судьбы.

Вспомним хотя бы несколько из многочисленных на эту тему выступлений Ленина лишь за одно, наугад выбранное полугодие в середине этого периода.

Март 1920 — доклад ЦК на IX съезде партии: "Мы знали, что у нас союзники есть, что надо уметь проявить самопожертвование в одной стране, на которую история возложила почетную, труднейшую задачу, чтобы неслыханные жертвы окупились сторицей, потому что всякий лишний месяц, который проживем мы в своей стране, нам даст миллионы союзников во всех странах... И это основная причина, самая глубокая причина, в последнем счете дала нам вернейшую победу, она явилась тем источником, который продолжает быть самым главным, непреодолимым, неиссякаемым источником нашей силы и который позволяет нам говорить, что когда мы осуществим в своей стране в полной мере диктатуру пролетариата, наибольшее объединение его сил..., мы можем ждать мировой революции. И это есть на самом деле выражение воли, выражение пролетарской решимости к борьбе, выражение пролетарской решимости к союзу миллионов и десятков миллионов рабочих во всех странах... У нас есть международный союз, который нигде не записан, не оформлен, ничего не представляет из себя с точки зрения "государственного права", а в действительности в разлагающемся капиталистическом мире представляет из себя все" (ППС, т. 40, стр. 242, 243).

Апрель — речь при закрытии IX съезда: "Вполне прав

американский товарищ Р., который издал толстую книгу, содержащую ряд статей Троцкого и моих и дающую таким образом сводку истории русской революции. Этот товарищ говорит, что французская революция оказалась победоносной во всемирно-историческом масштабе, и если она могла быть непосредственно задавленной, то потому, что она была окружена странами на континенте Европы более отсталыми, в которых не могли тотчас же возникнуть движения подражания, сочувствия и поддержки. Русская революция, которой пришлось в силу гнета царизма и целого ряда других условий (связь с 1905 годом и т.д.) возникнуть раньше других, окружена странами, стоящими на более высокой ступени капиталистического развития, которые медленнее подходят к революции, зато солиднее, прочнее, тверже!.. У нас друзей и союзников больше, чем мы это знаем!" (ПСС, т.40, стр.283).

Апрель – май – брошюра "Детская болезнь "левизны" в коммунизме": "Было бы ошибочно упустить из виду, что после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, именно: Россия сделается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в "советском" и в социалистическом смысле) страной. Но в данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего" (ПСС, т.41, стр.3-43).

Май – речь при закладке памятника К.Марксу 1 мая 1920 г.: "России выпала великая честь и счастье помочь основанию социалистического общества и мировой Советской республики". (ПСС, т.41, стр.105).

Июнь – июль – набросок тезисов ко II Конгрессу Коминтерна по национальному и колониальному вопросам: пролетарский интернационализм "требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала". (ПСС, т.41, стр.166)

Август – письмо к австрийским коммунистам: "Мы гордимся тем, что великие вопросы борьбы рабочих за

свое освобождение мы решаем, подчиняясь международной дисциплине революционного пролетариата, учитывая опыт рабочих разных стран, считаясь с их знаниями, с их волей, осуществляя таким способом на деле (а не на словах как Реннеры, Фрицы Адлеры и Отто Бауэры) единство классовой борьбы рабочих за коммунизм во всем мире". (ПСС, т.41, стр. 272-273).

Август – сентябрь – статья "Второй конгресс Коммунистического Интернационала", в которой Ленин в таком соотношении оценивает итоги послеоктябрьского трехлетия:

"Велики военные победы Советской республики рабочих и крестьян над помещиками и капиталистами, над Юденичами, Колчаками, Деникиными, белыми поляками, их пособниками -- Францией, Англией, Америкой, Японией. Но еще более велика наша победа над умами и сердцами рабочих, трудящихся, угнетенных капиталом масс, победа коммунистических идей и коммунистических организаций во всем мире". (ПСС, т.41, стр.276)

Сентябрь – политический отчет ЦК РКП(б) на IX Всероссийской конференции партии: "Последствием нашего пребывания под Варшавой было могущественное воздействие на революционное движение Европы, особенно Англии. Если мы не сумели добраться до промышленного пролетариата Польши (и в этом одна из главных причин нашего поражения), который за Вислой и в Варшаве, то мы добрались до английского пролетариата и подняли его движение на небывалую высоту, на совершенно новую ступень революции". (ПСС, т.41, стр.282-283).

Мы привели три страницы выдержек из Ленина, чтобы воскресить в памяти читателя ныне забытое (и подвергаемое забвению!) чувство органической связанности с мировой революцией, соучастия в мировой революции и прямой ответственности не только за революцию в России, но за мировую революцию, – чувство, которое определяло ту внутреннюю, психологическую атмосферу, в которой двигались помыслы, самоутверждение, гордость, энтузиазм и героизм большевиков ленинского времени.

Но для Сталина все это было чужое, извне привнесенное,

несущественное и ненадежное. Он жил в иной психологической атмосфере, в стороне от перипетий и от самой проблемы мировой революции. Мировая революция была для него западнической книжностью, умствованием литераторов, выросших вдали от России в эмиграции, да агитационным подспорьем для взбадривания и утешения малосознательных и легковверных народных масс России, совершающих свою, российскую, революцию, — но не была тем делом, которое он делал.

Нас здесь не интересует Сталин как личность и то, как и почему эта личность и ее дореволюционная биография привели Сталина в ряды *внутренне чуждой ему ленинской* революции. Здесь нас интересуют лишь факты, свидетельствующие о том, как Сталин понимал и ощущал место русской революции, в мировой социалистической революции, когда работал бок о бок с Лениным. Вот некоторые из этих фактов.

За те самые месяцы 1920 года, к которым относятся приведенные нами (а это далеко не все!) высказывания Ленина, Сталин лишь дважды выступил на темы, не только предоставлявшие ему повод и возможность, но прямо требовавшие от него хотя бы коснуться мировой революции и места нашей революции в ней. Один раз это было 50-летие Ленина, второй раз — военное нападение белополяков на Советскую Россию, организованное и поддержанное Антантой. В первом случае Сталин не считал нужным хотя бы упомянуть о роли Ленина в мировом коммунистическом движении (см. сочинения Сталина, т. IV, стр. 305-318), и это, может быть, лучше другого показывает, что Сталин не понимал и не принимал существо революционности Ленина. Во втором случае, в статье в "Правде", он написал о "шумихе" и "широковещательных статьях английской прессы против интервенции", имеющих целью прикрыть участие Англии в ней, но ни единым словом не обмолвился о небывалой волне сочувствия и прямой поддержки Советской России (там же, стр. 319-322) (ведь были же отказы докеров грузить оружие для Польши, и протесты комитетов фабрично-заводских старост были!), поднявшийся в широких массах английских рабочих и вынудившей даже тред-юнионист-

ских главарей послать к нам дружественную делегацию. Мысли Сталина были далеки от того, что в этих массовых выступлениях английских пролетариев открылось Ленину: что они подводят к образованию коммунистической партии в Англии и к поднятию английского пролетариата "на совершенно новую ступень революции". (ПСС, т.41, стр. 283) (5).

Читатель может задать вопрос: а характерно ли сопоставление Сталина с Лениным за одно полугодие 1920 г. для всего пятилетия 1918-1922 гг.? Отвечаем: Полугодовым периодом мы ограничились лишь ради того, чтобы можно было провести сопоставление, не перегружая изложение цитатами из Ленина, а любые другие полгода показали бы то же самое. Такова картина на протяжении всего пятилетия, когда во главе Советской страны стоял Ленин. На протяжении всего периода 1918-1922 гг. у Сталина начисто отсутствует реальный, деятельный интерес к мировой революции — дела и пути русской революции не связываются в его сознании с делами и путями мировой революции. В проблемах и заботах Коминтерна он не принимает никакого участия (6); он отстраняется от них, как от чего-то нереального, надуманного, доктринерского и для развития и формирования нашей революции малозначащего. Не случайно Сталин не принимал участия в работах Конгрессов Коминтерна и даже на IV Конгрессе, в ноябре 1922 года, хотя он уже был генсеком русской партии, не был даже избран в президиум (от России в президиум вошли Ленин и Троцкий, да Зиновьев как Председатель Конгресса). Не случайно также и, конечно, не из-за незнания европейских языков Сталин единственный из ленинского состава Политбюро не участвовал в органе Исполкома Коминтерна журнале "Коммунистический Интернационал" и даже не значился в длинном списке его сотрудников. На протяжении пяти лет Сталин в своих публичных выступлениях только три-четыре раза, и то в юбилейном порядке, упоминает о Коминтерне и западных компартиях, и то как о "союзниках России" ("Сочинения", т.1У, стр.243-44, 379, 386 и 392), да *четыре* раза коротко и в подчеркнуто обяза-

тельных выражениях излагает официальную партийную формулу об Октябре, как о начале мировой революции, о курсе на пролетарскую революцию в Европе и на освобождение колониального востока и о расколе на два лагеря при этом два раза скороговоркой *повторяя* широко известные, лозунгом эпохи ставшие слова из Ленинской работы 1919 года "Пролетарская революция и ренегат Каутский": "Провести максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах" (т. IV, стр. 164-6, 279 и т. V, стр. 105-6). Вот буквально *все*, чем за первые пять лет революции Сталин проявил себя в вопросах мирового коммунистического движения.

б) Потенции революции и факты революции: два примера

1. — В качестве первого примера рассмотрим позицию и поведение Сталина в войне с Польшей летом 1920 года; в настоящее время уже выпущен из архивных тайников и опубликован какой-то минимум материалов, делающий возможным такое рассмотрение (7).

Ленин всячески, далеко идущими уступками, старался избежать войны. Но когда это не удалось и панская Польша, подхлестываемая и снаряженная Антантой, навязала нам войну и напала на нас, Красная Армия, сломив это нападение, перешла в победоносное наступление, Ленин (как документами показано ниже) увидел в этом возможность попытаться поднять на революцию польских рабочих и крестьян, а, может быть, через революционную Польшу прорваться и к Германии, бурлившей социальными битвами, и помочь этому бурлению разрастись в социальную революцию. Упустить *такой* "поход на Варшаву" Ленин считал непозволительным для революционера, даже если это сопряжено с тяготами, жертвами и риском для первой страны социализма. Но Сталину была чужда ориентация Ленина на мировую революцию, и он был против похода на Варшаву. Но этого мало. Сталин стал на путь саботирования, а затем и подрыва этого похода. С самого начала войны он уклонялся от указаний

Главкома о координировании действий порученного ему Юго-Западного фронта с Западным фронтом и увел свои армии на выполнение второстепенной задачи, на засосавшие их безуспешные бои за Львов. А потом, в решающие дни августа 1920 года, сорвал битву за Варшаву, сперва затягивая, а потом и прямо отказавшись выполнить решение Пленума ЦК партии и оперативный приказ Главкома о передаче трех армий (1-ой Конной, 12-ой и 14-ой) в распоряжение командующего Западным фронтом Тухачевского. Естественно, что после вызова Сталина в Москву, Политбюро, с участием Ленина, сняло его с должности члена Реввоенсовета Юго-Западного фронта.

Конечно, сталинская так называемая "военно-историческая наука" десятилетиями в поте лица трудилась, чтобы скрыть преступные действия Сталина в польской кампании 1920 г. и переложить вину за неудачу "похода на Варшаву" на Главкома, на Тухачевского и уж обязательно на универсального жупела Троцкого. А сам Сталин постарался увековечить эти труды, уничтожив в 1937-1938г.г. участников и свидетелей польской кампании. Но ныне, когда многое стало известно естественно задать себе вопрос: Чем же объясняется, что в своем своеволии и спесивости, в своей партийной и военной недисциплинированности, в своем неподчинении высшим военным органам Сталин не остановился перед фактическим предательством дела революции? Одни находят объяснение в непомерном (но мелком!) честолюбии Сталина, и его готовности пренебречь интересом революции и народа, если ему кажется, что так он приукрасит свое имя или усилит свое положение (8). Другие указывают на злобную ревность Сталина к Троцкому и на уже тогда зарождавшуюся ревность к Тухачевскому. Правы, повидимому, и те и другие. Но нам представляется, что здесь действовали не только психологические причины личного свойства. Корни лежали глубже. Главной (и может быть, даже не подспудной, а вполне осознанной!) была причина идейно-политическая: дело мировой революции, которому своим поведением Сталин наносил удар, которое он, попросту говоря, предавал, было вне его идейного и политического мира, вне мира его забот,

тревог, перспектив. Оно было ему безразлично, чуждо, а то и обременительно. Для Ленина же польская кампания была с самого ее начала и до конца делом мировой революции.

В напутственной речи к красноармейцам, отправляющимся на польский фронт, 5 мая 1920 года, Ленин говорил: "Помните, товарищи, что с польскими крестьянами и рабочими у нас нет ссор, мы польскую независимость и польскую народную республику признавали и признаем. Мы предлагали Польше мир на условии неприкосновенности ее границ, хотя эти границы простирались гораздо дальше, чем чисто-польское население... Мы сумели победить помещиков и капиталистов своих, — мы победим помещиков и капиталистов польских... Да здравствуют крестьяне и рабочие свободной независимой польской республики!" (ПСС, т.41, стр. 110). И 13 мая, в речи на широкой рабоче-крестьянской конференции в Рогожско-Симоновском районе, подчеркивал: "Русское рабоче-крестьянское правительство делало Польше громадные уступки, желая этим доказать польскому народу, что оно окончательно порвало с политикой царизма по отношению к малым государствам" (ПСС, т.41, стр. 120).

А вот несколько выдержек из писем и телеграмм Ленина в месяцы советско-польской войны. В первых числах *мая*, в самом начале войны: В статьях о Польше и польской войне: "не пересаливать, то есть не впадать в шовинизм, всегда выделять панов и капиталистов от рабочих и крестьян Польши" (Письмо в Секретариат ЦК РКП /6/ — ПСС, т.51, стр.193). В начале *июля*: "Приняты ли меры к *немедленному* (!) созданию в освобождаемых местах Советской власти..., изгнанию помещиков, раздаче части их земель крестьянской бедноте, остальной — Советам батраков?" (Записка Курскому. — Там же, стр.231). 3 *августа*: "Необходимо принять все меры к распространению в Польше манифеста Польского ревкома самым широким образом. Использовать для этого нашу авиацию. О сделанном вами сообщите." (Шифром по прямому проводу Смилге и Тухачевскому. — Там же, стр.248). 9 *августа*: "Необходимы и крайне спешно подробности о настроении батраков и варшавских рабочих, равно о политических

перспективах вообще. Очень прошу ответить по возможности сегодня же.” (Шифром Смильге, Дзержинскому и Мархлевскому. — Там же стр.252). 19 августа: ”Необходимо налечь изо всех сил, чтобы белорусские рабочие и крестьяне хотя бы в лаптях и купальных костюмах, но с немедленной и революционной быстротой дали вам пополнение в тройном и четверном количестве. Затем удесятерить агитацию с аэропланов для польских рабочих и крестьян, что их капиталисты срывают мир и осуждают их на бесцельное кровопролитие”. (Телеграмма Смильге. — Там же, стр.263-64). В тот же день: ”Сообщите подробнее, что делаете для того, чтобы поднять галицийских крестьян... Беспощадно громите панов и кулаков, чтобы батраки, а равно масса крестьян, почувствовали крутую перемену в их пользу. Агитируете ли с аэропланов? (Телеграмма Затонскому. — Там же, стр.264-265). 20 августа (когда Ленин уже пришел к выводу, что ”Варшаву едва ли возьмем” — телеграмма Каменеву шифром, там же стр. 266): ”Если в Седлецкой губернии малоземельные крестьяне начали захватывать поместья, то абсолютно необходимо издать особое постановление Польского ревкома, дабы обязательно дать часть помещичьих земель крестьянам и во что бы то ни стало помирить крестьян малоземельных с батраками. Прошу ответа.” (Телеграмма Радеку, Дзержинскому и всем членам Польского ЦК. — Там же, стр.266).

В 1972 году были, наконец, опубликованы протоколы девятой партконференции, происходившей в сентябре 1920 года тут же после нашего военного поражения под Варшавой и снятия Сталина с руководства Юго-западным фронтом. Естественно, что поражение было предметом острого политического (но, конечно, не военно-стратегического) обсуждения на конференции. Позицию Ленина и ЦК изложил Каменев, делавший доклад о международном положении. Вот как он резюмировал ее в заключительном слове: ”В продолжение двух с половиной лет Советская Россия была осажденной крепостью, на которую ее враги нападали приступом. Высадки в Архангельске, Одессе и др. были попытками взять приступом осажденную Колчаком и Юденичем Советскую Россию. Наше наступление на Польшу было первой вы-

лазкой осажденного гарнизона. Тут мы в первый раз в продолжение трехлетней войны устроили сознательное выступление, отвергнув по решению ЦК предложение Керзона. Мы сказали, что мы достаточно сильны для того, чтобы устроить вылазку на соединение с армией европейских пролетариев. Где же могла быть такая вылазка произведена? Пушечными выстрелами под Екатеринодаром мы, конечно, не могли расшевелить английских и французских рабочих. Прямая дорога на соединение с западным пролетариатом идет только через Польшу. Не потому мы идем туда, что польский пролетариат наиболее подготовлен к социалистической революции, а потому, что дороги к западноевропейскому и германскому пролетариату нет другой, кроме как через Польшу. Вот почему ЦК, говоря о советизации Польши, на самом деле говорил, что это есть первая такая попытка проложить дорогу к средневропейской системе государств и поднять там революцию. Это была вылазка на соединение с пролетарскими армиями... Теперь говорят: надо было подождать. Спорить бесполезно. Легко сказать. Истории не предоставляется возможность делать удары тогда, когда мы рассчитываем на успех. Первая вылазка гарнизона социалистической крепости окончилась неудачей.” (9)

Сам Ленин в Политическом отчете ЦК сосредоточил внимание на положительных социально-политических последствиях пребывания Красной Армии под Варшавой — на уходе буржуазных мелких стран (Эстонии, Грузии и др.) от опеки Антанты, на антиверсальском бурлении в Германии, на активизации движения английских рабочих в поддержку Советской России, оказывающей “могущественное воздействие на рабочее мировое движение Франции” (ПСС, т.41, стр.281-83). В широко развернувшихся прениях почти все ораторы, как выступавшие в защиту наступательной стратегии ЦК, так и осуждавшие ее, “рассуждали с точки зрения международной революции” (выражение Бухарина), Сталина же эта проблематика не занимала. Объявив “основным вопросом” - “вопрос о неизбежности наступления в той обстановке, которую переживала наша страна в середине августа текущего года”, он свое выступление на девятой кон-

ференции посвятил попытке оправдать свое военное своеволие на Юго-западном фронте и нападкам на Главное командование и Троцкого. (10) (Об этом у нас речь будет ниже, в главе о военной политике пролетарской революции).

Но меньше чем через три года, на XII партсъезде, в отсутствие Ленина и зная, что Ленину уже не доведется ответить ему, Сталин так говорил о походе на Варшаву (конечно, не упоминая, что был против этого похода): "Мы вынуждены были в интересах обороны власти рабочего класса пойти на Варшаву", и представил наш поход на Варшаву как нарушение "права народов на самоопределение" (в данном случае — польского народа) — права, которое должно отступить перед "другим, высшим правом, — правом рабочего класса, пришедшего к власти, на укрепление своей власти". (11) Присваивая себе роль партийного законодателя по национальному вопросу, Сталин в 1923 году придумал опорочить ленинскую ориентацию на мировую социалистическую революцию, выдавая ее за покушение на основной принцип национальной политики революционного социализма.

Итак, для Ленина война Советской России с Польшей (считая и оборону белорусских, украинских, литовских земель от польского нападения) была войной мировой социалистической революции против западно-европейского капитализма, для Сталина же это было нарушением права польского народа на самоопределение ради осуществления "высшего права" — права рабочего класса России на "укрепление своей власти".

2. — Для рассмотрения второго примера мы не располагаем опубликованными в Советском Союзе материалами; этот случай по сей день скрывается чиновниками от исторической науки, коим поручено охранять незапятнанность роли Сталина и истории партии. Но для нашей здесь задачи достаточно одного документа, в свое время опубликованного одним из руководителей германской компартии Тальгеймером, подлинность и точность которого Сталин никогда не оспаривал. Этот документ — первое (насколько нам известно) со времени брестской дискуссии, т.е. почти за шесть лет, прямое вмешательство Сталина в обсуждение вопросов

мировой революции — относится к стремительному нарастанию революционной ситуации в Германии летом (и осенью) 1923 года и представляет собой оценку этой ситуации и предложение тактики для нашей и для немецкой партий. В это время Ленин был уже безнадежно болен и не участвовал в руководстве революцией, и Сталин счел возможным выступить в духе своей, Лениным осужденной, концепции, противопоставляющей "потенции" революции "фактам" революции. Документ этот — письмо, адресованное Зиновьеву и Бухарину в августе 1923 года. В нем Сталин предостерегал Политбюро от поощрения немецких коммунистов на наступательные революционные действия. У них нет того, что имели мы в Октябре, — народа, который жаждет мира, и крестьянства, которое жаждет земли, — аргументировал он, сбрасывая со счетов, что в Германии в глазах народа буржуазное руководство, приведшее страну к экономическому развалу, политической неразберихе и национальному унижению, до предела дискредитировано, и что в стране есть мощный рабочий класс, который можно и должно мобилизовать и поднять на социалистическую революцию. Что же касается поддержки со стороны Советского Союза, то он ее и не думает пускать в ход: "Что можем мы дать им в данный момент?" — риторически вопрошает он, пугая и охлаждая революционные головы пролетариата. И его заключение гласило: "Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском. Это в "лучшем случае". А в худшем случае — их разобьют вдребезги и отбросят назад... Конечно, фашисты не дремлют, но нам выгоднее, чтобы фашисты первые напали: это сплотит весь рабочий класс вокруг коммунистов (Германия — не Болгария). Кроме того, фашисты по всем данным слабы в Германии. По-моему, немцев надо удержать, а не поощрять .

Об этом письме Сталина напомнил Зиновьев в августе 1927г. на "Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б)", на котором репетировалось его (Зиновьева) исключение из партии (он был исключен заблаговременно в ноябре 1927г., чтобы не допустить его до XV партсъезда, назначенного на декабрь). Мы не располагаем "Бюллетенями" пленума, а

значит ни текстом речи Зиновьева, ни подлинным текстом ответа Сталина на эту речь.

Но и тот текст этого ответа, который мы имеем в его сочинениях”(12), (а мы уже видели и еще не раз увидим, как такие сталинские недоступные разоблачениям, препарирования текстов искажают оригинал!), не находится в противоречии с источником, по которому мы цитируем письмо(13), а лишь срезает острые углы, затемняет и смазывает вопрос. ”Я не помню истории этого письма. Копии этого письма я не имею и не могу поэтому с уверенностью сказать, что Зиновьев цитировал его правильно” — читаем мы в 10-ом томе ”Сочинений” Сталина. Это Сталин-то запомнил свое ответственнойшее политическое письмо всего лишь четырехлетней давности и даже не оставил себе копии!.. И дальше, после этого развязного вступления, мы узнаем, что именно Сталин выдвигает в обоснование своего требования ”удержать немцев”: в Германии спустя почти четыре года после свержения монархии нет советов — поэтому (утверждает Сталин) следует сначала создать там Советы и лишь потом рекомендовать немецким коммунистам повести рабочий класс на свержение власти буржуазии. И мы узнаем также, что такую позицию Сталин противопоставлял Зиновьеву, Троцкому и Радеку, которые, исходя из того, что обстановка не позволяет откладывать социалистическую революцию в Германии до тех времен, когда в капиталистической Германии смогут быть созданы Советы рабочих депутатов и эти Советы будут иметь коммунистическое большинство и завоюют решающее место в политической жизни страны, предлагали ориентировать немецкую компартию и немецкий рабочий класс на революционное взятие власти фабзавкомами. (14)

Нельзя не сопоставить это с, во многом аналогичной, ситуацией в России на пути к Октябрю. После июльских дней 1917 года, когда мирный период нашей революции пришел к концу, Советы, в которых преобладали с.-ры и меньшевики, показали себя неспособными дать отпор буржуазной контрреволюции, перешедшей в наступление, и встала задача подготовки вооруженного восстания, Ленин отказался от призыва к взятию власти Советов как формы диктатуры

пролетариата, Ленин был далек от фетишизирования Советов как орудия взятия власти пролетариатом и беднейшим крестьянством и не видел в Советах обязательное, единственно-возможное для этого орудие. Свою новую тактику Ленин изложил в тезисах к VI съезду партии, написанных им 10 июля под названием "Новейшее политическое положение". Ленин и Зиновьев скрывались в подполье, Троцкий был под арестом, и на экстренной столичной партконференции, собравшейся 16-17 июля и долженствовавшей как бы прорепетировать партсъезд, с политическим докладом выступил Сталин. И вот, Сталин воспользовался своим докладом, чтобы *провалить* тактическое предложение Ленина. Но Ленин был начеку, он немедленно направил партии и ее съезду повторное, более подробное и полемическое послание -- знаменитую статью "К лозунгам" -- и этим обеспечил принятие VI съездом его, Ленина, линии. (15). Что же касается Сталина, то после статьи Ленина он не решился выступать против этой линии. И на съезде, как ни в чем не бывало, ни словом не упоминая, что за несколько недель до этого оспаривал ее, он говорил: "Советы являются наиболее целесообразной формой организации борьбы рабочего класса за власть, но Советы не единственный тип революционной организации. Это форма чисто русская. За границей мы видели в этой роли муниципалитеты, во время Великой французской революции, Центральный комитет национальной гвардии во время Коммуны. Да и у нас бродила мысль о революционном комитете. Быть может рабочая секция является наиболее приспособленной формой для борьбы за власть. Но надо ясно дать себе отчет, что не вопрос о форме организации явится решающим. На самом деле решающим является вопрос, созрел ли рабочий класс для диктатуры, а все остальное приложится, будет создано творчеством революции". (16)

Казалось бы Сталин отказался от своего фетишизирования Советов, как единственно-возможного, обязательного орудия для взятия власти рабочим классом, и принял позицию Ленина. Но нет, -- когда спустя шесть лет исторически назрела и перед коммунистами встала задача определить

путь осуществления социалистической революции в Германии, Сталин полностью воскресил борьбу, которую он в июле 1917 года вел против Ленина. Категорически (и при этом злобно!) ополчился он на тех большевиков, кто предлагал не требовать от немецких коммунистов, чтобы они отказались от революционного восстания пока в буржуазной Германии не сложатся, не станут коммунистическими и не будут решающим политическим фактором именно Советы рабочих депутатов. Теперь, как и в 1917 году, Сталин делал это, пользуясь отсутствием Ленина. Но дело, конечно, не только в этом и не в желании (характерном для него, как читатель это еще не раз на других примерах увидит в ходе нашего очерка) взять реванш за свое вынужденное отступление на VI партсъезде в 1917 году. Дело не только и не столько в этом, а прежде всего и главным образом в том, что в 1923 году такая позиция в вопросе германской революции естественно диктовалась Сталину его отношением к общему вопросу о месте русской революции в революции мировой. В конкретном виде встал вопрос о долгожданном выходе мировой революции за пределы России. Но в такое расширение революции Сталин не верил. Да и желал ли он его? Скорее, он опасался этого расширения — как осложнения и обузы для русской революции. А зная теперь *человеческие* качества Сталина, позволительно подозревать, что он просто боялся распространения социалистической революции на новую мощную и влиятельную страну, а там, того и гляди, на другие еще страны, которых он не знал, которыми он никогда не интересовался и которые его (в отличие, например, от Зиновьева, Троцкого, Радека...) не знали. Не боялся ли он, как бы эта мировая революция, из лозунга и мечты не став действительностью — все определяющей и все поглощающей действительностью, — не отодвинула его на задний план, не оборвала его, давно задуманное и столь многообещающе начавшееся, восхождение к единоличной власти?.. Так уже в 1923 году обернулось противопоставление "потенций" революции ее "фактам", с которыми Сталин выступил через 2 1/2 месяца после Октября. А ссылка на отсутствие Советов в Германии была всего лишь предлогом для

дискредитации идеи о зрелости Германии для социалистической революции, о наличии в Германии непосредственно-революционной ситуации. Предлогом, который в 1927 году можно было выдавать членам ЦК за аргументацию тем спокойнее и увереннее, что уличать Сталина в отходе от Ленина и что еще страшнее, уличать его в том, что в прошлом он же, Сталин, сам фактически признал ошибочность этого отхода, было в это время (повторяем: шел 1927 год!) уже делом небезопасным.

Здесь не место анализировать объективные и субъективные причины немецкого поражения 1923 года и упущенные возможности стремительно назревавшей социалистической революции. Но нельзя не сопоставить демобилизующее и пораженческое письмо Сталина 1923 года хотя бы только с предоктябрьской работой Ленина "Грозящая катастрофа и как с ней бороться", не противопоставлявшей "потенции" революции ее "фактам", не пугавшей рабочий класс России трудностями и опасностями революции, не каркавшей большевикам, что восстание приведет к их истреблению, а напротив, страстно и вместе с тем с расчетом звавшей их на революционный штурм капитализма.

в) Задержка мировой революции и русская революция

Поражения и отступления послевоенных революционных движений европейского пролетариата вызвали уже при жизни Ленина задержку мировой революции. Но эта задержка не изменила стратегической ориентации большевистской партии России на мировую революцию. Задержка была воспринята и понята как замедление в развитии мировой революции в силу тех или иных в той или иной стране объективных и субъективных причин – замедление не обязательное и не слишком длительное. Но было ясно, что задержка мировой революции увеличила опасность реставрации капитализма в России, как в первой и одиноко в капиталистическом окружении стоящей, экономически и культурно отсталой стране, а введение НЭПа сделало эту опасность более

глубокой и грозной, ее формы более сложными и скрытыми и условия борьбы с ней особенно трудными. (17)

Конечно, по своей сути и по своей исторической необходимости НЭП не был ответом на замедление в развитии пролетарской революции в Европе (18), но это замедление поставило во весь рост перед нашей страной, совершившей революцию и на развалинах капитализма строящей социалистическое общество, задачу не допустить победу тенденций к реставрации капитализма, тормозить и погашать эти тенденции, неизбежно возникающие и в силу НЭПом допущенного и вызванного оживления элементов капиталистической экономики внутри страны, и в силу проникновения и давления буржуазных влияний, идущих при НЭПе извне, от капиталистического окружения. На этапе НЭПа реставрация капитализма в нашей стране могла бы наступить, если бы не удалось предотвратить перерождение самого советского социального строя — предотвратить "термидор", как тогда было принято у нас говорить, вызывая к аналогии с историей Великой французской революции. Уже в мае 1921 года, в период первых подступов к НЭПу, Ленин задумывается над этим, учитывает это: "Термидор? Трезво, *может быть*, да? Будет? Увидим. Не хвались, едучи на рать" — читаем мы в одном из ленинских планов доклада о продналоге на X Всероссийской партконференции. (ПСС, т.43, стр.403. — NB : В четвертое, сталинское, издание "Сочинений" Ленина этот план не был включен; больше того, в детальнейшем предметном указателе к этому изданию, составившем отдельную книгу в 670 двухстолбцовых страниц, мы не находим самого слова "термидор"!).

А через год, в марте 1922г., в Политотчете ЦК XI партсъезду — в последнем своем съездовском отчете — Ленин разъяснил: "Такие вещи, о которых говорит Устрялов (19), возможны, надо сказать прямо. История знает превращения всяких сортов: полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое

число людей не подходит к ним, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо... Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит. Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежным... Это — основная и действительная опасность. И поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание: действительно, чья возьмет?" (ПСС, т.45, стр.94).

Вся эта проблематика стояла вне поля зрения Сталина. Ни в 1920, ни в 1921, ни в 1922гг. он просто не участвовал в "поисках экономической политики" (20) взамен изживавшего себя военного коммунизма. Он не проявлял интереса и не имел касательства ни к проблемам и заботам, приведшим к идее перехода от военного коммунизма к НЭПу, ни к формированию этой идеи, ни к ее осуществлению — ни на одном из последовательных этапов ее осуществления, ни к заботам и проблемам, связанным с этим осуществлением (21). Может показаться невероятным, но это *факт*: в выступлениях 1921-1922г.г. одного из членов руководящей группы партии (эти выступления собраны в 5-ом томе его "Сочинений") только один раз нашлось место для разговора по центральной теме того периода революции — по теме перехода к нэпу и самого нэпа (22). Ленинскую новую экономическую политику приняла, в конечном счете, вся партия и вся страна, принял и Сталин. Но есть основания считать, что принял он ее и понял по-своему. Во всяком случае, когда проблема *перехода* к НЭПу, была уже позади и автор НЭПа, Ленин, отсутствовал, в апреле 1923 года, на XII партсъезде Сталин в орготчете ЦК разоткровенничался и выболтал, что НЭП он понимает как отказ от "политики наступления на Варшаву" ("нынешний поворот к НЭПу после нашей политики наступления на Варшаву"). Но вопрос о переходе к иной экономической политике был поднят Лениным не раньше, чем через полгода после неудачи Варшавского похода, и ни фактически, ни в большевистской литературе переход к НЭПу никак не связывался с этой неудачей (помимо прочего, между ними лежали Врангель и Кронштадт!). Ясно поэтому, что слова "наша политика наступления на Варшаву" употреблены здесь Сталиным, скрупулезно дотошным в вы-

боре выражений, не в буквальном смысле, а в смысл обобщенном, нарицательном — в смысле ориентации на тенденции мировой революции (и, конечно, демонстративно и не без ехидства: я то, Сталин, и тогда был против этой политики). В это время как для Ленина нэп в России был новой стратегией и новой формой движения мировой революции, Сталин введение нэпа принимал как фактический отказ от этой, ленинской, но ему чуждой, ориентации — как "крутой поворот" к ориетации целиком на внутренние и собственные проблемы русской революции, причем мировую революцию он рассматривал как "резервы" нашего пролетариата "на Востоке и на Западе", которые этот, *наш*, пролетариат "должен подумать" как "усилить, укрепить". ("Двенадцатый съезд РКП (б)... Стенографический отчет". М., 1968, стр.69).

И если требуется *документальное* подтверждение, что таковы были взгляды Сталина по поводу смысла и существа перехода к НЭПу, то вот перед нами одно такое подтверждение. Мы уже знаем, что включая в собрание "Сочинений" свои старые выступления и писания, забытые и ставшие недоступными, Сталин вычеркивал, а то и заменял те места, которые могли дискредитировать его политическое прошлое в глазах нынешнего читателя (не оговаривая, конечно, такие подчистки и подделки!), — с тем, чтобы предстать не таким, каким он был на самом деле, а таким, каким он считал для себя выгодным предстать. В годы его абсолютной власти отношение Сталина к Ленину было двойственным: с одной стороны, он желал отодвинуть Ленина в свою, Сталина, тень; с другой стороны, в послеоктябрьской России он мог держаться у власти и совершать свой отход от Ленина только именем Ленина, изображая себя стопроцентно-непогрешимым ленинцем, никогда и ни в чем не расходившимся с Лениным. Какое же неоговоренное "исправление" Сталин внес в интересующее нас здесь место его организационного отчета XII съезду? Как будто пустяковое — *выкинул слова "на Варшаву"*, так что получилось: "Нынешний поворот к НЭПу после нашей политики наступления" (Сталин — Сочинения, т.У, стр.221). Расчет здесь простой: стенограмма XII партсъезда была изъята и находилась под запретом, а кому

же, читающему "Сочинения" Сталина, могло придти в голову, что в этой фразе в то время когда она была произнесена, содержалось что-либо иное, кроме ленинского объяснения перехода к НЭПу как отступления? Но мы то уже знаем, что здесь перед нами один из тех "пустяков", в которых сосредоточена вся суть отличия сталинской концепции Октября от ленинской. И то, что Сталин счел нужным спустя тридцать лет внести такое "исправление" в текст своего отчета партсъезду, достаточно красноречиво подтверждает факт этого принципиального отличия. "Исправление" должно было скрыть, что когда вводился НЭП Сталин понимал это как отказ от ленинской ориентации на мировую революцию.

* * *

Замедление мировой социалистической революции, с полной определенностью выявившееся ко времени смерти Ленина (23), подвело путь русской революции к решающей развилке:

— Вести ли социалистическое строительство в нашей стране *продолжая* и теперь, после выявившегося замедления мировой революции, *ориентироваться* на нее, на ее интересы? Следовательно, искать ли все более совершенные формы и способы для строительства социализма и предотвращения капиталистической реставрации в нашей стране, сообразуясь и дальше в первую очередь с ходом мировой социалистической революции — с новыми обстоятельствами и видоизменяющимися задачами поддержания и форсирования развития мировой революции?

— Или же *переориентировать* социалистическое строительство в нашей стране с перспектив мировой революции, отодвинувшейся на неопределенное время, и искать формы и методы для этого строительства и для предотвращения капиталистической реставрации, не считаясь с ходом, перспективами и интересами развития мировой революции, а руководствуясь интересами, возможностями и традициями нашей страны?

Первый путь — это продолжение и развитие линии, кото-

рую выработал и которой до конца своих дней следовал Ленин, линии Октябрьской социалистической революции, линии партии, у которой (как сказал Ленин) "в программе речь идет о социальной революции в мировом масштабе". Второй путь — это линия, к которой уже при Ленине, и с первых шагов революции, тяготел и тянул Сталин, временами порываясь противопоставить ее ленинской, но каждый раз (пока был жив Ленин) отступаясь, будучи не в состоянии ни оформить, ни предложить ее в качестве программы, ни привлечь к ней достаточно влиятельных сторонников. Это линия, отворачивающаяся от "потенций" (как пренебрежительно выразился Сталин) мировой революции, и следовательно, чуждая ленинскому пониманию исторического смысла и исторического места русской революции, несовместимая с ленинской стратегией этой революции, линия отхода от замысла и программы Октября.

Словом, в вопросе о месте русской революции в мировой социалистической революции противостояние и скрытая борьба между ленинизмом и тем, что впоследствии оформилось в сталинизм, существовали в нашей революции едва ли не с первых ее месяцев и на протяжении всего ее ленинского пятилетия, и Сталин был носителем зачатков будущего сталинизма уже в те годы, когда он вынужден был двигаться и делать ее дело в ленинской упряжке. Уже в апреле 1917 года Ленин (как мы видели в начале настоящей главы) объяснял своей партии: "На долю российского пролетариата выпала великая честь начать, но он не должен забывать, что его движение и революция составляют лишь часть всемирного революционного пролетарского движения... Только под этим углом зрения мы и можем определить наши задачи." (ПСС, т.31, стр.341). А Сталин в июле 1921 года, когда победоносная российская социалистическая революция вдохновляла и учила силы социалистической революции в Европе, набрасывая план программной брошюры "О политической стратегии и тактике русских коммунистов", так определял отношение русской революции к мировой революции: "Задача развязывания революции на Западе

для того, чтобы облегчить себе, т.е. России, доведение до конца своей революции.”(24)

Октябрьская революция 1917 года *отождествила* интересы и судьбы русского народа и российского государства и — через это и в силу этого — с интересами и судьбами мировой социалистической революции. Но понимание этого отождествления было принципиально противоположным у Ленина и у Сталина. *Принцип Ленина*: ”то, что требуется (или пригодно) для развития мирового социализма, уже тем самым требуется (пригодно) для развития России, а то, что препятствует развитию социализма в мировом масштабе, препятствует развитию России”. *Принцип Сталина*: ”то, что требуется (пригодно) для развития России, уже тем самым требуется (пригодно) для развития мирового социализма, а то, что препятствует развитию России, препятствует развитию социализма в мировом масштабе”. Эти принципы скрыто или полускрыто противостояли один другому с первых шагов Октября — еще до того, как определилась задержка мировой революции и независимо от этой задержки. Но с приходом Сталина к власти очень скоро начинается сдвиг от господства первого к господству второго принципа в практической политике и в общественной идеологии Советского Союза — сдвиг, которому принадлежит определяющая роль в генезисе и формировании общества сталинского ”полного социализма”. Можно ли этот *сдвиг*, переменивший на противоположное то место, которое русская революция *фактически* занимала в мировой революции при Ленине, приписать задержке мировой революции и ситуации, в какую эта задержка поставила русскую революцию? Это всячески силятся делать историки, ищущие объективного оправдания извращению Сталиным ленинской ориентации русской революции на мировую социалистическую революцию. Но вопрос этот выводит нас за хронологические рамки нашей темы, и наш ответ на него мы выносим в приложения к настоящему очерку (См. ”Приложение 1-ое: О так наз. реализме сталинского отношения к мировой революции и об ответственности сталинизма за ее задержку”).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) "Год без Ильича" в кн.: Л. Каменев — "Статьи и речи. 1905-25". Т. I. Л.-д, 1925, с. 11-12. — И в исторической "Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа", написанной Лениным, утвержденной III Съездом Советов в январе 1918 г. и включенной в качестве 1 раздела в "Конституцию РСФСР" 1918 года, "основная задача" Российской республики Советов определяется в плане всего человечества: "Установление социалистической организации общества и победа социализма во всех странах" (ПСС, т. 35, стр. 221).

2) Этот эпизод настолько существенен и выразителен, что получил характерную и неизбежную для сталинского времени библиографию. Текст выступления Ленина напечатан в ПСС по рукописному экземпляру протокольной записи заседания ЦК. Впервые он был опубликован уже в 1922 г., т.е. при Ленине, в XV томе первого издания его "Собрания сочинений", стр. 623, и был воспроизведен во 2-ом (и 3-м) издании, т. XX II, стр. 202, но в 4-ое, сталинское, издание сочинений Ленина речь Ленина, содержащая отмежевание от Сталина, не была включена. Что же касается выступления Сталина, которое вызвало отпор со стороны Ленина, то оно впервые было опубликовано в 1929 году в книге "Протоколы ЦК РСДРП Август 1917 — февраль 1918", стр. 204, и перепечатано в примечаниях ко 2-му (и 3-му) изданию Сочинений Ленина, т. XX II, стр. 600. Но составляя собрание своих "Сочинений", Сталин, когда прошло уже больше тридцати лет, переиначил текст своего выступления, значащийся в Протоколе ЦК, рассчитывая запутать этим вопрос и представить ленинскую критику его изменнической формулы придижкой или недоразумением. Вот как выглядит фраза Сталина после ее переделки в 4-ом томе его "Сочинений": "Революционного движения на Западе нет, нет и наличия фактов революционного движения, а есть только потенция, ну, а мы не можем полагаться в своей практике на одну лишь потенцию" (стр. 27). При этом указывается, что выступление перепечатано из книги: "Протоколы ЦК РСДРП. Август 1917 — февраль 1918", но, конечно, ни слова не говорится, что при перепечатке проделаны изменения...

3) Несколько раньше, 25 декабря 1918 г., после германской и австрийской революций оглядываясь на обстановку Брестского мира, Ленин говорил: "Если рассматривать события того времени в смысле положения России, то более губительных условий нельзя и представить... Но... те, которые рассматривали события с точки зрения влияния их на развитие мировой революции, оказались единственно правыми" ("Речь на Всероссийском съезде Совнархозов". ПСС, т. 37, стр. 395).

4) Напомним здесь, что еще до Октября, в ноябре 1915 года, Ленин определил задачу российского пролетариата как "борьбу за социалистическую революцию Европы в союзе с ее пролетариатом", а конкретно в России как "совершение социалистической революции в союзе с пролетариями Европы" ("О двух линиях революции". — ПСС, т. 27, стр. 79, 81). А когда в Цюрих пришли официальные телеграммы о революции в Петрограде, Ленин пишет Коллонтай в Норвегию: "По-прежнему революционная пропаганда, агитация и борьба с целью международной революции" (ПСС, т. 49, стр. 400). И свое "Прощальное письмо к швейцарским рабочим" 8 апреля нов. ст. (26 марта ст.ст.) 1917 г. заканчивает словами: "Да здравствует начинающаяся пролетарская революция в Европе!" (ПСС, т. 31, стр. 94).

5) Трудящиеся Петрограда и Москвы оказали горячий прием делегации, и как раз в день опубликования статьи Сталина (26 мая) она дружески встретила с Лениным. После этой встречи глава делегации Бен Тернер направил Ленину письмо, которое заканчивал словами: "Ваша решительная и научно обоснованная попытка создать рабочую республику является чудесным примером для всех. Я уверен, что вы добьетесь успеха в этом. От всего сердца желаю вам добиться успеха в создании нового, социалистического государства". Некоторые сведения об этой делегации см. в примечаниях к ПСС Ленина, т. 41, стр. 503-4. Не характерно ли, что письмо английской делегации было у нас опубликовано только после смерти Сталина?

6) Вот совершенно анекдотический, но, конечно, характерный случай, который произошел намного позднее описываемого нами времени. На завтра после смерти Фрунзе, 1 ноября 1925 года, орган французской коммунистической партии "Юманите" поместил на первой полосе, на самом видном месте, некролог и к нему фотографию... Сталина! До такой степени Сталина не знали даже в ведущих коминтерновских кругах — даже тогда, когда он уже год фактически управлял

русской компартией, в канун XIV съезда РКП(б), поднявшего Сталина на положение идейно-политического главы и законодателя русской партии.

7) Об этом подробно см. ниже, в разделе о военной политике пролетарской революции, где мы (но уже в военном аспекте) возвращаемся к польской кампании 1920 г.

8) Писатель Лев Никулин, например, пишет: "Думается, что он (Сталин) не хотел, чтобы лавры достались кому-то другому. Он стремился тоже сорвать лавры победы, хотя бы взятием Львова. По его мысли, свой успех Западный фронт должен был разделить с Юго-западным". ("Тухачевский. Биографический очерк", Воениздат, М., 1963, стр. 127).

9) "Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г. Протоколы". М. 1972, ст. 70-71.

10) Там же, стр. 60-62.

11) "Двенадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет", М., 1968, стр. 650.

12) И. Сталин — "Сочинения", т. 10, стр. 61-64.

13) Л. Троцкий — "Сталинская школа фальсификации. Поправки и дополнения к литературе эпигонов". Берлин, 1932, стр. 137 — Тальгеймер привел письмо Сталина в книге: A. Thalheimer — "Eine verpasste Revolution", 1923, s. 31.

14) И. Сталин — "Сочинения", т. 10- стр. 61-64.

15) Подробнее мы к этому возвращаемся ниже, в конце 3-го "Приложения".

16) И. Сталин — "Сочинения", т. 3, стр. 178-179.

17) В октябре 1921 г. Ленин так определил этапы, через которые прошли менявшиеся "условия опасности" реставрации капитализма: "Когда решался вопрос о власти Советов, о разгоне учредилки, опасность грозила со стороны политики. Эта опасность оказалась ничтожной. А когда наступила эпоха гражданской войны, поддержанной капиталистами всего мира, явилась опасность военная — она была уже более грозной. Когда же мы изменили свою экономическую политику, опасность стала еще большей... Восстановление капитализма, развитие буржуазии, развитие буржуазных отноше-

ний из области торговли и т.д., — это и есть та опасность, которая свойственна теперешнему нашему экономическому строительству". (Доклад о новой экономической политике на V II Московской губпартконференции. — ПСС, т. 44, стр. 211).

18) Как известно, Ленин никогда не связывал переход нашей страны от военного коммунизма к НЭП'у с задержкой мировой революции. Вместе с тем, он указывал, что, не будь этой задержки, формы НЭП'а были бы иными. См., например, его выступление при обсуждении проекта резолюции по вопросам новой экономической политики на X Всероссийской партконференции 28 мая 1921 г., впервые напечатанное в 1963 г. в ПСС, т. 43, стр. 336.

19) Весь год, предшествовавший съезду, сменовеховец Устрялов говорил о "перерождении тканей революции", о "спуске на тормозах", о "пути термидора", о "перерождении большевизма", о "безнадежности социализма в современной России", о "сумерках революции". Н. Устрялов — "Под знаком революции". Сборник статей 1921-1925 гг. Харбин, Изд. "Русская жизнь", 1925, стр. 6, 20, 23, 24, 44, 54, 82-83 и др.).

20) Выражение Ленина в марте 1922 г. — в планах политотчета ЦК X I-му съезду партии. (ПСС, т. 45, стр. 417).

21) В отличие, например, от ненавистного ему Троцкого, который уже в феврале 1920 г. включился в поиски экономической политики и перед IX съездом партии, вернувшись из полуторамесячной поездки на Урал, внес в ЦК письменное предложение, представлявшее собой, конечно, еще не совершенный, вариант замены продразверстки продналогом. Тогда такое предложение было отклонено (11 голосами против 4), но оно свидетельствует, что проблема уже назревала — та решающего значения проблема, которую Сталин заметил и признал лишь после того, как она была без его участия решена. (См. "Десятый съезд РКП(б)". Март 1921 года. Стенограф. отчет. М. 1963, стр. 349-350).

22) В статье "Перспективы", напечатанной в "Правде" от 18 декабря 1921 г. ("Сочинения", т. V, стр. 123-27). — И несомненно, непричастность и безучастность, пассивность Сталина при введении нэпа была одной из причин той легкости (легкомысленности!), с какой он — спустя неполное десятилетие — приступил к ликвидации НЭП'а и той безрассудной спешки, с какой он в административном раже проделал эту ликвидацию.

23) "Относительная, частичная, временная стабилизация капитализма", как вскоре стали у нас именовать это замедление.

24) И. Сталин — Сочинения, т. 5, стр. 83. — Этот "набросок плана" был впервые опубликован Сталиным лишь четверть века после написания, о чем см. подробнее ниже, в пятой главе настоящего очерка.

2

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Введение социалистических взаимоотношений между нациями, населявшими бывшую Российскую империю, это та область государственного строительства, в которой, по природе дела, самым непосредственным образом должны были сказаться и сказались рассмотренные зародышевые расхождения Сталина с Лениным в вопросе о месте русской революции в мировой революции. И это тем более, что здесь Сталин действовал *ex officio*: он был на посту Народного комиссара по делам национальностей все годы существования этого наркомата — с первых дней Октябрьской революции до его ликвидации в июле 1923 года.

а) От Октября до образования СССР (1).

25 (12) января 1918 г. III Всероссийский съезд Советов принял "Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа", в которой было провозглашено, что "Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик"(2). А через три дня, 28 (15) января, тот же съезд в резолюции о политике СНК по национальному вопросу "выразил глубокое убеждение в том, что дальнейшие

шаги Советской власти в этом направлении будут способствовать превращению бывшей Российской империи, удерживавшей в своих пределах отдельные народности угнетением и насилием, -- в братский союз свободно объединившихся на федеративных началах Советских Республик России". И тогда же съезд принял резолюцию "О федеральных учреждениях Российской Республики" (3).

И когда через полтора месяца на 7-ой съезд партии был вынесен вопрос о подготовке новой партийной программы, Ленин представил черновой набросок программы, в которой *трижды* говорится о принципе федерации ("Закрепить и развить дальше федеративную республику Советов... как единственный тип государства, соответствующий... переходному периоду от капитализма к социализму"...; "Федерация наций, как переход к *сознательному* и более тесному единству трудящихся, научившихся *добровольно* подниматься выше национальной розни"; ... "Освобождение колоний. Федерация как переход к добровольному слиянию" (ПСС, т.36, стр.71,73,76).

Но потребовался ряд лет, чтобы в нашей стране, не имевшей традиций федерализма, программное признание наполнилось содержанием — идейным и реально-правовым. Наполнение это, то есть складывание федерации, шло этапами и притом зигзагообразно; чередовались приближения к принципу федеративности и удаления от него, чередовались и сочетались разнообразные сочетания принципа федеративности, равноправности, независимости и свободы отделения с принципом унитарности, объединенности, союзности, нераздельности. И это было закономерно, потому что, как сказал Ленин все на том же III-ем Съезде Советов, Россия оказалась "огромной страной, разбитой на ряд отдельных государств, состоящей из огромного количества разнородных национальностей и народов" (ПСС, т.35, стр.284). Процессу федерализации приходилось пробивать себе дорогу в невообразимо сложной и запутанной политической обстановке, когда контрреволюционные буржуазные правительства этих "государств", а то и "областей" пользовались лозунгами самоопределения и т.п. для борьбы против революционных

слоев своих народов, против их стремления к единению с революционным русским пролетариатом, да еще для блокирования с империалистическими интервентами. Инициатива федерализации шла то от периферии, то от центра, и формы, в какие выливалась федерация, подсказывались не только уровнем развития соответствующих наций, но характером и остротой политической ситуации. Таковы, например: волна федерализации после германской революции 1918 г. и ликвидация Брестского мирного договора; существование к весне 1919 года Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии как "особых Советских Республик"(4); декрет ВЦИКа "Об объединении Советских Республик" от 1 июня 1919 года; серия военно-экономических двухсторонних договоров РСФСР с другими советскими республиками в 1919—1921 годах; соглашение от 22 февраля 1922г. "О передаче РСФСР представительства Советских Республик на общеевропейской конференции" (в Генуе), подписанное девятью республиками: Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Украиной, Хорезмом, Бухарой, Дальне-Восточной республикой, РСФСР...

Уже в январе 1918 г., закрывая III съезд Советов, установивший политику и систему советской федерализации, Ленин в таких словах определил ее смысл и историческое значение: "Верность мировой пролетарской революции... вот основа нашей федерации, и я глубоко убежден, что вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима". (ПСС, т.36, стр.288).

И когда в марте 1919г., на 8-ом съезде РКП(б), была принята программа партии, то в ней значилось: "Как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу... Только при такой политике возможно создание условий для действительно прочного, добровольного единства национально разнородных элементов международного пролетариата, как то показал опыт объединения ряда национальных Советских республик вок-

руг Советской России". (Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 года. Протоколы." М., 1959, стр.378). И Ленин ту часть своего доклада о программе партии, что посвящена национальному вопросу, изложил не столько на примерах народов, живущих в Советской России, сколько на примерах Германии, Финляндии, Польши, т.е. как тему международную, как тему мировой революции (ПСС, т.38, стр.156-162).

И через полгода программа и политика партии по национальному вопросу подверглись самому грозному испытанию. В последние месяцы 1919 года вопрос о Советской власти на Украине приобрел решающую для судеб революции остроту из-за разгула всевозможного национализма среди крестьянства и интеллигенции на освобожденной от Деникина Украине. Ленин написал проект резолюции для Пленума ЦК и 8-ой партийной конференции и в его обоснование выступил на конференции с речью-докладом (стенограмма которой каким-то образом оказалась утерянной) и заключительным словом. Первый пункт ленинской резолюции принятой на конференции, гласил: "Неуклонно проводя принцип самоопределения наций, ЦК считает необходимым еще раз подтвердить, что РКП стоит на точке зрения признания самостоятельности Украины"; в заключительном же слове, Ленин употребил выражение "независимость Украины". (Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919г. Протоколы". М.1961, стр.189; ПСС, т.39, стр.371).

Но и после партконференции Ленин весь декабрь 1919 года напоминает, растолковывает и отстаивает смысл и значение точки зрения признания самостоятельности Советской Украины. В статье "Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата", датированной 16-ым декабря 1919г., Ленин, в связи с этой злободневной тогда политической проблемой, конспективно, но исчерпывающе изложил свои принципы решения национального вопроса. Это место у Ленина следует привести здесь полностью. "Как интернационалисты" — писал Ленин — "мы обязаны, во-первых, особенно энергично бороться против остатков, (иногда бессознательных) великорусского империализма и шовинизма у "русских" коммунистов; во-вторых, мы обязаны именно в наци-

нальном вопросе, как сравнительно маловажном (для интернационалиста вопрос о границах государств вопрос второстепенный, если не десятистепенный" (5)), идти на уступки. Важны другие вопросы, важны основные интересы пролетарской диктатуры...; гораздо менее важен вопрос, будет ли Украина отдельным государством или нет. Нас несколько не может удивить — и не должна пугать — даже такая перспектива, что украинские рабочие и крестьяне перепробуют различные системы и в течение, скажем, нескольких лет испытают на практике и слияние с РСФСР, и отделение от нее в особую самостоятельную УССР, и разные формы их тесного сотрудничества. Попытаться наперед, раз навсегда, "твердо" и "бесповоротно" решить этот вопрос было бы узостью понимания или просто тупоумием, ибо колебания непролетарских трудящихся масс по *такому* вопросу вполне естественны, даже неизбежны, но вовсе для пролетариата не страшны. Действительно умеющий быть интернационалистом представитель пролетариата обязан относиться к *таким* колебаниям с величайшей осторожностью и терпимостью, обязан предоставить *самим* непролетарским трудящимся массам *изжить* эти колебания на собственном опыте" (ПСС, т.40, стр.19-20). (6)

Мы вправе, стало быть, сказать: Ленин в том видел смысл и историческое назначение советского федерализма, потому отстаивал федеративное, а не унитарное устройство советского государства, что в этом случае оно, это государство, не замыкается на себя, а существует и действует в интернациональном контексте мировой революции, непосредственно вплетено в нее, образуя ее органическую часть и собственный инструмент — как в отношении национальностей, населявших царскую Россию, так и в отношении национальностей других стран. Говоря конкретнее, по Ленину, федеративное построение советского государства обосновано тем, что выполняет две, одна с другой связанные, функции, а точнее, одну двуетадийную функцию: воспитывая рабочий класс и народы разных наций в духе подлинного интернационализма, в духе взаимного уважения, бескорыстного сотрудничества и дружбы, федеративный тип социалистического государства тем самым представляет собой необхо-

димый и единственно-возможный переход к полному единству и слитности национально-разнородных элементов международного пролетариата и, далее, целых народов.

Но таков ли Сталин?

Сталин был назначен Наркомнапом сразу же в октябрьские дни с тем, чтобы он осуществлял политику партии в национальном вопросе и, значит, направлял, исправлял, организовывал и согласовывал, словом, возглавлял разнообразные процессы самоопределения наций, бурно и в противоречиях развертывающиеся на периферии страны, претворяя их в единый процесс социалистической федерализации государственного строя бывшей Российской империи. И как и каждый октябрьский Народный комиссар на своем участке работы, он со всей энергией и страстью взялся за это сложное дело, рожденное пролетарской революцией. Если мерить опубликованными статьями и выступлениями, Сталин до лета 1920 года половину внимания и времени уделял федерализации страны (7). Свои недавние категорические возражения против федерализации (См. "Приложение 2-ое" в конце настоящего очерка) он не вспоминал (8) и партия, руководимая Лениным, разумеется, не напоминала их ему. В своих программных и, так сказать, парадных выступлениях в эти годы Сталин, в общем, излагает взгляды партии на ситуацию и задачи в национальном вопросе, хотя и тут с характерными акцентами, умолчаниями и отклонениями. Например, в юбилейной статье, о которой говорится в предыдущей сноске (9), Сталин навязчиво разъясняет различие между "буржуазно-демократическим толкованием принципа самоопределения" и его социалистическим толкованием (сводя последнее к признанию "самоопределения трудовых масс угнетенных народов" (10)), всячески подчеркивает значение "характера власти в стране" для "определения" национального вопроса и т.п., а вот о принципе федерализма все, что он считает нужным сказать на 12-ти страницах, — это что Россия была "объявлена федерацией советских национальных республик". Но приняв вместе в постом наркомнаца идею федерализма, Сталин не мог не внести в нее свои представления об историческом смысле

русской революции и ее месте в мировой социалистической революции. Мы не станем задерживать внимание читателя на деталях практической и пропагандистской деятельности Сталина по национальному вопросу в эти годы. Скажем лишь: в том, как в его деятельности эта общая идея конкретизировалась для отдельных областей страны (для Украины, Крыма, Польши, Закавказья, Туркестана, Среднего Поволжья, Киргизского края и др.), в том, как она воплощалась Сталиным в политике — именно в *национальной политике*, — постепенно откristаллизовалась и оформилась *особая, сталинская, линия в национальном вопросе*, отличная от ленинской и вступившая в прямое столкновение с ленинской летом 1920 года. И приведем лишь один эпизод, в котором начало этой сталинской линии показало себя достаточно выразительно.

3 апреля 1918 года на заседании Совнаркома РСФСР происходившем под председательством Ленина, принимается резолюция по поводу постановления II Всеукраинского съезда Советов об объявлении Украинской народной республики самостоятельной федеративной Советской республикой (ПСС, т.36, стр.688). Резолюция выражает "восторженное сочувствие героической борьбе трудящихся и эксплуатируемых масс Украины, являющихся в настоящее время одним из передовых отрядов всемирной социальной революции". А назавтра, 4 апреля, Нарком по делам национальностей РСФСР Сталин телеграфирует Советскому правительству Украины: "Достаточно играть в правительство и республику, кажется хватит, пора бросать игру"... (11)

Но вот, летом 1920 года собирается II Конгресс Коминтерна, включивший в повестку дня своих работ национальный и колониальный вопросы. 5 июня, готовя тезисы по этому вопросу, Ленин разослал ряду товарищей составленный им первоначальный набросок с просьбой прислать ему свои "отзывы или исправления или дополнения или конкретные пояснения". И здесь мы уже впервые (12) располагаем опубликованными данными об отношении Сталина к позиции Ленина по национальному вопросу, ибо свои замечания на проект Ленина прислал и Сталин.

На основе теоретических и программных соображений, а также опыта послеоктябрьского развития национальных отношений в нашей стране, усматривая в федерации "переходную форму к полному единству трудящихся разных наций", Ленин проводил различие между двумя типами федеральных связей — между связями независимых советских республик (например, связями РСФСР с Финляндской советской республикой, существовавшей в первые месяцы 1918 года, Латвийской советской республикой, существовавшей в 1918 году, Украинской и Азербайджанской советскими республиками, существовавшими когда Ленин писал свои тезисы) и связями автономных республик внутри РСФСР (например, Башкирской и Татарской, ранее не имевших ни государственного существования, ни автономии и созданных в 1919 и 1920 годах. (ПСС, т.41, стр.164). И вот Сталин в письме к Ленину от 12 июня 1920 года, отверг это принципиальное различие и заявил: "В своих тезисах Вы делаете разницу между башкирским и украинским типом федеративной связи, но на самом деле этой разницы нет, или она так мала, что равняется нулю." Разумеется, Ленин, который теоретически вскрыл эту разницу и политически ориентировал на нее, не согласился со сталинскими исправлениями, идущими вразрез с одной из основ его концепции национального вопроса в строительстве социалистического общества.

Но и Сталин не принял концепцию Ленина. Свое письмо он не включил в "Сочинения" (13), но в 4-ом томе своих "Сочинений" он поместил статью "Политика Советской власти по национальному вопросу в России", с которой выступил в "Правде" через несколько месяцев (10 октября 1920г.). Эта официальная статья (Сталин был Наркомнацом) направлена против взглядов Ленина, но конечно ни имя Ленина, ни июньская полемика с ним не упоминаются. Вместо ленинских двух типов федерации здесь в недвусмысленных выражениях преподносится идея "эластичности советской автономии", "допускающей самые разнообразные формы и степени своего развития", и в двусмысленных выражениях отклоняются формулы "независимости" и права "на отделение". От узкой, административной авто-

номии (немцы Поволжья, чуваша, карелы)” — пишет Сталин о советской автономии” — ”она переходит к более широкой политической автономии — (башкиры, татары Поволжья, киргизы), от широкой политической автономии — к еще более расширенной ее форме (Украина, Туркестан), наконец, от украинского типа автономии — к высшей форме автономии, к договорным отношениям (Азербайджан)”. А целью, и значит обоснованием этой эластичной системы советской автономии Сталин объявляет ”обеспечение прочного союза между центром и окраинами России”. ”Более развитая центральная Россия не может довести до конца дело революции без поддержки менее развитых, но богатых необходимыми ресурсами окраин России” — рассуждает Сталин — и система советской автономии опрокинет ”план экономического окружения центральной России путем отрыва от нее наиболее важных окраин”, который Антанта проводит ”с первых же дней появления Советского правительства” (”Сочинения”, т.4, стр. 351-355).

В этой статье осени 1920 года сталинская концепция национального вопроса, а конкретнее говоря, концепция федерализма в советской стране предстает уже сложившейся. Ориентации Ленина на мировую революцию и решение национального вопроса, как одному из инструментов такой ориентации, соответствует построение государства с двумя типами федеративных связей — союзных отношений и автономии. Сталин этому противопоставляет ориентацию на восстановление и упрочение в новой, советской, форме административного единства централизованного Российского государства, разрушенного революцией. И, видя в решении национального вопроса инструмент для такого восстановления и упрочения, он толкует федерализацию как автономизацию всех тех наций, которые не сумели или не пожелали отделиться от России. Поэтому, если для Ленина федерализм есть исторически неизбежный отказ от унитарности в настоящем ради перехода к унитарности в будущем, то для Сталина (если брать не его слова, а существо дела) федерализм есть единственно возможный способ в советских условиях и

советскими методами восстановить и сохранить централизованность и унитарность Российского государства уже в настоящее время. И отсюда, принципиально и практически различные построения советского федерализма у Ленина и у Сталина.

Статья "Политика Советской власти по национальному вопросу" представляет собой литературную рекогносцировку — но, конечно, и политическую заявку. Выпустив ее в свет, Сталин, после своего прямого столкновения с Лениным, надолго притаился (14). В своем докладе по национальному вопросу на X съезде партии (в марте 1921 года) Сталин не выставлял и не упоминал своих расхождений с Лениным. Он стал дожидаться возникновения обстоятельств, которые позволили бы ему попытаться получить признание своей линии партийной линией и добиться ее осуществления как государственного закона. Разумеется, когда Ленин стоял у руля государственных дел, такая возможность не могла представиться (15). Но летом 1922 года болезнь надолго оторвала его от непосредственного и повседневного участия в правительственной деятельности, и Сталин решил действовать.

б) Образование СССР

Окончание гражданской войны, переход к мирной жизни и развертывавшаяся перестройка политической и административной организации страны на рельсах нэпа потребовали также упорядочения и конституционного решения вопроса о взаимоотношениях РСФСР и, в той или иной мере независимых, национальных советских республик. Летом 1922 года Политбюро включило этот вопрос в повестку очередного Пленума ЦК, и для подготовки вопроса была 11 августа создана комиссия ЦК. В сентябре Сталин внес проект "резолуции комиссии", который предлагал ликвидировать договорные союзные отношения национальных республик, отменить их независимость и превратить их в автономные республики РСФСР, унифицировав и централизовав таким образом государственный аппарат страны. Проект Сталина был разослан

для обсуждения в ЦК компартий республик, договорных с РСФСР. ЦК Армении и ЦК Азербайджана согласились с предложением Сталина об автономизации; ЦК Грузии отклонил его, "как преждевременное"; ЦК Белоруссии ответил уклончиво; а ЦК Украины еще не высказал свое суждение о проекте Сталина. Несмотря на это, проект без каких-либо существенных изменений был поставлен на рассмотрение комиссии ЦК РКП(б), которое состоялось 23 и 24 сентября. В то время Сталин был уже генсеком и с помощью председательствовавшего Молотова сумел провести свой проект в комиссии. В окончательном виде первый, принципиальный, пункт сталинской резолюции гласил: "Признать целесообразным заключение договора между советскими республиками Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении и РСФСР о формальном вступлении первых в состав РСФСР".

Мы не располагаем сведениями о том, как проходило обсуждение и принятие этой резолюции. Но из материалов Центрального партархива ИМЛ (16) явствует, что в это время генсек Сталин уже самую работу цекистской комиссии вел в своем, характерно-сталинском, русле келейно-аппаратного навязывания решений, действуя в кардинальном политическом деле прямо вразрез с указаниями Ленина, за год до того (как мы видели) адресованными прямо ему, Сталину, о том, чтобы вопрос о федерации ставить "пошире на обсуждение партии и рабочих и крестьянских масс" (ПСС, т. 44, стр. 255). Мы узнаем, например, из этих документов ЦПА ИМЛ о таком эпизоде: После того как комиссия приняла резолюцию Сталина, Петровский внес предложение разрешить национальным ЦК и губкомам обсудить решение комиссии, но это предложение было отклонено и пятью головами против четырех было постановлено не доводить до сведения компартий республик решение комиссий и, таким образом, закрыть для них не только участие в обсуждении, но и высказывание своего мнения. И Петровский увидел себя вынужденным потребовать занести в протокол его заявление, что ЦК КПУ не обсуждал проекта резолюции об объединении республик на основе автономизации.

Казалось, Сталин добился своего: его давнишняя идея автономизации, наконец-то, восторжествовала. Торопясь обойти больного Ленина, а заодно и Политбюро, по поручению которого комиссия готовила резолюцию (резолюция даже не была поставлена на рассмотрение и утверждение Политбюро!), секретариат ЦК, то есть Сталин, тут же разослал эту неутвержденную и, стало быть, недействительную резолюцию всем членам и кандидатам в члены ЦК к пленуму, назначенному на 5 октября. Но политиканство не помогло — обойти Ленина не удалось.

По запросу Ленина, проект Сталина и прочие материалы комиссии были 25 сентября направлены ему в Горки. Ленин реагировал немедленно и самым оперативным и категорическим образом. Тут же он вызвал Сталина в Горки и имел с ним беседу, а назавтра, 26 сентября, написал письмо Каменеву с просьбой копии разослать всем членам Политбюро. Для беседы он пригласил также Мдивани, не согласного с резолюцией комиссии Сталина и посему (как Ленин пишет Каменеву) "подозреваемого в независимстве". В письме вопрос назван "архиважным"; "надо Вам (Вы когда-то имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже" — писал Ленин Каменеву. Далее он сообщал, что "одну уступку Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо "вступления" в РСФСР — "формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии", и пояснил: "Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, "Союз Советских Республик Европы и Азии". Затем в письме следует "предварительный" перечень других необходимых изменений резолюции, и в конце письма Ленин сообщает, что договорился со Сталиным внести резолюцию в Политбюро 2 октября с тем, чтобы он, Ленин, мог приехать в Москву и принять участие в ее обсуждении (ПСС, т.45, стр.211-213).

Сталин не сразу отступил. 27 сентября, назавтра после разговора с Лениным, он тоже направил письмо членам Политбюро, в котором интернационалистскую позицию Ленина

окрестил "национал-либерализмом" и свою уступку Ленину в пункте, формулирующем общий принцип советского государственного объединения, попытался обесценить сохранением тех пунктов резолюции, которые определяют конкретные организационные формы и механизмы этого объединения (так, он возражал против учреждения союзного ЦИКа наряду с ВЦИКом РСФСР...). Но и на этот раз дело Сталина было проиграно. В новой резолюции, 6 октября предоставленной Пленуму ЦК, первый пункт гласил: "Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в "Союз Советских Социалистических Республик" с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава "Союза"; и соответственным образом были в духе Ленина переделаны также прочие пункты. Зарождающийся сталинизм был на пленуме в этом вопросе побит (17).

Правда, одна из существенных особенностей ленинской формулировки не вошла в окончательный текст резолюции. Мы имеем в виду выражение "Союз Советских Республик Европы и Азии", употребленное Лениным — и притом пять раз на двух страницах. Для Ленина это было наименованием, определяющим историческое место и историческую тенденцию нашего Союза: "*новый союз, новая федерация* — Союз Советских республик Европы и Азии" — писал он (напомним) Каменеву. В последующие два месяца шла работа над конституционным оформлением резолюции ЦК. И когда 16 декабря специальная комиссия утверждала представленный проект Конституции Советского Союза, то отдельным постановлением было принято название Союза, предложенное Лениным: "Союз Советских Республик Европы и Азии", и добавлено лишь слово "Социалистических" после слова "Советских". Для руководства подготовкой к союзному съезду Советов и окончательного редактирования конституционных документов Союза ("Договора" и "Декларации") Пленум ЦК РКП (б) выделил комиссию под председательством Сталина, и 20 декабря эта комиссия отменила только что принятое ленинское наименование Союза и назвала наше государство "Союз Советских Социалистических Респуб-

лик”, т.е. выкинула подчеркнуто предлагавшиеся Лениным слова ”Европы и Азии”(18). Тем самым из названия Союза была исключена гениальная (и демонстративная!) формула ленинской программной (не конъюнктурной!) ориентации на мировую революцию. Без добавления слов ”Европы и Азии”, отделяющих существо нашего государства от исторических границ и национальных традиций бывшей Российской империи, эта ориентация оказывается приглушенной, и выражение ”Союз Советских Социалистических Республик” может быть воспринято и истолковано как новое название государства, существующего на исконной территории России. Впоследствии Сталин и использовал это обстоятельство при замене ориентацией на создание мировой державы (19).

Ленин отдавал себе отчет, что победа, одержанная на декабрьском пленуме ЦК, это не закрепленная победа. Его тревожили характер и методы сталинской подготовки советской федерации, и, прежде всего, то, что в этом остро- и щепетильно-политическом деле революционная инициатива мест была подменена бюрократически-верхушечным великодержавным реформаторством, а главным побудительным мотивом и критерием было наведение административного порядка в государственном аппарате страны. Ленин видел, что при таком, в корне порочном, методе создания социалистической федерации осуществление двух основных и обязательных ее принципов — принципа неограниченной добровольности и принципа полного равноправия, — не может быть гарантировано никакими пунктами конституционных деклараций. Словом, Ленин видел, что для реализации победы над Сталиным потребуются ”бой с великорусским шовинизмом не на жизнь, а на смерть” (20).

Опасения и предвидения Ленина — в бурной истории с осуществлением резолюции пленума в Грузии. Грузинский конфликт возобновился сразу же после пленума и ко времени образования Союза Советских Социалистических Республик на 1-ом Всесоюзном съезде Советов был в полном разгаре. Мы не будем здесь излагать перипетий этого конфликта; напомним лишь, что именно в непосредственной связи

с ним Ленин в день образования СССР, 30 декабря 1922 года, и на следующий день, находясь в Горках, продиктовал свою записку "К вопросу о национальностях или об "автономизации", составляющую часть его политического завещания и адресованную им очередному, XII, Партийному съезду. В записке читаем: При нашем бюрократическом аппарате "очень естественно, что свобода выхода из союза окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинного русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической русской швали, как муха в молоке". И далее Ленин пишет: "Я думаю, что тут сыграла роковую роль торопливость и административное увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого "социал-национализма". Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль". И резюмирует: "Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского" (ПСС, т.45, стр.357 и 361).

Что дело шло в этот момент образования СССР о двух в принципе различных, а в тенденции противоположных политических линиях, хорошо видно хотя бы из сопоставления двух документов, относящихся к одному и тому же дню — 31 декабря 1922 года.

В тот день Ленин кончал диктовать записку "К вопросу о национальностях или об "автономизации". В этой заключительной записи читаем: "Следует оставить и укрепить союз социалистических республик; об этой мере не может быть сомнения. Она нам нужна как нужна всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы с всемирной буржуазией и для защиты от ее интриг." Ленина беспокоит, как бы стараниями и действиями людей, в чьих руках находится это дело, а в первую голову как бы действиями Сталина (именно в этой записи и в этой связи сказаны Лениным вышеприведенные слова о политической ответственности Сталина!) оно не было сведено к бюрократической формальности и не выхолощено

и извращено. И он диктует следующую фразу, недвусмысленно устанавливающую перспективу и звучащую как программа и наказ для такого построения союза социалистических республик, при котором сохранялась бы и дальше развивалась суверенность республик, вошедших в союз: "Не следует зарекаться заранее никоим образом от того, что в результате всей этой работы вернуться на следующем съезде Советов назад, т.е. оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов" (ПСС, т. 45, стр. 360, 361-362).

И в этот же самый день 31 декабря 1922 года Сталин, в качестве наркомнаца отвечая на новогоднюю анкету "Известий", следующим образом высказывается по поводу образования СССР: "Будем надеяться, что образованием нашей союзной республики мы создадим верный оплот против международного капитализма, что новое союзное государство послужит новым решительным шагом по пути к объединению трудящихся всего мира в единую мировую социалистическую Советскую Республику"(21). Назавтра после образования Советского Союза Сталин определяет его как "союзную республику", — выражение, которого Ленин ни разу не употребил и не мог употреблять, ибо для него дело шло о создании союза республик, а вовсе не союзной республики. А что у Сталина это не обмолвка, не случайно попавшие на язык слова, явствует из его доклада на X-ом Всероссийском съезде Советов, в котором он 26 декабря употребил ту же терминологию: "Наша союзная республика" и "мировая советская социалистическая республика"(22).

Словом, перед нами две противоположные линии: линия Ленина на максимально-возможное урезывание компетенции Союза, линия Сталина на максимально-возможное урезывание компетенции отдельных республик, входящих в Союз, т.е. линия на то, что Ленин назвал автономизацией. Вынужденный согласиться с ленинской формулой "союз республик", Сталин тут же как бы сделал заявку на то, чтобы под вывеской Союза Советских Социалистических Республик осу-

шествовать свою автономизацию государственного строя страны.

Нам неизвестно, дошло ли до Ленина это прямо-таки демонстративное толкование Сталиным союза советских республик как союзной республики. Но и после записки "К вопросу о национальностях или об "автономизации" озабоченность и тревога Ленина не улеглись. Уже 24 января, едва закончив работу над вопросом о реорганизации Рабкрина, о чем пойдет речь ниже, Ленин возвращается к "грузинскому вопросу" и, видя в нем дело принципиального и решающего значения, неотступно занимается им вплоть до 6 марта — дня, когда резкое ухудшение здоровья отняло у него возможность продолжать работать. Своим секретарям он поручил собрать все материалы и составить докладную записку по этому вопросу, указывая, что ему "требуется это для партийного съезда" (см. ПСС, т.45, "Дневник дежурных секретарей В.И.Ленина. 21 ноября 1922 г. — 6 марта 1923 г.", впервые опубликованный ровно через 40 лет, в 1963 году). 5 марта Ленин пишет Троцкому: "Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я мог бы быть спокойным... С наилучшим товарищеским приветом Ленин" (23).

В тот же день Ленин диктует письмо Сталину, прося пока отложить его, так как сегодня у него что-то плохо выходит. Но назавтра утром, 6 марта, Ленин прочитав это свое письмо, поручает секретарю (Володичевой) передать письмо лично из рук в руки Сталину и получить ответ. (Об этом сообщила Л.Фотиева в книге "Из воспоминаний о Ленине", М. 1964, стр. 76. ...Как содержание, так и судьба этого ленинского письма Сталину до сих пор остается неизвестным. Или неоглашенным?). И в тот же день, 6 марта 1923 г., Ленин продиктовал телеграмму Мдивани, Махарадзе и другим грузинским товарищам, находящимся под "преследованием" Сталина, а копию — Троцкому и Каменеву: "Уважаемые товарищи! Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского.

Готовлю для вас записки и речь. С уважением Ленин.” (ПСС, т. 54, стр. 330). Но и записки и речь остались неподготовленными: это был последний документ, продиктованный Владимиром Ильичем (24).

В грузинском деле с особой резкостью и болезненностью, с особой грозностью сказались те великодержавно-шовинистические искажения, которые благодаря Сталину, курировавшему национальную политику, а в это время генеральному секретарю ЦК были с самого начала внесены в работу по организации Советского Союза, и идейно-политическую суть которых Ленин выразил, диктуя заключительную фразу своей записки от 30 декабря: *”Тут встает уже важный принципиальный вопрос: как понимать интернационализм?”* (ПСС, т.45, стр.358).

Именно на грузинском деле Ленин окончательно убедился, что в национальной политике линия ЦК партии ушла с того интернационалистического пути, по которому он ее вел. Л.Фотиева в книге *”Из воспоминаний о Ленине”*, М. 1964, с. 65, пишет, что 1 февраля 1923 года Ленин поручил ей составить список вопросов, на которые следовало дать ответ при изучении материалов грузинской комиссии ПБ, и в числе этих вопросов значится такой: *”Линия ЦК РКП/б в отсутствие Вл. Ильича и при Вл. Ильиче”*.

Но великодержавным искажениям понимание интернационализма подверглось не в одном грузинском вопросе. Из всех республик, по-сталински объединенных в союз, шли недоумения, недовольства, протесты по поводу затяжек с организацией Союзных органов, по поводу чисто-формального характера, а то и саботирования дела передачи республикам функций, ранее выполнявшихся властями РСФСР и т.д. На словах согласившись с построением Советского Союза в соответствии с ленинской идеей федерализации на основе добровольности и равноправия наций, Сталин фактически проводил осужденную Лениным линию автономизации союзных республик. Дело дошло до того, что на февральском (1923 г.) Пленуме ЦК Фрунзе выступил с заявлением, в котором вносил ряд предложений об ускорении создания союзных органов и о расширении прав республик. Нам недоступ-

ны архивы ЦК и неизвестен контекст этого, по тем временам уже, пожалуй, необычного, выступления не-оппозиционного члена ЦК и неизвестна реакция пленума ЦК (25).

Но в партии реальная власть была уже в это время в руках Сталина, и национальная политика в нашей стране уже до XII партсъезда была направлена по линии Сталина, а не Ленина, хотя и прикрывалась словами о верности Ленину — и, конечно, умалчиванием о коренных расхождениях между ленинизмом и сталинизмом. Мог ли XII съезд, к которому Ленин обратился с письмом "К вопросу о национальностях или об "автономизации", выправить положение?

в) XII съезд партии (апрель 1923 года)

И вот подошел XII съезд партии. Сталин не мог допустить, чтобы записка Ленина, адресованная съезду и требующая привлечь его, Сталина, к политической ответственности за великодержавную националистическую линию в национальном вопросе, чтобы эта записка стала предметом рассмотрения и обсуждения на съезде. И пользуясь отсутствием Ленина и своим положением генсека, он сумел провести такую комбинацию:

За два дня до открытия съезда Пленум ЦК, в нарушение партийного устава и в обход prerogativ съезда, принял постановление о создании особого органа съезда — "сеньорен-конвента", составленного из представителей делегаций по одному на 10 делегатов. Это, конечно, мотивировалось интересами "обеспечения наилучших условий информации делегатов", но суть дела была в том, чтобы внутри съезда создать второй, специально подобранный малый съезд, через который, манипулируя так называемой "информацией", сподручнее было бы предопределять ход работ и решения съезда. И уже на второй день съезда вновь изобретенный механизм был пущен в ход по прямому назначению: На специальном заседании Президиума съезда (не самого съезда, а его президиума!) было постановлено огласить записку Ленина к съезду по национальному вопросу и относящийся к ней материал на

заседании сеньорен-конвента, после чего члены Президиума оглашают его по делегациям. Не только на пленарном заседании съезда, но даже на секции съезда по национальному вопросу (которой надлежало подготовить решение съезда) записка Ленина и материалы к ней не допущены были к оглашению (26).

Словом, поскольку факт существования записки Ленина, адресованной съезду, не представлялось возможным утаить от делегаций съезда, был проделан трюк, который должен был сделать невозможным ее сколько-нибудь конкретное и серьезное, а главное — ее политическое обсуждение съездом.

А так как записка стала известна делегатам съезда, то смысл ее изъятия из обсуждения на съезде мог быть только один: не допустить, чтобы на съезде рассматривались и хотя бы только упоминались обвинения, выдвинутые Лениным против Сталина, и предсъездовские расхождения между Лениным и Сталиным — принципиальные и практические. Даже цитировать записку Ленина было запрещено! На съезде разыгралась, например, такая сцена, которую мы позволим себе привести полностью: Мдивани зачитывает цитату из этой записки. *Председательствующий (Каменев)* обрывает его: "Тов. Мдивани, нужно слушаться председателя. Вы сами решили, что письма эти будут сообщены делегациям и здесь опубликовываться не будут." — *Мдивани*: "Я не публикую, я только места цитирую." — *Председательствующий*: "Сума мест и есть опубликование. Если Вы намерены придерживаться общего нашего решения, которое принято в общих интересах партии, то я просил бы воздерживаться от действительного опубликования того, что мы решили не опубликовывать." — *Мдивани*: "А ссылаться я могу?" *Председательствующий*: "Ссылаться можете." — *Мдивани*: "Значит, я должен рассчитывать на свою память, а не на те заметки, которые я сделал... Товарищи, раз нельзя ссылаться на это письмо..." — *Каменев (председатель)*: "Тов. Мдивани, я Вам сказал, что Вы можете ссылаться на это письмо, но не цитируя его подряд, потому что это значит опубликовывать". — *Мдивани*: "Я и не опубликовываю... Раз нельзя ссылать-

ся цитатами, то мне придется просто указать и твердо заявить здесь товарищам” и т.д. (27)

Эта безобразная и в то же время комичная (трагикомическая!) сцена, может быть, ярче всего прочего показывает, куда, начиная уже с первого съезда, на котором фактически хозяйничал Сталин, пошла эволюция компетенции и статуса высшего органа большевистской партии — партийного съезда. При Ленине партия знала закрытые заседания съезда, такие, как вызывающиеся военной обстановкой или как заседания для выборов ЦК. Но открытые заседания, на которых запрещается цитировать адресованные съезду документы (и чьи? Ленина!), — это вполне сталинское изобретение, сталинское по трусости, лицемерию и бесцеремонному неуважению к партии. А эта словесная передержка — отождествление цитирования с опубликованием (не с оглашением на заседании съезда, а с опубликованием в широкой печати) !..

Все это предопределило характер и результаты рассмотрения национального вопроса на XII съезде. Съезд в целом сделал вид, будто борьбы Ленина против Сталина не было. А сам Сталин, докладчик ЦК по национальному вопросу, проявил ли он хотя бы малейшую самокритичность? Конечно, нет. Пользуясь молчанием Троцкого и Каменева (которые уклонились от выполнения просьбы больного Ленина — защищать его позицию против Сталина), Сталин получил возможность, прибегая к общим декларациям, жонглированию словами и замалчиванию ленинской записки, обойти вопрос о его, Сталина, собственном великодержавном шовинизме, поднятый Лениным, и облыжно выдать себя за сторонника и проводника принципов и линии Ленина. Больше того, Сталин мобилизует съезд против тех грузинских коммунистов (Мдивани, Махарадзе и др.), которых Ленин собирался на съезде поддерживать и которым написал свое последнее в его жизни приведенное нами выше письмо: ”Всею душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь.” Сталин выпустил против них именно Орджоникидзе и другого своего тогдашнего друга и помощника, Енукидзе. Последний даже без обвиняков заявил на съезде (едва ли без

разрешения если не без прямого поручения Сталина), что "Ленин в частностях своего письма сделался жертвой неправильной информации" (28). И ни Сталин, ни кто-либо другой из делегатов съезда не дезавуировал этого заявления Енукидзе... Впрочем, и сам Сталин мог позволить себе по поводу одного из центральных мест письма Ленина, места буквально директивного, программу действий устанавливающего и притом явно адресованного в первую голову ему, Сталину, и его сподвижникам, заявить на партсъезде, что оно "у тов. Ленина является оборотом речи", а не "лозунгом" (29).

Это факт, что Сталин преуспел в недопущении к партийному съезду, как таковому, руководящего документа Ленина, создававшегося им в ответственнойшее время его жизни и специально для партийного съезда, что этот документ стараниями Сталина не стал предметом официального обсуждения на съезде и не был включен в протоколы съезда, а, попросту говоря, был скрыт от партийного актива и, уж конечно, от массы членов партии, что идеям, предостережениям и советам Ленина не позволено было стать достоянием большевистской партии и всего коммунистического движения (30). И это факт в полном смысле *исторического значения*, ибо то была *победа Сталина над Лениным* — победа на таком уровне и такого масштаба, что в ней можно усмотреть предвестие и преддверие, а может быть, не столь уж отдаленное начало *поворота* в истории большевистской партии, в истории русской социалистической революции, в истории коммунизма XX века. Поворота, не осознанного его современниками, но уже скоро подтвержденного последующим ходом истории.

И вот что знаменательно: это победа Сталина над Лениным на ХП партсъезде получила уже на том же съезде *практическую реализацию* как победа *линии Сталина* в национальном вопросе над линией Ленина, как победа *сталинизма* над ленинизмом в национальной политике партии. После того, как, по категорическому требованию Ленина, Сталину пришлось согласиться на создание добровольного союза равноправных и суверенных советских республик, а не (как он того желал) свести национальную реформу к дарованной

сверху автономизации нерусских наций внутри РСФСР, перед ним встала задача так построить конституцию Советского Союза, чтобы равноправие и суверенность Союзных республик оказались формальностью, чтобы союзность оказалась на деле автономностью(31). Выше мы видели, что первоначально, в сентябре 1922 года, Сталин был против создания Союзного ЦИКа и предлагал все "независимые" республики подчинить ВЦИКу РСФСР. Когда, вопреки Сталину, было принято решение создать ЦИК Советского Союза и, для гарантирования равноправия отдельных республик, образующих Союз, было задумано создать вторую палату ЦИК СССР, Сталин был противником такой палаты(32). Но вторую палату решено было, несмотря на возражения Сталина, создать, — и на февральском (1923г.) пленуме ЦК он в своем докладе уже говорил о необходимости второй палаты (33). Дело в том, что это происходило еще в то время, когда Ленин был в состоянии, хотя бы из Горок, следить за работой ЦК. Но подготовка XII съезда была уже вне контроля Ленина, и тут Сталин решил, что пришло для него, наконец, время, осуществить его заветную идею автономизации. Объявив себя (исходя из уже принятых партийных решений) сторонником второй палаты, он теперь, в тезисах по национальному вопросу, представленных для XII съезда, предложил вторую палату составить так, чтобы все республики, безразлично-союзные и автономные, посылали бы в нее одинаковое (или почти одинаковое) число депутатов, — чтобы тем самым вес и права союзной и автономной республики в высшем законодательном и правительственном органе Советского Союза были практически уравнены, и голоса союзных республик были растворены в голосах многочисленных автономных республик РСФСР.

Вспомним, с чего началось противопоставление Сталина Ленину в национальном вопросе. В своих тезисах для II Конгресса Коминтерна (летом 1920 г.) Ленин проводил различие между двумя типами федеративных связей — связями независимых советских республик (например, РСФСР и Ук-раины) и связями автономных республик внутри РСФСР. Сталин написал тогда Ленину: "В своих тезисах Вы делаете

разницу между башкирским и украинским типом федеративной связи, но на самом деле этой разницы нет, или она так мала, что равняется нулю". Ленин не согласился с таким взглядом, находящимся в противоречии с его принципиальными позициями и практическим пониманием национального вопроса в стране, строящей социализм. И позиция Сталина не могла тогда выйти за рамки обмена мнениями, не могла стать политической реальностью. Но Сталин не отказался от нее, — и через три года, на XII партсъезде, когда Ленин уже не мог воспрепятствовать ему, поспешил реализовать свой замысел в той форме, какую ему представил съезд, — в форме конституционного установления Советского Союза. Раковский внес поправку к резолюции Сталина, в которой предложил так построить вторую палату, чтобы в ней были представлены, и притом не одинаковым числом депутатов, только союзные республики; что же касается республик автономных, то каждая союзная республика может создать для своих автономных республик свою вторую палату, палату не государств, а национальностей. Ввиду исключительного значения этого спора на XII съезде и ввиду того, что он либо замалчивается, либо кривотолкуется в официальной историко-партийной литературе, приводим в сноске главные места выступления Раковского текстуально (34).

Как видим, поправка Раковского была полностью в духе различения двух типов федеративных связей, лежавшего в основе ленинского понимания национального вопроса для многонациональной страны, строящей социализм. Ее принятие партсъездом означало бы крушение реванша против Ленина, долго вынашивавшего и, наконец-то, тщательно и с хитроумной демагогией ("у нас все нации равны!") разработанного Сталиным. Кто другой, а Сталин это отлично видел, и его реакция была ультимативной. Он сказал: "Я эту поправку считаю кардинальной по своему значению. Если ее примет съезд, то я должен сказать, что тезисы будут опрокинуты вверх дном" (35). И съезд отклонил ленинскую поправку Раковского.

Мы не можем при этом не обратить внимание читателя на следующую деталь, бросающую яркий свет и на сокро-

венную суть дела, и на ситуацию. В аргументации против критики со стороны Раковского Сталин прибег *буквально* к тому же самому *примеру*, при помощи которого он в 1920 году критиковал Ленина — к сопоставлению Украины с Башкирией! (36) Имеем ли мы здесь дело с демонстративным напоминанием, что речь идет о старом споре, который он, Сталин, три года тому назад проиграл, а теперь намерен выиграть, или же здесь невольно прорвался ход мыслей, тайно и неотступно преследовавший Сталина все эти годы, — мы, конечно, судить не беремся.

Заканчивая параграф о XII партсъезде, на котором Сталину удалось осуществить свои замыслы в национальном вопросе, следует отметить, что съезд поддержал Сталина отнюдь не единодушно. В опубликованной стенограмме работ съезда не приводятся цифры голосования, но не может быть сомнения, что против тех или иных частей резолюции Сталина были не только украинские делегаты и те из грузин, которых готовился поддержать Ленин, а Сталин и его окружение окрестили "национал-уклонистами". Да и среди большинства, голосовавшего за резолюцию Сталина, не все были убеждены, что он делает дело Ленина (37): делегаты XII съезда, правда, дали согласие на предложение руководителей ЦК не обсуждать записку Ленина, но, пусть вскользь, они как никак были ознакомлены в ее содержанием, стало быть, знали о резкой критике Лениным взглядов, политики и поведения Сталина в национальном вопросе. XII партийный съезд, созыв которого был организован Сталиным и (как мы увидим ниже) в значительной мере сталинскими методами и на котором он сумел добиться ряда существенных успехов, не признавал себя сталинским. И если бы Зиновьев, Каменев и Троцкий, развивая взгляды Ленина, еще до XII съезда, а потом и на самом съезде не обошли и не замяли вопрос о расхождениях между Лениным и Сталиным, считая его несущественным (в то время как Ленин видел в нем вопрос решающего значения!) — если бы они, таким образом, своим партийным авторитетом не прикрыли эти коренные расхождения (38), то победа сталинизма над ленинизмом в национальном вопросе была бы на этом съезде невозможна.

г) После XII съезда. — Несколько заключительных замечаний.

Спустя полтора месяца после XII съезда, в первой половине июня 1923 года, состоялось так называемое "Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей". Оно было создано по инициативе Сталина для "борьбы с отклонениями от позиций XII съезда партии" (39) и проходило под его управлением. И "Совещание" выполнило то, ради чего Сталин добивался его созыва, — закрепило победу линии Сталина в национальном вопросе над линией Ленина. В это время Ленин уже не руководил партией и страной, не определял и не направлял жизнь той и другой. Так что деятельность и сама фигура Сталина этого времени выходит за пределы темы нашей работы. Но на этом сталинском "Совещании" развернулись арьергардные бои сторонников ленинского понимания решений национального вопроса и к этому стоит привлечь внимание читателя.

От имени украинцев Раковский и, кажется, Скрипник выступили против формулировки, внесенной по предложению Сталина на 1 съезде Советов СССР (30 декабря 1922г.) в "Договор об образовании СССР": такие-то республики "объединяются в одно союзное государство". Они предложили другую формулировку: такие-то республики *"образуют союз социалистических республик"*. Сталин отверг предложение украинцев, назвав его отказом от федерации, которую он объявил тождественной с "идеей союзного государства, действительной союзной властью", и переходом на позиции "конфедерации" (40). Но здесь украинцы стояли на неизменной после Октября позиции Ленина, который в формулах советской федерации не употреблял слово "государство" и тем более не усматривал во "власти" ("действительной власти"!) существо и смысл социалистической федерации; и уж кто-кто, а Сталин, готовивший резолюцию об СССР, это хорошо знал. Из приведенных нами документов, написанных Лениным, напомним хотя бы два, разделенных интервалом без малого в пять лет, — один из периода обра-

зования российской федерации в январе 1918 года, другой из периода образования союзной федерации в сентябре 1922 года. Первый документ — "Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа" — провозглашает: "Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик". (ПСС, т.35, стр.221). Второй документ — письмо Каменеву для членов Политбюро по поводу плана образования Советского Союза. Этот документ прямо направлен против Сталина — против его резолюции "о вхождении независимых республик в РСФСР". Ленин сообщает: "Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо "вступления" в РСФСР — "формальное объединение вместе с РСФСР в Союз советских республик Европы и Азии". И считая вопрос "архиважным", Ленин поясняет: "Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, "Союз Советских Республик Европы и Азии" (ПСС, т.45, стр.211). Как и в других случаях, когда у Ленина шла речь о федерации, в формулах ни первого ни второго документа не упоминается государство, а в пояснении ко второй формуле образование Союза советских республик не связывается ни с "идеей государства", ни с интересами "действительной власти".

Что же касается сталинской софистики вокруг слов "федерация" и "конфедерация" при социалистическом решении национального вопроса, то мы располагаем свидетельством, как Ленин отнесся к ней еще летом 1920 года. Мы уже цитировали письмо, которое Сталин послал тогда Ленину в связи с подготовкой тезисов по национальному и колониальному вопросам ко II-му Конгрессу Коминтерна. Добавим теперь, что в этом письме Сталин предлагал кроме федерации внести в тезисы "конфедерацию", которую он, в противоположность федерации, определил как "союз самостоятельных государств". Ленин же, получив это предложение Сталина, после слова "конфедерация" просто поставил знак вопроса (41).

Из письма 1920 года читатель видит, что именно в 1920

году скрывалось за воскрешенной сталинской софистикой терминов. Отвергая в 1923 году для СССР "конфедерацию", которую он в 1920 году определял как "союз самостоятельных государств", и противопоставляя ей "федерацию", Сталин тем самым признавал, что не рассматривает союзные республики, входящие в СССР, как самостоятельные, т.е. продолжает и в теории стоять на позициях автономизации. Что Сталин постарается на деле, *практически* свести СССР к объединению автономных республик, было неизбежно. И мы видим это уже на самом совещании, одной из целей которого, было "разработать практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу". Украинцы попытались сохранить хотя бы те политические прерогативы союзных республик, которые оставались после принятия съездом сталинского автономистского варианта двухпалатной системы. В качестве гарантии от фактически подчиненного положения второй палаты, т.е. Совета национальностей, они предложили создать два равноправных президиума с законодательными функциями — по числу палат ЦИКа СССР. Но на совещании тон задавал Сталин, и он добился того, что это предложение было отвергнуто как "нецелесообразное", и решение партсъезда, под видом его практического претворения, было дополнено еще одним автономистским конституционным пунктом — о создании *единого* "Президиума ЦИК Союза Республик", который *один только* обладает законодательными функциями (42).

И еще один результат этого партийного совещания лета 1923 года просится быть отмеченным, даже если на первый взгляд он и может показаться не стоящим внимания, чисто словесным. В той же резолюции о проведении в жизнь решений XII партсъезда по национальному вопросу даются наименования двух палат Верховного Совета, подлежащих созданию, и первую из них предлагается "назвать Союзным Советом" (43). Сталин сумел вставить в партийную резолюцию характерную для него (и полемическую!) формулу: вспомним дни образования СССР, когда он упорно, и притом в публичных выступлениях, употреблял выражение "союзная

республика". Если тогда, до XII партсъезда, Сталину не удалось навязать свой автономистский термин (партия и Съезд Советов приняли ленинское выражение "союз республик"), зато теперь, после XII съезда, он уже в силах провести столь же автономистский термин "союзный совет". И конечно, для Сталина это был не просто выигрыш в терминологической игре, а успех в проведении определенной политической линии. Об этом говорят последующие факты. В обращении "Ко всем народам и правительствам мира", которое Президиум ЦИК СССР принял 13 июля 1923 года, словосочетание "Союзный Совет" употреблено уже в публичном документе. И естественно, что когда в ноябре 1923 года 3-я сессия ЦИК СССР 1-ого созыва утвердила "Положение о ЦИК", то туда вошло название "Союзный Совет", и что это название перешло затем в текст "Основного закона (Конституции) СССР", принятого II-ым Съездом Советов Союза 31 января 1924 года, и сохранилось при внесении изменений в Конституцию в 1925, 1927 и 1931 гг. (44). Только в 1936 году, при составлении новой конституции, для первой палаты было введено название "Совет Союза". К этому времени автономистское существо Советского Союза уже прочно вошло в жизнь, стало чем-то само собой разумеющимся, и Сталин мог и в этом деле позволить себе фактический отход от Ленина прикрыть ленинским словоупотреблением (45).

Подводя итоги главе о русской революции и национальном вопросе, мы вправе сказать, что здесь в противостоянии упорства Сталина и страстности Ленина столкнулись не только два мира человеческой морали (трусливость и лживость, лицемерие, интригантство и комбинаторство и просто бесчестность душевно-мелкого человека — на одной стороне; прямота, принципиальность, этичность революционера-большевика и просто душевное благородство — на другой). Здесь столкнулись два друг другу чуждых и внутренне непримиримых идейных мира. Для Сталина вопрос о национальностях в нашей стране был вопросом административного устройства расшатанного послереволюционного российского государства, восстановление порядка и единообразия в *государстве*, упрочения государственной

власти. Для Ленина это была часть (и весьма важная часть!) вопроса о развитии *мировой пролетарской революции*, о стратегии и перспективах *Коминтерна*. Диктуя свою записку для съезда, Ленин требовал "оставить и укрепить союз социалистических республик". Он сказал "об этой мере": "она нам нужна, как нужна всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы с всемирной буржуазией и для защиты от ее интриг". И разъяснил: "Говорят, что требовалось единство аппарата. Но откуда исходили эти уверения? Не от того ли самого российского аппарата, который... заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром"... "Вред, который может произойти для нашего государства от отсутствия объединенных аппаратов национальных с аппаратом русским, неизмеримо меньше, чем тот вред, который произойдет не только для нас, но и для всего Интернационала, для сотен миллионов народов Азии, которой предстоит выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами" (ПСС, т.45, стр.360,357,362). Словом, столкнулись мир революции и мир великодержавности: мировой социалистической революции и российской шовинистической великодержавности (46). В том, что через пять лет после Октября дело дошло до такого столкновения, Ленин видел и свое собственное серьезное упущение и корил себя за него. В записке от 30 декабря он говорит: "Я кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик. Летом, когда этот вопрос возникал, я был болен, а затем, осенью, я возложил чрезмерные надежды на свое выздоровление и на то, что октябрьский и декабрьский пленумы дадут мне возможность вмешаться в этот вопрос. Но между тем, ни на октябрьском пленуме (по этому вопросу), ни на декабрьском мне не удалось быть и таким образом вопрос миновал меня почти совершенно... Видимо вся эта затея "автономизации" в корне была неверна и несвоевременна" (ПСС, т.45, стр.356). И кончается записка (как мы видели) резюмирующей фразой: "Тут

встает уже важный принципиальный вопрос: как понимать интернационализм?" (там же, стр.358) (47).

Когда читаешь это сегодня, по прошествии полувека, невозможно не поражаться тому, как глубоко Ленин видел корни и смысл ситуации. Но если в 1922 году, когда сталинизм только зарождался, дело еще шло о разных пониманиях интернационализма, то ныне мы знаем, что тогдашнее ложное понимание интернационализма Сталиным выросло (и, когда Сталин пришел к власти, не могло не вырасти) в отвержение и предательство революционного пролетарского интернационализма — конечно же под маской декламаций верности ему.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Вопрос о расхождениях между ленинизмом и сталинизмом в национальном вопросе и об истоках этих расхождений особенно ухищренно перевран в неосталинистской историко-партийной литературе. Чтобы вернее ориентироваться в них, следует заглянуть в их предысторию. Но так как она приходится на дооктябрьское время, т.е. лежит за хронологическими рамками настоящего очерка, мы выносим этот исторический экскурс в приложения. См.: "Приложение 2-ое" в конце очерка.

2) "История советской конституции (в документах). 1917-1956". М. 1967, стр. 103. — Проект "Декларации" написан Лениным (ПСС, т. 35, стр. 221-23) и в доработанном виде 16 (3) января принят ВЦИК'ом, а на следующий день опубликован в "Известиях". 18 (5) января "Декларация" была оглашена и предложена к утверждению Свердловым на первом заседании Учредительного собрания, но большинством голосов была отвергнута. Но еще за месяц до этого, 16 (3)

декабря 1917 г., Советское правительство в "Манифесте к Украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде", написанном Лениным и Троцким, заявило: "Исходя из интересов единства и братского союза рабочих и трудящихся, эксплуатируемых масс в борьбе за социализм, исходя из признания этих принципов многочисленными решениями органов революционной демократии, Советов, и особенно II Всероссийского съезда Советов, социалистическое правительство России, Совет Народных Комиссаров еще раз подтверждает право на самоопределение за всеми нациями, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права этих наций отделиться от России. Поэтому мы, Совет Народных Комиссаров, признаем народную Украинскую республику, ее право совершенно отделиться от России или вступить в договор с Российской Республикой о федеративных и тому подобных взаимоотношениях между ними". (ПСС, т. 35, ст. 143).

3) "История советской конституции (в документах). 1917-1956". М. 1951, с. 105.

4) В кавычках формулировка резолюции 8-го партсъезда ("Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы". М. 1959, стр. 425).

5) Вспомним, что еще за два года до этого, через месяц после Октября, в речи на I Всероссийском съезде военного флота, Ленин сказал: "Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем... Пусть буржуазия затевает презренную жалкую грызню и торг из-за границ, рабочие же всех стран и всех наций не разойдутся на этой гнусной почве". (22 ноября (5 декабря) 1917 г. — ПСС, т. 35, стр. 115).

6) 28 декабря в "Письме к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным" Ленин разъяснил эти мысли в популярной форме. Указав, что в Советской Украине национальный вопрос "заслуживает в настоящее время чрезвычайного внимания" и что "все большевики, все сознательные рабочие и крестьяне должны внимательно подумать над этим вопросом", Ленин дальше напоминает, что независимость Украины признана и российским ВЦИК'ом и российской коммунистической партией. "Поэтому, — пишет Ленин, — само собою очевидно и вполне общепризнано, что только сами украинские рабочие и крестьяне на своем Всеукраин-

ском съезде Советов могут решить и решат вопрос о том, сливать ли Украину с Россией, оставлять ли Украину самостоятельной и независимой республикой и в последнем случае какую именно федеративную связь установить между этой республикой и Россией" (ПСС, т. 40, стр. 42, а также сл. сл.).

7) К этому периоду относятся первые 340 страниц четвертого тома "Сочинений" Сталина, и из них 170 так или иначе рассматривают проблемы федерализации.

8) Так, к первой годовщине Октября Сталин дал в "Правду" большую, программную статью "Октябрьский переворот и национальный вопрос". Ее первая часть озаглавлена: "Февральская революция и национальный вопрос". Казалось бы, тут Сталину (и именно ему!) надлежало становиться на оппозиции к федерализму во время и после февраля, которую Ленину пришлось преодолевать, и сказать хотя бы пару слов о своей причастности к ней. Но об этом — никакого упоминания. ("Сочинения", т. 4, стр. 155-158).

9) В "Правде" за 19 ноября 1918 г., откуда эта статья была перепечатана в "Сочинениях", она называется "Октябрьский переворот и вопрос о национальностях". Для "Сочинений" название взято от другой статьи, напечатанной в "Правде" от 6 ноября, представляющей, видимо, первоначальный, неудачный вариант и не помещенный в "Сочинениях". Из нее для "Сочинений" взят только подправленный первый абзац. Все это, конечно, проделано без оговорок.

10) То есть к тому самому "праву трудящихся классов на самоопределение", которым через полгода, на VIII партсъезде, при разработке программы партии, Бухарин предложил заменить право наций на самоопределение и которое тогда же (19 марта 1919 г.) Ленин подробнейшим образом раскритиковал (ПСС, т. 38, стр. 156 сл.).

11) Председатель ЦИК Советов Украины Н. Скрыпник немедленно (6 апреля) направляет в Москву следующий протест: "Мы должны заявить самый решительный протест против выступления наркома Сталина. Мы должны заявить, что ЦИК Советов Украины и Народный секретариат (так именовалось правительство Украины — автор), имеют источником своих действий не то или иное отношение того или иного наркома Российской федерации, а волю трудящихся масс Украины, выразившуюся в постановлении II-го Всеукраин-

ского съезда Советов. Заявления, подобные сделанному наркомом Сталиным, направлены к взрыву советской власти на Украине... и прямо способствуют врагам украинских трудящихся масс". (Данные об описанном эпизоде взяты из до сих пор неопубликованной стенограммы выступления А. Снегова в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС на конференции старых большевиков, обсуждавшей 28 июня 1966 года макет III тома "Истории КПСС").

12) На 8-ой Всероссийской конференции партии Сталина не было, а о его отношении к выступлениям и к резолюции Ленина на Политбюро и на Пленуме ЦК, предшествовавших конференции, сведения не опубликованы.

13) Цитату мы взяли из текста письма, помещенного в "Примечаниях" Института Ленина при ЦК ВКП(б) ко второму изданию сочинений Ленина. См. т. XXV, М. 1928, стр. 624.

14) Один лишь пример: 2 марта 1921 г. Ленин в письме к Орджоникидзе шлет "горячий привет Советской Грузии" и просит, чтобы грузинские коммунисты "не применяли русский шаблон, а умело и гибко создавали своеобразную тактику, основанную на большей уступчивости всяческим мелкобуржуазным элементам". Ленин, естественно, ожидает, что Сталин, через которого отправляется письмо, будет возражать, и просит его в этом случае "поговорить по телефону". Но возражения от Сталина не последовало. (ПСС, т. 42, стр. 367).

15) Об этом говорит, например, эпизод с образованием Федерации закавказских республик в ноябре 1921 г., когда Сталину пришлось отказаться от своей бюрократической манеры сверху решать вопросы, затрагивающие интересы народных масс, и согласиться на предложение Ленина повременить, чтобы "поставить вопрос о федерации пошире на обсуждение партии и рабочих и крестьянских масс, энергично вести пропаганду за федерацию и провести ее через съезды Советов каждой республики" (ПСС, т. 44, стр. 255). Предложение Ленина содержится в его записке от 28 ноября 1921 г. в ответ на письмо Сталина, текстом которого Центральный партархив не располагает (там же, стр. 566). Но Сталин не был бы самим собой, если бы на XII съезде партии, на котором Ленина уже не было, не извратил ход дела, изобразив его так, будто не Ленин, а он, Сталин, предлагал "не торопиться с этим, подождать" (Двенадцатый съезд РКП(б)... Стенографический отчет". М. 1968, стр. 202). И не

поэтому ли письмо Сталина странным образом исчезло из архива ЦК?

16) Они приведены в книге: С.И. Якубовская. — "Строительство союзного советского социалистического государства. 1922-1925". М. 1960, стр. 145-149.

17) Более подробно о фактах и датах этой неудавшейся попытки Сталина навязать коммунистической партии еще при Ленине свою линию в национальной политике социалистической страны см. в примечаниях и приложениях Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и 45 тому PSS Ленина (стр. 556-560, а также стр. 686-688).

18) См. материалы ЦПА ИМЛ, приведенные в вышецитированной книге С.И. Якововской, стр. 163, 164.

19) Известно, что позднее Сталин себе, а не Ленину (или, на худой конец, себе и Ленину) приписал идею создания Советского Союза. Не для этой ли лжи ему потребовалось всю жизнь утаивать письмо Ленина Каменеву от 26 сентября 1922 г.? Оно было опубликовано только в 1959 году.

20) Слова Ленина из ободряющей и бескомпромиссной записки, посланной им своему единомышленнику Каменеву в день обсуждения вопроса на пленуме ЦК; сам он в этот день (6 октября) не мог присутствовать на пленуме. (PSS, т. 45, стр. 214).

21) "Известия ВЦИК" от 31 декабря 1922 г. — 1 января 1923 г., № 1(1737). Анкета "Итоги, перспективы и пожелания на 1923 год".

22) И. Сталин — "Сочинения", т. 5-ый, стр. 155.

Сопоставим с этим выражение Зиновьева, в несколько ином виде повторившее через год формулу Ленина "Союз Советских Республик Европы и Азии": "борьба коммунистического пролетариата за низвержение капитализма и создание Международного Союза Советских Социалистических Республик" (статья "Ленин и Коммунистический Интернационал", написанная в феврале 1924 г. и напечатанная в "Правде", №№ 48 и 49. См. кн.: Г. Зиновьев — "Сочинения", т. XV, Ленинград, 1924, стр. 243). И эта же формула записана в "Уставе Коммунистического Интернационала", принятом летом (июнь-июль) 1924 года на V Конгрессе Коминтерна: Коминтерн борется за "создание всемирного союза социа-

листических советских республик" ("Пятый всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографич. отчет". Часть II. М.-Л. 1925, стр. 89).

23) Это письмо было впервые опубликовано в 1965 году (ПСС, т. 54, стр. 329). Но до сих пор не опубликованы документы, могущие пролить свет на обстоятельства и подлинные причины невыполнения Троцким просьбы Ленина на XII съезде. Прежде всего, мы имеем в виду стенограмму телефонного ответа Троцкого, о которой упоминается в "Дневнике дежурных секретарей": вместо того, чтобы привести текст стенограммы, ИМЭЛ от себя пишет, что Троцкий не пошел навстречу просьбе Ленина, ссылаясь на болезнь (ПСС, т. 45, стр. 486; т. 54, стр. 674); но при чем тут болезнь, если Троцкий делал огромный доклад о промышленности на том же XII съезде? Далее, где находится письмо Л. Фотиевой Каменеву как председательствующему в ПБ ("Копия тов. Троцкому") от 16 апреля 1923 г, т.е. накануне открытия съезда партии? В нем она сообщает: "31-XII-22 г. Вл. Ильичем была продиктована статья по национальному вопросу. Вопрос этот чрезвычайно его волновал, и он готовился выступать по нему на партсъезде... Статью эту В.И. считал руководящей и придавал ей большое значение. По распоряжению Вл. Ильича она была сообщена тов. Троцкому, которому В.И. поручил защищать его точку зрения по данному вопросу на партсъезде ввиду их солидарности в этом вопросе. Единственный экземпляр статьи, имеющийся у меня, хранится по распоряжению В.И. в его секретном архиве. О вышеизложенном довожу до Вашего сведения. Ранее сделать этого не могла, т.к. только сегодня приступила к работе после болезни. Личный секретарь тов. Ленина — Л. Фотиева." (Текст этого письма мы приводим по книге: Л. Троцкий — "Сталинская школа фальсификации". Берлин, 1932, с. 82).

24) Имеется следующее свидетельство Троцкого об обстоятельствах появления последнего документа, исходившего от Ленина. В вышеупомянутой книге "Сталинская школа фальсификации" на стр. 83 читаем: "Когда Фотиева принесла мне так наз. "национальное" письмо Ленина, я предложил: "Каменев едет сегодня в Грузию на съезд партии, не показать ли ему письмо, чтобы он мог предпринять соответствующие шаги?" Фотиева ответила: "Не знаю, В.И. не поручал мне передавать письмо тов. Каменеву, но я могу его спросить". Через несколько минут она вернулась со словами: "Ни в коем случае. В.И. говорит, что Каменев покажет пись-

мо Сталину, а Сталин пойдет на гнилой компромисс, а потом обманет". Однако, через несколько минут или может быть через полчаса Фотиева пришла от Вл. Ильича уже с новым вариантом. По ее словам, Вл. И. решил действовать сейчас же и написал записку Мдивани и Махарадзе с передачей копии ее Каменеву и мне. "Чем объясняется эта перемена?" — спросил я Фотиеву. "Очевидно тем, — ответила она, — что Вл. Ильичу стало хуже, и он спешит сделать все, что может".

И этот, последний документ Ленина лица, именующие себя ленинцами, тоже скрывали от своей партии, которую они называют ленинской, до 1965 года, то есть 42 года!.. Зато они канонизировали и в течение десятков лет навязывали нагло-лживую версию о расхождении Сталина с Лениным по национальному вопросу, которую позднее (в декабре 1926 г. на VII расширенном пленуме ИККИ) дал сам Сталин. Пользуясь тем, что его же стараниями относящиеся сюда ленинские документы были предварительно и расчетливо запрещены к опубликованию и не были известны аудитории, Сталин тогда заявил: "Никаких разногласий по национальному вопросу с партией или с Лениным у меня не было никогда". Был только "один незначительный инцидент", "когда тов. Ленин перед XII съездом нашей партии упрекал меня в том, что я веду слишком строгую организационную политику в отношении грузинских полунационалистов, полукоммунистов, типа тов. Мдивани...", "что я преследую их". "Ленин не знал и не мог знать фактов, так как он болел, лежал в постели и не имел возможности следить за событиями. Но какое отношение может иметь этот незначительный инцидент к принципиальной позиции Сталина?" (И. Сталин — "Сочинения", т. 9, стр. 65-66).

Мы видим, что в 1926 г. политический стиль и политическая мораль сталинизма полностью созрели — та мораль и тот стиль, истоки которых в годы 1918-1923 прослеживает настоящий очерк.

25) Текст предложений Фрунзе, взятый из ЦПАИМЛ, читатель найдет в книге Якубовской (см. выше), стр. 195-196.

26) См. "Двенадцатый съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 г. Стенографический отчет". М. 1963, стр. 768 и 821. А также книгу Л. Фотиевой — "Из воспоминаний о В.И. Ленине (Декабрь 1922 — март 1923 г.)". М. 1964, стр. 56.

27) "Двенадцатый съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 года. Стенографический отчет". М. 1968, стр. 496-498.

28) Там же, стр. 590.

29) Там же, стр. 650. — Вот это замечательное место из записки Ленина, в котором с особой выпуклостью выражена суть ленинской национальной политики: "Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой "великой" нации (хотя великой только своими насилиям, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остался, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения". (ПСС, т. 45, стр. 359). Сталин же тех, кто принял это ленинское указание всерьез, а не как оборот речи, обозвал (с иронией и характерно-сталинскими притворством и передержкой!) создателями "новой теории о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного в отношении бывших угнетенных наций", — чтобы, не затрудняя себя выбором "оборотов речи", объявить идею и предложение Ленина "несообразностью"!

30) Ведь высказал же делегат съезда Яковлев (поддержанный голосами: "Правильно!") опасение, как бы записка Ленина не оказалась "потерянной грамотой", подобно тому, как это произошло с речью Ленина по национальному вопросу на 8-ой Всероссийской конференции в 1919 году (там же, стр. 595-596). И действительно, при Сталине этот ленинский документ так и не был опубликован, — впервые это оказалось возможным сделать лишь спустя треть века, после XX съезда.

31) Что Сталин с самого начала образования Советского Союза толковал союзные республики как автономные, видно, например, из сообщения председателя СНК Украины Раковского на съезде, что бумаги, получаемые на Украине из ЦК РКП(б), имели обращение: "Всем губернским комитетам, областным комитетам и центральным комитетам автономных республик". И он резонно замечает: "Аппарат ЦК (т.е. Сталин — автор) дальше не идет, для него дальше автономных республик других республик вовсе не существует" (там же, стр. 580).

32) 18 ноября 1922 г., в беседе с корреспондентом "Прав-

ды" по "Вопросу об объединении независимых национальных республик", Сталин, сообщая, что существует мнение о необходимости создания второй палаты, сказал: "Но это мнение, несомненно, не встретит сочувствия в национальных республиках хотя бы потому, что двухпалатная система при наличии верхней палаты несовместима с советским строительством, по крайней мере, на данной стадии его развития" (И. Сталин — "Сочинения", т.5, стр143).

33) "Двенадцатый съезд РКП(б)... Стенографический отчет". М. 1968, стр. 495.

34) "Мы считаем, — я говорю это от имени всех украинских товарищей, — что была совершена крупнейшая ошибка сегодня в секции, где была принята формулировка т. Сталина о двухпалатной системе. ... Мы являемся самыми решительными сторонниками двухпалатной системы. Значит, не об этом речь, а о чем-то другом. Для чего была создана двухпалатная система? Для того, чтобы она давала гарантии для отдельных республик. Вот смысл двухпалатной системы. При том решении, которое было принято сегодня, двухпалатная система не только не дает нам, отдельным республикам, никакой гарантии, но, наоборот, она закрепляет фактически еще больше ту систему, которую мы теперь имеем, — систему, которая выражается в том, что у нас из 360 депутатов в Союзнм ЦИК'е 280, а может, и больше, принадлежит РСФСР ... Что сегодня приняла комиссия? Она приняла следующее: что в так называемой второй палате все национальности, — я обращаю внимание на это слово, — национальности будут участвовать с одинаковым числом голосов"... А "нужно сказать, что во вторую палату входят не национальности, а государственные объединения, и мы давно сказали т. Сталину, что мы, Украина, не хотим иметь одинаковое число голосов с РСФСР... Мы были бы довольны, если РСФСР удовлетворилась бы в этой палате голосами не более 2/5, и эти 2/5 голосов распределит между различными республиками. Это ее дело. Но если РСФСР хочет дать пример либерализма и демократического национализма, которыми т. Сталин оперирует против нашей (т.е. предлагаемой украинцами — автор) двухпалатной системы, пусть РСФСР создает при своем ВЦИК'е вторую палату, куда эти республики были бы приглашены... Поэтому я поддерживаю следующее предложение: "Ни одно из гособъединений, входящих во вторую палату, не может иметь больше двух пятых всех голосов". (Там же, стр. 657-658).

35) Там же, стр. 659.

36) Там же, стр. 659.

37) Вот, например, что в прениях сказал Яковлев: "Еще о тех гарантиях, которые предлагает т. Сталин. Является ли гарантией второй ЦИК? Я прошу спокойно вдуматься в это. Разве первый ЦИК может что-нибудь гарантировать практически, разве он решает самостоятельно основные принципиальные вопросы? А если вы к первому ЦИК прибавите второй ЦИК с такими же правами, то неужели эти два ЦИК'а будут содействовать вместе разрешению национального вопроса? Посмотрите правде прямо в глаза. На съезде партийном мы можем требовать, чтоб нам дали гарантию того, насколько будет проводиться это всерьез, а не только гарантии бумажные... Как нужно ставить вопрос? Нужно искать других гарантий, и одна из самых существенных гарантий — самое широкое распространение тех идей и мыслей, которые развиты в последних письмах т. Ленина. Это то, что может заставить всю партию встряхнуться и задуматься". И это выступление Яковлева было покрыто аплодисментами (там же, стр. 597-598).

38) Зиновьев и Каменев прямо поддерживали и всячески рекламировали Сталина, со стороны Троцкого была подчеркнутая нейтральность. Об общеполитической позиции первых двух в это время мы говорим ниже, в пятой главе настоящего очерка — главе о коммунистической партии в однопартийной политической системе. Что же касается Троцкого, то на съезде он по темам национального вопроса не выступал, а в своих двух предсъездовских выступлениях (см. статью "Мысли о партии. II" в "Правде" за 20 марта и доклад ЦК РКП на Всеукраинской конференции в "Правде" за 12 апреля) он и не мог предварять съездовское обсуждение ленинской записки и ограничился указанием, что национальный вопрос поставлен в порядок дня по инициативе Ленина.

39) См. "КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК", изд. 8-ое, т. 2 (М. 1970), стр. 488.

40) И. Сталин — "Сочинения", т. 5, стр. 340-341. — Свою формулу Сталин живо подает как фразу из Конституции СССР. Но в это время Конституции еще не было (она принята 6 июля и утверждена 31 января 1924 г.). Украинцы требовали не ее пересмотра, а невключения в нее ошибочной и вредной формулы "Договора".

41) Напомним, что это письмо Сталин не включил в свои "Сочинения", и мы цитируем его по "Примечаниям" ко второму изданию сочинений Ленина, т. XXV, М., 1928, стр. 624. — Пометку Ленина мы также приводим по второму изданию (стр. 287), так как почему-то она в ПСС не попала (см. ПСС, т. 41, стр. 164).

42) "КПСС в резолюциях...", изд. 8-ое, т. II, стр. 490-491, М. 1970.

43) Там же, стр. 490.

44) "История Советской Конституции" (в документах). 1917-1956". М. 1957, стр. 425, 428, 463, 549, 604, 662.

45) Говоря о "Четвертом совещании ЦК РКП(б)" июня 1923 года по национальному вопросу, состоявшемся не только в отсутствие Ленина, но и без его ведома, невозможно обойти молчанием одно событие общеполитического масштаба, которым это "совещание" ознаменовалось и в котором через национальный вопрос, пожалуй, впервые в законченном виде проявились сталинистские методы и приемы политической борьбы и ликвидации внутривластных разногласий (ликвидации, а не решений). Читатель, конечно, понимает, что мы имеем в виду так называемое "Дело Султан Галиева". Султан Галиев был видным и одаренным членом партии, убежденным и честным коммунистом, но по-своему (во всяком случае, не по-сталински) пытавшимся увязать требования пролетарской революции с требованиями национально-освободительного движения колониальных народов Востока, напр., предлагал учредить колониальный интернационал. Сталин же, поставив непростое дело Султан Галиева в центр "Совещания", упростил его в своей манере. Вместо того, чтобы подойти к нему по существу, он смешал идеологические обвинения с организационно-кадровыми (а попросту говоря — с уголовными), припутал иноземную контрреволюцию, привлек в качестве "примиренцев" друзей обвиняемого, заставил самого обвиняемого признать свою "вину" (даже не ошибки, а именно вину! — следствие то вело ГПУ) и каяться. И это — чтобы арестовать и (затем?) исключить его из партии... Словом, перед нами — при еще живом, но уже отсутствующем Ленине — предвестие сталинских расправ тридцатых-сороковых-пятидесятых годов.

46) Здесь следует, быть может, привести замечания Ленина на отзыв Преображенского о его тезисах по национальному

и колониальному вопросу для II Конгресса Коминтерна, то есть еще летом 1920 г. Преображенский пишет Ленину: "После переворота решение национального вопроса должно быть подчинено задаче создания единого хозяйственного целого из образовавшихся социалистических республик". Ленин возражает: "Просто "подчинить" нельзя" и ссылается на параграф 12 своих тезисов (а там сказано о необходимости "добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс", — см. ПСС, т. 41, стр. 168). Преображенский продолжает: "... если будет исключена возможность экономического соглашения с руководящими национальными группами — неизбежно подавление их силой и насильственное присоединение экономически важных районов к союзу Европейских республик". А Ленин на это отвечает: "через край хвачено. Недоказуемо и неправильно сказать, что "неизбежно" "подавление силой". В корне неверно". (Опубликовано в 1958 году в журнале "Вопросы истории КПСС", № 2, стр. 16).

47) В связи с этим "важным принципиальным вопросом" хочется привести еще два высказывания Ленина — осени 1921 года. Первое: по поводу острой тогда проблемы распространения революции на районы Туркестана. Ленин пишет на имя А. Иоффе: "Для всей нашей Weltpolitik дьявольски важно завоевать доверие туземцев, трижды и четырежды завоевать; доказать, что мы не империалисты, что мы уклоняемся в эту сторону не потерпим. Это мировой вопрос, без преувеличения мировой. Тут надо быть архистрогим. Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным". (13 сентября 1921 г. — ПСС, т. 53, с. 190. — Документ скрывался в архивах до 1959 г.). И второе: по поводу полемики между Чичериным и Сталиным, начавшейся в марте 1921 г. вокруг тезисов последнего к X партсъезду. Ленин пишет под текстом письма Чичерина Сталину: "тов. Сталин! Не пришлите ли мне копию Вашего ответа Чичерину? По-моему, он прав". (20 ноября 1921 г. ПСС, т. 54, с. 28). Эти строки Ленина были впервые опубликованы в 1965 году, но переписка Чичерин-Сталин, о которой в них говорится, кажется до сих пор не опубликована). Опубликованы только статья Чичерина "Против тезисов т. Сталина в "Правде" 6, 8 и 9 марта 1921 г. и ответ Сталина в его докладе на X партсъезде. Чичерин тактично, но скрупулезно развивает интернациональный контекст и мировые аспекты национального вопроса, а Сталин отмахивается от этого как от "литературщины").

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

При Ленине Сталин в государственном аппарате страны, помимо поста Наркомнаца, занимал пост Наркома Рабоче-Крестьянской Инспекции (точнее: с марта 1919г. до февраля 1920г. — Наркома Госконтроля, а затем до апреля 1922г. — Наркома РКИ). Через год после трехлетнего хозяйничанья Сталина в Наркомате Ленин писал: "Будем говорить прямо: наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет и что, при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать". ("Лучше меньше, да лучше", 2 марта 1923г. — ПСС, т.45, стр.393). Как же получилось, что в своих последних напутствиях большевистской партии и советскому народу Ленину пришлось дать такой убийственный отзыв о состоянии одного из опорных разделов государственной деятельности и государственного строя, того раздела, организовывать, строить и направлять который было поручено члену Политбюро Сталину и который годами находился под управлением Сталина, был *его* ведомством и *его* аппаратом. Приписывать это недостаточным способностям и неумению Сталина или отсутствию у него интереса к этому делу нет оснований и было бы просто ошибочным. Сталин был выдающимся организатором и способным администратором, а своему Наркомату и

его совершенствованию он уделял достаточно внимания. Ниже мы показываем, что причина здесь не в деловых качествах Сталина, а в том, что Сталин с самого начала организовал этот наркомат и до конца своего пребывания во главе его строил, исправлял и совершенствовал его не так, не в том направлении, не с теми целями и перспективами, какие связывал с таким наркоматом Ленин. Перед нами пройдет столкновение двух в корне различных представлений о месте контроля и инспекции, их функций, их операций, их исполнителей в системе социалистической государственности, и дальше и глубже — столкновения двух концепций переходного к социализму (да и социалистического) государства.

а) Годы 1918 — 1919: Период Госкона. Первое расхождение Сталина с Лениным.

Концепция Ленина обогащалась по мере развития советской страны, но в своем существе она оставалась неизменной до конца его дней, — и ее стержень мы видим уже в первых ленинских высказываниях об органах государственного контроля, призванных заменить контрольное ведомство старого российского государства.

Так, декретом СНК от 18 января 1918 года за подписью Ленина "О центральной контрольной коллегии и местных учетно-контрольных коллегиях и комиссиях" вводится выборность этих коллегий и комиссий, то есть принцип их создания трудящимися и массовыми организациями. (СУ РСФСР 1918г. №18, стр.264). А когда в мае 1918г. был образован Наркомат Государственного Контроля, то было установлено, что к фактическим ревизиям, на которых строится его деятельность, должны в обязательном порядке привлекаться представители трудящихся.

3 декабря 1918г. Ленин представил Совету Обороны "Проект постановления об использовании государственного контроля", в котором требует, чтобы контроль и инспектирование проводились только при активном участии рабочих масс. Через два дня, 5 декабря, в замечаниях к проекту "Положения об организации рабочей продовольственной инспек-

ции” он предлагает ”переработать его в том направлении”, чтобы ее ”обязанностью был еженедельный отчет широким массам рабочего класса и трудящегося населения прежде всего через профессиональные союзы”. (Ленинский сборник XVIII, стр.253; ПСС, т.37, стр.536-7 и 632). Но в это время, почти после годового опыта, Ленина уже не удовлетворяет такое положение, когда ведомство государственного контроля существует отдельно и, значит, самостоятельно от массовых органов рабочей инспекции. И 20 декабря Ленин делает тот решающий шаг, которым открывается путь его непрекращающихся исканий такой формы организации государственного контроля, при котором он был бы вместе с тем народным контролем и, таким образом, соответствовал бы обществу, строящему социализм и в процессе этого строительства совершенствующему свой, социалистический государственный аппарат. Ленин вносит в Президиум ВЦИК предложение образовать комиссию во главе с председателем ВЦИК Свердловым для подготовки декрета о реорганизации Наркомата Госконтроля, а именно — о включении в его состав всех существовавших в то время общественных контрольных и инспекционных органов и образований.

В противоположность Ленину, комиссия, в которой (ввиду постоянного отсутствия Свердлова, занятого подготовкой 8-ого партсъезда и все время выезжавшего на места) главной фигурой был Сталин, не спешила: лишь 8 марта 1919 года СНК получил ее проект декрета. И здесь, уже в самом начале пути, перед нами встает расхождение между двумя пониманиями и практическими направлениями — ленинским и сталинским. В свете позднейшего развития этого расхождения не может подлежать сомнению, что Сталину уже тогда была чужда мысль, с первых октябрьских шагов вынашивавшаяся Лениным, та фундаментальная для строительства социализма мысль, ради которой Ленин и предложил слить госконтроль с рабочей инспекцией в один контрольно-инспекционный орган. Сталин не сумел понять или не пожелал усвоить ленинскую мысль и, во всяком случае, оставил ее без внимания. В проекте она была просто обойдена, и Ленин, повидимому, тут же на заседании СНК послал

записку Сталину, в которой читаем: "По-моему, в декрет о Контроле надо добавить: 1) Создание центрального (и местных) органов рабочего участия. 2) Ввести по закону систематическое участие понятых из пролетарского населения, с обязательным участием до 2/3 женщин" (ПСС, т.37, стр.541) (1). Работа над проектом снова затянулась. 16 марта на пленуме ЦК партии постановлено было Госконтроль "реформировать". 22 марта 8-ой съезд партии в резолюции "По организационному вопросу" специальным пунктом о "социалистическом контроле" указал: "Дело контроля в Советской республике должно быть радикально реорганизовано с тем, чтобы создать подлинный фактический контроль социалистического характера. Руководящая роль в деле осуществления социалистического контроля должна выпасть на партийные организации и профессиональные союзы". ("Восьмой съезд РКП(б)... Протоколы", М.1959, стр.429). 30 марта наркомом Госкона был назначен Сталин, как член Политбюро, уже ряд месяцев занимавшийся вопросом организации контроля. И только 9 апреля проект, переработанный с участием Ленина (Свердлова уже не было в живых), был утвержден ВЦИКом как "Декрет о государственном контроле". Во вводной части читаем ленинское принципиальное требование, к тому времени уже вошедшее, как мы видели, в решение партсъезда: "Необходимо прежде всего обновить и преобразовать этот орган (Госконтроль), влить в него свежие силы рабочих контрольно-ревизионных организаций, дать ему новые задачи действительного, фактического контроля, вовлечь в его работу широкие слои рабочих и крестьян для того, чтобы Государственный контроль из органа формального контроля превратился в орган народного социалистического контроля, накопления опыта социалистического строительства и постоянного совершенствования всего механизма Советской власти". Но в редакции отдельных конкретных пунктов видны следы компромисса. Главное же в том, что на этом этапе удалось слить Госконтроль с органами рабочей инспекции (как того желал Ленин) — в ведение Наркомата Госкона были переведены только существующие при отдельных ведомствах, организациях и

предприятиях контрольно-ревизионные органы. ("Декреты Советской власти", т.V, М.1971, стр.46-51).

В результате получилось, что апрельский декрет 1919 года *фактически* не только не ликвидировал, но узаконил раздельное и параллельное существование государственного контроля и рабочей инспекции. И это положение закреплялось еще тем, что, с одной стороны, во главе госконтроля стоял теперь Сталин, человек, свою деятельность осуществлявший всецело в кругу чиновных помощников и подчиненных, в аппарате своего ведомства, вдали от рабочих масс, без живого общения с массами — без умения общаться с ними, да и без интереса к такому общению. С другой стороны, для профсоюзов, руководивших рабочей инспекцией, Сталин был официальным лицом, с которым теперь приходится иметь дела, лично же человеком мало симпатичным, а как общественный деятель мало известным, среди рабочих же масс и вовсе неизвестным, не говоря уж о популярности и авторитетности. Профсоюзы не питали доверия к Госкону; они опасались, как бы попав в его недра, рабочая инспекция не обюрократилась, — и они противились слиянию.

б) Год 1920: От Госкона к Рабкрину. Второе расхождение Сталина с Лениным.

Между тем, пока Сталин занимался перестройкой и совершенствованием центрального и местных ведомственных аппаратов Госкона и улучшением их штатного состава, а контрольная деятельность НКГК в основном осуществлялась по старому, и сосредоточивалась, главным образом, на проверке расходования государственных средств (2), во многих городах ширилось и крепло новое движение революционной самодеятельности масс — рабочая инспекция. В Москве, например, за несколько месяцев почти на 300 фабриках и заводах были организованы ячейки инспекции, объединяющие свыше 60 тысяч рабочих. Разобщенность госконтроля и рабочей инспекции, чем дальше, тем больше вредила обоим, отрывая первый от масс и замыкая его в затх-

лый круг чиновничьей службы, а вторую отрывая от среды в которой революционная горячность и классовая преданность делу социализма могли бы дополняться профессионально-инспекторскими качествами и методами, а также лишая ее твердого правового статуса. В декабре 1919 года вопрос был поднят делегатами с мест на 8-ой конференции РКП(б), причем вносилось даже предложение дополнить Конституцию РСФСР специальным пунктом о рабочей инспекции как важнейшей форме участия рабочих масс в управлении государством. Конференция перенесла вопрос на VII Всероссийский съезд Советов. ("Восьмая Конференция РКП(б). Декабрь 1919 года. Протоколы". М. 1961, особ. стр. 73, 120, 121, 206) (3). Съезд Советов решил, что должен существовать единый орган социалистического контроля. В созданную после этого Президиумом ВЦИКа комиссию были представлены три проекта такого органа. Комиссия не могла придти к единому мнению, и дело перешло в ЦК. 23 января 1920 года Политбюро рассмотрело проекты и признало их все неудовлетворительными, так как в них не было главного. Ленин предложил резолюцию, в которой сжато сформулировано это главное и которая была принята в качестве "директивы ЦК РКП". Эта ленинская директива гласила: "Рабочую и Крестьянскую инспекцию всячески развивать, усиливать, расширять, направляя всю работу к полному "оработчению" (и "окрестьяниванию") Госкона. На рабочую инспекцию не брать квалифицированных рабочих, а только неквалифицированных и главным образом женщин. Немедленно при участии Аванесова составить новый проект Рабочей и Крестьянской инспекции при Госконе и внести в Политбюро не позднее 28.1.1920". (ПСС, т.40, стр.64 и 374). Так произошло второе столкновение линии Ленина с линией Сталина в вопросе социалистического контроля, так как один из забракованных трех вариантов принадлежал Сталину (он предусмотрительно, "на всякий случай", не был Сталиным представлен к опубликованию, хотя другие два проекта были своевременно напечатаны в газетах!). И то обстоятельство, что Ленин сделал ответственным за составление нового проекта

не Наркома Госконтроля Сталина, а его заместителя Аванесова, характерно подчеркивает ситуацию. Больше того, неуверенный в том, что из хода обсуждения вопроса в Политбюро Сталин усвоил теоретический и политический смысл и государственную важность директивы ЦК и искренно примет ее к исполнению, сомневаясь поэтому, что Госкон под руководством Сталина, окажется способным *на практике* осуществить ее, и опасаясь уверток и утопления дела в декларациях и общих формулах, Ленин на следующий же день, 24 января, посылает Сталину подробнейшее письмо, в котором, одно за другим и с наглядными пояснениями, *перечисляет* конкретнейшие *практические* меры, требующиеся, чтобы "орабочивание" и "окрестьянивание" Госкона могло быть претворено в жизнь. Этот замечательный, удивительно ленинский документ мы приводим здесь полностью, несмотря на его объем. Читая его, современный читатель не только войдет в атмосферу подлинно-социалистической революции, но и фактически ощутит ту пропасть, которая уже в первые годы Октября отделяла ленинское понимание существа пролетарской диктатуры и социалистической государственности от сталинского понимания. Вот этот документ:

"Тов. Сталину. Копии Аванесову, Томскому, члену Президиума ВсеЦИКа Киселеву.

На основании директивы, данной Центральным Комитетом, следует, по-моему, переработать все три проекта в один.

Добавить, по-моему:

- 1) "Отдел" Рабоче-крестьянской инспекции при Госконе должен быть временный с задачей внедрить Рабоче-крестьянскую инспекцию *во все* отделы Госкона и тогда, как особый отдел, исчезнуть.
- 2) Цель: *всю* трудящуюся массу, и мужчин и *женщин* *особенно* провести через участие в Рабоче-крестьянской инспекции.
- 3) Для сего на местах составлять списки (по Конституции), исключать служащих и т.д., — остальных *по очереди* всех проводить через участие в Рабоче-крестьянской инспекции.
- 4) Участие это сделать различным, смотря по степени разви-

тия участников: начиная с роли "послуха" или свидетеля или понятого или учащегося для неграмотных и совершенно неразвитых рабочих и крестьян, — кончая всеми правами (или почти всеми) для грамотных, развитых, *испытанных* так или иначе.

5) Особое звание обратить (и сугубо точными правилами обставить) — равно *шире* надо ввести контроль Рабоче-крестьянской инспекции за учетом продуктов, *товаров*, складов, орудий, материалов, топлива и т.д. и т.п. (столовых и проч. особенно)!

К сему *обязательно* привлекать женщин и притом *поголовно*.

6) Дабы не вышло путаницы из привлечения массы участников, надо установить постепенность привлечения, очереди и т.д. Необходимо также тщательно обдумать формы участия (по 2-3, редко и в особых случаях больше участников, дабы не отвлекали они служащих зря от работы).

7) Должна быть выработана детальная инструкция.

8) Чиновники Госкона должны быть обязаны (по особой инструкции) во 1-ых, привлекать ко всем своим операциям представителей (или группы) Рабоче-крестьянской инспекции, а во 2-х, читать лекции *беспартийным* конференциям рабочих и крестьян (лекции по особо утвержденной программе, популярные, об основах Госкона и приемах его: может быть, заменить лекции прочтением брошюры, кою мы издадим (т.е. Госкон, Сталин, и Аванесов, издаст при особом участии партии), и комментарием к этой брошюре.

9) Постепенно вызывать крестьян с мест (обязательно *беспартийных* крестьян) для участия в Госконе в центре: начать хотя бы (если нельзя больше) с 1-2 от губернии, а потом, в зависимости от транспорта и других условий *расширять*. То же для беспартийных рабочих.

10) Постепенно ввести проверку участия в Госконе со стороны трудящихся через партию и через профсоюзы, т.е. через них проверять, участвуют ли все и каковы результаты участия с точки зрения обучения участников делу государственного управления". (ПСС, т.40, стр.65-66) (4).

Ленинская директива Политбюро была утверждена пле-

нумом ЦК 31 января, и логика разработки "нового проекта Раб. и Крест. Инспекции при Госконе", о которой говорит это директива, привела к тому, что идея переходной формы рабочей инспекции как отдела Госкона была отставлена и по докладу Аванесова, сначала на коммунистической фракции 1-ой сессии ВЦИК VII Созыва, а затем 7-ого февраля на самой сессии, было принято радикальное решение: Народный Комиссариат госконтроля реорганизовать в Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской инспекции. Изданный в связи с этим декрет ВЦИКа определял задачи, приемы работы, структуру, штатный состав и порядок формирования нового института делегированных "членов" РКИ в соответствии с вышеприведенными указаниями Ленина об "орабочении" и "окрестьянивании". Докладчик, Замнаркома Госконтроля Аванесов, разъяснил: теперь "всякое заводское собрание и беспартийная конференция могут выставить определенных кандидатов, которые непосредственно зачисляются в органы РКИ" (5). При этом было оговорено, что членом рабочей-крестьянской инспекции может быть всякий трудящийся за исключением лиц, занимающих ответственные административные должности. Наркомом РКИ был назначен нарком бывшего Госкона — Сталин.

Через месяц, удовлетворенный нелегко давшейся победой в затяжной борьбе за социалистическую организацию контроля и полный оптимизма, Ленин в речи на заседании Моссовета 6 марта подчеркивает принятую линию социалистического контроля: "Рабочие и крестьянские массы, которые должны создать все наше государство, теперь должны создать государственный контроль. Вы получите этот аппарат посредством рабочих и крестьянских масс... В Рабочую инспекцию вы должны вовлечь самых боязливых и неразвитых, самых робких рабочих и должны двинуть их вверх. Пусть они поднимаются в этой работе. Посмотрев, как рабочая инспекция участвует в государственных делах, пусть они от простейших занятий, на которые способны, — сначала только в виде понятых, — далее постепенно переходят к более важным ролям в государственных делах..." (ПСС, т. 40, стр.200-201).

Но уже скоро реорганизованный наркомат, оставшийся под прежним руководством, приносит первые разочарования. 29 ноября, выступая на общем собрании коммунистов Замоскворечья, Ленин видит себя вынужденным сказать о Рабоче-крестьянской инспекции: "Этот орган создан около года тому назад, но пока мало себя проявил, как школа для подготовки к управлению государством". (ПСС, т.42, стр.49). И через два месяца, 24 января 1921 года, Ленин на II-ом Всероссийском съезде горнорабочих снова напоминает о необходимости борьбы за "поголовное участие в Рабоче-крестьянской инспекции", ставя такое участие рядом с поголовной грамотностью. (ПСС, т.42, стр.260). Наконец, 8 марта 1921 года, на X съезде партии, Ленин дает этому законченную политическую и не в бровь, а в глаз НКРКИ бьющую формулировку. Надо, говорит он, чтобы трудящиеся умели не только приветствовать декреты рабоче-крестьянской инспекции, — мало разве у нас декретов, которые приветствуются? — но чтобы они умели через Рабоче-крестьянскую инспекцию осуществлять свое право, чего сейчас нет не только в деревне, но и в городах, и даже в городах столичных". (ПСС, т.43, стр.32).

в) Год 1921: РКИ при переходе к НЭПу. Третье расхождение Сталина с Лениным.

Переход к нэпу, разумеется, не только не снял задачу "орабочения" и "окрестьянивания" РКИ, но сделал ее еще более настоятельной и острой. Летом 1921 года при НКРКИ была, по предложению Ленина, создана Комиссия содействия хозяйственным органам во главе с членом редколлегии наркомата А.Коростылевым, и 26 июля Ленин пишет последнему большое инструктивное письмо. В письме читаем:

"Постепенно, но обязательно привлекать *беспартийных* из числа заведомо честных и уважаемых в каждом районе *рабочих*. Не жалеть времени и труда на приискание их, на ознакомление с ними. Их понемногу и осторожно *вводить* в работу, пробуя подыскать *вполне подходящее* для каждого, соответствующее его способностям, занятие. Главное —

приучить рабочих и население к Комиссии в том смысле, чтобы они увидели *помощь* от нее; главное — завоевать доверие массы, беспартийных, рядовых рабочих, рядовых обывателей. Именно Вам, как председателю Комиссии и как человеку центра, члену коллегии *нелюбимой* Рабоче-крестьянской инспекции, это будет нелегко. Но в этом вся суть” (ПСС, т.53, стр.67-68).

Мы видели, что НКРКИ, возглавляемый Сталиным, оказался (и представлялся Ленину) неспособным создавать контрольное ведомство нового, социалистического, типа, которое бы органически связало государственный контроль с рабочей и крестьянской инспекцией, то есть фактически, в повседневной работе опиралось бы на широкое участие трудящихся масс, было бы пронизано этим участием. Но, может быть, наркомат Рабоче-крестьянской инспекции преуспел в части создания квалифицированной и деловой администрации, которая бы соответствовала задачам, стоящим перед советской страной, и советским принципам решения этих задач? Этот вопрос становится все более актуальным в 1921 году, по мере развертывающегося перехода к нэпу. И ответ на этот вопрос получился тоже отрицательный: в выполнении также и этой, служебно-профессиональной, стороны контрольных функций сталинских НКРКИ показал себя неэффективным и просто несамостоятельным и беспомощным. И именно в этой связи произошло третье столкновение линии Сталина и линии Ленина в деле социалистического контроля.

27 сентября 1921 года Ленин воспользовался одним частным (6) поводом, чтобы ”на важнейшем (и простейшем) вопросе — постановке отчетности” (хотя есть и другие, ”тоже важные и более трудные вопросы” — тут же подчеркивал Ленин) письменно изложить Сталину, как Наркому РКИ, свою оценку качества и уровня работы его наркомата, как государственного контрольного механизма, и при этом объяснить, как по его, Ленина, мнению этот механизм должен быть построен и должен работать. Свое подробное письмо, одновременно конкретно-делового и принципиального содержания, Ленин озаглавил:

” К вопросу о задачах Рабкрина, их понимании и их исполнении.” Здесь достаточно будет привести несколько выдержек из него.

” Задача Рабоче-крестьянской инспекции” — пишет Ленин — ”не только и даже не столько ”ловить”, ”изобличать” (это задача суда, с которым Рабкрин соприкасается близко, но отнюдь не тождествен), — сколько *уметь поправить*. Умелое исправление вовремя — вот главная задача Рабкрина”... Ознакомление с докладом (7) убеждает меня в том, что *основа* дела не поставлена в Рабкрине как следует... нет ни *изучения* дела, ни *подхода к исправлению*... Найти виноватого в виде начальника — лишь весьма малая доля работы”... ”Исполнил ли свою задачу и свой долг Рабкрин? *Правильно ли он понял свою задачу?* Вот в чем главный вопрос. И на этот вопрос приходится ответить отрицательно” ... ”Повторяю, вопрос о постановке отчетности есть вопрос основной. Он не изучен Рабкрином. Не выполнена — и даже, по всей видимости, *не понята* — Рабкрином задача: следить за постановкой отчетности, добиваться и добиться ее улучшения”... И наконец, Ленин разъясняет: ”говоря ”Рабкрин”, я имею в виду прежде всего соответствующего автора этого предварительного доклада. Но для меня ясно, что это относится не к одному лишь этому автору”. И резюмирует: ”Игра в ”парламентские доклады”. Не это нужно, а *практическое исправление ...*” (ПСС, т.44, стр.127-132)

Как же реагировал Сталин на письмо Ленина?

Его ответ был впервые напечатан в 1930 году во 2-ом издании сочинений Ленина — в примечании к письму Ленина (т.27, стр.501). В 1950 году он был перепечатан в 4-м издании (т.33, стр.464), для которого сочинения Ленина отбирались (а то и фальсифицировались) применительно к целям пропаганды сталинизма и тома которого выпускались миллионными тиражами. Нет необходимости приводить здесь текст многословного ответа Сталина полностью — читатель легко найдет его в любой библиотеке.

Уже самым заголовком ответа — ”Ответ об инспекции” — Сталин сразу же демонстративно и грубо принизил значение ленинского документа, носящего программное наз-

вание "О задачах Рабкрина, их понимании и исполнении", — подчеркнул, что не видит в этом документе ничего принципиального, и что относится к нему как к очередной записке Предсовнаркома по одному из текущих и не слишком важных эпизодов хозяйственного администрирования. Затем, в первых же строках "Ответа", Сталин отводит лично от себя ленинские обвинения, перетолковывая их таким образом, будто они выдвинуты не против Наркомата РКИ в целом: "Ваши обвинения, направленные против автора "предварительного" доклада" — пишет он. Далее, Сталин вообще ставит под сомнение обоснованность и этим умаляет серьезность ленинских обвинений: они-де "возможно, преждевременны", ибо "докладец" (какая игривая уничижительная скромность!) "предварительный" и послан-то он Ленину всего-навсего чтобы "заинтересовать вопросом". И наконец, ни словом не откликнувшись на вывод Ленина, что главная беда НКРКИ в том, что он не понял свою задачу, Сталин отклоняет требование Ленина от парламентских докладов и ловли да изобличений виноватых начальников перейти к изучению и практическому исправлению недостатков, — как требование несвоевременное, нереальное. Сталин и не обещает улучшить положение в НКРКИ и прямо заявляет: "Я готов априори признать, что наша захудалая инспекция (далее он еще называет ее "такой хилый организм как инспекция") "все еще будет сбиваться на легкий старый путь "ловли", мотивируя это причинами, от него, Сталина, мол не зависящими — недостаточным количеством коммунистов и низкой оплатой руководящих работников. Выходит, что за хилость и захудалость НКРКИ отвечает не Сталин, возглавляющий этот наркомат (да и предшествовавший ему наркомат Госкона) с момента его создания... (8)

Словом, Сталин не пожелал дать себе труд изучить и хотя бы внимательно продумать состоятельный и скрупулезный анализ неудовлетворительного состояния дел в НКРКИ, содержащийся в письме Ленина, и отделался пустопорожней запиской, сочиненной и отправленной тут

же по получении письма. На полное тревоги и, вместе с тем, в высокой степени тактичное послание Ленина Сталин ответил подчеркнуто не по существу поставленных Лениным вопросов и сделанных им предложений, в развязной и чванливой форме давая понять, что никаких изменений в работе РКИ Ленину ждать нечего.

Нетрудно догадаться, что после такого ответа Ленину стало ясно, что исправлять и переделывать организацию социалистического контроля придется без и помимо Сталина и что наркомат РКИ придется освободить от Сталина. Ведь и совершенно деловые и, так сказать, профессиональные, ведомственные функции *социалистического* контроля могут осуществляться лишь при условии и на основе "орабочения" и "окрестьянивания" РКИ, и это условие и эту основу не могут заменить ни увеличение числа коммунистов в аппарате, ни увеличение их жалованья, ни другие бюрократические "усовершенствования", до которых мог додуматься Сталин. Наименование "Рабоче-Крестьянская Инспекция" было для Ленина не эффектной кличкой, не демагогической вывеской, а выражением того, что в государственном контроле советской страны должны *фактически* задавать тон и что этот контроль должны *непосредственно* осуществлять рабочие и крестьяне, и притом по возможности беспартийные.

И все полгода до снятия Сталина Ленин адресовался к нему, как Наркому РКИ, только по частным и специальным вопросам (9).

в) Год 1922: Поиски решения проблемы Рабкрина.

Между тем, Сталин упорно продолжал свою линию бюрократизации РКИ. Дошло до того, что Наркомат РКИ приказом от 30 декабря 1921 года ликвидировал все волостные инспекции, а приказом от 31 января 1922 г. — уездные; в уезды назначались уполномоченные губернских РКИ. (10)

Жалкое состояние, до которого Сталин довел НКРКИ, выразительно сказалось в Московском (а не каком-либо

захолустьем!) деле о самоубийстве главного инженера московского водопровода Ольденборгера, затравленного двумя старшими инспекторами НКРКИ. 3 января 1922 г. в "Правде" в отделе "Хроника" было напечатано сообщение о выводах комиссии Моссовета и МК, назначенной для расследования. Признав факт организации этими ответственными работниками НКРКИ непрерывной травли, комиссия предложила снять их обоих — одного с работы в РКИ, другого — со всякой советской службы. Ленин был потрясен — и не только фактом травли специалиста, но главным образом, легким, политически-близоруким отношением к этому факту со стороны партийных и советских органов столицы. Назавтра же, 4 января, он специально по этому поводу обратился с письмом в Политбюро. При Сталине это гневное, политически резкое и практически детализированное письмо не могло быть опубликовано, и в сноске мы приводим его текст полностью (11). На этом эпизоде читатель сможет сопоставить реагирования, а значит и представления, Ленина и Сталина. В то время как Ленин призывал "бить в большие колокола", Сталин, тогда еще Нарком РКИ, на это "возмутительное дело" в его собственном доме, в *наркомате РКИ*, реагировал молчанием — во всяком случае публично он ни единым словом не обмолвился о нем!

21 февраля 1922 г. Ленин писал Цюрупе: "От Рабкрина *смешно* ждать большего, чем исполнение *простых* поручений" (ПСС, т.44, стр.369. — Подчеркнуто Лениным). И эту полную непригодность той системы и того аппарата контроля и инспекции, которые создал Сталин, видел, разумеется, не один Ленин. У ряда руководителей и ведущих деятелей советского государства, в своей работе сталкивавшихся с бесполезностью и никчемностью Рабкрина, возникала даже мысль о ненужности и невозможности централизовать дело государственного контроля в едином наркомате и возлагать на этот наркомат какие-либо задачи, превышающие традиционный финансовый и бухгалтерский контроль над расходованием материальных и денежных ценностей, — задачи по социалистичес-

кому переустройству и совершенствованию советского государственного аппарата. Назовем хотя бы имена Троцкого, Красина, Осинского. Полностью соглашаясь с этими товарищами в оценке работы, состояния и возможностей сталинского наркомата, Ленин не мог согласиться ни с предложением ликвидировать НКРКИ, ни с предложением существенно урезать и формализовать его функции. Тут столкнулись принципиально различные подходы к пониманию места рабоче-крестьянской инспекции в маршруте и в перспективах строительства социалистического общества. В противоположность оппонентам, Ленин видел в Рабкрине не только и не просто один из разделов или участков государственного аппарата, а возможность, и притом — единственную возможность, для "орабочения" и "окрестьянивания" *всего* государственного аппарата в целом. Поэтому Ленин размышлял не о том, как ликвидировать и чем заменить Рабкрин, как вписать его в систему государственного аппарата страны таким образом, чтобы та решающая для судьбы нашей революции возможность была осуществлена. Вероятно не все мысленно перебранные Лениным варианты дошли до нас. Но весь 1922 год Ленин упорно искал и от других настойчиво требовал, чтобы они искали решения проблемы Рабкрина.

Так, в апреле 1922 года, еще до того как Сталина убрали из РККИ (12), когда Ленин готовил постановление о работе заместителей председателя СНК и СТО (института, выведенного в советскую государственную машину по инициативе Ленина), ему пришла мысль начать перестройку рабоче-крестьянской инспекции с того, чтобы сделать НКРКИ "главным аппаратом замов". "Замы лично подбирают себе помощников и исполнителей из этого наркомата, приучая их к работе и проверяя их работу, в особенности добиваясь расширения участия беспартийных рабочих и крестьян в этой работе (дело исключительно трудное, но в то же время такое, без постепенного развития которого Соввласть неминуемо осуждена на гибель)". (ПСС, т.45, стр.157). Проект постановления, в котором содержится этот план перестройки Рабкрина, был

разослан для отзыва членам Политбюро и Цюрупе и, что естественно для времени Ленина, возникла полемика. По поводу пункта о Рабкрине скептические замечания высказал Троцкий (13). Сталин, к тому времени уже ушедший из РКИ, не принял участия в полемике. Возражения же Троцкого Ленин отклонил 5 мая в "Ответе на замечания, касающиеся работы замов": "Насчет Рабкрина т. Троцкий в корне не прав. При нашей отчаянной "ведомственности" даже среди лучших коммунистов, при низком уровне служащих, при интриганстве внутриведомственном (хуже всякого рабкриновского) нельзя обойтись без Рабкрина сейчас. Над ним можно и должно поработать систематически и упорно, чтобы сделать из него аппарат проверки и улучшения всей госработы. Иначе никакого практического средства проверять, улучшать, учить работе нет. Если сейчас в Рабкрине около 12.000 человек аппарата, плохого и плохо оплачиваемого, то следует сократить и улучшить его... Это можно и должно сделать. Иначе бороться с ведомственностью и бюрократизмом нельзя. Иначе нельзя учить беспартийных рабочих и крестьян управлению, а этой задачи ни принципиально, ни практически в данный момент отказаться нельзя." (ПСС, т.45, стр.180-181)

После ухода Сталина из РКИ, в апреле 1922 года, Наркомом РКИ был назначен заместитель Председателя СНК Цюрупа, человек, которого Ленин высоко ценил и на которого полагался. Но из-за болезни Цюрупа не смог приступить к работе. Ленина это тревожило; находясь на отдыхе в Горках, он, едва оправившись после первого приступа болезни, 19 августа пригласил к себе Сталина, теперь генсека ЦК, и расспрашивал его, как ЦК помогает улучшать работу Рабкрина. Ответы Сталина не удовлетворили Ленина (14), и, насколько можно было судить по опубликованным материалам, это был последний раз когда Ленин обращался к Сталину по вопросам РКИ. Через два дня, 21 августа, он пишет членам обновленной коллегии НКРКИ Свидерскому, Реске, Розмирович, Рузеру и др.: "Я очень жалею, что Цюрупе не удалось поработать в

РаКри. Боюсь, что работа не совсем правильно стоит. Тип работы — отдельные обследования и доклады. Сталина. А переделки и улучшения его нет. . . я все надеялся, что приток новых работников в коллегию РаКри оживит дело, но из расспросов Сталина не мог видеть этого". (ПСС, т.54, стр.274). Но после того как письмо было отправлено, его мягкий тон показался Ленину недостаточно действенным и он вдогонку снова пишет Свидерскому, уже определеннее, прямее и резче: "Надо из всех сил взяться за РаКри. . . начать сейчас же коренное преобразование" (там же, стр.275). Однако, для задачи коренного преобразования члены коллегии были недостаточно сильны и авторитетны, а возможно, и недостаточно единодушны, и дела в НКРКИ продолжали и после писем Ленина идти так, как было заведено и внедрено Сталиным, — и в политическом направлении, и в содержании, и в методах, и в стиле работы проползались и нарастали все тот же формализм, все та же некомпетентность, все та же погоня за количественными показателями в ущерб качеству, все те же декламации насчет привлечения широких масс в дело контроля без сколько-нибудь весомого фактического их привлечения. От ЦК же (на который, видимо, возлагал надежды Ленин) ни инициативы, ни помощи, ни даже заинтересованности в коренном преобразовании ждать не приходилось: там теперь сидел автор и сторонник существующих порядков, молчаливый (до поры, до времени!), но убежденный противник такого преобразования, — все тот же Сталин.

И Ленин продолжает "систематически и упорно" настаивать, чтобы приступили, наконец, к коренному преобразованию построенного Сталиным бюрократического, не народного, не социалистического наркомата РКИ, к превращению его в аппарат проверки и улучшения всей государственной работы, построенной — в противоположность сталинскому — на массовом участии в нем рабочих и крестьян и, через такое участие, на обучение этих трудящихся масс делу управления государством. Если судить только по сведениям (далеко не полным) в "Датах жизни и деятельности В.И.Лени-

на”, приложенных к 45-му тому ПСС, то, еще находясь на отдыхе, Ленин 31 августа беседует с Свидерским об РКИ, 1 сентября пишет Аванесову, 7 сентября дает поручение Смольянинову, 10 сентября пишет отзыв о книге Ерманского, а уже через неделю после возвращения к работе, 11 октября, беседует с членом коллегии НКРКИ Реске о реорганизации Рабкрин и просит его подготовить доклад по этому вопросу, 20 октября снова беседует со Свидерским, 15 ноября — опять со Свидерским, 29 ноября с Аванесовым и 1 декабря с Цюрупой. В ночь с 15 на 16 декабря в состоянии здоровья Ленина наступает резкое ухудшение — и тут же мы вступаем в заключительный период многолетней борьбы Ленина за выправление созданной Сталиным бюрократической, бесполезной, паразитической системы государственного контроля — за то, чтобы вдохнуть социалистическую жизнь в РКИ.

д) Декабрь 1922 года — январь 1923. Предложение Ленина XII съезду партии.

В это время Ленин был тяжело болен и, сознавая грозность болезни, спешил передать партии свои мысли по вопросу, который считал решающим для судьбы социалистической революции в нашей стране. Это — вопрос об устойчивости коммунистической партии и ее Центрального Комитета, понимая под устойчивостью гарантию от раскола; а конкретнее, вопрос о мерах против раскола (поскольку такие меры вообще могут быть приняты) — против того, чтобы разногласия привели к расколу. Ленин не был в состоянии писать и тщательно диктовал свои мысли. В 1956 году, после XX съезда, было опубликовано “Письмо к съезду”, продиктованное Лениным в дни 23-26 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г. и скрывавшееся от партии Сталиным и сталинистами. Письмо начинается словами: “Я советовал бы очень предпринять на этом съезде *ряд перемен в нашем политическом строе*”. (ПСС, т.45, стр.343. — Подчеркнуто автором настоящей работы.). И в ряду этих перемен в однопартийном политическом строе нашей стра-

ны Ленин на первое место ставит перемену, могущую (как он рассчитывает) представить гарантию от раскола единственной в стране, правящей коммунистической партии: "увеличение числа членов ЦК до количества 50 или даже 100 человек" введением в состав ЦК "нескольких десятков рабочих". При этом Ленин уточняет: "Рабочие, входящие в ЦК, должны быть, по моему мнению, преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу (к рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян), потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми желательно бороться." (стр.346, 347).

Возможно, что идея орабочения и окрестьянивания высшего органа партии, возглавляющей Советскую власть, зрела у Ленина всю вторую половину 1922 года и представляет собой логическое завершение другой его идеи, с которой он обратился в Политбюро спустя два месяца после XI партсъезда: сохраняя политическое влияние компартии, кардинально орабочить и окрестьянить верховный орган самой Советской власти, ВЦИК. Это огромного и принципиального значения предложение Ленина, разумеется, при Сталине тоже утаивалось, — оно было опубликовано лишь в 1959 году. Приведем же здесь ленинский документ полностью — он показывает общий политический и организационный контекст, в котором у Ленина начал складываться план реорганизации РКИ. В это время шла 3-ья сессия ВЦИКа IX созыва, и, наблюдая стиль и ход ее работы, Ленин 23 мая 1922г. пишет в Политбюро: "Сессия ВЦИКа показала неправильность организации состава ВЦИКа. Громадное большинство членов его — должностные лица.

Предлагаю вынести решение Политбюро:

Признать необходимым, чтобы не менее 60% членов ВЦИКа были рабочие и крестьяне, не занимающие никаких должностей на совслужбе; чтобы не менее 67% членов ВЦИКа были коммунисты; поручить разработать этот вопрос для ближайшего пленума ЦК тройке: тт. Калинин, Енукидзе, Каменев. Внести сначала на Политбюро, через него на пленум ЦК для проведения через ближайший Всероссий-

ский съезд Советов.” (ПСС, т.45, стр.203).

Этот ближайший съезд Советов, X Всероссийский, собирается 23 декабря, и заседает до 27 декабря, когда Ленин уже тяжело болен и не может ни присутствовать на нем, ни руководить им. И в новом составе ВЦИКа в числе без малого четырех сотен членов и кандидатов в члены насчитывается едва ли два-три десятка рабочих и крестьян (15) — 5–7% вместо количества “не менее 60%”, которое Ленин считал “необходимым”. Вопреки Ленину, ВЦИК снова составлен практически целиком из людей, коих Ленин назвал “должностными лицами”. Коренная демократическая (и притом — *социалистически* демократическая!) реформа верховного органа Советской власти, которую Ленин считал необходимым немедленно провести, не только не была принята съездом Советов, но и не обсуждалась и повидимому даже не упоминалась на нем. А затем, это, одно из важнейших последних *политических требований* Ленина, было Сталиным скрыто от партии и народа — с расчетом навсегда... (16).

Но вернемся к декабрьской 1922 года записке Ленина, в которой он, как гарантию от раскола правящей компартии, предлагает ввести в состав ее ЦК несколько десятков рабочих и крестьян, не отягощенных административными традициями и предубеждениями советской службы. Размышления над *политическими* возможностями, которые это открыло бы, приводят Ленина еще к другой, решающей, мысли: входя в ЦК, эти десятки рабочих не только сделают судьбу ЦК, а значит и партии, независимой от личных взаимоотношений внутри сложившейся руководящей верхушки ЦК, но и “будут помогать рабочим улучшить наш аппарат, который из рук вон плох.” “Я представляю себе дело таким образом” — развивает эту мысль Ленин, — “что несколько десятков рабочих, входя в состав ЦК, могут лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата. РКИ, которой принадлежала эта функция вначале, оказалась не в состоянии справиться с нею и может быть употреблена лишь как “придаток” или как помощница, при известных условиях, к этим членам ЦК” (347).

А через три дня, в специальном добавлении к отделу об увеличении числа членов ЦК, Ленин так конкретизирует это: "При увеличении числа членов ЦК, должно, по моему мнению, заняться также и, пожалуй, главным образом, проверкой и улучшением нашего аппарата, который никуда не годится. Для этой цели мы должны пользоваться услугами высококвалифицированных специалистов, и задача поставки этих специалистов должна быть задачей РКИ. Как сочетать этих специалистов по проверке, имеющих достаточные знания, и этих новых членов ЦК — эта задача должна быть решена практически. Мне кажется, что РКИ (в результате своего развития и в результате наших недоумений по поводу его развития) дал в итоге то, что мы сейчас наблюдаем, а именно переходное состояние от особого наркомата к особой функции членов ЦК... Значит, в итоге — до 100 членов ЦК и не больше чем 400—500 их помощников, ревизирующих по их указанию, — членов РКИ" (354—5).

Так Ленин доказывал возможность и показывал путь решения проблемы социалистического контроля — контроля государственного и вместе с тем непосредственно народного — при движении к социализму в условиях системы однопартийного государственного строя. Решение могло быть найдено только как политическое решение, как решение в связи с внесением перемен в политический строй страны — как следствие, элемент и рычаг этих перемен. И найдя решение, Ленин, начиная с 9 января 1923 года, сам берется за разработку плана коренного, политического, преобразования РКИ. Тяжело больной, он целый месяц обдумывает, перестраивает, обосновывает этот план.

Первоначальный вариант своего плана, основанный на, возникшей у него при работе над "Письмом к съезду", идее о сочетании работы специалистов из НКРКИ с деятельностью новых, их рабочих и крестьян, членов расширенного ЦК, Ленин подробно развивает в статье "Что нам делать с Рабкрином?", которую кончил диктовать 13 января. Ленин торопит: "Если мы запоздаем с этим делом, то мы не исполним одной из основных наших обязанностей, именно, обязанности воспользоваться пребыванием у власти, чтобы научить

лучшие элементы трудящихся масс всем деталям управления” (ПСС, т.45, стр.449; впервые опубликовано в 1959г). Но через неделю Ленин приходит к иному варианту: соединить РКИ не с ЦК, а с ЦКК, выбрав для того, примерно, 75—100 новых членов ЦК из рабочих и крестьян и приняв, в основном, ту форму соединения, какую в первоначальном варианте он намечал для новых членов ЦК. Этот второй, окончательный вариант перестройки РКИ Ленин продиктовал 19—23 января и оформил в статью ”Как нам реорганизовать Рабкрин?”

Почему же Ленин остановился на соединении НКРКИ не с ЦК, а с ЦКК? Во-первых, потому, что соединение с ЦКК способно дать лучшее решение тех двух задач, ради которых Ленин планировал соединить РКИ с ЦК, — дать гарантию от раскола партии и дать рабоче-крестьянский орган для контроля и совершенствования государственного аппарата. Но главное не в этом. Главное то, что соединение РКИ с ЦКК способно выполнить еще третью функцию, столь же фундаментальную для дела строительства социализма в условиях однопартийной политической системы, — функцию контроля и совершенствования партийного аппарата и работы членов ЦК, вплоть до деятельности его руководящей группы. Ленин говорит: в результате соединения Рабкрин с ЦКК ”наш ЦК совместно с ЦКК выйдет окончательно на ту дорогу превращения в высшую партийную конференцию, на которую он, в сущности, уже встал и по которой ему следует дойти до конца для правильного, в двойном отношении, выполнения своих задач: в отношении планомерности, целесообразности, систематичности *его* организации и работы и в отношении связи с действительно широкими массами через посредство лучших из наших рабочих и крестьян”. И еще Ленин говорит: ”Наш ЦК сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную, но работа этой группы не поставлена в условия, соответствующие его авторитету. Этому помочь должна предлагаемая мною реформа, и члены ЦКК, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая, ”не взирая на лица”, дол-

жна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел". (ПСС, т.45, стр.384 и 387).

План, изложенный Лениным в статье "Как нам реорганизовать Рабкрин?" был им представлен в качестве "Предложения XII съезду партии" (так гласит подзаголовок статьи), и тут же после ее окончания Ленин направил статью в "Правду", где она была опубликована 25 января 1923 г. (с купюрой, о которой речь ниже) (17). Всю первую неделю февраля (со 2-го по 9-ое число) Ленин, под названием "Лучше меньше, да лучше", диктует обстоятельное продолжение этой статьи, чтобы разъяснить, *что, как и почему* в исторической обстановке и в широкой исторической перспективе переживаемого этапа нашей революции его предложение "систематически и заново построить" наркомат РКИ должно "определять собой весь наш госаппарат в целом". И Ленин резюмирует: "Вот как я связываю в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрина. Вот в чем для меня состоит оправдание тех исключительных забот, того исключительного внимания, которое мы должны уделить Рабкрину, поставив его на исключительную высоту, дав ему головку с правами ЦК и т.д. и т.п." (ПСС, т.45, стр.395 и 405) (18). 10 февраля Ленин направил для прочтения статью "Лучше меньше, да лучше" Цюрюпе, но лишь после трехдневного перерыва, 2 марта, возвращается к ней и в тот же день завершает работу, а 4 марта она появляется на страницах "Правды".

е) Год 1923: 1. О подготовке XII партсъезда

Подготовка и организация созыва XII съезда РКП (б) проводились в отсутствии тяжело больного Ленина. Созывом съезда ведал генсек Сталин, который к тому времени уже сумел сосредоточить в своих руках "необъятную", по известному выражению Ленина, власть. Для Сталина откры-

лась возможность взять реванш за свои поражения в борьбе с ленинской линией в социалистическом контроле. При Ленине ему не удалось добиться признания и узаконения своей, сталинской, линии и все, что он был в силах сделать для ее фактического проведения (и что он и делал), — это саботировать ленинские указания и партийные решения. Теперь он мог, наконец, взяться за осуществление своей собственной линии, многократно, как мы видели, отвергнутой и осужденной Лениным. И Сталин повел дело по всем правилам своего методического макиавеллизма.

1. 23 января 1923г. Ленин закончил диктовать и через Марию Ильинишну направил в "Правду" статью "Как нам реорганизовать Рабкрин?" (Предложение XII съезду партии)", в которой, как мы уже знаем, сказано, что "члены ЦКК, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу", которой "ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК не мог помешать сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел".

Когда эта статья стала известна в ЦК, Куйбышев (тогда один из секретарей ЦК, то есть помощник и, фактически подчиненный и рупор Сталина) предложил статью не публиковать, но, чтобы избежать протестов и требований Ленина, обмануть его — напечатать один экземпляр "Правды" с этой статьей и этот единственный экземпляр послать Ленину, чтобы он считал, что статья опубликована. Документальные данные об этом чудовищном, вполне сталинском предложении (хотя и сделанном не самим Сталиным, а его неумным, но вполне бесчестным и угодливым выдвиженцем и клеветом) были, конечно, недоступны автору настоящей работы; они по сей день упрятаны в тайниках партийных архивов (19). Но в 20-х годах этот эпизод был известен не слишком узкому кругу партийного актива.

2. Постыдный трюк Куйбышева не был принят. Скрыть от партии самый факт, что существует предложение Ленина ее съезду, было слишком рискованно. Едва ли здесь играли

роль моральные тормоза: то, что было проделано вместо отклоненного трюка, представляет собой никак не менее постыдное надругательство над еще живым, но тяжело больным Лениным — явно в угоду генсеку Сталину и его цекистскому окружению. А проделано было вот что : Из цитированного выше текста ленинской статьи были выкинута слова "ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК", так что это место статьи стало выглядеть так: чтобы членам ЦКК "ничей авторитет не мог помешать" и т.д. Ленин видел, куда дело идет, и не случайно *специально* упомянул генсека и других членов ЦК: он считал необходимым подчеркнуть, что из компетенции партийного контроля не должны быть изъяты ни генсек, ни другие члены ЦК. Но именно это категорически сформулированное требование Ленина было, в первую голову, неприемлемо для Сталина, который стремился установить и внедрить политическую систему келейности и бесконтрольности решений и действий верхушки ЦК и лично генсека. И вот статья Ленина была опубликована в "Правде" искаженной в одном из ее главных, резюмирующих положений и в таком виде вошла в 1-ое, 2-ое, 3-ье, 4-ое издания "Сочинений" Ленина. Свыше 40 лет коммунисты, народ, мир *не знали*, что от них скрыт подлинный текст знаменитой статьи Ленина о Рабкрине и что им преподносится злонамеренная фальсификация. Лишь в 1964 году, в пятом, так называемом, "Полном", собрании сочинений Ленина, были напечатаны вымаранные Сталиным слова. (ПСС, т.45, стр.387) Но и тут (как это характерно для хрущевского периода!) не решились, хотя бы в обширном примечании Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, которым снабжена статья, сообщить читателям, что восстанавливается фальсифицированный в 1928 году ленинский текст. Через четыре десятилетия все еще убоялись сказать правду о тогдашнем ЦК и сделали вид, что ничего не произошло!

3. Но если, в отличие от куйбышевского предложения скрыть статью Ленина о Рабкрине от партии и народа, подделка статьи ныне уже документально разоблачена, то с документальными материалами о третьем покушении Сталина на эту статью дело обстоит точно также, как в истории с

предложением Куйбышева: материалы эти по сей день не выпущены из закрытых партийных архивов. Мы имеем в виду следующее: как только ленинская статья оказалась достоянием партии, задачей Сталина стало попытаться умалить ее значение. Но он не был бы самим собой, если бы вступил в открытую полемику в Лениным; его методом и тогда была не гласная дискуссия через печать, а скрытая дискредитация через аппарат. И вот секретарей губкомов партии (будущих делегатов XII партсъезда!) закрытым письмом предупреждают не принимать всерьез статью Ленина о Рабкрине, так как она даже не написана, а продиктована человеком в состоянии тяжелой и далеко зашедшей болезни, оторванным от жизни страны и не могущим высказывать вполне ответственные суждения. Об этом предупреждении, исходящем от секретарей ЦК, т.е. от Сталина и его помощников — Куйбышева и Ярославского, — также (как о скандальном предложении Куйбышева) говорили в те годы в кругу узкого партийного актива (20). Автору настоящей работы рассказал об этом один из руководителей Воронежской парторганизации Я.Б.Быкин в этих самых выражениях (21). Автор, который в то время видел в Быкине политического наставника и непререкаемый авторитет в партийных делах, хорошо запомнил недоумение, чтобы не сказать растерянность Быкина, особенно когда тот разъяснял: "Вероятно, по части теории Ильич прав, но когда читаешь практические предложения, содержащиеся в его статье, охватывает страх, что как руководителя, мы Ленина уже потеряли."

Впрочем, о недоумении по поводу статьи Ленина о Рабкрине свидетельствует и стенограмма XII съезда. Так, видный представитель партийно-советской верхушки Рухимович (делегат от Донбасса) прямо заявил: "для меня, грешным делом, она не понятна была" ("Двенадцатый съезд РКП(б). ...Стенографический отчет". М.1968, стр.368). А другой ее представитель, Бумажный (делегат от Брянска), сказал еще резче: "Некоторые товарищи считали первую статью Владимира Ильича чем-то вроде разорвавшейся бомбы" (там же, стр.105). Возможно, здесь сказалось сталин-

ское предупреждение; но возможно, перед нами свидетельство того, что это секретное предупреждение шло навстречу уже тогда складывавшемуся умонастроению влиятельных слоев парт- и соваппарата, уловило и, так сказать, морально оправдало такое умонастроение.

Но в целом партия была тогда большевистской, и партийная мысль не была запугана и административно унифицирована. В пяти номерах "Предсездовского дискуссионного листка", печатавшегося в "Правде" в марте и апреле 1923г., появилось больше двух десятков статей, в которых влиятельные и широко известные партии авторы со всей серьезностью обсуждали обе статьи Ленина, притом большинство авторов горячо (а некоторые даже восторженно) поддерживали именно ее практические предложения. И перед Сталиным встала задача: не допустить, чтобы идеи и предложения Ленина заняли то решающее место в работах съезда, какое им отводил сам Ленин, как идеям и предложениям о переменах в политическом строе страны.

4. Извещение о созыве и порядке дня XII съезда было опубликовано в "Правде" за подписью Сталина 12 января 1923 года, когда еще не было статей Ленина с предложениями о Рабкрине и, естественно, что вопрос о реорганизации РККИ и ЦКК в этом извещении не значился (Двенадцатый съезд РКП (б) ...Стенограф. отчет". М.1968,стр. 767). Но тот пленум ЦК, который состоялся непосредственно перед съездом и утверждал доклады, резолюции и порядок дня, предлагаемые им съезду, происходил в апреле, когда ленинские предложения были не только широко известны, но продуманы и обсуждены членами партии, в частности в упомянутом дискуссионном листке "Правды". Этот пленум ЦК вновь рассмотрел вопрос о повестке дня съезда и дополнил ее пунктом "О районировании". Но вопрос, который Ленин в форме официального "Предложения XII съезду партии", поставил перед съездом, в повестку не был включен; благо (как рассказал потом Каменев, открывая съезд), "Владимир Ильич не мог знать и не знает порядка дня нашего съезда" (Там же, стр. 7 и 5).

Тем самым дело было предусмотрительно поставлено так, чтобы предложение Ленина оказалось попросту изъятым из числа тем, подлежащих рассмотрению на пленарных заседаниях съезда.

5. Наконец, не последнюю роль в создании той политической атмосферы, в какой на съезде оказалось "Предложение" Ленина, сыграл и состав делегатов съезда. Стараниями генсека Сталина это был первый послеоктябрьский съезд, на котором подавляющее большинство делегатов были работники партийного аппарата — руководители губкомов и отчасти укомов. Из доклада мандатной комиссии узнаем, что 55,1% делегатов "ведут исключительно партийную работу" и 28,8% совмещают ее с другой работой (Там же, стр.42 стр. 421). А из выступления Преображенского узнаем, что уже тогда приблизительно 30% всех секретарей губкомов были секретарями "рекомендованными" (146). Словом, XII съезд был, по-видимому, первым из тех партсъездов, о которых Д.Б.Рязанов сказал: "не съезд, а своз"... И к этому добавилась та, до неприличия неприкрытая лесть (но расчетливая — с обещаниями!), в которой перед съехавшимися губкомщиками растекался Сталин — и в докладе и в заключительном слове (65 и сл.201).

ж) Год 1923: II. Предложение Ленина и XII съезд. Заключительные замечания

На XII съезде партии, которому Ленин направил свое предложение о реорганизации РКИ и ЦКК, он, вследствие значительного ухудшения в ходе его болезни, не присутствовал. Но официальная история партии во всех ее, столько раз конъюнктурно меняющихся, версиях всегда была и остается неизменной в утверждении, что XII партсъезд выполнил предложение Ленина о реорганизации Рабкрин. Между тем, это — ложь, одна из самых далеко нацеленных, из тех, что пущена в ход и по сей день внедряется сталинцами, чтобы изобразить Сталина верным учеником Ленина, а сталинизм — ленинизмом. В действительности же, на XII съезде Сталину уда-

лось исказить и выхолостить смысл решающего ленинского завета относительно строительства государства и государственного аппарата в эпоху перехода к социализму и при социализме и, по сути дела, похоронить этот завет в тот самый момент, когда было клятвенно провозглашено его принятие. Вместо того, чтобы, как того требовал Ленин, "предпринять ряд перемен в нашем политическом строе", которые помогли бы вытравить из него бюрократические извращения и тенденции, XII съезд, пойдя за Сталиным, наметил такого рода упорядочения и усовершенствования гос- и парт-аппарата, которые могли только закрепить и увековечить бюрократический политический строй в нашей стране. Факт, что ни один из делегатов, выступавших на съезде, не отметил эту фальсификацию. А это означает, что великая идея Ленина о существовании социалистической государственности и о задачах и организации социалистической системы контроля и инспекции, — что это идея Ленина, хотя и изложенная им в двух убедительно и популярно написанных статьях, осталась (на шестом году революции!) непонятой и *чуждой* для руководителей партии, созданной Лениным. Даже ближайшие соратники Ленина, по-видимому, не почувствовали и не поняли тогда его глубокой тревоги, стоявшей за этой идеей, — тревоги за судьбу социалистической революции, и не оценили первостепенной важности и неотложности осуществления ленинского предложения. Ушел от руководства Ленин, и в этот период еще не вполне определившегося, неустоявшегося нэпа на плечи непосредственных помощников Ленина навалилась ответственность за огромное обилие трудных, острых и все новых, небывалых и все злободневных, дел — промышленных, крестьянских, финансовых, национальных, административных и, вдобавок, Коминтерновских. И все это в условиях сложных личных взаимоотношений внутри руководящей головки ЦК, взаимоотношений которые Ленин улаживал, но которые без Ленина грозили принять опасные формы и масштабы. Все это заслонило от сотрудников Ленина его идею реорганизации Рабкрин, мешало им своевременно распознать его генеральное, решающее и срочное значение, низвело ее в их глазах на уровень

одной из многих, не слишком важных, не слишком спешных и практически еще недостаточно разработанных частных задач. И тем более это относится к руководителям партийных и советских организаций страны — к губкомщикам и укомщикам да к верхушке центральных учреждений и органов, из которых состоял XII-ый, уже генсеком Сталиным собранный, съезд (22). Каково же было то место, которое предложение Ленина партсъезду заняло в работах съезда?

1. — Уже в политическом отчете ЦК, которым открывается работа всякого партийного съезда и который на XII съезде делал Зиновьев, о предложении Ленина по поводу РКИ и ЦКК нет ни слова, что уже само по себе задавало тон прениям: не затрагивать этого вопроса. Ни слова о предложении Ленина по поводу ЦКК и РКИ не было и в отчетном докладе самой ЦКК! Дело было поставлено так, что, хотя докладчик (Шкирятов) сообщил, что ее "работа носила характер чисто апелляционный", по докладу даже не было открыто прений и сразу же, игнорируя смысл и букву ленинского предложения, была принята резолюция размером в одну строчку: "Признать работу ЦКК правильной и доклад удовлетворительным" ("Двенадцатый съезд РКП(б)... Стенограф. отчет". М. 1968, стр.242, 250). Но Сталину этого недостаточно. Ему требуется направить в нужное для него русло выступления по ленинскому предложению, если таковые окажутся. И вот, в организационном отчете ЦК, который он делает на съезде, Сталин дает такое истолкование этого предложения: "Многим показалась идея, развитая т. Лениным в двух статьях, совершенно новой. По-моему, та идея, которая развита в этих статьях, сверлила мозг Владимира Ильича еще в прошлом году... Госаппарат по типу правильный, но составные части его еще чуждые, казенные, наполовину царско-буржуазные. Мы хотим иметь госаппарат, как средство обслуживания народных масс, а части этого госаппарата хотят превратить его в статью кормления... Вот те мысли, которые еще в прошлом году т. Ленин развивал, и которые только в этом году он оформил в стройную систему реорганизации ЦКК и РКИ в том смысле,

чтобы реорганизованный ревизионный аппарат превратился в рычаг для перестройки всех составных частей машины, для замены старых негодных частей новыми... В этом суть предложения т.Ленина.” И конкретизируя, затем, эту, приписываемую им Ленину, ”суть”, Сталин сводит ее к упрощению и совершенствованию аппарата при помощи улучшения подбора работников. (Там же стр.60-62). Так, полностью в духе уже известной нам линии, которую, вопреки Ленину, Сталин проводил будучи наркомом Госкона и Рабкрина, из предложения Ленину XII съезду вытравлена его подлинно-ленинская, коммунистическая суть, и оно представлено в виде заурядной буржуазно-демократической борьбы за такой государственный аппарат, который, стоя вне и над народом, толково, честно и дешево обслуживал бы народ. Ни слова нет о задаче ”орабочения” и ”окрестьянивания” контрольного и инспекционного аппарата и через это — в перспективе — также всего советского государственного аппарата (о чем Ленин, как мы знаем, в разных вариациях указывал Сталину все годы начиная с 1919-го). Ни слова нет, что такому орабоченному Рабкрину должна быть дана головка с правами ЦК (о чем сказано в статье ”Лучше меньше, да лучше”). Ни слова нет о наблюдательных, консультативных и контрольных функциях членов ЦКК в отношении членов ЦК, включая генсека (о чем говорится в статье ”Как нам реорганизовать Рабкрин”). И конечно, нет ни слова, что дело идет не просто, не административно об улучшении госаппарата, а о внесении перемен в политический строй страны Советов — перемен, без которых невозможно осуществить это улучшение (о чем Ленин писал в декабре 1922 года, когда обдумывал свое предложение о реорганизации Рабкрина). Но это означает, что вместо радикальной и принципиальной социально-политической проблемы, какую перед съездом поставил Ленин, съезду, обычно прикрываясь именем Ленина, была предложена проблема организационно-административная, бюрократически-учраспредовская (23).

2. — Эта подмена была и практически обеспечена и подтверждена порядком работы съезда: рассмотрение ленинско-

го плана реорганизации Рабкрина Сталин предложил вести не на пленарных заседаниях съезда, передать в "организационную секцию" (Сталин это назвал "идеей ЦК"; см.там же, стр.206). И знаменательно, что ни один голос не поднялся против этого измельчения ленинского предложения съезду, против снижения его содержания и смысла до уровня частной, организационной реформы. Ни один делегат не разоблачил (не увидел?) этот заведомый, заранее спланированный и методически проведенный отказ признать и принять всеохватывающий масштаб, далеко вперед глядящий загат и исторически-решающее значение тех перемен, которые Ленин, уходя, завещал коммунистам совершить в политическом строе первой страны социалистической революции.

И дело оказалось разыгранным как по нотам. Из более чем полусотни выступлений на пленарных заседаниях только выступление одного делегата было посвящено предложению Ленина. Только один этот делегат (упоминавшийся выше Бумажный) начал свою речь словами: "Я думаю, что прения по докладу ЦК следовало начать со статей т.Ленина... Его статьи действительно являются политическим отчетом и намечают очередные задачи, стоящие перед партией, перед Советской властью, перед Коммунистическим Интернационалом" (там же, стр.105). Бумажный выступал вторым, но его призыву никто не последовал. Кажется, только Рухимович (тоже упоминавшийся выше) сказал несколько слов, и то сугубо осторожных, больше предостерегающих, нежели поощряющих ("...не строить пока ничего нового, — новым слишком увлекаться не нужно"...; там же, стр.368).

3. — Сходная картина была, по-видимому, и в "секции по организационному вопросу", куда сдали предложение Ленина съезду. Мы говорим "по-видимому", потому что ни стенограмма, ни хотя бы протокол работы секции не были доведены до сведения членов партии — они не были включены в стенограмму XII съезда, изданную в 1923 году, и не были изданы отдельно: дополнительное подтверждение пренебрежительного отношения тогдашнего руководства партии к предложению Ленина! Когда же в 1968 году стенограмма XII

съезда была переиздана, то опять-таки обсуждение на секции не было приведено, был опубликован только доклад Дзержинского (24). И спустя полвека мы располагаем лишь одним официальным документом: несколькими строками примечания Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в этом, втором, издании стенографического отчета XII съезда. Вот эти строки: "Секция обсудила два доклада: доклад В.М. Молотова по организационным вопросам партийного строительства и доклад Ф.Э. Дзержинского о реорганизации ЦКК—РКИ. Выступавшие в прениях говорили о необходимости вовлечения в партию рабочих от станка, о работе с комсомолом, о научной организации труда и др. А.Д.Цюрупа говорил о недостаточном внимании к вопросу о реорганизации ЦКК—РКИ и предложил выделить особую подсекцию, в которой обстоятельно обсудить все вопросы" (там же, стр.886). Значит, даже здесь, в оргсекции, не было самостоятельного рассмотрения ленинского предложения, и дело было устроено так, чтобы, при его совместном обсуждении с текущими и ближе знакомыми вопросами партийной жизни, это предложение не привлекало к себе серьезного внимания и оказалось скомканным и отодвинутым на задний план. Один лишь Цюрупа не стерпел, мы уже знаем, что Цюрупа был ближайший и самый доверенный сотрудник и советник Ленина в его поисках плана реорганизации Рабкрина. И он не мог не видеть, что предложение, которое Ленин направил партийному съезду и с осуществлением которого он (Ленин) связывал близкие и далекие перспективы развития социалистической революции в нашей стране, съезд принимает без энтузиазма, со сдержанностью, вынужденно (нельзя ведь пройти совсем мимо предложения, исходящего от Ленина!), а на деле желает найти благовидные формы, чтобы уклониться от осуществления ленинского плана при соблюдении видимости принятия его.

Решения XII съезда по вопросам РКИ и ЦКК и были такими благовидными формами. Это: 1) Резолюция "О задачах РКИ и ЦКК", 2) § 4 раздела 1 ("Центральная Контрольная Комиссия") резолюции по организационному вопросу, 3) состав ЦКК, избранный на съезде. Две фразы в резолю-

ции по отчету ЦК, говорящие об "одобрении плана радикальной реорганизации РКК и ЦКК", дают общую формулу, должную прикрытие отказу принять предложение Ленина, содержащийся в этих трех решениях.

4. — Самым непосредственным и наглядным образом этот отказ виден на составе ЦКК, избранного съездом.

До XII съезда в ЦКК было 5 членов и 2 кандидата. XII съезд избрал ЦКК в составе 50 членов и 10 кандидатов, в число которых из прежнего состава вошло 5 человек. Требование Ленина об увеличении численности ЦКК до 75—100 членов, если не в точности, то в основном, как будто выполнено. Но рассмотрим личный состав новых членов ЦКК. Их список приводится в стенографическом отчете XII съезда, а необходимые сведения о них мы берем из списков делегатов XII и XIII съездов (все члены ЦКК, избранные XII съездом, имели совещательный голос на XIII съезде), приложенных к стенограммам (25). Получается такая картина: 52 новых членов и кандидатов ЦКК (о троих из общего числа 55 мы сведений не разыскали) распадаются на две группы. Одну группу образует заведомое политическое начальство достаточно высокого положения: 3 члена прежнего ЦК, 4 ответственных работника аппарата ЦК, 2 члена губернских Контрольных комиссий и 3 руководителя центральных учреждений и организаций — всего 12 человек. Вторая группа численно преобладает, и она-то призвана выражать суть реформы. Она насчитывает 40 человек, подобранных не по служебному положению, а по признаку большого партийного стажа: 22 человека с особо большим стажем — от 1898 до 1906г., и 18 просто с большим, дооктябрьским, стажем — от 1907 до 1917 года.

Вспомним теперь, что Ленин имел в виду, предлагая увеличить численность центральных органов партии. В те дни, когда он еще думал связать реорганизацию Рабкрин с расширением ЦК (а не ЦКК) путем введения нескольких десятков рабочих в состав ЦК, Ленин писал: "Мне думается, что в результате всех наших попыток переорганизовать Рабоче-Крестьянскую инспекцию, вывод получается тот, что мы

не сделали еще одной попытки. Именно, мы не попытались отдать это дело нашим рабочим и крестьянам, поставив их во главе нашей партии, как членов ЦК..., совершенно равноправных с другими членами ЦК” (ПСС, т.45, стр.444-445). И предвидя возможность лжетолкований, Ленин счел необходимым пояснить: ”Рабочие, входящие в ЦК, должны быть, по моему мнению, преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу (к рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян), потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться. В число рабочих членов ЦК должны войти преимущественно те рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян, которые, однако, не попадают в разряд прямо или косвенно эксплуататоров.” (ПСС, т.45, стр.347-348). И разумеется, когда Ленин потом решил связать реорганизацию Рабкринна с расширением не ЦК, а ЦКК, эти его пояснения сами собой оказались перенесенными и на те десятки рабочих, которых он предложил ввести в состав ЦКК. Но если Ленин предвидел возможность ложного истолкования его плана ввести рабочих в состав членов ЦКК, то он не предвидел, что его пояснения не помогут — по той простой причине, что они не будут доведены до сведения партии и ее съезда (25).

А коль скоро съезд не знал этих разъяснений Ленина, можно было, взяв некоторые формальные стороны Ленинского предложения (расширение ЦКК; соединение ЦКК с РКИ; председатель ЦКК одновременно наркомом РКИ и т.д.), провести на съезде под видом осуществления этого предложения, такую реорганизацию, которая зачеркивала его подлинное содержание. Резолюция съезда гласит: ”Съезд выбирает 50 членов ЦКК, преимущественно из рабочих и крестьян, с серьезнейшим партийным стажем и пригодных для партийно-контрольной и советско-контрольной работы”. (Двенадцатый съезд..., М., 1968, стр. 702). Мы видели, что состав ЦКК, избранный на XII съезде, соответствует этой резолюции. Но (не говоря о цифре 50, заменившей ленинские

75—100), *во-первых*, у Ленина все вновь избранные члены ЦКК должны быть рабочими или крестьянами; здесь же это требование затемнено и запутано тем, что говорится не о новых членах ЦКК, а обо всем ее составе, который должен быть "преимущественно" из рабочих и крестьян. *Во-вторых*, у Ленина речь идет о рабочих и крестьянах; здесь же о людях "из" рабочих и крестьян, то есть о рабочих и крестьянах по социальному происхождению. *В-третьих*, у Ленина это рабочие и крестьяне преимущественно из тех, кто не искушен в советской службе, "стоят ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежат к числу рядовых рабочих и крестьян"; здесь же в качестве условия для выдвижения в члены ЦКК выставляется "пригодность для партийно-контрольной и советско-контрольной работы" — макиавеллистская, и притом бюрократическая, формула, направленная как раз против рядовых рабочих и крестьян (27).

И наконец, *в-четвертых*, у Ленина нигде ни слова не сказано о партстаже для лиц, избираемых в ЦКК, требуется лишь, чтобы они были "безупречны, как коммунисты" (ПСС, т.45, стр.393), и единственное политическое ограничение это как мы видели, ограничение социальное: чтобы это не были "прямо или косвенно эксплуататоры"; в резолюции же съезда требуется даже не просто партстаж, а "серьезнейший партийный стаж", что практически с порога закрывает доступ в ЦКК тем "рядовым рабочим и крестьянам", на которых построен весь план Ленина.

Но при *таком* формировании состава ЦКК могла ли из ее объединения с РКИ получиться та реорганизация Рабкрина, которая была задумана Лениным как орудие для коренной переделки госаппарата, для его переделки на основе перемен в нашем политическом строе? Ведь весь смысл этой чудовищной операции по фальсификации Ленина состоял в том, чтобы не допустить никаких политических перемен, — чтобы "все оставить по-старому" (как в несколько иной связи сказал Красин, выступая по отчету ЦК); коротко говоря, чтобы, приглашая народ ("рядовых рабочих и крестьян") контролировать, как низовые органы выполняют ди-

рективы высоких органов, не подпустить его к контролю над решениями и действиями этих последних, вплоть до самых высоких ("генсека и других членов ЦК"). Невозможно было в 1923 году, когда Ленин еще жил и каждое заседание съезда кончалось прочтением врачебного бюллетеня о ходе его обострившейся болезни и выражением общей горячей надежды на его возвращение к руководству партией, невозможно было в такое время просто отбросить публично Лениным высказанное предложение о расширении ЦКК. Но оказалось возможным уже тогда, на XII съезде, создать не то, чего желал Ленин, не равноправную с ЦК, но из рабочих и крестьян состоящую ЦКК, а некий орган, составленный из тех же, сложившихся за советское время, правящих кадров, что и члены ЦК, только квалификацией и авторитетом пониже. И этим сразу же были предопределены и назначение и участь этого заведомо второстепенного и, в таком виде, искусственного учреждения: быть послушным органом ЦК (28).

5. — Но наше изложение было бы неполным, если бы, в заключение, мы не отметили, что на завтра же после XII съезда подчиненное положение ЦКК было зафиксировано и политически обеспечено тем, что возглавлять ЦКК (ее председателем) был назначен человек, перед съездом бывший одним из секретарей ЦК, подручный генсека Сталина, — Куйбышев, тот самый Куйбышев, который, как мы уже знаем, в вопросе ЦКК—РКИ проявил себя тем, что, когда в ЦК пришла статья Ленина о Рабкрине, предложил скрыть ее от партии, обманув при этом Ленина.

Мы видели, что с реорганизацией РКИ Ленин "связывал в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии". Этот общий план покоился, в представлениях Ленина последнего года его жизни, на внесении "перемен в политический строй" нашей однопартийной общественной и государственной системы — перемен, целью которых было из рабоче-крестьянской республики, завоеванной нашим народом в Октябре и закрепленной в невзгодах суровой гражданской войны, сделать подлинно-социалистическое государство, т.е. государство, управля-

емое *самими* рабочими и крестьянами. И "слияние авторитетнейшей партией верхушки с "рядовым" наркоматом" РКИ должно было стать одним из первых и главных звеньев и инструментов этих перемен (ПСС, т.45, стр.405, 343, 406). Сталину, сталинскому понятию о социалистическом государстве и революционной социалистической государственности это было чуждо и неприемлемо. Под рабоче-крестьянским государством он всегда понимал государство, управляемое толковой бюрократией, которая комплектуется *выходцами* из среды рабочих и крестьян, но, как всякая бюрократия, иерархически построена на беспрекословном выполнении приказаний вышестоящего начальства (29) и на кастовых привилегиях и замкнутости. И XII съезд, на ход и решения которого Ленин уже не в состоянии был оказывать непосредственное влияние, принес победу Сталина над Лениным в этом коренном вопросе русской, да и всякой, социалистической, революции — после годов сталинских противостояний, скрытой борьбы и вынужденных отступлений. И произошло это еще до смерти Ленина.

Вопрос о том, какие *социальные причины* определили, что съезд партии, состоявшийся весной 1923 года, когда Ленин был еще жив, принял сталинскую фальсификацию Ленина за выполнение ленинского предложения, — *это вопрос об историческом пути* русской революции — тема, выходящая за пределы нашего очерка. Но, может быть, здесь, в заключение раздела о социалистическом контроле и социалистической государственности, следует коротко сказать о дальнейшей, уже при Сталине, истории РКИ: конец пути бросает добавочный свет на его начало.

Пока Сталину приходилось бороться за неограниченную власть в партии, он сохранял, специально подобранную и послушную ему, многочисленную ЦКК, объединенную с РКИ, — не только ради демонстрирования своей "верности заветам Ильича", но и как подспорье в борьбе с внутрипартийными оппозициями. Но в декабре 1930 года постановлением ЦИК и СНК над РКИ была поставлена "Комиссия исполнения СССР" (Нарком РКИ — зам. председателя этой Комиссии). А после XVII партсъезда, в феврале 1934г., НКРКИ

был вовсе упразднен, а Комиссия исполнения была преобразована в "Комитет советского контроля при СНК" (следовательно, без связи с ЦКК!), которому был передан весь аппарат РКИ. На съезде Сталин так мотивировал эту официальную ликвидацию ЦКК—РКИ: "Теперь, когда наша хозяйственная работа разрослась и стала сложнее, и когда уже нет ни возможности, ни необходимости *инспектировать* ее из одного центра, РКИ должна перестроиться. Нам нужна теперь не инспекция, а проверка исполнения решений центра, — нам нужен теперь *контроль* над исполнением решений центра" (И.В. Сталин — "Вопросы ленинизма", 10 изд., стр.594-595). Здесь слово "теперь" — известный сталинский прием замечания следов. Мы видели это противопоставление "контроль — инспекция" уже в 1919 году, когда Сталин пытался удержать Госконовскую систему бюрократического контроля против ленинской линии на "орабоченную" и "окрестьяненную" инспекцию. И вот в сентябре 1940 г. Сталин восстанавливает и название, от которого ему пришлось отказаться в 1920 году, и которое соответствует его представлениям о бюрократическом строе социалистической государственности: указом Президиума Верховного Совета вновь создается "народный Комиссариат Государственного Контроля".

Что же касается ЦКК, то ее сталинское перерождение шло параллельно с перерождением РКИ. Когда в 1934 году XVII съезд упразднил РКИ, то он упразднил и ЦКК как партийный орган, по уставу действующий наряду и равноправно с ЦК, и преобразовал ее в Комиссию партийного контроля *при ЦК*; но при этом избирание Комиссии партсъездом было оставлено в силе. А через пять лет, на XVIII съезде был отброшен и этот последний остаток ленинской традиции, идущей от 1921 г. (когда на X съезде была впервые избрана ЦКК), а тем самым и ленинской идеи партийного органа, наблюдающего за членами ЦК (вплоть до генсека) и проверяющего их. Резолюция XVIII съезда об "Изменениях в уставе ВКП(б)" гласила: "Необходимо установить, что КПК работает при ЦК ВКП(б)". В связи с этим отпадает необходимость выборов КПК непосредственно на съезде партии. Комиссия партконтроля должна избираться Пленумом ЦК ВКП(б) и

работать под руководством и по директивам ЦК ВКП(б)” (“КПСС в резолюциях и решениях...” изд. 8-ое, т. V, М., 1971, стр. 372).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) К выдвижению особенно женщин (т.е. наиболее отсталой, “необщественной” части населения) на первый план в деле орабочивания и окрестьянивания государственного контроля Ленин (как увидим дальше) неоднократно возвращался. А во время и для перехода к НЭПу Ленин поставил эту задачу еще шире — распространил ее с органов контроля на весь советский аппарат. 11 апреля 1921 г., за подписью Ленина, был издан специальный и конкретизированный декрет Совнаркома “О привлечении работниц и крестьянок к работе в советских учреждениях”. Декрет начинается так: “С целью установления связи советских учреждений с широкими массами трудящихся, оживления советского аппарата и постепенного освобождения его от бюрократических элементов, Совет Народных Комиссаров признал целесообразным и необходимым привлекать к практической работе в отделы исполнительных комитетов и его учреждения работниц и крестьянок через Отделы Работниц Российской Коммунистической Партии”. И дальше подробно излагаются условия и порядок этой “практикантской” работы работниц и крестьянок в советских учреждениях. См.: “Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства”, № 35, стр. 190.

2) Г.А. Дорохова — Рабоче-Крестьянская Инспекция в 1920-23 гг”. М. 1959, стр. 32.

3) Отсюда же нами позаимствованы цифры о рабочей инспекции в Москве.

4) Читая этот детально и с явной любовью разработанный Лениным план орабочения и окрестьянивания государственной инспекции Советской республики, как текущей и насущнейшей послеоктябрьской задачи, как не вспомнить, что идея предстоящего орабочения и окрестьянивания органов государственного аппарата была программной идеей Ленина уже в годы первой революции. Весной 1906 года Ленин писал о времени "новой власти как диктатуры огромного большинства", когда "наступает период непосредственной политической деятельности "простонародия", которое попросту, прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпаются мысль и разум миллионов забытых людей, просыпаются не для чтения только книжек, а для дела, живого человеческого дела, для исторического творчества". И когда устанавливается "власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли" (Брошюра "Победа кадетов и задачи рабочей партии". — ПСС, т. 12, стр. 318, 328-29, 319).

5) ЦГАОР. — Приведено в кн.: С.Н. Иконников. — "Организация и деятельность РКИ в 1920-1925 гг." М. 1960, стр. 24.

6) Правда, существенным: дело шло о роли РКИ в наведении порядка на важнейшем для нас тогда топливном фронте. Ленину был послан предварительный доклад РКИ о работе топливных органов и о нарастании осеннего топливного кризиса 1921 года.

7) См. предыдущую сноску.

8) И тут же мелкий прием интригана — как бы ненароком свалить вину на своего зама, Аванесова, человека, как мы уже знаем, пользовавшегося доверием Ленина: тот-де починичьи мешает ему, Сталину, материально поощрять инженеро-в, служащих в НКРКИ.

9) Об одном таком эпизоде следует, пожалуй, рассказать — он бросает дополнительный свет на тему "Ленин и Сталин в вопросе об РКИ". 22 ноября 1921 года Ленин получил несколько документов, свидетельствующих о безобразиях и

воровстве при сдаче государственного имущества в аренду частникам. Обеспокоенный и возмущенный, Ленин переслал их Сталину и Уншлихту (зампред. ВЧК). (ПСС, т. 54, стр. 32-33 и 566). И Сталин с полнейшим безразличием ответил Ленину, что ничего необычного в этом нет, что, судя по материалам РКИ, таково положение по крайней мере на 2/3 наших арендованных предприятий, но что "в искоренении этого зла РКИ не может оказать прямую помощь, так как ее деятельность не распространяется на арендованные предприятия" ("Ленинградский сборник XXXIV", М. 1942, стр. 427). Чиновник-нарком Сталин не пожелал взять на себя инициативу соответственного расширения функций своего наркомата и на месяцы заморозил дело политической и государственной важности. Только когда в феврале-марте 1922 г. Ленин, после бесплодного ожидания, вернулся к этому, вопрос был — по его инициативе и в спешном порядке — законодательно разрешен (см. ПСС, т. 54, стр. 164-66, 192-94, а также т. 44, стр. 413-14).

10) ЦГАОР. — Приведено в кн.: С.Н. Иконников — "Организация и деятельность РКИ в 1920-25 гг". М. 1960, стр. 63.

11) Вот этот текст, впервые напечатанный в 1959 году:

"Т. Молотову для Политбюро.

Ввиду полной недостаточности (или недоговоренности?) заметки в "Правде" от 3.1.1922 о самоубийстве Ольденборгера и расследовании этого дела, предлагаю Политбюро постановить:

1) Поручить Московскому Совету ходатайствовать перед Президиумом ВЦИК'а о предании всех, указанных в заключении комиссии, лиц суду;

2) Поручить Президиуму ВЦИК'а немедленно удовлетворить это ходатайство и

3) — опубликовать об этом во всей советской прессе;

4) поручить Наркомюсту особо заботливо и умело и внушительно провести это дело (под личной ответственностью т. Курского (Наркома) и назначаемого общественного обвинителя);

5) поручить Оргбюро создать особый партсуд. Предать этому суду всю комячейку водопровода. (Часть исключить из партии навсегда или на срок, части объявить строгий выговор, смотря по мере вины). Суд провести внушительно, гласно.

6) Директива "Известиям" и "Правде": осветить это возмутительное дело в ряде энергичных статей".

И приписка: "Еще проект постановления: обо всех случаях убийства инженеров (и спецов) на советских предприятиях докладывать в Политбюро с итогами расследований (ВСНХ, ВЦСПС и т.д., через СТО).

P.S. Дело возмутительное: надо бить в большие колокола". (ПСС, т. 44, стр. 354-55; см. также примечания на стр. 576-77 и стр. 578).

12) Последнее представилось возможным осуществить после XI партсъезда. По инициативе Ленина на первом же пленуме ЦК было вынесено постановление, которым Оргбюро и Политбюро поручалось "в двухнедельный срок представить список кандидатов в члены коллегии и замы Рабкрина, с тем, чтобы т. Сталин в течение месяца мог быть совершенно освобожден от работы в РКИ". (ПСС, т. 45, стр. 139 и 531).

13) Троцкий писал Ленину: "В качестве аппарата для осуществления этих (поставленных Лениным — автор) универсальных задач... по существу своему Рабкрин не пригоден и не может стать пригодным. Закрывать глаза на то, что в Рабкрине работают, главным образом, работники, потерпевшие аварию в разных областях, нельзя. Отсюда, между прочим, вытекает чрезвычайное развитие интриганства в органах Рабкрина, что давно уже вошло в поговорку во всей стране. Думать, что можно этот аппарат (не маленькую его верхушку, а всю организацию) оздоровить и укрепить, нет никаких оснований, ибо хороших работников будут и впредь отдавать для работы по существу, а не для инспектирования. Отсюда ясна фантастичность плана поднять государственный советский аппарат, пользуясь Рабкрином, как рычагом. Совершенно не верю также в возможность через посредство Рабкрина воспитать администраторов и хозяйственников из среды беспартийных рабочих и крестьян. Для этого нужна система школ и курсов, в частности курсов, связанных с отраслями хозяйственной и государственной деятельности. Нужно братья, как следует быть, за молодежь и учить ее, как следует быть, а не "в приглядку", — через Рабкрин". При этом Троцкий не предлагает ликвидировать Рабкрин, но полагает, что "при новой экономической политике нам хорошо бы иметь государственный контроль, перед которым стоит ограниченная, но определенная задача, требующая знаний советских законов и бухгалтерии. Чем больше РКИ сосредоточится и специализируется на этой задаче, тем больше содействия окажет она упорядочению всего советского

аппарата, а главное, упорядочению нашего бюджета, а следовательно, и финансов". ("Ленинский сборник V III". М. 1928, стр. 85-86. — Перепечатано в XXV II томе 2-го изд. Сочинений Ленина, М. 1930, стр. 542-43).

14) См. М.А. Москалев — "Ленинские принципы партийно-государственного контроля". Изд. МГУ, на правах рукописи. М. 1963, стр. 19.

15) См.: "X Всероссийский съезд Советов. Резолюции и постановления". М. 1924, стр. 25-29.

16) Что предложение Ленина никогда, ни тогда ни после, не было реализовано, хорошо известно. Но читателя, конечно, интересует, как оно было встречено в Политбюро лета 1922 года и каким путем оно было похоронено. Автор не располагает документальными материалами на этот счет, но и та лаконичная справка, что дана в примечании ИМЛ к письму Ленина, звучит достаточно вразумительно. "Политбюро ЦК РКП(б), — читаем мы в ней, — обсудив на заседании 26 мая 1922 года предложение В.И. Ленина, постановило передать его как материал в комиссию, созданную ЦК для руководства работой III сессии ВЦИК IX созыва" (ПСС, т. 45, стр. 552). Впрочем, добавим к этому, что ни в обсуждении своего письма на заседании ПБ (о котором говорится в справке ИМЛ), ни в дальнейшем продвижении этого "материала" (как письмо названо в справке), Ленин не принимал участия; 25-27 мая его постиг первый приступ болезни, от которого он полностью оправился (и вернулся к работе) только 2 октября. Надо думать, что по этой же причине мы не находим не только разговоров, но даже упоминания о письме Ленина на III сессии ВЦИК IX созыва (которой, судя все по той же справке, ПБ переадресовало его); см. "Бюллетени" сессии, изданные в 1922 г.

17) Для Ленина характерно, что, закончив статью, он изодня в день расспрашивает своего секретаря Фотиеву, как встретили статью Свидерский, Аванесов, Реске и другие члены коллегии НКРКИ, в особенности же — Цюрупа, а также о том, "был ли вопрос о статье в Центральном Комитете". Но имени Сталина нет среди лиц, мнением которых Ленин интересовался. ("Дневник дежурных секретарей В.И. Ленина. 21 ноября 1922 г. — 6 марта 1923 г." — Приложение к ПСС, т. 45, стр. 477-78).

18) Напомним, что именно в этой статье Ленин дал тот унич-

тожающий отзыв о сталинской РКИ, с которого мы начали настоящий раздел. И там же читаем: "Я спрашиваю любого из теперешних руководителей Рабкрин или из лиц, прикосновенных к нему, может ли он сказать мне по совести — какая надобность на практике в таком наркомате, как Рабкрин?.. Либо не стоит заниматься одной из реорганизаций, которых у нас так много бывало, такого безнадежного дела как Рабкрин, либо надо действительно поставить себе задачей создать медленным, трудным, необычным путем, не без многочисленных проверок, нечто действительно образцовое, способное внушать всякому и каждому уважение и не только потому, что чины и звания этого требуют" (ПСС, т. 45, стр. 394).

19) Вероятно, единственное опубликованное (но опять-таки недоступное автору!) свидетельство принадлежит Троцкому. Уже находясь за границей, он писал, что дело происходило на заседании Политбюро и что против предложения Куйбышева выступили он (Троцкий) и Каменев.

20) Говорили даже, что закрытое письмо было подписано всеми членами Политбюро, за исключением Троцкого.

21) Я.Б.Быкин — член партии с 1912 года, общавшийся с Лениным в швейцарской эмиграции, участник всех партсъездов с XII по XVII и неизменный в течение полутора десятилетий работник партийного аппарата, и, значит, проводник сталинской политики, пока Сталин не уничтожил его в 1937 году. В первую половину 20-х годов, когда автор знал его, это был образец революционера-большевика ленинского закала — человек редкого бескорыстия, кристальной моральной чистоты и личного обаяния. Трагизм его жизни и судьбы тот же, что у большинства старых партийцев: он не был способен занять критическую позицию по отношению к ЦК и верил (и от веры считал!), что Сталин ведет партию по ленинскому пути.

22) Не исключено, что Ис. Дойчер был близок к истине, когда писал, что "спустя два года после окончания гражданской войны русское общество уже жило под фактическим правлением Сталина, не сознавая, каково имя правителя" (Isaac Deutscher — «Stalin. A Political Biography» à N.Y., 1966, p.228; первое издание — в 1948г.). Последнее замечание (насчет имени правителя) подтверждается, между прочим, и приветствиями, которые XII съезд получил от рабочих и крестьянских организаций. В каждом передается горячий привет

и пожелания скорого выздоровления Ленину. Во многих же приветы и пожелания посылаются еще и другим "вождям революции". При этом имя Троцкого называется 13 раз, имена Зиновьева и Каменева — по 6 раз, а имя Сталина столько же, как Калинина, Бухарина и Буденного — 1 раз.

23) Зиновьев повторил эту сталинскую фальсификацию в своем заключительном слове, и притом, буквально: "Мы не можем рисковать провалить план, который выдвинут Ильичем" — заявил он торжественно. И так объяснил, в чем должно состоять осуществление плана: "Мы должны подобрать лучших людей, поставить дело как следует... Партия, которая не раз выручала наш госаппарат из очень больших трудностей, выручит его и сейчас... Если теперь мы подберем, как следует, личный персонал, я уверен, что мы добьемся и здесь результатов, которые нужны партии." (Там же, стр.225).

24) В Партархиве ИМЛ при ЦК КПСС хранится докладная записка, направленная Дзержинским 3 апреля в ЦК, в которой будущий докладчик намечает тон и контуры своего доклада. В ней мы читаем: "Призыв т.Ленина в его статье от 2 марта 1923г. не должен быть сужен к частичному вопросу об организации РКИ и ЦКК — но должен стать знаменем и душой всей работы нашей партии и всех ее ячеек в советских аппаратах. Ибо разрешение вопроса госаппарата есть вопрос существования Рабоче-крестьянской России" (Приведено в кн.: С.Н.Иконников — "Организация и деятельность РКИ в 1920- 1925гг." М., 1960, стр.111). Но в атмосфере подготовки съезда такая подача ленинского предложения была неприемлена. Первоначальный текст Дзержинского был подвергнут операции "редактирования", и текст доклада в Оргсекции съезда начинается совсем иначе: "Все постановления нашего съезда могли бы повиснуть в воздухе и остаться на бумаге, если бы в порядке дня съезда, по предложению Владимира Ильича, не был поставлен вопрос относительно того аппарата, который должен претворить в жизнь, в действительность, директивы заданий партийного съезда". Мы видели, как, с какими намерениями и в какой форме ленинский вопрос был "поставлен в порядок дня съезда". И после этой обкарнанной и обескровленной, но все-таки еще кое-что обещающей, фразы в докладе развивается уже известное нам ограничение ленинской проблемы задачей повышения квалификации и морального уровня "личного состава" госаппарата и улучшения его структуры и стиля работы — без упоминания "орабочения" аппарата, контролирования гос- и парт-аппарата снизу, контрольных функций членов ЦКК в отно-

шении работы членов ЦК, включая генсека и т.д. (В докладе Дзержинского ЦКК и РКИ даже названы "органами ЦК" — в прямой противоположности желанию Ленина "дать Рабкрину головку с правами ЦК"!). Словом, без всего того, чем Ленин рассчитывал предпринять ряд перемен в нашем политическом строе. ("Двенадцатый съезд РКП(б)..." М., 1968, стр. 760-764).

25) Материалы XIII съезда взяты из книги "Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924. Стенографический отчет". М., 1963.

26) Приведенные в тексте выдержки содержатся в записке "Что нам делать с Рабкрином?" и в "Письме к съезду", впервые напечатанных, соответственно, в 1959 и 1956 годах.

27) Эта формула и буквально противостоит идее Ленина. В статье "Лучше меньше, да лучше" он писал по поводу "рабочих, которых мы привлекаем в качестве членов ЦКК": "Я думаю, что над ними надо еще длительно поработать, чтобы обучить их приемам и задачам их работы". И это сделают их помощники — секретарский персонал и должностные лица Рабкринна. (ПСС, т.45, стр.393).

28) "Органом ЦК", как мы видели, назвал ЦКК Дзержинский в своем докладе ЦКК—РКИ в секции по организационному вопросу.

29) Вот характерное выражение из резолюции XII съезда "О задачах РКИ и ЦКК" (1) : надо: "заставить государственный аппарат обслуживать интересы рабочих и крестьян"... ("Двенадцатый съезд РКП(б)..." Стенограф. отчет". М., 1968, стр.698).

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Как и всем ведущим деятелям большевистской партии, обладающим организаторскими способностями, Сталину в годы гражданской войны приходилось наряду и, так сказать, по совместительству с выполнением возложенных на него обязанностей в советской государственной машине и со всей своей работой в партийных органах, принимать также прямое участие в военной работе — в организации и обслуживании Красной Армии и ее боевых действий против вооруженных сил контрреволюции. Известно, что сталинисты возвели (а неосталинисты еще и ныне возводят) Сталина в ранг несравненного мастера военного дела, гениального военного теоретика и величайшего полководца всех времен и народов. Когда будет написана подлинная, а не фальсифицированная история гражданской войны, люди нынешнего поколения увидят то, что знали люди того поколения, а именно, что в действительности военные заслуги Сталина не превосходят несколько заслуг ряда других военных руководителей нашей социалистической революции, вред же, нанесенный ей военной деятельностью Сталина, на много превышает тот урон, какой революция понесла от неопытности, недостаточной компетентности и ошибок других большевиков, строивших и возглавлявших первую в мировой истории армию пролетарской революции. Баланс пользы и вреда от военной

деятельности Сталина в годы гражданской войны, конечно, не входит в тему настоящей работы. Здесь нас интересует лишь одна, правда, существенная, сторона этой деятельности. Дело происходило в годы, когда во главе революции стоял Ленин, и стало быть, под наблюдением и руководством Ленина. Но после изложенного в предыдущих разделах естественно будет ожидать, что и в военно-политической и непосредственно-военной работе, в то время одной из решающих для судьбы революции, у Сталина уже тогда определились и проявились некоторые из тех отличий от ленинского понимания существа русской революции и от ленинской стратегии и тактики социалистической революции, которые оформившись и разросшись, впоследствии вошли в идейный и политический состав сталинизма.

И естественно также, что уже в годы Ленина здесь, в военной работе Сталина, должны были отчетливее, чем в других областях, выступить, развернуться и утвердиться те черты сталинского политического и административного стиля, *противостоящего ленинскому стилю*, которые связаны с личными чертами характера Сталина. Вместо принципиальности — интриганство и нечистоплотные закулисные махинации, вместо подчинения средств целям — иезуитизм в выборе средств, вместо скромности, товарищеской лояльности и духа коллективизма — напыщенное самомнение, завистливое властолюбие и дух командования, вместо вдаль глядящего делового подхода — чиновное делячество; и ко всему этому — лживость, ханжество, грубость и человеконенавистническая жестокость... Впоследствии, в десятилетия Сталина, когда его диктаторская власть выражалась не только в подчинении народа его принципам, идеям, программам, мероприятиям, но также в боготворении его личности (в этом — но единственно в этом — смысле резонно говорить о "культе личности Сталина"!), названные черты сформировали интеллектуальный и моральный склад правящих слоев всех уровней, а дальше — стали практическими нормами и канонами во всей политической, государственной, общественной, умственной жизни страны, да и в житейских и бытовых отношениях. В системе сталинизма личное в Сталине было не-

отделимо, органически сплетено с социальным — поэтому важно понять, что и в этом (да позволено будет сказать) "личностном" плане истоки сталинизма следует искать в деятельности и поведении Сталина ленинских годов нашей революции. И здесь военная сфера должна представить особенно поучительную картину.

Чтобы проверить справедливость такого утверждения, мы выбрали два этапа военной деятельности Сталина: один на заре гражданской войны — Царицын осени 1918 года, другой перед ее концом — советско-польскую войну лета 1920 года. Но между этими этапами лежит 1919 год — решающий год гражданской войны, — и мы остановимся также на нем: подробнее на VIII партсъезде, в свободной дискуссии определившем главные линии военной политики пролетарской революции, и по возможности короче — на участии Сталина в кампаниях против Колчака, Юденича и Деникина. Хвалы, возносимые "величайшему" и, конечно же, "ленинскому" "полководцу пролетарской революции" военно-исторической наукой сталинизма (1), и фальсификации, на которые эти хвалы опираются, особенно шумны и безудержны. Но после XX съезда советские историки успели опубликовать некоторые (увы, далеко не все!) тщательно утаивавшиеся документы, позволяющие вскрыть подлинную роль и подлинное политическое лицо Сталина в военных делах Советской республики в годы Ленина.

а) Первые "Военные полномочия" Сталина: Царицын, июль—октябрь 1918 года.

Сталин прибыл в Царицын в начале июня 1918 года не на роль военного руководителя, но как член Совнаркома, которому поручено решать не военные, а продовольственные задачи — организовать сбор продовольствия на сытом Юге (Северном Кавказе, Царицыне) и его переброску в голодающие центральные и северные города (2). Решение этой продовольственной задачи во многом зависело от решения военных вопросов, в первую голову связанных с обороной Царицына и железнодорожных путей на север от

наступления войск Краснова. И вместе с направлением на Юг продовольственного уполномоченного Сталина Правительство создает Северокавказский округ во главе с генералом Снесаревым, человеком беспартийным, но большого военного опыта и деловитости, высокой культуры, редкой порядочности и абсолютной преданности революции. Снесарев прибыл в Царицын почти одновременно со Сталиным (27 мая) с мандатом СНК, под которым стояла подпись Ленина и который гласил: "Совет Народных Комиссаров предлагает всем правительственным и советским организациям и учреждениям оказывать названному лицу всяческое содействие по всем делам, связанным с занимаемой должностью (3). Дела же состояли в том, чтобы "собрать и организовать всеми возможными мерами необходимые силы и средства для противодействия дальнейшему наступательному движению противника" и "при первой возможности перейти к активным действиям (4).

Предполагалось, следовательно, что два ответственных и энергичных уполномоченных Правительства — продовольственный Сталин и военный Снесарев — будут действовать сообща, в тесном сотрудничестве в решении важнейшей для судьбы революции задачи. Снесарев так и ведет себя (в частности, в соответствии с его планом обороны города уже в июне из преимущественно пролетарских отрядов была создана "группа" сталинского выдвиженца Ворошилова, позднее развернувшаяся в 10-ую армию). Но не так ведет себя Сталин. Снедаемый честолюбием, он не желает делить власть с военным командованием и с первых же шагов берет линию не на сотрудничество со Снесаревым, а на устранение его и заполучение в свои руки не только продовольственного, но и военного дела. 10 июля он прямо пишет Ленину: "Вопрос продовольственный естественно сплетается с вопросом военным. Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело. Так

мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит” (“Сочинения”, т. 4, стр. 120-121) (5). А 16 июля Сталин телеграфом шлет Ленину клеветнический донос на Снесарева (“умело саботирует”... “старается расстроить дело”... “его распоряжения связывают по рукам и ногам”... “не хочет вести войну с контрреволюцией, со своими земляками-казаками”) и, расхваливая “командующего Ворошилова”, просит “убрать Снесарева” (6). Продовольственное положение Москвы, Питера и других рабочих районов было катастрофическое, и Ленину не оставалось ничего другого как уступить Сталину, в то грозное время распоряжавшемуся юго-восточным хлебом. 19 июля от Высшего военного совета последовал приказ: военный совет Северо-Кавказского округа составить из Сталина, председателя Царицынского совета Минина и военрука, которого они должны временно назначить (в начале августа был назначен Ворошилов). Снесареву же предложено было немедленно выехать в Москву. Но через несколько дней, 24 июля, подчеркивая этим, что задачей пребывания Сталина в Царицыне остается присылка продовольствия, а не руководство военными операциями, Ленин telefонирует Сталину по прямому проводу: “О продовольствии должен сказать, что сегодня вовсе не выдают ни в Питере, ни в Москве. Положение совсем плохое. Сообщите, можете ли принять экстренные меры, ибо кроме как от Вас, добыть неоткуда” (ППС, т. 50, стр. 126).

Чтобы закончить этот вступительный рассказ о том, каким способом Сталин получил свои *первые* “военные полномочия”, следует, пожалуй, уделить еще несколько слов Снесареву. Ему не удалось выполнить приказ о немедленном отбытии в Москву. Он был арестован Сталиным, который незадолго перед этим арестовал и посадил в, приобретшую позорную славу, царицынскую баржу-тюрьму почти весь штаб округа. Лишь после того, как в Царицын для расследования “баржевой политики” Сталина по отношению к военным специалистам там, прибыла инспекция Высшего военного совета во главе с Окуловым, Снесарев был освобожден из-под

ареста. И вскоре после этого Реввоенсовет Республики назначает его начальником всей обороны Западного района страны.

Но в ненависти к соперникам — не только действительным, но и кажущимся — и в страхе перед ними Сталин уже в 1918 году не знает меры: ему требуется добить Снесарева, ускользнувшего из его рук. 6 ноября из Царицына за подписью сталинского клеветы Ворошилова была отправлена телеграмма на имя председателя ВЦИК Свердлова с требованием принять "экстренные меры по отношению . . . к генералу Снесареву, освобожденному из-под ареста и командующему Западной завесой (7). Но в Москве уже знали политический почерк деятеля, стоящего за этой телеграммой, и она была оставлена без внимания. Проходит 12 лет — и неограниченный диктатор Сталин, наконец, осуществляет глубоко затаенную месть. В январе 1930 года Снесарев был арестован и осужден по обвинению в участии в контрреволюционной монархической офицерской организации. А советская военно-историческая литература объявляет Снесарева царицынского периода главарем белогвардейского подполья и прославляет мудрость и гениальную проницательность Сталина, уже тогда раскусившего контрреволюционную сущность и вражеские замыслы этого ставленника Троцкого (8). От военной же литературы не желает отставать и послушная художественная литература "социалистического реализма" (9). Разумеется, только XX съезд сделал возможной реабилитацию Снесарева (10).

Но те "военные полномочия", которых Сталин добился удалением Снесарева из Царицына, лишь очень недолгое время могли удовлетворить его властолюбие. В конце-концов, их военное содержание было производным, они были предоставлены Сталину не сами по себе, не ради них самих, а ради подкрепления продовольственных полномочий, и с истечением последних они должны были отпасть. Это были полномочия не для фронтов войны, а для продовольственного фронта, и носили поэтому территориальный характер; они, конечно, делали Сталина диктатором в Царицыне и районах Северокавказского округа (поскольку Ворошилов был ста-

вленником и рукой Сталина), но не больше того. Между тем они, эти военные полномочия, пробудили (или раскрыли) в нем вкус к военному стилю начальствования, столь соответствующему его примитивной натуре, — к управлению методами командования, приказов и наказаний; а военное диктаторство в Царицыне укрепило его чванливую манеру отождествлять свою военную власть с военной независимостью от центра. К осени положение на южных участках гражданской войны обострилось и усложнилось, и потребовалось объединить в один фронт пять действующих там армий, включая царицынскую (так наз. 10-ую) армию. И когда 17 сентября был учрежден Реввоенсовет Южного фронта в составе Сталина, Минина и командующего (генерала — участника Октябрьской революции) Сытина, с местопребыванием штаба фронта в г.Козлове (11), Сталин воспринял это как покушение на его военные полномочия. Сталин не желал понимать (а может быть, по своей военной неграмотности, действительно не понимал), что дело идет уже не об одной лишь обороне Царицына, что сама эта оборона стала частью значительно более широкой военной задачи и только как такая часть и должна осуществляться. И он немедленно, без оглядки и с невероятной наглостью ринулся в битву с высшим командованием Красной Армии за верховенство и независимость Царицына, лестью и демагогией набирая себе союзников среди местнически настроенных царицынцев. Но несомненно, здесь играло роль еще то обстоятельство, что созданием Реввоенсовета Южного фронта Сталин отодвигался от непосредственного военного командования: ведь еще 6 апреля 1918 года было опубликовано положение "О военных комиссарах, членах военных советов", по которому "вся работа происходит на глазах комиссара, но руководство в специально-военной области принадлежит не комиссару, а работающему с ним рука об руку военному специалисту. . . В случае неодобрения чисто военного распоряжения комиссар не задерживает его, а только доносит о своем неодобрении стоящему выше Военному Совету (12).

В эти дни Сталин находился в Москве, куда он выехал 12 сентября. Разведав, что Ленину известно решение Реввоенсовета Республики от 17 сентября о создании Южного

фронта и формировании его Реввоенсовета, Сталин, введя в заблуждение Ленина о действительном положении дел, дал ему 19 сентября на подпись приветственную телеграмму войскам царицынского фронта, под подписью: "Председатель СНК В.Ульянов-Ленин" поставил свою подпись: "Народный комиссар и председатель Военно-революц.совета Южного фронта И.Сталин" и позаботился о том, чтобы 21 сентября телеграмма была опубликована в "Известиях" (13). Вернувшись в Царицын, Сталин, не подчинившись приказу центра об учреждении Реввоенсовета Южного фронта и в противовес ему, вкупе с Ворошиловым и Мининим, 23 сентября издает приказ, в котором, *обманывая войска* фронта, ставит их в известность, что Военный совет Северокавказского округа *переименован* в Реввоенсовет Южного фронта и что его председателем назначен Сталин. Этот самозванный Реввоенсовет немедленно приступает к изданию приказов по фронту, под которыми стоят подписи незаконного "Председателя Военно-революционного совета Южного фронта" Сталина и незаконного "Командующего Южным фронтом" Ворошилова. (14) 29 сентября в Царицын на заседание Реввоенсовета фронта приехал Сытин и вместе с ним член Реввоенсовета Республики Мехоношин. Сытин предъявил выписку из решения Реввоенсовета Республики, в которой значилось, что "командующему фронтом Сытину предоставляется полная власть в ведении операций" и что "в оперативные распоряжения командующего никто не должен вмешиваться". (ЦГАСА). Но выписка не оказала действия: Сталин, Минин и Ворошилов настаивали, что руководство военными операциями должно составить компетенцию всего Реввоенсовета как коллегиального органа (ЦГАСА). Не соглашались они и на размещение штаба Южфронта в Козлове и настаивали на Царицыне. Мехоношин предложил обратиться за разъяснениями в Реввоенсовет Республики, а пока работать на основе положения о военных комиссарах от 6 апреля 1918 года, но царицынская (читай: Сталинская) тройка отвергла это предложение.

1 октября Мехоношин доложил Реввоенсовету Республики, что не удалось образовать Реввоенсовет Южного фронта. Он писал: "Товарищи Сталин, Минин и Ворошилов выдви-

гают как наиболее целесообразную в настоящий момент коллегиальную форму управления фронтом и коллегиальное решение всех оперативных вопросов. Мои и командующего фронтом Сытина разъяснения, что, не касаясь даже по существу вопроса, надлежит исполнить приказ Реввоенсовета Республики, не привели к желательным результатам. Мною было предложено впредь до разъяснения немедленно приступить к работе согласно приказу. Одновременно с этим, не прекращая работу, представить доклад в Реввоенсовет Республики, а в случае разногласия с ним — в Совнарком. Мое предложение также было отвергнуто.”(ЦГА СА). А в тот же день 1 октября царичинская тройка выносит постановление об отстранении Сытина от должности командующего Южным фронтом и о назначении командующим Ворошилова(15). Свою угрозу в июльском письме Ленину, что он ”будет сам без формальностей свергать командармов и комиссаров” и что ”отсутствие бумажки от Троцкого его не остановит”, Сталин начал приводить в исполнение. Но здесь дело шло уже не о продовольственных делах, как бы важны они не были, — здесь своевольная и самонадеянная партизанщина перешла в открытое неподчинение, а там, чего доброго, грозила перейти в открытый бунт. И тут уже Ленин *не* пошел на уступки.

Назавтра, 2 октября, Реввоенсовет Республики предложил Сталину и Минину немедленно образовать Реввоенсовет Южного фронта на основе невмешательства комиссаров в оперативные дела и разместить штаб фронта в Козлове, а Мехоношину предложил войти в Реввоенсовет фронта и обеспечить единство командования. (ЦГАСА). И в этот же день, 2 октября, секретарь ЦК Свердлов шлет телеграмму Сталину, Минину и Ворошилову, в которой сообщает:”Сегодня состоялось заседание бюро Цека, затем всего Цека. Среди других вопросов обсуждался вопрос о подчинении всех партийных товарищей решениям, исходящим [из] центров. Не приходится доказывать необходимость безусловного подчинения. Положение Реввоенсовета Республики было принято ВЦИК. . . Все решения Реввоенсовета обязательны [для] Военсоветов фронтов. Без подчинения нет единой армии. Не

приостанавливая исполнение решения, можно обжаловать его [в] высший орган — Совнарком или ВЦИК, [в] крайнем случае Цека. Убедительно предлагаем провести [в] жизнь решения Реввоенсовета. [В] случае[если] считаете их вредными, неправильными, предлагаем приехать сюда, обсудить совместно, принять надлежащее решение. Никаких конфликтов не должно быть. Передаю поручение Цека. . . Немедленно отвечайте решение [по] вопросу о подчинении”. (16)

Как же ответил Сталин на требование ЦК? Назавтра же, 3 октября, он шлет телеграмму ”Председательствующему ЦК партии коммунистов Ленину”, настолько выразительно характеризующую Сталина, что мы приводим ее полностью:

”Мы получили телеграфный приказ Троцкого, копию которого и ответ на который (17) Вы, должно быть, уже получили. Мы считаем, что приказ этот, писанный человеком, не имеющим никакого представления о Южном фронте, грозит отдать все дела фронта и революции на юге в руки генерала Сытина, человека только не нужного на фронте, но и не заслуживающего доверия и потому вредного. Губить фронт ради одного ненадежного генерала мы, конечно, не согласны. Троцкий может прикрываться фразой о дисциплине, но всякий поймет, что Троцкий не Военный Революционный совет республики, а приказ Троцкого не приказ Реввоенсовета республики. Приказы только в том случае имеют какой-либо смысл, если они опираются на учет сил и знакомство с делом. Отдать фронт в руки не заслуживающего доверия человека, как это делает Троцкий, значит попортить элементарное представление о пролетарской дисциплине в интересах революции, фронта. Ввиду этого мы, как члены партии, заявляем категорически, что выполнение приказов Троцкого считаем преступным, а угрозы Троцкого недостойными. Необходимо обсудить в ЦК партии вопрос о поведении Троцкого, третирующего виднейших членов партии в угоду предателям из военных специалистов и в ущерб интересам фронта и революции. Поставить вопрос о недопустимости издания Троцким единоличных приказов, совершенно не считающихся с условиями места и времени и грозящих фронту

развалом. Пересмотреть вопрос о военных специалистах из лагеря беспартийных контрреволюционеров. Все эти вопросы мы предлагаем ЦК партии обсудить на первоочередном заседании, на которое в случае особенной надобности мы вышлем своего представителя. Член ЦК партии Сталин. Член партии Ворошилов" (18).

Но против такого, все границы переходящего, высокомерия и интриганства, да еще с требованием пересмотреть партийную политику в угоду "проклятой памяти партизанщины" (19), Ленин непреклонен. На телеграмму "члена ЦК партии Сталина" и "члена партии Ворошилова" "Председательствующий ЦК партии коммунистов" не ответил. А когда, назавтра пришел телеграфный ответ Троцкого (20), немедленно же был образован новый Реввоенсовет Южфронта в составе командующего фронтом Сытина и членов Совета Мехоношина и Леграна с местопребыванием в Козлове.

Сталин же был вызван в Москву, откуда Свердлов поехал с ним 8 октября в Козлов. Уезжая туда, присмиривший Сталин, только что наделавший шуму на всю Россию, телефонирует теперь в Царицын Ворошилову и Минину, что надеется "решить вопрос без шума, в рамках сложившихся формальностей" (ЦГАСА). Однако, разобравшись на месте в обстоятельствах дела, Свердлов оставил в силе решение о новом составе Реввоенсовета Южфронта, а Сталин (вместе с двумя своими сподвижниками) был выведен из него.

Честолюбие, растравленное и получившее новое направление за месяцы "военных полномочий", не позволило Сталину признать свое поражение. 11 октября он направляет Свердлову очередную кляузу: ". . . чья-то умелая рука старается доканать Царицын. . . Казаки в пяти верстах от Волги южнее Сарепты, а Сытин и его защитники на деле отказывают в снарядах" (21). Арьергардный истерический донос, конечно, не помог, и Сытин оставался командующим фронтом еще и после того, как быстрыми и деловыми мерами, принятыми командованием, запущенное и разболтанное положение, существовавшее при царицынской тройце, было выправлено и красновские войска были по всему фронту отброшены далеко от Царицына.

А Сталин? Не желая расставаться с "военными полномочиями", он пытается окопаться в Царицыне, где у него образовалась группа влиятельных сторонников в партийной организации. Опять-таки самозванно и самостийно, уже в манере чистейшей партизанщины, он без решения и разрешения Реввоенсовета Республики провозглашает царицынский участок Южного фронта самостоятельным "Царицынским фронтом", себя объявляет членом Военревсовета этого "фронта", а Ворошилова — его командующим (22). Конечно, эта авантюра, в которой не знаешь чего больше — самонадеянности или наивности, была быстро разоблачена, и Сталину пришлось покинуть Царицын и выехать в Москву... (23).

Закончим этот параграф об истории первых "военных полномочий" Сталина относящимися к ней выдержками из телеграммы, которую Ленин послал Троцкому 23 октября после беседы со Сталиным, уехавшим, наконец, из Царицына. Ленин телеграфировал: "Сталин убедил Ворошилова и Минина, которых считает очень ценными и незаменимыми работниками, не уходить и оказать полное подчинение приказам Центра... Сталин очень хотел бы работать на Южном фронте; выражает большое опасение, что люди, мало знающие этот фронт, наделают ошибок, примеры чему он приводит многочисленные. Сталин надеется, что ему на работе удастся убедить в правильности его взгляда, и не ставит ультиматума об удалении Сытина и Мехоношина, соглашаясь работать вместе с ними в Ревсовете Южного фронта, выражая также желание быть членом Высвоенсовета Республики. Сообщая вам, Лев Давыдович, обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу Вас обдумать их и ответить: во-первых, согласны ли Вы объясниться лично со Сталиным, для чего он согласен лично приехать, а во-вторых, считаете ли Вы возможным, на известных конкретных условиях, устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин. Что же меня касается, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия, для налаживания совместной работы со Сталиным."

Мы видим из этой телеграммы, что военные полномочия нужны уже Сталину не для лучшего выполнения продоволь-

ственной задачи, а сами по себе; он претендует не на военные полномочия, а на военное поприще. Ради того, чтобы вступить на него, Сталин даже готов пока что ограничиться сотрудничеством с им же только что оклеветанным и оплеванным Сытиным (конечно, для того, чтобы исправлять его ошибки). Но это пока что; прицел же у него дальний — никак не меньше члена Высшего военного совета Республики. И он просит Ленина выхлопотать ему встречу с Троцким, к которому он согласен для этого специально приехать. Ленин же, великий мастер собирать вокруг себя людей, желающих участвовать в революционной борьбе за социализм, после того как он дал категорический отпор претензиям и наскокам Сталина в вопросе о формировании командования Южного фронта, не желает озлобить и оттолкнуть своего давнишнего ученика и одного из ближайших соратников, энергичного, напористого, волевого, сметливого и к тому же прекрасного организатора. Ленин надеется, что свои политические ошибки Сталин изживет, а его отталкивающие личные черты постепенно сгладятся и обезвредятся в совместной революционной работе с товарищами. И он соглашается ходатайствовать за Сталина перед руководителем Красной Армии Троцким, оставляя, конечно, решение вопроса на усмотрение последнего. Что Сталин должен был переживать это как вынужденное унижение, не может быть сомнения. И едва ли можно также усомниться в том, что этот эпизод добавил тяжелую гирю на чашу его зависти к Троцкому (24).

б) Военный вопрос на 8-ом съезде РКП (б)

Так наз. "конфликт" осени 1918г. (25) показал нам в Сталине черты деятеля, не брезгающего никакими средствами, внесшего в политику пролетарской диктатуры чуждые ей властолюбие и своеволие, интриганство и изворотливость, лживость и лицемерие, завистливость и мстительность, и все это под ханжеским покровом скромности, невинности, ми-

ролюбия, — словом, те черты, от которых неотделим, теперь уже перед всем миром раскрытый, политический стиль годов и десятилетий сталинской диктатуры. Но не эти личные обстоятельства "конфликта" нас здесь интересуют, сколь бы существенны они ни были для понимания его хода и исхода. Нас интересуют принципиальные отличия сталинского понимания военной политики пролетарской революции от ленинского понимания. О зарождении этих отличий дает представление уже история первых "военных полномочий" Сталина, изложенная в предыдущем параграфе. Но лишь спустя полгода они, эти принципиальные отличия, достаточно оформившиеся, оказались предметом подробного обсуждения и острой дискуссии, когда на 8-ом съезде партии (март 1919 года) подводились итоги первого года нашего военного строительства и определялись дальнейшие пути этого строительства. Дискуссия шла между ЦК и "военной оппозицией". Формально и, так сказать, организационно Сталин не принадлежал к числу оппозиционеров, но ни для кого не было секретом (и оппозиционеры не скрывали этого, а то и подчеркивали), что из руководящих деятелей ЦК именно Сталин, и единственно он, стоял за их спиной, вдохновляя, ободряя, направляя их и (когда считал это для себя безвредным) выгораживая их. Тем более, что среди активных оппозиционеров были Ворошилов и Минин, которые были широко известны как выученики Сталина и проводники его линии в Царицыне.

Кто же были эти оппозиционеры и против чего была направлена их оппозиция? В основном это были люди из числа съехавшихся с фронтов гражданской войны деятелей Красной Армии, в огне боев с белыми войсками только что создавшейся, только еще искавшей для себя (впервые в человеческой истории!) особых, классовых форм организации, централизации, дисциплины. Таких форм, которые соответствовали бы регулярной армии диктатуры пролетариата в стране с огромным преобладанием крестьянства в населении и, стало быть, в солдатском составе армии, и в условиях, когда командный состав армии приходилось набирать из числа военных специалистов — бывших офицеров,

классово чуждых революции и идейно далеких от нее, а то и враждебных ей. Свою неудовлетворенность и раздраженность непорядками на местах и неулаженностью отношений с центром в период перехода от партизанских отрядов к регулярной армии, от партизанщины к регулярным военным операциям; свои деловые и неделовые конфликты фронтов и армий с центром и друг с другом; все трудности, неясности и неразрешенности в строительстве новой армии, все действительные и кажущиеся противоречия и ошибки в этом строительстве, совершающемся в спешке и на ходу, — все это они принесли на партийный съезд. И эту-то широкую, весьма разношерстную и разноголосую группу военных делегатов съезда, не всегда достаточно коммунистически-принципиальных и стойких и в чрезвычайно сложной обстановке порой политически растерявшихся, фактически объединял авторитет Сталина как одного из доверенных людей Ленина, и вместе с тем, единомышленника и защитника царицынцев. Объединял ее тем, что морально оправдывал, и если неудобно было прямо, то дипломатически, исподтишка, поддерживал их оппозиционность по отношению к военному ведомству, которым по поручению и с полным доверием ЦК руководил Троцкий. По сути же дела Сталин внушал и подогревал оппозиционность по отношению к самому ЦК.

Позднее Сталин принял меры к тому, чтобы скрыть свою причастность к выступлению "военной оппозиции" на 8-ом партсъезде. Чтобы информация о наших разногласиях и недочетах не просочилась через фронты к белогвардейцам, съезд по требованию военной оппозиции постановил обсуждать военный вопрос на закрытых заседаниях пленума и военной секции и ход обсуждения не опубликовать. И вот, решение, вполне резонное в обстановке того времени, Сталин использовал для того, чтобы эти изобличающие его материалы постараться навсегда утаить от партии и народа, спрятать историю. Спустя полтора десятилетия, в 1933 году (то есть когда и съезд, и военные проблемы, обсуждавшиеся на нем, и наши противники в гражданской войне, ради борьбы против которых проблемы обсуждались и от которых наши разногласия утаивались, ушли в далекое прошлое),

ИМЭЛ предпринял второе издание протоколов Восьмого съезда, но в них снова не были допущены оба закрытых заседания. И это позорное положение сталинисты сохраняют по сей день. Из протоколов закрытого заседания пленума опубликована только речь Ленина — в 1970! — а из протоколов закрытого заседания военной секции спустя полвека не опубликовано еще ничего.

Оно и понятно. Именно это позволило Сталину в 1928 году (чтобы попытаться парировать удары объединенной зиновьевско-троцкистской оппозиции!) бесконтрольно включить в сборник "Об оппозиции" и в 1947 году, с исправлениями и смягчениями (конечно, не оговоренными!), перепечатать в "Сочинениях" свое выступление на закрытом заседании Восьмого съезда в хитроумно переделанном виде: вся первая часть (содержавшая защиту царицынских участников военной оппозиции от выводов специальной комиссии ЦК) просто выкинута, а вторая сведена до полутора страниц малого формата, вырванных из контекста съездовской дискуссии и задним числом так подправленных и смонтированных, что их смысл и место в дискуссии совершенно искажены (26). И это же позволило Сталину в многомиллионных и многоязыковых тиражах "Краткого курса истории ВКП (б)" окончательно запутать весь вопрос, вставив туда одним махом две равно заведомые и одна с другой несогласуемые лжи: будто на Восьмом съезде "Ленин и Сталин решительно выступили против военной оппозиции" и будто военная оппозиция боролась "против искривления Троцким военной политики партии" (изд. 1945 года, стр. 224 и 225) (27). Рассмотрим же обе эти сталинские лжи. Начнем со второй — с утверждения, что военная оппозиция была направлена не против военной политики партии, а против искривления партийной политики военным ведомством (сиречь — Троцким).

На подступах к 8-му съезду, когда (в значительной мере под влиянием и в поддержку царицынской, то есть сталинской, оппозиционности к военному руководству страны), зрела и оформлялась военная оппозиция и, как показала царицынская эпопея, грозила перерасти в серьезную не просто военную, но и политическую угрозу молодой диктатуре про-

летариата, 25 декабря 1918 года, ЦК партии принял и на завтра же опубликовал в "Правде" постановление "О политике военного ведомства", в котором сказано: "Ввиду того, что в некоторых рядах партии распространилось мнение, будто политика военного ведомства есть продукт личных воззрений отдельных товарищей или отдельной группы, — причем такого рода воззрения проникают на страницы партийной печати, — Центральный Комитет Российской Коммунистической партии считает необходимым в самой категорической форме подтвердить то, что для наиболее ответственных и опытных работников в партии не могло вообще стоять под сомнением, — именно, что политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем". И постановление далее клеймит "ложные слухи", "прямые клеветнические измышления" и "инсинуации", которые лежат в основе этого распространяемого в партии мнения (28). А через две недели в "Известиях" печатается разъяснительная статья главы военного ведомства, Троцкого, по поводу главной темы оппозиции — несогласия с политикой партии в отношении военных специалистов. В статье показано, что за советски-канцелярским "коммунизмом" оппозиционеров стоят "инстинкты местничества" и "философия опрошенства, знахарства, невежественного бахвальства" и что за громкими ура-революционными фразами здесь часто прячутся "склочники, занимающиеся мелким местничеством на тему о том, кому подписаться первым". Статья кончается оптимистически: "Очень часто бывало в истории, что ложные взгляды и распространенные предрассудки получают свое "принципиальное" выражение тогда, когда приходит им время издыхать" (29).

Как же обстояло дело на самом съезде? Докладчик от ЦК о военном положении и военной политике, Сокольников, в до сих пор неопубликованном заключительном слове на закрытом заседании так резюмировал положение (30): "Вопрос стоял о пересмотре курса военной политики... Для нас был вопрос ясный, что дело идет не только о свержении

прежнего курса политики — если бы вопрос был съездом так поставлен, нужно было бы изъять руководство этой военной политикой из рук того товарища, который руководит ею, из рук Троцкого. Здесь было бы первое возражение. Мы спросили бы: кем оппозиция заменила бы тов.Троцкого. Этот вопрос я даже не ставлю серьезно.” А Ленин в речи на том же заседании поставил вопрос еще резче и откровеннее: ”Когда здесь выступал т.Голощекин, он сказал: политика ЦК не проводится военным ведомством. Если вы такие обвинения ставите, если вы, выступая ответственным оратором на партийном съезде, можете Троцкому ставить обвинения в том, что он не проводит политику ЦК, — это сумасшедшее обвинение. Вы ни тени доводов не приведете... Это такое обвинение, которое бросает большую тень на все военное ведомство и на ЦК. Вы не хотите этого сказать, но вы имели в виду это сказать. Подкладка тут для всех ясна.” (“Ленинский сборник XXXVII”. М., 1970, стр. 136-7) (31).

Но чтобы политический смысл и ”подкладка” (выражаясь словом Ленина) съездовского выступления военной оппозиции стали полностью ясны, следует, может быть, сообщить читателю еще о том, что докладчиком по военному вопросу должен был быть Троцкий и что в качестве резолюции съезда были с *”редакционными только изменениями”* приняты тезисы ”Наша политика в деле создания Красной Армии”, предложенные Троцким и за месяц до съезда опубликованные в ”Правде” (25 февраля). На Сокольникова было возложено *”защищать тезисы Троцкого”* на партсъезде в виду того, что Троцкий не мог на съезде присутствовать (См. ”Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы”. М., 1959, стр.339). Вот как об этом сказал съезду Ленин: ”Что наше положение грозно сейчас и будет грозно дальше, ... не было никакого сомнения в Центральном Комитете, когда мы принимали решение, что т. Троцкий будет не на съезде, а там, где положение опасно. Мы сознавали, какой урон мы наносим партийному съезду, но мы говорили: положение грозно”. (“Ленинский сборник XXXVII”. М., 1970, стр.135). Разумеется, и Сталин, пустивший в ход ложь о расхождениях между политикой ЦК и политикой военного

ведомства, и сталинисты — разносчики лжи, старательно молчат об этих *фактах*.

А теперь займемся первой и главной сталинской ложью — будто на Восьмом партсъезде Ленин и Сталин стояли на одних позициях в военном вопросе и совместно ("решительно", как сказано в "Кратком курсе истории ВКП(б)") выступили против "военной оппозиции" (32). И раскрывая эту ложь, мы тем самым вскроем некоторые из тех линий раздела между ленинизмом и сталинизмом, что вполне определенно проявились уже в годы, когда во главе нашей революции стоял Ленин.

Здесь перед нами встает необычная, но в данном случае характерная, трудность: отсутствие опубликованных высказываний Сталина. В томах сочинений Ленина накануне, во время и после 8-го партсъезда находятся многочисленные высказывания Ленина по самым различным сторонам военного вопроса; в "Сочинениях" Сталина напечатана лишь упомынутая выше, позднее переделанная, и следовательно, не достоверная выдержка из его речи на съезде. Правда, кончается эта выдержка призывом голосовать за резолюцию ЦК, а не за резолюцию, внесенную оппозиционером В.Смирновым. Но выжидая, как повернется съездовская ситуация, Сталин свою единственную речь на съезде произнес *после* речи Ленина, который не только по проблемам, но прямо по пунктам раскритиковал проект Смирнова, содействовав этим тому, что уже в первом, предварительном, голосовании оппозиция останется в меньшинстве (33) и что в конечном итоге тезисы, подготовленные Троцким и предложенные Центральным Комитетом, будут приняты единогласно. В этой ситуации что оставалось делать вдохновителю и дирижеру военной оппозиции? Сбросить маску и открыто выступить против Ленина и ЦК? Невозможно, ибо это означало признать себя лидером меньшинства, а это противоречило коренному принципу политического поведения Сталина с самых первых шагов его карьеры и до конца дней: всегда из всех дискуссий выходить с большинством. Публично отмежеваться от военной оппозиции и этим предать, а значит, растерять своих людей? Тоже не годится: это сохранит положение в партийной и

советской иерархии, но убьет авторитет. И Сталин выбрал мало симпатичную, но единственно соответствовавшую его политическому стилю, тактику: С одной стороны, поддерживать пока что Ленина (а значит и Троцкого!) и, по возможности очистив самого себя от одиума оппозиционности, преподать этим рекомендацию своим сторонникам не слишком настаивать на своем оппозиционном проекте резолюции; а с другой стороны, смазать критику в адрес *военных идей* оппозиции и попытаться дезавуалировать и сгладить выдвинутые на съезде против оппозиционеров обвинения в некоммунистичности, непартийности их *военной практики*. Этим расчетливым двуличным примирительством оппозиции с ЦК, собственно, и заполнены та часть речи Сталина, которую он убоился пустить в печать даже спустя почти 10 лет (в 1928 году), и те формулировки опубликованной части, которые он через эти 8 лет тайно переделал.

Но если таким образом, из слов самого Сталина на 8-ом съезде, опубликованных и неопубликованных, невозможно получить представление о его политической позиции в военном вопросе, то зато такое представление достаточно полно дают сведения о его царицынской военной деятельности, сообщенные на съезде другими делегатами. Мы уже знаем, что на Сталина, как на правительственного уполномоченного по доставке продовольствия из юго-восточных районов, была, по его же требованию, возложена и военная ответственность за оборону царицынского участка. Знаем мы также из предыдущего параграфа, что осенью 1918 года положение там стало исключительно тяжелым, и ЦК направил туда для выяснения причин и выправления положения специальную комиссию во главе с Окуловым. Материалы и выводы комиссии Окулов доложил на закрытом заседании партсъезда. В своей речи Ленин ссылался на эти выводы, как на "доказанные объективными фактами"; попытки некоторых оппозиционеров дискредитировать Окулова вызвали возмущение Ленина: "Тов. Ворошилов" — сказал Ленин — "договорился до таких чудовищных вещей, что разрушил армию Окулов. Это чудовищно. Окулов проводил линию ЦК". ("Ленинский сборник XXVII". М., 1970, стр.135, 139). Но о

политически искривленном положении и хаосе в руководимых Сталиным царицынских частях говорил на съезде не один Окулов. И получалось, что Сталин, взявший на себя ответственность за армию, не только не боролся с этим, не только не поставил об этом в известность ЦК (что он обязан был сделать, если бы столкнулся с невозможностью собственными силами справиться), но даже, когда безобразия были раскрыты, все еще пытался прикрыть их, находить им оправдания и т.д. И это понятно: ведь он не только допускал, но инспирировал, обосновывал и поощрял ту линию, которую вели в 10-ой армии Ворошилов, Минин и др.

И на съезде выяснилось, что по меньшей мере в трех кардинальных вопросах строительства и управления регулярной армии царицынская линия Сталина в принципе расходилась с линией Ленина: в вопросе о военных специалистах, в вопросе о крестьянском составе рядовой солдатской массы и в вопросе о воинской дисциплине. Рассмотрим их в этом порядке. Первый вопрос — о специалистах — был на восьмом съезде стержнем всей военной дискуссии, и мы остановимся на нем по возможности подробнее.

О военных специалистах.

Вопрос о привлечении царского офицерства на командные посты в строящуюся Красную Армию был поднят по инициативе Троцкого и настоянию Ленина уже с первых шагов ее строительства, когда оно еще велось (в январе — мае 1918 года) на принципе добровольчества. 19 марта 1918 г. Троцкий, выступая на заседании Московского Совета, разъяснял: "Да, мы пользуемся военными специалистами, ибо ведь задачи советской демократии состоят вовсе не в том, чтобы отбрасывать от себя технические силы, которые можно с пользой применить для успеха ее исторической работы, политически подчинив их существующему строю. Ведь и по отношению к армии вся полнота власти будет находиться всецело в руках Советов, которыми будут командированы во все военные органы и воинские части надежные политические комиссары для общего контроля... Другого пу-

ти в данный момент нет и быть не может. Надо помнить, что для борьбы, кроме энтузиазма, таящегося в народе, нужны еще и технические познания.”

А в июле Троцкий же докладывал 5-му съезду Советов: ”Нам нужна не кустарническая, построенная на каком-то самодельном принципе армия, а армия настоящая, централизованная, построенная на началах военной науки и техники. Для этого она должна иметь достаточные кадры военных специалистов.” И съезд принял постановление ”Об организации Красной Армии”, в котором говорится: ”Период случайных формирований, произвольных отрядов, кустарного строительства должен быть оставлен позади. Все формирования должны производиться в строгом соответствии с учрежденными штатами и согласно разверстке Всероссийского Главного Штаба” (35). А это невозможно без достаточно широкого привлечения военных специалистов.

Переход от добровольческих революционных отрядов к регулярной армии пришлось осуществлять в срочном порядке, прямо в ходе навязанной нам гражданской войны. Но — как гласит принятая Восьмым съездом резолюция по военному вопросу (§ XVI) — ”даже если бы наша армия получила возможность в течение нескольких лет планомерно формироваться и подготавливать для себя одновременно новый командный состав, — и в этом случае у нас не было бы никаких принципиальных оснований отказаться от привлечения к работе тех элементов старого командного состава, которые либо внутренне стали на точку зрения Советской власти, либо силой вещей увидели себя вынужденными добровольно служить ей” (”Восьмой съезд РКП(б). Март 1919г. Протоколы.” М., 1959, стр.418). Конечно, открыто никто не возражал против того, чтобы в Красной Армии служили старые военные специалисты — ни крайние оппозиционеры, требовавшие коллегиального командования в армии (36), ни Сталин, на съезде противник коллегиальности, в Царицыне же использовавший ее в качестве инструмента своей единоличной власти. Но, как в заключительном слове (на закрытом заседании) сказал Сокольников: ”Дело не в игре словами, а в совершенно определенном положении: Должны ли

военные специалисты командовать, может ли бывший командир старой армии иметь командный пост в новой армии”.

Ленин считал вопрос о военспецах одной из ”основ нашей военной политики” (”Ленинский сборник XXXVII”. М., 1970, стр.139). Накануне партсъезда он сказал: ”Когда мне недавно тов. Троцкий сообщил, что у нас в военном ведомстве число офицеров составляет несколько десятков тысяч, тогда я получил конкретное представление, в чем заключается секрет использования нашего врага: как заставить строить коммунизм тех, кто являлся его противниками, строить коммунизм из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас!” (Брошюра ”Успехи и трудности Советской власти”, составленная из двух речей, произнесенных в Петрограде 12 и 13 марта. — ПСС, т.38, стр.55). На съезде за слово ”использование” ухватились противники Ленина, и он счел нужным внести полную ясность в вопрос, уточнив также и словоупотребление. Он так формулировал суть разногласий: ”Мы говорим в программе, что военных специалистов надо привлекать, а вы говорите, что надо их использовать” (”Ленинский сборник XXXVII”. М., 1970, стр.139).

”Привлекать” означает облечь их политическим доверием и включить в свои ряды на полных правах, смотреть на них не как на безнадежных чужаков (и уж тем более не как на коварно пробравшихся к нам врагов и потенциальных изменников), а как на необходимую и органическую часть нашей общественной системы, как на честных борцов за эту систему. Ленин с самых первых месяцев после Октября ставил вопрос об отсечении бывших буржуазных специалистов от класса буржуазии, от капитализма, об органическом слиянии их с делом социализма, их труда с трудом коммунистов, с трудом всего освобожденного народа. Для Ленина, поэтому, вопрос о военных специалистах был лишь более острой частью общей и большой социальной проблемы втягивания старой, капитализмом подготовленной, из буржуазии вышедшей, российской интеллигенции, в дело строительства и защиты в муках рождающегося социалистического об-

щества. А роль коммунистов—комиссаров, поставленных рядом с командирами из военспецов, представлялась в том, чтобы не вмешиваться в оперативную деятельность последних, но лишь тактично присматриваясь к ним и окружив их атмосферой товарищеского сотрудничества, контактировать и постепенно сроднить этих выходцев из чуждой среды с революционной солдатской массой и так воспитывать из них полностью советских людей.

А что означает "использовать"? Это лучше всего можно увидеть из сообщения, сделанного на закрытом заседании съезда Окуловым, обследовавшим по поручению ЦК положение в 10-ой армии, находившейся в политическом и военном ведении Сталина. Не атмосфера товарищеского сотрудничества и морального согласия была здесь создана вокруг пришедших к нам военных специалистов, а атмосфера недоверия, подозрительности, неприязни, запугивания, травли и принуждения. Дело дошло (рассказал Окулов) до поголовного ареста офицерских кадров целых дивизий, арестов даже не мотивировавшихся, так что после длительного заключения в знаменитой царицынской барже (36) приходилось уцелевших освобождать, так и не придумав и не предъявив им какого-либо подобия обвинения (37). Об этой барже Окулов сказал: "она много поработала, чтобы сделать невозможной ассимиляцию военных специалистов". И далее следует описание — фактами и цифрами — ужасающей картины армии, развалившейся вследствие устранения военных специалистов и вследствие отсебятины партизанства, — описание, которое Окулов заканчивает суровым выводом — приговором: "Отсутствие командного состава на фронте означает, что солдаты идут не в бой, а на бойню, в тылу это означает, что большевистские кадры истекают кровью без надежды получить подкрепление тыла." А когда Ворошилов, правая рука Сталина в 10-ой армии, в качестве доказательства героизма этой армии назвал цифру 60.000 погибших в боях, то Ленин ответил: "Можно 60.000 уложить, то с точки зрения нашей общей линии можем ли мы давать по 60.000?.. Тов. Ворошилов, в том-то и беда, что все ваше внимание устремлено в этот Царицын. В смысле героизма это громад-

нейший факт, но в смысле партийной линии, в смысле сознания задач, которые нами поставлены, ясно, что по 60.000 мы отдавать не можем и что, может быть, нам не пришлось бы отдавать эти 60.000, если бы там были специалисты, если бы была регулярная армия.” (“Ленинский сборник XXXVII”, М., 1970. стр.139).

Но Восьмой партсъезд и позиция Ленина на нем не переубедили Сталина. Через несколько месяцев, в связи с деникинским наступлением, Ленин написал известную работу “Все на борьбу с Деникиным!”, в июле 1919 года опубликованную как “письмо ЦК РКП (б) к организациям партии” (38). В примечаниях ИМЭЛ к сочинениям Ленина (ПСС, т.39, стр.480) приводятся некоторые сведения об обстоятельствах предварительного обсуждения этого документа членами ЦК. Мы узнаем, что по разделу о военных специалистах Сталин выставил ряд возражений. В письме Ленину от 4 июня он, утверждая, что Всероглаштаб и Полевой штаб Реввоенсовета Республики работают на белых, и ссылаясь на участие военспецов в контрреволюционном заговоре в Петрограде, писал: “Весь вопрос теперь в том, чтобы ЦК нашел в себе мужество сделать соответствующие выводы”, и пересмотрел политику по отношению к военным специалистам. Сталин и Зиновьев внесли в ЦК предложение заново обсудить вопрос о военспецах. Это предложение было отклонено. А в опубликованном тексте ленинского обращения к парторганизациям читаем: “Несомненно, что военспецы дадут в ближайшее время повышенный процент изменников, подобно кулакам, буржуазным интеллигентам, меньшевикам, эсерам. Но было бы непоправимой ошибкой и непростительной бесхарактерностью возбуждать из-за этого вопрос о перемене основ нашей военной политики. Нам изменяют и будут изменять сотни и сотни военспецов, мы будем их вылавливать и расстреливать, но у нас работают систематически и подолгу тысячи и десятки тысяч военспецов, без коих не могла бы создаться та Красная Армия, которая выросла из проклятой памяти партизанщины и сумела одержать блестящие победы на востоке”. И Ленин обещает: “Если некоторые партийные органы берут неверный тон по от-

ношению к военспецам (как это было недавно в Петрограде)..., партия будет исправлять эти ошибки” (ПСС, т.39, стр. 56-58).

Известно, что о привлечении буржуазных специалистов во всех сферах Ленин и ленинцы писали и говорили непрерывно и неустанно как об одной из решающих проблем преодоления капитализма и движения к социализму. Но Сталин ни разу, кажется, за все годы работы при Ленине не заинтересовался этой проблемой и не высказался о ней как о таковой. Его интерес к ней во время дискуссии о военспецах на Восьмом съезде партии был не как к проблеме широкой социальной значимости, не как к важной части задачи завоевания дореволюционной интеллигенции на сторону революции, а как к технической проблеме организации военного дела, как к способу использования одного из инструментов для ведения войны. И в своем единственном выступлении на съезде Сталин, даже когда говорит за использование военспецов, отнюдь не придерживается ленинской мысли, что решить эту частную задачу, как военно-техническую, можно лишь ставя и решая ее как задачу общую, социальную.

И то, что Сталин проделал в Царицыне с сотнями, если не тысячами, военных специалистов из рядов старой армии, выглядит как зловещая репетиция его будущих расправ с сотнями тысяч, если не миллионами всевозможных специалистов и интеллигенции — уже не только выходцев из буржуазной среды, но возвращенных революцией. Репетиция по бесчестности, по бесчеловечности — и по политическому идиотизму.

О крестьянах в Красной армии.

В речи Сталина на закрытом заседании 8-го съезда читаем: ”Я должен сказать, что те элементы нерабочие, которые составляют большинство нашей армии, — крестьяне, они не будут драться за социализм, не будут, добровольно они не хотят драться. Целый ряд фактов на всех фронтах указывает на это. . . Непролетарские элементы, составляющие больши-

нство нашей армии, драться добровольно за коммунизм не хотят. Отсюда наша задача — эти элементы заставить воевать, идти за пролетариатом не только в тылу, но и на фронтах, заставить воевать с империализмом”(39). И что здесь перед нами не оборот речи, не случайно, в пылу полемики, вырвавшаяся фраза, видно из того, что формула — в гражданской войне ”методами принуждения заставить крестьян бороться за социализм” повторена Сталиным спустя два года в статье в ”Правде”, на этот раз облыжно выдаваемая за линию 8-го партсъезда(40), а затем (как явствует из изложенного выше), подтверждена им безоговорочным цитированием своей съездской речи 1919 года в 1927 и 1947 г.

Эта законченная декларация находится в таком разительном разрыве с генеральной ленинской идеей о крестьянстве как естественном, историей предуготованном, классовом союзнике пролетариата в российской социалистической революции, в таком непримиримом противоречии со стратегией и тактикой ленинского союза рабочего класса и крестьянства, что не нуждается в комментариях. Достаточно будет сопоставить это с тем, как Ленин на том же заседании говорил о проблеме воинской дисциплины в армии, ”в которой среднее крестьянство будет бороться” (Ленинский сборник XXXVII. М. 1970, стр.137). Или вспомнить выражение, примененное Лениным в его ”Обращении к Красной Армии” 29 марта, т.е. в неделю закрытия съезда: ”Союз рабочих и крестьян Красной Армии” (ПСС, т.38, стр.235). Или привести слова, сказанные Лениным в том же 1919 году на 8-ой Всероссийской конференции РКП (б) в политическом докладе ЦК: ”Красная Армия, руководимая пролетариатом, привлечшим на свою сторону полутрудовое, полусобственническое крестьянство” (2 декабря 1919 года — ПСС, т.39, стр.356). Словом, в сталинской идее ”заставить” крестьянство, вопреки своему желанию, в 1919 году драться за социализм на военных фронтах, читатель сразу же узнает родную сестру сталинской же идеи заставить крестьянство, вопреки его желанию, в 1929 году вступать в колхозы, то есть осуществлять социализм в производстве. Точь в точь то же извращение научного, марксистско-ленинского понимания социалистичес-

кого революционного процесса и существа да политических методов диктатуры пролетариата (41).

О воинской дисциплине в Красной Армии.

О том, что в Царицыне стояла задача срочно восстановить и поднять дисциплину в предельно разболтанной армии, говорили на съезде все выступавшие по военному вопросу и, конечно, также Сталин. Но если задача эта понимается так, что рядовую солдатскую массу надо "заставить драться", хотя она не желает этого и противиться этому, то совершенно естественно, что из двоякого рода методов установления и поддержания воинской дисциплины методы убеждения отодвигаются на далекий задний план, решающими же (а говоря практически, чуть ли не единственными) оказываются методы принуждения. Каковы же были методы принуждения, которыми Ворошилов и Минин под идейным руководством и практическим дирижерством Сталина укрепляли дисциплину в 10-ой армии? На этом следует специально остановиться, ибо здесь на простом частном примере уже из первого года нашей революции наглядно сказался сталинизм как концепция социалистической революции да и, вообще, как политическая доктрина — сталинизм в его коренной противоположности ленинизму.

Обратимся, прежде всего, опять к сообщению председателя инспекционной комиссии Окулова на закрытом заседании съезда. По донесениям политических комиссаров одной, второй, третьей и т.д. дивизий (Окулов цитирует эти донесения) комиссия установила, что чуть ли не повсюду применяются телесные наказания (нагайка, порка) и мордобой. Окулов резюмирует: "Физическое наказание в коммунистической армии являлось узаконенным институтом, которого ни от кого не скрывали, раз отдавались официальные приказы". Сталин, выступавший после Окулова и в напыщенных фразах силившийся дезавуировать его выводы ("снять позор, который т. Окулов набрасывает на армию"), даже не попытался отрицать хотя бы один факт из приведенных Окуловым. А кое-кто из оппозиционеров-ца-

рицынцев попробовал даже оправдывать палочную дисциплину как проявление... товарищеских отношений: была де лишь "товарищеская порка". И в заключительном слове на закрытом заседании съезда докладчик от ЦК Сокольников счел нужным снова привлечь к этому внимание. Он сказал: "Как раз в тех частях, в которых существуют товарищеские отношения... царит такое безобразие, мордобой, порка солдат, телесные наказания, возведенные в высшую степень, которой не бывало в старые времена... Когда я явился в знаменитую дивизию Киквидзе, то когда собрался митинг красноармейский, я был встречен сплошным воплем..."

Так решался вопрос о воинской дисциплине в Царицыне и царицынских войсках, когда делами в городе и в армии заправлял Сталин. Если это прибавить к тому, как при Сталине решались вопрос о военных специалистах и вопрос о месте крестьянства в Красной Армии, то получается определенная *линия* строительства армии и командования ею, противостоящая ленинской политике строительства и военной обороны социализма. И нельзя не признать, что Троцкий как глава Красной Армии имел все основания в следующих выражениях предостерегать Свердлова 10 января 1919 г. по поводу (после того как Сталин, отозванный из Царицына, был назначен членом Реввоенсовета Южного фронта?): "Заявляю в категорической форме, что царицынская линия, приведшая к полному распаду царицынской армии, на Украине допущена быть не может. Линия Сталина, Ворошилова и Ко означает гибель всего дела". А беря дело в общеполитическом плане, неизбежно напрашивается следующий вывод:

Сталинская система строительства социалистического общества — принуждениями и наказаниями, одно другого страшней и бесчеловечней, загонять народ в "полный социализм", — как в зародыше, была заложена в системе сталинского строительства вооруженных сил социализма, показавшей себя в себя в Царицыне в летние и осенние месяцы 1918 года. В сущности, вся варварская общественная система, десятилетиями насаждавшаяся Сталиным, — с ее политической техникой, идеологией и моралью — и все лицемерие этой системы в потенции содержались уже здесь: начиная с водво-

рения в тюрьму рабочего, "самовольно" ушедшего с предприятия (и привлечения к суду директора, "уклоняющегося" от предания этого рабочего суду), и суда над колхозницей за "кражу колосков" для голодающих детей с убранного колхозного поля; продолжая разгромом и массовым уничтожением советской интеллигенции — партийной и беспартийной — без суда и следствия, но пытками, заменяющими следствие; и кончая выселениями целых деревень, районов, а там и народностей из родных мест и заключением миллионов людей за проволоку в "Исправительно-трудовые лагеря" — о нет, не в гитлеровские концлагери, а в "советские" "исправительные", где по-товарищески (читай: по-сталински) исправляли непосильным трудом, голодом, издевательствами и смертью. . .

в) 1919 год: К вопросу об участии Сталина в войне против Колчака, Юденича, Деникина. (Три справки)

1. — В январе 1919 года, вместе с Дзержинским, Сталин назначается в партийно-следственную комиссию ЦК и Совета Оборона, созданную по просьбе Уральского обкома партии для выяснения причин сдачи Перми и для принятия мер по восстановлению партийной и советской работы в районе III-й и II-й армий Восточного фронта, причем давая Сталину это, первое после Царицына, военное поручение, Ленин предварительно советуется с Троцким (42). И этим поручением, которое Сталин на равных правах разделяет с Дзержинским (43), ограничилось участие Сталина в "войне против Колчака" (в скобках отметим, что в сталинское время, когда Дзержинского давно не было в живых, доклады комиссии, совместно обоими составленные, были выданы за произведения Сталина и включены в *"Сочинения" Сталина*: (см. т. 4-ый, стр. 186-224).

2. — В мае и июне Сталин находится в Петрограде, куда он был направлен для участия в организации обороны города и разгрома Юденича. Документальные материалы о фактической роли Сталина в этом деле были недоступны автору настоящего очерка. Понятно, что Ворошилов (в 1929 г., в

номере "Правды", посвященном торжественному празднованию 50-летия Сталина) приписал ему "ликвидацию опаснейшего положения под Красным Питером", хотя наступление Юденича и разгром этого наступления произошли в октябре 1919 г., т.е. через четыре месяца после поездки туда Сталина. Но степень тогдашней компетентности, да и осведомленности Сталина в военных операциях, которые ему поручено было осуществлять, его неприязнь к военным специалистам, высокомерие неуча в отношении военной науки и прямо-таки неприличное самомнение, а также суждения Ленина об этом видны из следующего эпизода. После ликвидации белогвардейского мятежа в Красной Горке под Петроградом (в июне 1919 года) Сталин шлет телеграфное донесение Ленину: "Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, дошедшим до отмены приказов по морю и суше и навязыванию своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой." Получив эту телеграмму, Ленин на полях поставил три вопросительных знака и написал: "Красная Горка взята с суши", подчеркнув слова "с суши". А на самой телеграмме написал резолюцию: "в архив", подчеркнув и эти два слова. И вот для потомства сохранено еще одно свидетельство о том, с каким "ленинцем" пришлось работать Ленину (44).

3. — В вопросе о *фактическом* участии и *действительной* роли Сталина в войне против денikenщины, когда он был членом РВС Южного фронта, разобраться еще труднее. После XX съезда наши военные специалисты взялись было за распутывание клубка фальсификаций и просто выдумок, сплетенных при Сталине официальными историками гражданской войны, но эти исследования (часто : *расследования!*), а главное — публикации документов, были прекращены с прекращением послесъездовской оттепели. Однако, одно выяснено: стержнем, на который в течение четверти века на-

ворачивались все извращения истины, здесь была легенда о том, будто победа над Деникиным была одержана благодаря принятию так наз. "сталинского плана разгрома Деникина". Этот план, который Сталин изложил в письме, отправленном Ленину с Южного фронта, был впервые опубликован в упомянутой выше статье Ворошилова "Сталин и Красная Армия" в "Правде" 21 января 1929 года, т.е. спустя десять лет после написания. Мы не станем вдаваться в подробности достаточно будет привести следующие факты, установленные советскими военными историками.

Хотя на подлиннике письма значится дата 15 сентября 1919 года (45), что не может соответствовать действительности (в это время Сталин еще не был на Южном фронте — он был направлен туда 27 сентября (46)), хотя в "Сочинениях" Сталина письмо датировано 15 октября (47), (что опять-таки расходится с фактами (48)), оно было написано только в середине ноября, когда наше контрнаступление уже полностью развернулось, все более становясь общим наступлением Красной Армии против Деникина, и определилось поражение деникинской армии. Именно 12 ноября Сталин (вместе с Серебряковым) направил в ЦК заявление, в котором утверждалось, что Ставка игнорирует нужды Южного фронта и что для устранения сложившихся поэтому ненормальных взаимоотношений необходимо либо сменить весь состав РВС Южного фронта, либо сменить Ставку Главного командования. А на следующий день, 13 ноября, Сталин уже один послал в Политбюро телеграмму-ультиматум с требованием отменить действующий стратегический план борьбы с Деникиным и изменить состав Ставки. Политбюро, конечно, тут же (14 ноября) обсудило деловые моменты, содержащиеся в заявлении Сталина и Серебрякова, но при этом специально постановило сообщить Сталину, что оно "считает абсолютно недопустимым подкреплять свои деловые требования ультиматумами и заявлениями об отставках". Что же касается пресловутого "письма Сталина с Южного фронта" с предложением об отмене ранее принятого ЦК плана и замене его новым, которое опубликовал Ворошилов и с которого пошла сталинистски-апологетическая

фальсификация истории войны с Деникиным, то письмо это не только не было принято к руководству, но даже никогда не рассматривалось на Политбюро, а на подлиннике письма имеется лишь пометка Ленина: "Секретно. В архив" (49).

Как же так? — удивится читатель. Но здесь нет ничего удивительного: дело в том, что "новый план" Сталина вовсе не ему принадлежал, а . . . Троцкому, который, по меньшей мере, дважды (второй раз еще в сентябре, т.е. за два месяца до "заявления" Сталина и при противодействии Сталина!) поднимал этот вопрос об изменении стратегического плана антиденикинской кампании. Об этом приведены свидетельства в широко распространенной в свое время книге Л.Троцкого "Как вооружалась революция", том II, кн.1 (издана в 1924 году). План, с самого начала предложенный Троцким, состоял в том, чтобы первым ударом отрезать добровольцев от казаков и главные силы направить против первых. Вопрос о казачестве оставался бы самостоятельной задачей, не столько военной, сколько политической. И, разумеется, не удивительно также то, что Ворошилов об этом умолчал, создавая в 1929 году легенду о сталинском военном гении, как, впрочем, и то не удивительно, что спустя полвека советские историки тщательно обходят среди немалого числа других, и эту типично сталинскую фальсификацию, а относящиеся сюда документы все еще скрываются от советских граждан.

После взятия Ростова Южный фронт 10 января переименовывается в Юго-Западный и Сталин остается в РВС последнего. Наши нынешние военные историки спорят о том, на ком лежит вина, что стремительно наступающая Красная Армия, громя деморализованные войска деникинцев, допустила, чтобы эти последние укрылись и окопались в Крыму, где Врангель создал из них новую армию. Но одно известно: членом РВС действовавшей здесь Юго-Западной армии и, стало быть, ответственным за ее действия был Сталин. Поэтому обращение Ленина в Реввоенсовет Республики (15 марта 1920 г.) с требованием "обратить сугубое внимание на явно допущенную ошибку с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил)" и прямым указанием на "воз-

можное наступление с Тамани на Крым” (ПСС, т.51, стр. 161-162) давало этим непосредственную оценку военной деятельности Сталина на одном из решающих участков гражданской войны.

И в заключение нашей краткой справки по вопросу об участии Сталина в войне против деникинщины приведем следующий характерный и как бы завершающий эпизод. 20 января 1920 года СНК назначил Сталина Председателем Украинского Совета трудовой армии, и весь февраль и половину марта он занимается организацией и деятельностью этого Совета (50). Автор настоящего очерка не располагал материалами, чтобы судить, в силу каких обстоятельств это произошло и каковым оставался интерес Сталина к делам Юго-Западного военного фронта. Но 18 февраля он шлет в ЦК телеграмму, в которой выражает несогласие с распоряжением главкома выделить из состава Украинской трудовой армии подкрепления для Кавказского фронта, ведшего в это время жестокие бои с деникинцами, и просит вызвать его в Москву для выяснения дела. На этой телеграмме Ленин написал: ”Членам Политбюро: Я против вызова Сталина. Он придирается. Главком прав вполне: сначала надо победить Деникина, потом переходить на мирное положение. Предлагаю ответить Сталину: ”Политбюро не может вызвать Вас сейчас, считая важнейшей и неотложной задачей побить до конца Деникина, для чего надо Вам ускорить подкрепления Кавкфронту изо всех сил”. Этот ответ и был протелеграфирован Сталину назавтра, 19 февраля, за подписью Ленина (ПСС, т.51, стр.138 и 409) (51).

г) Советско-польская война 1920 года.

В первом разделе настоящей работы поведение Сталина в советско-польской войне рассмотрено как пример его противопоставления потенций мировой революции фактам революции. Теперь же покажем чисто-военные аспекты его поведения, — разумеется, не вдаваясь в подробности. (52)

Напомним, что наступление на Польшу вели войска двух фронтов: Западного фронта, которым командовал Тухачевский, а членом РВС был Смилга, и северного (польского) участка Юго-Западного фронта; его южный участок (крымский) вел бои против Врангеля. Сталин был членом РВС Юго-Западного фронта, которым командовал Егоров.

2 августа 1920г. Политбюро приняло постановление об объединении всех армий, действовавших против белополяков, в составе Западного фронта, Сталину же поручалось формирование Реввоенсовета вновь создаваемого Южного фронта для борьбы с Врангелем. Ленин тут же телеграфировал об этом Сталину, сообщив, что условился с Главкомом, что тот даст новому фронту больше патронов, подкреплений и аэропланов (ПСС, т.51, стр.247). А Главком, на основе постановления ЦК, 3 августа предложил в ближайшие же дни передать 12-ю и 1-ю Конную Армию из Югзапфронта в распоряжение командующего Запфронтом (53).

В тот же день, 3 августа, Сталин в его обычной грубой и капризной манере ответил Ленину, что не согласен с решением Политбюро: "Вашу записку о разделении фронтов получил", – писал Сталин, – "не следовало бы Политбюро заниматься пустяками. Я могу работать на фронте еще максимум две недели, нужен отдых, поищите заместителя. Обещаниям Главкома не верю ни на минуту, он своими обещаниями только подводит. Что касается настроения ЦК в пользу мира с Польшей, нельзя не заметить, что наша дипломатия иногда очень удачно срывает результаты наших военных успехов" (54). Ленин немедленно телеграммой же, тоже в своей обычной манере – корректно, аргументированно и настойчиво (хотя явно сдерживая раздражение) разъяснил Сталину его неправоту в важнейших делах войны и дипломатии. Вот текст этой телеграммы: "Не совсем понимаю, почему Вы недовольны разделением фронтов. Сообщите Ваши мотивы. Мне казалось, что это необходимо, раз опасность Врангеля возрастает. Насчет заместителя сообщите Ваше мнение о кандидате. Также прошу сообщить, с какими обещаниями опаздывает Главком. Наша дипломатия подчинена Цека и никогда не сорвет наших успехов, если опас-

ность Врангеля не вызовет колебаний внутри Цека. Из Кубани и Донобласти получаем тревожные, даже отчаянные телеграммы о грозном росте повстанческого движения. Настаивают на ускорении ликвидации Врангеля.”(ПСС, т.51, стр.248).

5 августа состоялся Пленум ЦК, и Ленин вынес на него военный вопрос. Накануне он запросил мнение командующих и членов ЦК, находящихся на фронтах. Вот что ответил Сталин о положении и перспективах на Юго-Западном фронте: ”...Заминка Буденного временная (Сталин обещал, что Буденный войдет в Львов 29 июля — Автор) ..., но Львов будет взят, очевидно, с некоторым опозданием... Общая перспектива на фронтах, по-моему, такова: Польша расслаблена и нуждается в передышке... Врангель будет сбит в ближайшие дни, а если Главком перебросит нам кавалерию, Врангель вовсе будет ликвидирован к началу осени” (55). Трудно сказать, чего больше в этой оценке положения, посланной Пленуму ЦК, собравшемуся в серьезнейший момент для принятия чрезвычайных решений, — абсолютной военной некомпетентности или безответственного хвастовства самоуверенного комсановника.

Между тем, Пленум ЦК подтвердил решение Политбюро от 2 августа и даже расширил его, постановив передать Западному фронту 12-ую, 14-ую и 1-ую Конную армии. И 6 августа Главком отдал соответствующую директиву командованию Юго-западного фронта (56). Но последнее не выполнило эту директиву. 11 августа Главком повторил директиву, разъясняя, что ”Западный фронт приступает к нанесению решительного удара для разгрома противника и овладения варшавским районом; ввиду этого теперь же приходится временно отказаться от немедленного овладения на вашем фронте львовским районом и для оказания содействия Тухачевскому направить возможно больше сил для удара примерно на Люблин—Ново-Александрия, дабы всемерно поддержать левый фланг Тухачевского” (57). И тут Сталин пошел на прямое неподчинение Главному командованию, на прямой срыв общего плана войны. Вместо того, чтобы вывести 1-ую Конную армию из боев и на отдыхе

подготовить ее к переходу в распоряжение Западного фронта, РВС Юго-Западного фронта отдал приказ этой армии в самый кратчайший срок мощным стремительным ударом уничтожить противника на правом берегу Буга, форсировать реку и "на плечах бегущих остатков 3-й и 6-й польских армий захватить город Львов" (58). Уже очень скоро выяснилось, что вся это амбициозная затея Сталина была авантюрой, — никакого Львова Буденный не "захватил" и захватить не мог; но зато в другом Сталин преуспел: по варшавской операции Тухачевского был нанесен сокрушительный удар (59).

Так обстояло дело с Конармией Буденного. Ну а как отнесся Реввоенсовет Юго-Западного фронта к повторной директиве Главкома о передаче Западному фронту *всех трех армий*, поименованных в постановлении Пленума ЦК от 5 августа? Командующий фронтом Егоров подготовил проект приказа по фронту, но Сталин отказался подписать его. "Я отказываюсь подписать соответствующее распоряжение Югозапа в развитие Вашей директивы" — телеграфировал он Главкому 13 августа (60).

Реакция Ленина на демонстративный отказ Сталина, в момент острейшей военной ситуации, выполнить решающее постановление ЦК и оперативный приказ Главного командования последовала незамедлительно. 14 августа Секретариат ЦК партии направил Сталину следующую телеграмму: "Трения между вами и Главкомом дошли до того, что... необходимо выяснение путем совместного обсуждения при личном свидании, поэтому просим возможно скорее приехать в Москву" (61). 17 августа Сталин выехал в Москву и подал в Политбюро просьбу об освобождении его от военной работы. 29 августа он был снят с поста члена РВС Юго-Западного фронта и на его место был назначен Гусев, а 1-го сентября Политбюро с участием Ленина полностью освободило Сталина от работы в армии (62). Через три недели, 22 сентября, на девятой партконференции, подводившей итоги походу на Варшаву, Ленин взял под защиту линию и действия Главного командования и Троцкого и в заключительном слове по политическому отчету ЦК счел нужным перед ли-

цом конференции осудить поведение Сталина (63). Назавтра Сталин выступил на конференции с заявлением "по личному вопросу", в котором назвал "не соответствующими действительности" "некоторые места вчерашних речей т.т. Ленина и Троцкого" (64), но конференция прошла мимо этих амбициозных и голословных претензий.

Мы видим, что последние "военные полномочия" Сталина завершились таким же образом, как и первые: снятием с занимаемого поста за недисциплинированность, своеволие и саботаж — за противодействие линии партии и неподчинение Главному командованию. Но после первого скандала Ленин не разуверился в военной пригодности еще неопытного в военных делах, но энергичного и горячего Сталина и поставил оставить его на работе в армии. Теперь же, после последнего, куда более грозного, скандала, разразившегося после двух лет военного опыта Сталина, Ленин махнул рукой на его военные претензии и не стал ходатайствовать за него.

Так — постыдно и вместе с тем заслуженно — закончилась военная карьера Сталина при Ленине. И это было закономерно, так как принципы и методы военной деятельности Сталина имели весьма мало общего с диктатурой пролетариата и с ленинизмом, а в наиболее существенном были в прямом противоречии с ними.

Возврат же Сталина к военным делам, если не непосредственный, то закулисный, начинается лишь после того, как болезнь увела Ленина от руководства партией и страной, и следовательно, выходит за хронологические рамки настоящего очерка. Скажем лишь, что и эти военные интересы Сталина и его вмешательство в дела армии связаны с его борьбой против Троцкого. Наконец-то, *после смерти Ленина*, Сталин получил возможность приступить к осуществлению своей заветной цели — парализовать влияние Троцкого на военную политику и военное строительство страны Советов, а там и сместить Троцкого с военных постов, устранить Троцкого из армии. Наконец-то, Сталину открылась перспектива и расчистилась дорога уже не к "военным полномочиям", а к военной власти — к единовластию военной дик-

татуры. Но, повторяем, это тема не истоков сталинизма, а утверждения и завершения сталинизма в нашей стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) И не только наукой: недаром уже в 1925 году — как раз перед XIV партсъездом! — Царицын был переименован в Сталинград.

2) В ЦГАОРимеется протокол заседания Совнаркома 29 мая 1918 г. со следующим текстом постановления: "Делегировать тов. Сталина в качестве общего руководителя продовольственным делом на Юг России". (Приведено в кн.: Э.Генкина — "Приезд товарища Сталина в Царицын". Сталинград, 1937, стр. 10-11).

3) См.: В.Дудник, Д.Смирнов — "Вся жизнь — науке" ("Военно-исторический журнал". М., 1965, №2, стр.49). Рекомендуем вниманию читателя этот честно написанный очерк двух майоров, слушателей Военно-политической академии, о разносторонне одаренном представителе старой русской интеллигенции, примкнувшем к пролетарской революции, жизнь которого вплелась во все перипетии революции.

4) Такова была директива Высшего военного совета. См.: "Из истории гражданской войны", т. 1, М., 1960, стр. 552.

5) Эпопея этих первых "военных полномочий" Сталина, излагаемая в настоящем параграфе, будет особенно поучительной и наглядной — и в своем законченно сталинском существе и в своем неизбежном финале при Ленине, — если учесть, что продовольственное задание, возложенное на члена Политбюро Сталина, в те времена неизбывного голодания городов и рабочих центра и севера не было чем-то экстраординар-

ным и единичным. Для сопоставления приведем лишь один пример. В апреле 1919 года, сначала в Тамбовскую и Саратовскую губернии, а затем на Украину, для организации продвижения продовольственных грузов к Москве был направлен член Политбюро Каменев в качестве Чрезвычайного Уполномоченного Совета Оборона. Военная обстановка здесь была несравненно сложнее и грознее, нежели та, с которой в Царицыне столкнулся Сталин. Приходилось вступать в переговоры (вплоть до личных встреч) и дипломатничать с колебавшимся Махно и организовывать разгром изменнического Григорьевского мятежа — и это в обстановке неразберихи чуть ли не повсеместной партизанщины, административной неустroенности и прямого бандитизма, имея, к тому же, под боком, на Дону и Кубани, Деникина, с помощью Антанты подготовившего свою "Добровольческую армию" к походу на Москву и уже наносящего первые поражения частям Красной Армии. Словом, еще в большей степени и гораздо запутаннее, чем у Сталина в Царицыне, "вопрос продовольственный сплетался с вопросом военным". Но, конечно, Каменеву, революционеру ленинской школы, в голову не могло придти воспользоваться продовольственной задачей для затребования себе "военных полномочий", грозиться (в случае отказа ему в них) "без формальностей свергать командармов и комиссаров" и заявлять, что "отсутствие бумажки от Троцкого (его) не остановит". Для решения продовольственной задачи Каменев, естественно, проводил весьма серьезные военные мероприятия (включая перегруппировки воинских частей), но осуществлял их не от своего имени, а через армейских руководителей — Троцкого, Антонова, Сокольников, Подвойского..., — в то же время в деловом тоне, без интриг, клеветнических доносов и хвастовства, сносаясь с Лениным и председателем Украинского Совнаркома Раковским. И продовольственные задания (а в связи с ними ряд военно-стратегических, военно-политических и военно-дипломатических задач) были успешно выполнены. — См. материал, собранный в статье В.С. — "Экспедиция Л.Б. Каменева для продвижения продгрузов к Москве в 1919г." (журнал "Пролетарская революция", 1925., №6).

6) Телеграмма опубликована в "Правде" 3 января 1935г., но в собрание своих "Сочинений" Сталин этот скандально-грязный, интриганский документ не включил.

7) К.Ворошилов — Сталин и Красная Армия. Воениздат, М., 1937, стр.104. Цит. по указ. статье Дудника и Смирнова.

8) См., напр., соч. Ворошилова, указ. в предыдущей сноске, и кн. Э.Генкиной "Борьба за Царицын в 1918 году". М., 1940.

9) Достаточно напомнить роман Ал.Толстого "Хлеб" и, особенно, роман Всеволода Иванова "Пархоменко".

10) См. Дудник, Смирнов — Указ. статья, стр. 50-52 и 56-57.

11) См. статью генерала И.Колесниченко — "К вопросу о конфликте в Реввоенсовете Южного фронта (сентябрь-октябрь 1918 г.)" в "Военно-историческом журнале", 1962, №2. — Из этой же статьи взята большая часть и других документальных данных об этом "конфликте", приводимых в тексте, в том числе материалов ЦГАСА.

12) "Известия ВЦИК", 6 апреля 1918г. — Положение подписал Народный комиссар по военным делам, Председатель Военного Совета Л.Троцкий.

13) "Известия" №205, 21 сентября 1918г. — Читателя уже не удивит, что, перепечатав телеграмму в "Сочинениях" (со ссылкой на газету!), Сталин даже здесь совершил характерную для него фальсификацию и подчистку, конечно, не огорив внесенные изменения. Так, в газете адресат означен: "Царицын. Военсовет. Командующему фронтом и начальникам боевых участков"; в "Сочинениях": "Царицын. Командующему фронтом Ворошилову". А из названных в газетном тексте фамилий командиров частей, коим послана телеграмма, выпали в "Сочинениях" Худяков, Думенко и Золотарев — в 1947 году имена запретные. (См. И.Сталин — Сочинения. т.4, М. 1947, стр. 130).

14) Два таких "приказа" от 27 сентября приведены в "Документах по истории гражданской войны в СССР", т.1, М.1940, стр. 386-389.

15) См. "Документы по истории гражданской войны в СССР", т. 1, М. 1940, стр. 389.

16) Свердлов Я.М. — Избранные произведения. т.3, М.1960, стр. 28-29. (В скобках слова, пропущенные в телеграфной передаче. — Автор).

17) Этот ответ нам не удалось разыскать.

18) Документы по истории гражданской войны в СССР. т.1, М. 1940, стр. 389-390.

19) ПСС, т. 39, стр. 56.

20) Вот этот ответ: "Москва, Председателю ЦИК, копия Москва, Предсовнаркома Ленину. Из Тамбова. — Категорически настаиваю на отзывании Сталина. На Царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в 50 тысяч солдат. Тем не менее я оставляю его командующим десятой Царицынской армией на условии подчинения командарму южной Сытину. До сего дня царицынцы не посылают в Козлов даже оперативных донесений. Я обязал их дважды в день представлять оперативные и разведывательные сводки. Если завтра это не будет выполнено, я отдам под суд Ворошилова и Минина и объявлю об этом приказа по армии... Без координации действий с Царицыным серьезные действия невозможны. Для дипломатических переговоров времени нет. Царицын должен либо подчиниться, либо убраться. У нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия на верхах. С этим можно совладать в 24 часа при условии вашей твердой и решительной поддержки. Во всяком случае, это единственный путь, который я вижу для себя. 4 октября 1918, №552 Л.Троцкий" (Приведено в книге: Л.Троцкий — "Как вооружалась революция", т.1, М.,1924, стр. 350-351).

21) Я.Свердлов. Указ. соч., т. 3, с. 37.

22) В "Документах по истории гражд. войны в СССР", т.1, М., 1940, стр. 392-396, приведены несколько приказов и других документов, выпущенных этим самозванным "военревсоветом" с 15 по 22 октября. Под одним из них Сталин даже подписался: "Член Военно-революционного совета Республики"!

23) Эта телеграмма особенно тщательно утаивалась сталинистами, не вошла даже в "Полное Собрание Сочинений" Ленина и была впервые опубликована только в 1970 году, через полвека после ее написания, в XXXVII "Ленинском сборнике" (стр.106).

24) Но убедившись, что доверия Ленина к Троцкому в вопросах строительства армии и военной политики ему не поколебать, Сталин на какое-то время меняет тактику. Уже на пути в Москву он, только что в напыщенно-кляузной телеграмме Ленину метавший громы и молнии против Троцкого, посещает Троцкого в его поезде, направляющемся в тот самый Царицын, из которого Сталин был отозван. Позднее Троц-

кий вспоминал, что Сталин со смиренным видом просил его не поступать слишком сурово с "царицынскими мальчиками". На что Троцкий ответил: "Эти распрекрасные мальчики погубят революцию, которая не может ждать, пока они подрастут."

Во всяком случае, через две недели, в первую годовщину Октября, в юбилейной статье Сталин превозносит Троцкого. Он пишет: "Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета г.Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Советов и умелой постановкой работы Военно-Революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов.Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками товарища Троцкого." (И.Сталин — "Октябрьский переворот (24 и 25 октября 1917 года в Петрограде)". — "Правда", 6 ноября 1918 г.).

Но напрасно стали бы мы в позднейших перепечатках статьи искать это льстиво средактированное признание октябрьских заслуг Троцкого. Так, в "Сочинениях" Сталина статья помещена без упоминания даже имени Троцкого (см. т. 4, стр. 152-154). И по своему обыкновению Сталин бесцеремонно, без каких бы то ни было оговорок, поставил здесь под текстом статьи слова "Правда", №241, 6 ноября 1918 г.", чтобы обмануть читателя, скрыв, что ему преподносится не подлинник 1918 года, а фальшивка годов так называемой борьбы с троцкизмом. Как не понять здесь чувства Хрущева, когда в последние годы жизни он высказывал сожаление, что, организовав издание полного собрания сочинений Ленина, не догадался организовать также издание *подлинных* текстов сочинений Сталина.

25) Может быть, наиболее выразительное представление о том, в каком перевернутом и просто выдуманном виде Сталин постарался изобразить свою скандальную царицынскую "военную" эпопею осени 1918 года, дает "Биографическая хроника", приложенная к 4-му тому его "Сочинений" и, если не самим Сталиным составленная, то уж во всяком случае им подсказанная, утвержденная и отредактированная. Читателю достаточно будет сопоставить сентябрьский и октябрьский календарь этой "хроники" с изложенными выше фактами, а также с теми же числами календаря в "Датах жизни и деятельности В.И.Ленина", приложенному ИМЛ к 37 тому ПСС Ленина.

26) И.Сталин — "Об оппозиции. Статьи и речи 1921-27 гг."

М., 1928, стр. 668-669. (Речь на августовском 1927 года объединенном Пленуме ЦК и ЦКК), и И.Сталин — "Сочинения", т. 4, М., 1947, стр. 249-250. А ведь предавая гласности свою речь на 8-ом съезде, Сталин самовольно нарушил постановление партсъезда — нарушил *только для своей речи*, в то же время продолжая утаивать все другие речи закрытых заседаний 8-го съезда, в том числе *речь Ленина!*

27) Неосталинисты же, разумеется, не только не восстановили историческую, да и элементарную фактическую правду, но уснастили еще более ухищренными фальсификациями, умолчаниями и вывертами обе сталинские лжи, используя все ту же припрятанность протоколов закрытых заседаний 8-го съезда. Таковы, например, предисловие и примечания к изданию протоколов съезда в 1959 году; вторая часть III-го тома многотомной "Истории КПСС", выпущенная в 1968 году; примечания к речи Ленина на закрытом заседании в "Ленинском сборнике XXXVII", М., 1970, и др.

28) "КПСС о Вооруженных силах Советского Союза. Документы 1917-1968 гг.", М., 1969, стр. 35 и 36.

29) Л. Троцкий — "Военные специалисты и Красная Армия". "Известия", 10 января 1919 г. (Статья была написана через неделю после постановления ЦК, 31 декабря 1918 г., в Лисках).

30) Автор настоящей работы не имел доступа к архиву ИМЭЛ при ЦК КПСС, где хранятся до сих пор неопубликованные протоколы двух закрытых заседаний VIII-го партсъезда. Все ссылки на эти протоколы и цитаты из них с признательностью заимствованы автором из содержательной и интересной, тоже до сих пор, разумеется, не опубликованной рукописи "К вопросу о военной оппозиции". Аутентичность и точность приводимых в рукописи ссылок и цитат не вызывает сомнений.

31) Примерно к этому времени относится, по-видимому, и рассказ Горького о таком разговоре с Лениным: Ленин дал лестную оценку одному товарищу, которому, по слухам, он не симпатизировал. Когда Горький выразил удивление, Ленин ответил: "Да, да — я знаю! Там что-то врут о моих отношениях к нему. Врут много и, кажется, особенно обо мне и Троцком". И ударив рукой по столу, воскликнул: "А вот указали бы другого человека, который способен в год орга-

низовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов.” (М. Горький — Ленин (личные воспоминания), М., 1924, стр. 37). В позднейших изданиях это место выкинуто. И до сих пор не восстановлено.

32) Впрочем, разве не ясно, что если бы позиция Сталина совпадала с позицией Ленина, то закрытые заседания 8-го съезда по военному вопросу были бы рассекречены при переиздании протоколов съезда в 1933 году, т.е. через 14 лет, когда их военная секретность давно отпала. Но еще многие делегаты 8-го съезда были живы, и Сталин не мог допустить обнародование протоколов этих заседаний. (Напомним, что неосталинисты и в 1959 году не решились на это!). Больше того, повидимому, именно в те же первые 30-ые годы дано было указание в анкетах члена партии в графе ”Участвовал ли в оппозициях?” (решающей главе во времена Сталина!) не упоминать причастность к ”военной оппозиции” в период 8-го съезда.

33) Это голосование дало 174 за резолюцию ЦК и 95 за резолюцию Смирнова, при 3 воздержавшихся и 1 не участвовавшем в голосовании (”8-ой съезд РКП(б) ... Протоколы”. М., 1959, стр. 273).

34) Л.Троцкий — ”Как вооружалась революция”. т. 1, М., 1923 — Цит. по рецензии в журнале ”Пролетарская революция”, №1, М., 1924, стр. 247-248.

35) Впрочем, Царицынская парторганизация, собравшись перед партсъездом 6-го марта, приняла резолюцию, гласившую: ”... хотя без специалистов обойтись нельзя, но надо препятствовать доступу этих специалистов в армию” (Архив ИМЛ. — Приведено в статье А.Данилевского — ”Борьба В.И.Ленина с ”военной оппозицией” на VIII съезде РКП(б)” в ”Военно-историческом журнале”, 1961, №4, стр. 4). Так живуча была сталинская закваска осени 1918 года!

36) В статье, написанной к 50-летию Сталина (1929 г.), Ворошилов, как о достоинстве и заслуге Сталина, сообщил о следующем эпизоде, связанном с ”баржей” : ”Когда Троцкий, обеспокоенный разрушением с таким трудом налаженного управления округов, прислал телеграмму о необходимости оставить штаб и комиссариат на прежних условиях и дать им возможность работать, то Сталин сделал категорическую и многозначную надпись на телеграмме: ”Не принимать во

внимание". Так эту телеграмму и не приняли во внимание, а все артиллерийское и часть штабного управления продолжали сидеть на барже в Царицыне". (К.Е.Ворошилов — "Сталин и Красная Армия". Партиздат. М. 1937, стр. 15). Конечно, Ворошилов не сообщает, что понадобился приезд представителя центра Окулова, чтобы легендарно-ужасная плавучая тюрьма была ликвидирована, и невинные люди, засаженные туда Сталиным, были освобождены.

37) Сохранился и нельзя здесь не привести замечательный документ, показывающий как *Ленин* понимал задачу и методы красного террора в отношении выходцев из буржуазной среды, тяготеющих к белогвардейщине, и как он расценивал противоположные методы — те, которые наиболее отвратительное выражение получили в сталинской царицынской барже. Этот документ для нас здесь тем более интересен, что относится примерно ко времени баржи. 1 ноября 1918 г. в журнале Казанской чека появилась статья Лациса, в которой писалось, что нет необходимости формулировать обвинение подозреваемому в антисоветской деятельности и что достаточно установить, к какому классу подозреваемый принадлежит и каково его образование и занятие. Узнав об этой статье и выразив удовлетворение, что "чрезвычайки внимательно следят за представителями классов, слоев или групп, тяготеющих к белогвардейщине", Ленин пишет: "Вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале "Красный террор" товарищ Лацис, один из лучших, испытанных коммунистов, который хотел сказать, что красный террор есть насильственное подавление эксплуататоров, пытающихся восстановить их господство, а вместо этого написал на стр. 2 в №1 своего журнала: "не ищите (!!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом" ". ("Маленькая картинка для выяснения больших вопросов", конец 1918 г. или начало 1919 г. — ПСС, т. 37, стр. 410).

38) Напомним, что в это самое время, в июле 1919 г., когда сталинские и скрыто инспирированные Сталиным интриги против главы Красной Армии грозили внести дезорганизацию и разложение в ее ряды, Ленин по собственной инициативе передал Троцкому чистый бланк со следующей надписью внизу: "Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В.Ульянов (Ленин)". Этот бланк Троцкий предъявил на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК в августе 1927 г., а позднее опубликовал в книге "Сталинская школа фальсификации", Берлин, 1932, с. 60.

39) В несколько урезанном и смягченном виде этот кусок входит в ту часть речи Сталина, которую (как мы указали выше) он опубликовал в 1928 г. и включил затем в 4-ый том своих "Сочинений".

40) "Правда", 19 января 1921 г.: И.Сталин — "Наши разногласия".

41) И конечно, невозможно здесь не вспомнить о бесстыдстве человека, который, испытывая такую неприязнь и такое презрение к крестьянству и так цинично проповедуя принуждение и насилие по отношению к нему, посмел впоследствии обвинять Троцкого в антикрестьянстве и в антиленинизме в крестьянском вопросе.

42) См. статью Ворошилова "Сталин и Красная Армия" в "Правде" от 21 декабря 1929 г. Имени Троцкого Ворошилов, конечно, не упомянул, а написал: "Ленин телеграфирует тогдашнему председателю РВСР". Почему-то это телеграмма не попала в ПСС Ленина. Вот ее текст: "Козлов или по месту нахождения Предреввоенсовета *Троцкому*. Москва, 31 декабря 1918, №6684. Есть ряд партийных сообщений из-под Перми о катастрофическом состоянии армии и о пьянстве. *Посылаю их вам. Просят вас приехать туда*. Я думал послать Сталина, боюсь, что Смилга будет мягок к..., который, говорят, тоже пьет и не в состоянии восстановить порядок. *Телеграфируйте ваше мнение*. Ленин". Подчеркнутые нами слова Ворошилов опустил, даже не поставив многоточий. Не приводит он также ответной телеграммы Троцкого от 1 января 1919, в которой тот дает согласие на поездку Сталина, и, конечно, умалчивает, что только после этого Сталин был послан в Пермь.

43) 14 января Ленин счел нужным подчеркнуть это. Телеграмма, отправленная в тот день Сталину и Дзержинскому, гласит: "Получил и прочел первую шифрованную депешу. Очень прошу вас обоих лично руководить исполнением намеченных мер на месте, ибо иначе нет гарантии успеха" (ПСС, т. 50, стр. 243).

44) Для полноты же портрета Сталина в этом эпизоде надо,

пожалуй отметить и следующее: Телеграмма Сталина была впервые опубликована в "Правде" к его 50-летию (21 декабря 1929 г.) и перепечатана в 4-ом томе его "Сочинений" (стр. 261), но о замечаниях Ленина (даже только о существовании таких замечаний) — конечно, ни слова! Впервые замечания могли быть извлечены из архива лишь после XX съезда. Они были сообщены коммунистической партии и советскому народу в 1959 году, в "Ленинском сборнике XXXVI" (стр. 77).

45) Это сообщает полковник С.Шишкин, имевший доступ к архивам, в ст. "о планах борьбы с армией Деникина" ("Военно-исторический журнал", 1963, №2, стр. 22).

46) См.: И.Сталин — "Сочинения", т.IV, стр. 464.

47) Там же, стр. 277.

48) Полковник С.Шишкин пишет: "Это было сделано, видимо, для того, чтобы как-то связать данное письмо с резолюцией о положении на фронтах. См. кн.: "Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов", т. 2 (март 1919 — февраль 1920). М., 1961, стр. 533-534. — Автор). В действительности же обстановка на Южном фронте к 15 октября 1919 г. совсем не соответствовала той характеристике, которая приводится в письме. Кроме того, в письме при его опубликовании появились некоторые изменения по сравнению с подлинником. В частности, там, где говорится: "На днях Главком дал директиву Шорину"... слово "Новочеркасск" было заменено Новороссийском, хотя в оперативных документах того времени везде говорится о Новочеркасске. (указ. ст. стр. 22).

49) Архивную документацию всего сказанного читатель найдет в цит. статье С.Шишкина, стр. 33-34.

50) См.: И.Сталин — "Сочинения", т. 4, стр.469-470.

51) Сообщим читателю в сноске конец этого эпизода. На завтра, 20 февраля, Сталин шлет такую телеграмму: "Москва — Кремль — Ленину, копия ЦЕКА партии. Мне не ясно, почему забота о Кавфронте ложится прежде всего на меня. В порядке, забота об укреплении Кавфронта лежит всецело на Реввоенсовете Республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталине, который и так перегружен работой". И Ленин ему тут же отвечает: "На вас ло-

жится забота об ускорении подхода подкреплений с Юго-Запфронта на Кавфронт. Надо вообще помочь всячески, а не препираться о ведомственных компетенциях. Ленин”.

52) Некоторые подробности читатель найдет в квалифицированной, хотя и не вполне объективно написанной; статье полковника запаса Н.Кузьмина — ”Об одной невыполненной директиве Главкома” в ”Военно-историческом журнале”, 1962, №9.

53) ”Из истории гражд. войны в СССР” (Сборник документов и материалов). Том 3, М., 1961, стр. 336.

54. Телеграмма Сталина приведена в ”Ленинском сборнике XXXVI”. М. 1959, стр.116.

55) ”Из истории гражд. войны в СССР”..., т. 3, стр. 338-9.

56) Там же, стр. 341.

57) Там же, стр. 348-349.

58) См. указ. статью полковника Кузьмина, стр. 61.

59) Трудно отделаться от мысли, что стремясь перехватить у Тухачевского лавры вступления в Варшаву, Сталин хотел сам взять Варшаву — с тыла, через Львов. В своей книге очерков ”На боевых постах февральской и Октябрьской революции”, вышедшей в 1930 году (т.е. при Сталине!), В.Д. Бонч-Бруевич сообщил, что при его очередном докладе Ленину о наших неудачах на польском фронте (Бонч-Бруевич был тогда управляющим делами Совнаркома) Владимир Ильич сказал ему: ”Ну, кто же на Варшаву ходит через Львов!” (стр. 283). В 60-х годах очерки переиздались в третьем томе ”Избранных сочинений ” В.Д. Бонч-Бруевича (Институт истории АН СССР, М. 1963) и в книге: В.Д.Бонч-Бруевич — ”Воспоминания о Ленине” (изд. ”Наука”, 1965, и 2-ое изд. 1969). Но ни разу эти слова Ленина уже не приведены: здесь цензура неосталинистов перещеголяла цензуру годов самого Сталина.

60) ЦГАСА. — Приведено в указ. статье Кузьмина, стр. 62. Там же читатель найдет материалы ЦГАСА о чрезвычайно тяжелой обстановке, которую в штабе Юго-западного фронта создал отказ Сталина выполнить *оперативный* приказ Главкома (стр. 63 и сл.).

61) Алахвердов, Кузьмин и др. — "Краткая история гражданской войны в СССР", изд. 2-ое, М. 1962, стр. 444 (Отточие в книге).

62) И отказалось, таким образом, и от его услуг и в деле ликвидации Врангеля, хотя, как мы видели, 2 августа Политбюро в своем решении о разделении фронтов предлагало назначить Сталина членом Реввоенсовета, нового, южного, фронта, направленного против Врангеля.

63) Подлинные слова Ленина так до сих пор и не опубликованы. В 1972 году изданы, наконец, (впервые спустя 52 года!), протоколы 9-ой партконференции, но эта речь Ленина в них не приведена, как ... "неправленная"! Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, издавший протоколы, посмел *заменить* текст Ленина своим кратким его изложением, которое преподнес читателю в примечании, и в этом примечании интересующее нас здесь место выглядит так: Сталин брал через край. См.: "Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г. Протоколы." М., 1972, стр.79 и 373. Об этом наглом издевательстве неосталинистов над Лениным (наглым влeдствие того, что безнаказанном) нам придется говорить еще в другой связи.

64) Там же, стр. 82. — В собрание своих "Сочинений" Сталин это свое *"письменно зафиксированное"* заявление, конечно, не включил: в нем ведь Троцкий стоит вместе с Лениным, а он, Сталин, стоит против них обоих.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ В ОДНОПАРТИЙНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Ввиду того, что в этом кардинальном вопросе социалистической революции сталинизм больше, нежели в каком либо другом, утаил и представил в извращенном виде взгляды и линию Ленина, нам придется настоящий раздел построить иначе, чем предыдущие четыре. После краткого вводного параграфа о месте однопартийной системы в русской социалистической революции мы изложение самой темы *начнем* с того, чтобы раскрыть и по возможности обстоятельно (и обязательно с подробным цитированием доступных документов) показать читателю подлинное содержание ленинских взглядов и ленинской линии. А чтобы увидеть и понять, как Ленин представлял себе правящую коммунистическую партию в однопартийной системе, следует рассмотреть две проблемы, в которых существо дела раскрывается полностью и во всей своей значительности: 1) численности и социального состава партии и 2) единства партии. При этом вторая проблема должна быть рассмотрена в трех своих сторонах — идейного, морального, организационного единства компартии. И лишь после этого мы будем подготовлены к тому, чтобы заняться непосредственно-партийной деятельностью Сталина в годы Ленина.

а) Русская социалистическая революция и однопартийная политическая система.

Почти полувековая история сталинизма показала, что обязательным условием и *законом* движения общества к социализму и от социализма к коммунизму является у него всеобъемлющая и не только направляющая и ведущая, но непосредственно во все проникающая роль аппарата правящей коммунистической партии, притом роль постоянно возрастающая по мере этого движения. В официальной идеологии сталинизма этот его непререкаемый символ веры, конечно, в лицемерно подчищенном виде (выкидывается решающее слово — "*аппарат*"!), подается как некий научно добытый "теоретический" тезис. Образуя альфу и омегу политической фразеологии сталинизма, повседневной и парадной, тезис этот выполняет в обществе сталинского "полного социализма" вполне практическую функцию главного и универсального прикрытия диктаторства и тоталитаризма. А в этом, собственно, и заключается существо и смысл сталинского так называемого учения о коммунистической партии.

Это учение исходит из положения, что в обществе, строящем или построившем социализм, возможна лишь одна единственная правящая партия — коммунистическая. Действительно, во всех странах, причисляющих себя к социалистическому лагерю, политический строй был создан, когда в СССР утвердилась сталинская система однопартийности, и поэтому они с несущественными вариациями повторили эту модель однопартийности. Здесь политический строй признает лишь одну партию, могущую держать в своих руках государственную власть — коммунистическую партию — и не допускает существования иных независимых партий — не только оппозиционных к ней, но и свободно, равноправно блокирующихся с нею (1).

Известно, что однопартийность политической системы страны, строящей социализм, сталинизм получил в наследство от ленинизма, так же как советский государственный строй, социалистическое содружество наций, всемирно-исто-

рическое содержание и мировые связи русской революции, и пр.; и так же, как все это, он извратил и перетолковал на противоположную систему и самую идею однопартийности. После того, что мы видели в предыдущих разделах нашего очерка, естественно встает вопрос: Не возникли ли уже в годы Ленина, когда коммунистическая партия одна правила страной, не разделяя государственную власть ни с какой другой партией, и когда на месте и в роли правящей партии она не могла быть сменена никакой другой партией, — не возникли ли уже тогда зачатки того, в сталинские годы сложившегося, представления о существовании, организационном строении и режиме коммунистической партии, которое коренным образом расходится с ленинским представлением и диаметрально противоположно ему?

Прежде чем и для того чтобы заняться этим вопросом, полезно будет коротко напомнить историю и проблематику однопартийной системы в Советской России. Это поможет нам, коммунистам 70-х годов, понять, *какою* представлял себе Ленин коммунистическую партию, когда ей приходится действовать в положении единственной и единственно-возможной правящей (и, вообще, легальной политической) партии общества, строящего социализм, и потом сопоставить с этим ленинским представлением взгляды Сталина на партию и партийную деятельность Сталина при жизни Ленина.

Начнем с того, что Октябрьская революция не ввела в России однопартийную политическую систему. Однопартийность политического строя не входит в число принципиальных и теоретически-необходимых, наукой требуемых положений марксистско-ленинского понимания общества, переходного к социализму, и тем более общества социалистического. Ни в одном произведении и выступлении Ленина и ни в одном программном документе большевистской партии при Ленине мы не найдем ничего об обязательно и заведомо однопартийном политическом строе общества диктатуры пролетариата и общества социализма.

Зато, напротив, в номере "Правды" от 20 (7 ст.ст.) ноября 1917 г., т.е. через две недели после Октября, мы чита-

ем написанное Лениным обращение ЦК большевистской партии "Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России", в котором сказано: "В России завоевана Советская власть и переход правительства из рук одной советской партии в руки другой партии обеспечен без всякой революции, простым решением Советов, простым перевыбором депутатов в Советы. Второй Всероссийский съезд Советов дал большинство партии большевиков". (ПСС, т.35, стр. 72). А еще раньше, на четвертый день после революции, 11 ноября (29 октября ст.ст.), в докладе на Совещании полковых представителей Петроградского гарнизона Ленин сказал: "Не наша вина, что эсеры и меньшевики ушли. Им предлагали разделить власть, но они хотят подождать, пока кончится борьба с Керенским. К участию в правительстве мы приглашаем всех...Мы из Совета не исключали никого". (Там же, стр.36,37) (2). И когда на III съезде Советов во ВЦИК было выбрано несколько меньшевиков и эсеров (в их числе Чернов и Дан) и было предложение исключить их из ВЦИК'a "за борьбу против Советской власти", то ЦК, специально рассмотрев этот случай на своем заседании 1-го февраля (19 января ст.ст.) 1918 года, постановил "Не отводить"; и вопрос на заседании ВЦИК не поднимался (3). Известно также, что вскоре после Октября советское правительство было реорганизовано в двухпартийное — в коалицию большевиков и левых эсеров (4). Коалицию нарушили левые эсеры, выйдя из правительства в марте 1918 года; но во ВЦИК'e и в местных органах власти они оставались, и во время их июльского мятежа они составляли почти 31% всех делегатов V Всероссийского съезда Советов (5).

Между тем в ходе гражданской войны мелкобуржуазные партии, метавшиеся между лагерем революции и лагерем контрреволюции, растеряли своих сторонников в народе и, прежде всего, в рабочем классе. Если в первой половине 1918 года все, они вместе взятые, давали 19,5% состава уездных съездов Советов, то в 1920 году — только 0,7% (а в составе губернских съездов давали соответственно 24,5% и 0,2%) (6). Если на 1-ом Всероссийском съезде профсоюзов (1918 г.) меньшевики составили 16% делегатов и прочие

некоммунистические партии 10%, то на II съезде (1919 г.) уже 6% и 8%, на III съезде (1920 г.) — те и другие по 4%, а на IV съезде (1921 г.) — по 0,5% (7). В эти годы партии, выступавшие идейными противниками социалистической революции, допускались в Советы всякий раз, когда они не участвовали в вооруженной войне против Советской власти. Уже в ноябре 1918 года Ленин так определил нашу политику в этой ситуации: "Когда глубочайшие всемирно-исторические перемены вызывают неизбежный поворот в нашу сторону среди масс беспартийной, меньшевистской, эсеровской демократии, мы должны научиться, и мы научимся, использовать этот поворот, поддержать его, вызвать его в соответственных группах, и слоях, осуществить все возможное в деле соглашения с этими элементами, облегчить тем работу социалистического строительства, ослабить тяжесть мучительной разрухи, темноты, неумелости, замедляющих победу социализма." ("Ценные признания Питирима Сорокина". — ПСС, т.37, стр. 197). И в июле 1919 г., в связи с очередным "перелетом от меньшевизма и эсеровщины, тянущих к Колчаку и Деникину, на сторону меньшевизма и эсеровщины, тянущих к Советской власти", Ленин повторяет: "Мы этот сдвиг учли, и каждый раз, когда он хоть в чем-нибудь реальном проявляется, делали известный шаг навстречу со своей стороны. Этой своей политики мы ни в каком случае не изменим" ("Все на борьбу с Деникиным! (Письмо ЦК РКП (большевиков) к организациям партии)", — ПСС, т.39, стр.59). В соответствии с этим еще на VIII съезде Советов в декабре 1920 г. присутствовали и выступали, хотя не избранные, но приглашенные, лидеры меньшевиков (Дан, произнесший большую речь и огласивший резолюцию РСДРП и Бунда по вопросам сельского хозяйства), "меньшинства партии эсеров" (Вольский, выступивший с речью и декларацией своей партии по докладу Председателя СНК) и левых эсеров Штейнберг, сделавший заявление и зачитавший декларацию (8).

Но к началу 1921 года у этих лидеров с позавчерашними партийными кличками, предъявлявших Советской власти свои резолюции и декларации по поводу путей строите-

лства социализма, уже не было партийных масс. История пошла такими дорогами, что лишь одна партия, коммунистическая, взяла на себя всю тяжесть руководства строительством нового, социалистического мира и всю ответственность за него — и, естественно, она одна осталась у власти в стране диктатуры пролетариата, вступившей на путь такого строительства. Ход истории необратим, и когда гражданская война окончилась, и страна, в населении которой преобладала сельская и городская мелкая буржуазия, от военного коммунизма перешла к мирному строительству на рельсах нэпа, то сошедшие с политической арены мелкобуржуазные партии не были в состоянии найти пути возврата на нее, а новые партии не могли образоваться в условиях, когда правящая коммунистическая партия пролетариата показала себя способной также и мелкобуржуазным слоям народа открыть социалистическую перспективу. Весной 1922 г. XI съезд большевиков, последний партсъезд, которым руководил Ленин, должен был и вправе был констатировать: "Российская коммунистическая партия осталась единственной легальной политической партией в стране". (9) Тем самым было признано и провозглашено, что единственность коммунистической партии и однопартийная политическая система, построенная на такой единственности — уже не только реальный факт, все время порождаемый и воссоздаваемый текущими условиями осуществления социалистической революции в России первой четверти XX века и производный от этих специфических условий (таким фактом они стали уже начиная с середины 1918 года), но что они составляют органический и исходный фактор политической жизни страны. А это значит, что на первое, все определяющее, место в этой политической жизни встал вопрос: *Как должна быть построена и какими качествами должна обладать единственная в стране легальная и правительственная партия, чтобы диктатура пролетариата, которую она одна руководит, привела народ к социализму?* И все размышления и предложения Ленина относительно коммунистической партии страны диктатуры пролетариата исходят из этого вопроса и сходятся к нему.

Эти размышления и предложения, начались еще задолго до XI партсъезда. Жизнь навязывала большевикам задачу отстоять и теоретически оправдать самую идею однопартийности политической системы — идею исторически новую, расходящуюся с традициями демократического и революционного мышления. Задачу доказать, что однопартийная политическая система, складывавшаяся у нас в силу необходимости в ходе революции и борьбы за революцию, не только возможна, но и правомерна, и что, когда и пока ей следует существовать, *она может быть* разумной, революционной, созидательной и подлинно демократичной.

Уже на X партсъезде (март 1921 года) общие утверждения и декларации об уместности и революционности однопартийной системы, как закономерно-сложившейся, историей подсказанной, формы осуществления диктатуры пролетариата в нашей стране, были существенно дополнены конкретной разработкой идейных, политических и организационных основ коммунистической партии как единственной политической партии страны. Дать отпор посягательствам на существование однопартийной системы Советской России, грозившим нашей революции *извне*, было задачей практически уже решенной в период X съезда и Кронштадского мятежа. Теперь проблема оборачивалась другой стороной: следовало предотвратить *внутренние* опасности, которые для социалистической революции кроются в однопартийной системе и которые, если их своевременно и радикальным образом не погасить, могут привести к перерождению самого социального содержания революции, к срыву социалистической революции изнутри.

б) Ленин о коммунистической партии в однопартийной системе: численность и социальный состав правящей компартии.

Ленин все годы после Октября считал, что коммунистическая партия, которая в качестве единственной и несменяемой правящей партии рабочего класса осуществляет диктатуру пролетариата, должна быть и предельно *малочислен-*

ной, узкой(10) Распирять и углублять сферу своего влияния на рабочую массу, завоевывать, закреплять и мерить доверие, сочувствие и поддержку рабочего класса и всего народа в целом партии следует не многочисленностью своих рядов, а идейностью и моральной чистотой своих членов. Уже в первые месяцы Советской власти, при обсуждении в ЦК порядка дня VII партсъезда, Ленин говорит, что его "смущает огромное наличие в партии октябрьских большевиков, что может помешать съезду в выработке выдержанной программы" (6 февраля 1918 г., — ПСС, т.35, стр.329). А в августе 1918 года, когда после лево-эсеровского мятежа определилось, что коммунистам придется одним управлять страной, Ленин в речи на заседании в МК партии об организации групп сочувствующих, отмечая вторую сторону проблемы, предостерегает: "Нельзя брать людей, которые идут из за места, их надо гнать из партии" (ПСС, т. 37, стр.47).

Но подлинную, и притом публичную, борьбу за принцип малочисленности правительственной коммунистической партии, а говоря конкретнее, за уменьшение и сдерживание неизбежно и стихийно растущей численности партии, Ленин открывает в следующем, 1919 году, когда политический строй и тенденции (как положительные, так и отрицательные) советского общества в основном сложились. Ленин начинает с того, что в программной работе "Великий почин" дает фундаментальную формулу: "Такое (т.е. в результате очистки партии мобилизациями на фронт и субботниками — Автор) уменьшение числа членов партии есть *громдное увеличение* ее силы и веса" (курсив Ленина), а затем предлагает исходный социальный критерий для определения разумной, по его мнению, численности компартии, осуществляющей диктатуру рабочего класса, а именно — отношение между численностью партии и числом "профессионально-организованных рабочих" в стране. При цифре 4.000.000 рабочих, объединенных тогда в профсоюзы, Ленин считает достаточным иметь компартию в 200.000 членов, то есть рекомендует, чтобы это отношение равнялось 1:20 (28 июня 1919 г., — ПСС, т.39, стр.27 и 28). Через три месяца в статье "Государство рабочих и партийная неделя", Ленин пишет:

”Показных членов партии нам не надо и даром. Единственная правительственная партия в мире, которая заботится не об увеличении числа членов, а о повышении их качества, об очистке партии от ”примазавшихся”, есть наша партия — партия революционного рабочего класса”. (11 октября 1919 года, ПСС, т.39, стр.225).

А еще через два месяца, в политическом докладе ЦК на VIII Всероссийской партконференции, подробно поясняет свою позицию: ”С одной стороны, естественно, что к правящей партии примыкают худшие элементы уже потому, что эта партия есть правящая. С другой стороны, рабочий класс истощен и в разоренной стране, естественно, ослаблен... Мы привлекаем в свою партию элементы рабочие и наиболее надежные элементы из других классов... Те члены партии..., которые приходили к нам, когда Юденич стоял в нескольких верстах от Петрограда, а Деникин к северу от Орла, когда вся буржуазия уже ликовала, эти члены партии заслуживают нашего доверия. Такое расширение партии мы ценим. После того, как мы произвели такое расширение партии, мы должны ворота запереть, должны быть особенно осторожны. Мы должны сказать : теперь, когда партия побеждает, новых членов партии нам не нужно ... Партия не может раскрывать широко своих ворот, так как в эпоху разложения капитализма абсолютно неизбежно, что она вберет в себя элементы худшие”. (2 декабря 1919 г. — ПСС, т. 39, стр. 360-361). Через три месяца в речи на заседании Моссовета Ленин дает еще более решительную формулировку: ”Наша партия должна оставаться узкой, будучи окружена врагами со всех сторон” (6 марта 1920 г., — ПСС, т. 40, стр. 201). А в знаменитой работе ”Детская болезнь левизны в коммунизме”, написанной в это же время (апрель-май 1920 года), и ”имевшей целью применить к Западной Европе то, что общеприменимого, общезначимого, общеобязательного в истории и современной тактике большевизма”, Ленин пишет: ”Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать. Последний раз мы широко от-

крыли двери партии — только для рабочих и крестьян — в те дни (зима 1919) когда Юденич был в нескольких верстах от Питера, а Деникин в Орле (ок. 350 верст от Москвы), т.е. когда Советской республике угрожала отчаянная, смертельная опасность и когда авантюристы, карьеристы, проходимцы и вообще нестойкие люди никоим образом не могли рассчитывать на выгодную карьеру (а скорее могли ожидать виселицы и пыток) от присоединения к коммунистам” (ПСС, т. 41, стр. 30).

И вот приходит к концу гражданская война, и переход от военного коммунизма к нэпу вносит существенные перемены в общественные отношения и политический облик страны диктатуры пролетариата, осуществляемой в форме диктатуры единственной партии. Но фундаментальная позиция Ленина по вопросу о численности этой правительственной коммунистической партии остается неизменной. Осенью 1921 года, в докладе “Новая экономическая политика и задачи политпросветов” на II Всероссийском съезде политпросветов, Ленин, имея в виду проходившую тогда чистку партии, заявляет: “Есть надежда, что тысяч 100 мы из нашей партии удалим. Некоторые говорят, что тысяч 200, — и эти последние мне больше нравятся. Я очень надеюсь, что мы выгоним из нашей партии от 100 до 200 тысяч коммунистов, которые примазались к партии и которые не только не умеют бороться с волокитой и взяткой, но мешают с ними бороться”. (17 октября 1921 г. — ПСС, т. 44, стр. 171). А когда чистка была закончена (было исключено и выбыло 160.000 человек из 650.000 — 24% всего состава партии), Ленин предлагает и настаивает закрепить и уберечь ее результаты введением более строгих условий приема в члены партии. Уже знакомясь с первыми итогами чистки, Ленин посылает об этом письмо Залуцкому и Сольцу, ответственным за проведение чистки, и всем членам Политбюро (19 декабря 1921 г. — ПСС, т. 44, стр. 283-284) и пишет замечания на проект резолюции XI конференции РКП (б) о чистке партии, в которых читаем: “Я бы несколько не возражал против облегчения приема в партию настоящим рабочим, но если не поставить чрезвычайно строгих условий, определя-

ющих, кто может считаться рабочим крупной промышленности, то в эту дыру немедленно пролезет опять масса швали.” (22 декабря 1921 г. — ПСС, т. 44, стр. 285).

Политические и практические выводы из итогов чистки делал XI партсъезд, состоявшийся весной 1922 г., последний съезд, в котором участвовал Ленин. И здесь Ленин был бескомпромиссен.

Уже при рассмотрении первоначального проекта тезисов, подготовленных к съезду Зиновьевым, Ленин, соглашаясь принять его за основу, предлагает более строгие требования при переводе из кандидатов в члены партии: “Следует, по-моему, для рабочих требовать 3-х лет стажа, для крестьян и красноармейцев — 4-х лет, остальным 5 лет.” (9 марта 1922 г. — ПСС, т. 45, стр. 17; впервые напечатано в 1964 г.). Ознакомившись же с переработанным проектом, утвержденным Политбюро (на заседании которого он не присутствовал), Ленин специальным письмом просит перенести на пленум ЦК вопрос о кандидатском стаже для приема новых членов в партию, причем почти все письмо посвящено необходимости *удлинить* этот стаж *для рабочих*. Он пишет: “Я считаю крайне важным удлинить стаж для приема новых членов в партию. У Зиновьева стаж определен в 1/2 года для рабочих и год для остальных. Предлагаю оставить полгода только для тех рабочих, которые не меньше 10 лет пробыли фактически рабочими в крупных промышленных предприятиях. Для остальных рабочих назначить 1,5 года... (11). Особое изъятие допускается с совместного разрешения ЦК и ЦКК. Я считаю крайне опасным оставить без изменения предлагаемые Зиновьевым краткие сроки. Несомненно, что у нас постоянно считаются за рабочих такие лица, которые ни малейшей серьезной школы в смысле крупной промышленности, не прошли. Сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и в самый короткий срок превратились в рабочих... Якобы пролетарский характер нашей партии на самом деле нисколько не гарантирует ее от возможного перевеса, и притом в самый короткий срок, элементов мелкохозяйских... Короткие сроки стажа будут означать на

деле полнейшее отсутствие всякой серьезной проверки того, являются ли кандидаты действительно сколько-нибудь испытанными коммунистами. Если у нас имеется в партии 300-400 тысяч членов, то и это количество чрезмерно, ибо решительно все данные указывают на недостаточно подготовленный уровень теперешних членов партии. Поэтому я усиленно настаиваю на необходимости удлинить сроки стажа и затем дать поручение Оргбюро выработать и строго применять правила, которые бы действительно делали стаж серьезнейшим испытанием, а не пустой формальностью. Я думаю, вопрос этот надо особенно тщательно обсудить на съезде.” (24 марта 1922 г. — ПСС, т. 45, стр. 17-18).

Однако пленум ЦК не внял предостережениям и “усиленным настояниям” Ленина, и тогда Ленин обратился ко всем членам ЦК со вторым письмом. Из этого большого письма многосторонне принципиального значения (рекомендуем читателю проштудировать его полностью) мы приведем здесь только выдержки. Ленин пишет: “Прочитав решение пленума от 25/III по вопросу о сроках кандидатского стажа для вступления в партию новых членов, я бы хотел оспорить это решение на съезде. Но, опасаясь, что выступить на съезде не смогу, прошу прочесть следующие мои соображения. Нет сомнения, что наша партия теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская... Со времени войны фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде, ибо во время войны поступали на заводы те, кто хотел уклониться от военной службы... Далее, надо принять во внимание, что соблазн вступления в правительственную партию в настоящее время гигантский... Полугодовой стаж для рабочих ни в коем случае не в состоянии остановить этот напор (...элементов мелкобуржуазных и прямо враждебных всему пролетарскому...), ибо нет ничего легче, как подстроить такой короткий стаж искусственно, тем более что для весьма многих интеллигентских и полуинтеллигентских элементов поступление в рабочие при наших условиях равно никаким трудностям не представит. Из всего этого я делаю вывод..., что мы должны значительно увеличить сроки кан-

дидатского стажа, и если оставлять 6 месяцев для рабочих, то безусловно необходимо, чтобы не обманывать и себя и других, определить понятие "рабочий" таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта... Поэтому необходимо... облегчить освобождение партии от тех ее членов, которые совсем не являются коммунистами, проводящими вполне сознательно пролетарскую политику. Я не предлагаю новой генеральной чистки партии, ибо думаю, что это сейчас практически неосуществимо, но найти какие-либо средства фактической чистки партии, т.е. к уменьшению ее состава, необходимо." И Ленин вносит пять конкретно сформулированных, совершенно практических предложений на этот счет. (26 марта 1922 г. — ПСС, т. 45, стр. 19-21).

Своему письму-обращению Ленин придавал столь серьезное значение, что сделал особую приписку к нему: "Если возможно, я бы просил читающих это обращение членов ЦК ответить мне хотя бы короткой телефонограммой на имя одной из секретарш."

До сих пор не опубликован ни один ответ членов ЦК на обращение Ленина, не знаем мы также, было ли оно доведено до сведения членов ЦК. На съезде вопрос об условиях вступления в партию и, в связи с этим, о кандидатах "подвергся особому, подробному рассмотрению комиссии" по партстроительству, "которая по существу была секцией, так как на ней присутствовали очень многие товарищи"(12). И на съезде была утверждена резолюция, предложенная комиссией, в основном оставившая в силе тот план ЦК, который Ленин оспорил.

Судя по опубликованным материалам съезда Ленин не выступал по этому вопросу ни в комиссии, ни на пленарных заседаниях съезда. Мы не располагаем фактическими данными, чтобы судить о том, что побудило Ленина отказаться от выполнения первоначального намерения вмешаться в обсуждение вопроса на съезде и оспорить решение ЦК. Но во вся-

ком случае ясно одно: к этому времени умонастроение и положение в верхах российской коммунистической партии были уже таковы, что партийный съезд показал себя далеким от того, что составляло предмет тревоги, настойчивых предостережений и глубоко мотивированных призывов Ленина: резолюция XI партсъезда "Об укреплении и новых задачах партии" установила для всех рабочих без различия, да еще для красноармейцев из рабочих и крестьян, полугодовой кандидатский стаж (13). Основополагающая социально-политическая идея Ленина, что в условиях русской пролетарской революции следует различать две категории фабрично-заводских рабочих, исходя из длительности и места их работы, и что подлинными пролетариями, способными образовать костяк коммунистической партии, могут считаться лишь лица, проработавшие рабочими не менее 10 лет и, притом, в крупной промышленности (14), — эта ленинская идея не была понята и воспринята съездом русских коммунистов уже весной 1922 года, прошла мимо этого съезда. Для сегодняшнего историка не может подлежать сомнению, что здесь перед нами одно из тех событий (именно *событий!*), которые уже очень скоро оказались решающими для возникновения возможности и для приготовления сталинской деформации пролетарской партии под маской ее "пролетаризации". Насколько мы можем судить, оно было хронологически первым в ряду таких событий.

А Ленин и тогда глядел вдаль и вглубь. Длительность кандидатского стажа для рабочего, вступающего в коммунистическую партию, предстала перед ним не как спорная деталь партийного устава, а в большом плане социальной природы нашего рабочего класса и, отсюда, в еще большем плане исторических путей и судеб нашей революции. Именно в связи с вопросом о кандидатском стаже и аргументируя в пользу своего предложения по *этому* вопросу, Ленин в выше цитированном письме-обращении "Ко всем членам ЦК" выставил (впервые!) свое знаменитое положение, которое он менее чем через год, сознавая приближающуюся смерть, развернул в письмах к XII съезду партии. Он пишет членам ЦК следующие суровые строки: "Если не закрывать себе

глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него” (ПСС, т. 45, стр. 20) (15). Гарантию Ленин искал в том, чтобы пролетарскую политику партии определял ее подлинно-пролетарский состав, и уж если до поры до времени история возлагает эту задачу на плечи старой партийной гвардии, то чтобы выполняла она ее под контролем пролетарского состава партии. Невольно напрашивается параллель: Подобно тому, как на втором партсъезде позади споров по 1-му пункту устава стояла проблема создания пролетарской партии, способной подготовить и осуществить социалистическую революцию, так теперь, через 20 лет, за организационно-уставными вопросами численности партии и условий вступления в ее ряды стояла задача такого построения партии, при котором она была бы способна вести вперед пролетарскую революцию и привести ее к социализму. Ленин *так* видел проблему состава и численности коммунистической партии, находящейся в положении единственной и несменяемой правительственной партии. Но *не так* (повторяем) видел эту проблему XI партийный съезд.

в) Ленин о коммунистической партии в однопартийной системе: Идейное единство в партии.

Всякая политическая партия уже тем самым, что она *партия*, то есть *часть* общественно-политической системы, отдельная от других частей, не сливающаяся с ними, а то и противостоящая им, едина. В этом смысле выражение “единство партии” — тавтология. Однако, разные партии вкладывают различное содержание в понятие партийного единства, и притом варьируют его в разные периоды своего существования. Нас интересует только коммунистическая партия — как *она* понимает и (чтобы оставаться коммунистической)

должна понимать свое единство после того как пришла к государственной власти.

Из трех сторон проблемы — идейного, морального, организационного единства — мы начнем рассмотрение с идейного единства коммунистической партии. И сразу же скажем, что, согласно представлениям Ленина, единственным (но достаточно широким) общим условием и основой идейного единства партии является признание всеми ее членами партийной программы — признание не формальное, а осознанное и убежденное. Словом, дело идет об идейном единстве в границах программы партии.

Читатель извинит, если мы сперва напомним кое-что из ныне изрядно забытых дореволюционных большевистских традиций в этом вопросе. Уже через год после второго съезда партии, принявшего устав, в первом пункте которого содержалось требование, чтобы член партии признавал ее программу, в августе 1904 года, когда партия еще только строилась, Ленин счел нужным пояснить и развить это требование. В воззвании "К партии" он писал: "Требуется обеспечить в уставе партии *право всякого меньшинства*, чтобы этим путем отвести постоянные и неустранимые источники разногласий, недовольства и раздражения из старого кружкового, обывательского русла скандала и дразг в непривычное еще русло *оформленной и достойной борьбы за убеждения*" (ПСС, т. 9, стр. 19; подчеркнуто нами. — Автор). В следующем году, в статье "Партийная организация и партийная литература", Ленин говорит, как о само собой разумеющемся, о "свободе мысли и свободе критики внутри партии" (ноябрь 1905 г. — ПСС, т.12, стр. 103). А еще через год, в ст. "Борьба с кадетствующими с.-д. и партийная дисциплина", так обосновывает и развивает эту формулу: "Принципиально мы уже не раз определяли наш взгляд на значение дисциплины и на понятие дисциплины в рабочей партии. *Единство действий, свобода обсуждений и критики*, — вот наше определение. Только такая дисциплина достойна демократической партии передового класса... Организованность есть единство действия, единство практического выступления. Но... безыдейная организованность — бессмыслица... Поэтому

му без свободы обсуждения и критики пролетариат не признает единство действий.” (ноябрь 1906 г. — ПСС, т. 14, стр. 125-126; курсив Ленина). А когда на Пражской партконференции, в январе 1912 г., Шварцман предложил в резолюции осудить борьбу групп в партии, Ленин в резкой форме ответил, что внутривнутрипартийную борьбу осуждать нельзя, ибо это жизнь партии. Надо осуждать склоку, безыдейную борьбу, а осуждать всякую борьбу групп это значит осудить и борьбу большевиков против ликвидаторов, и вообще — внести путаницу в умы рабочих (16).

Может быть, не лишне будет (в виду важности вопроса) отметить, что линия Ленина на свободу мысли и идейной борьбы групп внутри партии восходит к Марксу и Энгельсу. Приведем несколько советов Энгельса руководителям германской с.-д. партии (о них нам придется говорить еще ниже). 20 октября 1882 г. он пишет Эд. Бернштейну: ”По-видимому, всякая рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе в полном соответствии с законами диалектического развития вообще” (М.и Э. — Сочинения. Изд. 2-е, т. 35, М. 1964, стр. 312). 9 августа 1890 г. он пишет Ф.А.Зорге: ”Партия настолько велика, что абсолютная свобода обмена мнений внутри нее является необходимостью... Новому пополнению... нельзя ничего вдалбливать как школьникам; тут необходимы дискуссии и даже небольшая потасовка... Постараюсь убедить (Бебеля и Либкнехта) в неразумности всяких вышвыриваний, которые основаны не на убедительном доказательстве вредных для партии действий, а только на обвинениях в организации оппозиции... Большая партия не может существовать без того, чтобы в ней не проявлялись в избытке всякого рода оттенки, и надо избегать даже видимости диктатуры” (М. и Э. — Сочинения, 2-е изд. т.37, М.1965, стр. 373-374). А в письмах А.Бебелю от 1-2 мая 1891 г. и 19 ноября 1892 г. Энгельс возражает против ”передачи в ведение высшей партийной власти и подчинения цензуре” теоретического журнала партии ”Нойе Цайт” и вообще против ”насиловственных мер” по унификации партийной печати (17).

Таково марксистско-ленинское понимание существа

идейного единства пролетарской партии, с которым партия большевиков вошла в Октябрьскую революцию. В годы формирования государства диктатуры пролетариата, империалистической интервенции и гражданской войны оно, это понимание, неизменно проводилось на деле и определяло способ существования и развития партии, самую (по выражению Ленина) "жизнь партии". Вспомним дискуссии, захватывавшие всю партию сверху донизу, — брестскую, военную, о коллегиальности и единоначалии, о партстроительстве, о профсоюзах, — борьбу и блоки (18) отдельных деятелей партии и партийных групп в свободных обменах мнениями и спорах на собраниях и в печати, неурезанную критику работы и политики ЦК, систему докладов и резолюций на партсъездах от групп делегатов, не согласных с позицией ЦК (19), голосование в ЦК и на съездах по платформам, да и выборы на съезд по платформам (20). И конечно же, за это никого врагом партии и агентом империализма не объявляли, никого из партии не исключали, ни на кого не накладывали партвзысканий и ни от кого не требовали отказа от взглядов. Эти ленинские нормы партийной жизни, обеспечивающие *права меньшинства* в партии, хорошо сформулировал уже на восьмом партсъезде докладчик от ЦК по партстроительству Зиновьев: "Оппозиция — вещь законная. Никто против этого ничего не имеет. Съезд для того и созывается, чтобы каждая группа нашей партии сказала свое мнение" (21). Так, в первые годы революции, в самые тяжелые и грозные годы ужасающей гражданской войны, всеобщей разрухи и предельного голода — на основе *свободы мысли и свободных идейных сопоставлений и противопоставлений внутри партии* осуществлялось и формировалось, растилось и углублялось, скреплялось и закреплялось при Ленине могучее *идейное единство* российской коммунистической партии. И суровая милитаризация партии, которая была неизбежна в те годы и без которой диктатура пролетариата не могла бы удержаться, не только не вступала в противоречие с внутренней свободой идейной жизни партии, но составляла с ней одно целое, выражавшее и формировавшее духовный подъем революционных масс, освободившихся от пут и традиций капитализма.

Но исторические обстоятельства русской революции с другого совсем конца создали угрозу идейному единству (или, говоря иначе, идейной чистоте) коммунистической партии. В революционной России уже на самых ранних ее этапах сложилась, как мы видели, однопартийная система, и компартия оказалась не просто единственной легальной, но единственной и, значит, несменяемой правящей партией. Будь советская политическая система многопартийной, в компартию не шли бы люди, не согласные с ее идеологией и политикой, — если они политически активны, перед ними была бы открыта возможность примкнуть к другим партиям, более близким их интересам и идеалам. При однопартийности же советской системы в компартию уже очень скоро пошли не одни лишь подлинные коммунисты. Во-первых, к ней примазывалась всякая безыдейная и аморальная шваль — шкурники, карьеристы, проходимцы и просто бездельники, рассчитывающие из принадлежности к несменяемой правительственной партии извлечь для себя экономические и прочие житейские выгоды. Во-вторых, в компартию устремились люди, в обывательском смысле, быть может, морально и безупречные и даже интеллигентные или полуинтеллигентные, но далекие от целей и политических идей коммунистов. Обычно это честолюбцы и авантюристы из социально-чуждой пролетариату мелкобуржуазной — мещанской и крестьянской — среды, тянущиеся к участию в политической жизни страны и готовые (раз нет другой легальной возможности) стать членами компартии, через службу в советских аппаратах управления и на поприще советской деятельности приспособляясь к порядкам, требованиям и политическому языку компартии, а там уж, под прикрытием коммунистических штампов, отравляя и сами эти порядки, требования, язык.

Уже спустя полтора года после Октября, на восьмом партсъезде (в марте 1919 года) оба эти явления обсуждались в детальной и острой полемике: первое — как причина дискредитации партии и социалистической революции в глазах народа, второе — как причина возрождения бюрократизма в стране. Резолюция съезда по организационному вопросу ука-

зывает, что "расширение численного состава партийных организаций ни в коем случае не должно покупаться ценой ухудшения качественного состава их"; устанавливает "необходимость серьезной чистки и в советских и в партийных организациях" и назначает к 1 мая общую перерегистрацию всех членов партии с применением особых мер по отношению к послеоктябрьским членам партии; подтверждает "ограничение избирательных прав (новых) членов партии на Всероссийский партийный съезд" (22). И в конце года, на восьмой партконференции (декабрь 1919 г.) Крестинский мог в орготчете ЦК сообщить, что очистка партии, в результате всероссийской перерегистрации и мобилизации партийцев на военные фронты, почти вдвое сократила число ее членов и позволила широко открыть двери партии рабочим, крестьянам и красноармейцам (23).

Но для ленинской партии проблема была не просто в том, чтобы очиститься от некоммунистических элементов. Существо задачи состояло в том, чтобы обстановка и процедура чистки не убила внутренней свободы в членах партии, чтобы идейное единство партии, вышедшей из чистки, было не единством запуганности и послушания, а традиционным для большевизма единством на основе свободы мысли, критики и идейной борьбы внутри партии. И та же восьмая партконференция сочла необходимым, принимая после проведения перерегистрации новый устав партии, включить в раздел "О партийной дисциплине" фразу, которой в старом уставе не было: "Внутри партии обсуждение всех вопросов партийной жизни вполне свободно до тех пор, пока решение не принято" (24).

Руководствуясь новым уставом, партия развернула широкую работу по восполнению своих очищенных рядов за счет рабочих, красноармейцев, беднейших крестьян — методом "партийных недель". Результаты превзошли ожидания: к девятому съезду (весной 1920 года) число членов партии дошло до 600 000, а еще через полгода, к девятой конференции (осенью 1920 г.) перевалило за 700 000. Снова на переднем плане оказалась задача борьбы с засоренностью, и притом в еще более острой и сложной форме, ибо нарушение

идейного единства партии шло с нарушением ее морального единства и в значительной мере было перекрыто этим последним. В следующем параграфе мы увидим, что на девятой конференции потребовалось поставить во весь рост вопрос о моральном "оздоровлении партии" как одну из центральных и неотложных проблем партии и революции. А сейчас покажем, что и в вопросе об идейном единстве партии эта конференция занимает видное место в истории русской компартии. Неизбежное разномыслие в колоссально разросшейся единственной правящей партии — пролетарской партии в разрушенной и истерзанной огромной стране с населением, в котором колоссально преобладает крестьянство и городская мелкая буржуазия, а тонкая прослойка подлинного фабрично-заводского пролетариата расплывлена революционными мобилизациями, измотана перенапряжением, невероятными лишениями и прямым голоданием и в значительной мере деклассирована, — это социально, экономически и политически обусловленное разномыслие в рядах партии (25) чрезвычайно затемнило, запутало и осложнило ее идейную жизнь. Летом 1920 года на местах и особенно на губернских конференциях стала остро проявляться борьба различных групп. Каковы бы ни были непосредственные конкретные причины борьбы, она все больше выливалась в идейно-политические раздоры и приводила к внутрипартийному разладу и "раздвоению" (26). Для восстановления и укрепления расшатанного идейного единства партии потребовалось безотлагательно поставить вопрос во всей его полноте уже на очередной, девятой, Всероссийской партконференции. Дело, естественно, шло не об установлении формального, административно оберегаемого единства, а о создании внутрипартийного порядка, при котором идейное единство выковывалось бы в ходе свободного обмена мыслями во всех звеньях партийного организма. И в резолюции "Об очередных задачах партийного строительства", принятой в сентябре на конференции, сформулированы два из главных условий, без которых *такое* единство не может быть практически осуществлено, — именно два условия, обеспечивающие права меньшинства. И формулированы они были в ра-

дикальной и не допускающей перетолкований редакции, а требование выполнения этих двух гарантий для меньшинства было изложено в виде "следующих мер", проведение которых резолюция объявила "необходимым":

Во-первых: "Необходимо во внутренней жизни партии осуществить более широкую критику *как местных, так и центральных учреждений партии*. Поручить ЦК циркуляром указать способы расширения внутрипартийной критики на общих собраниях. Создать литературные органы, способные осуществить более систематично и широко критику ошибок партии и вообще критику внутри партии (дискуссионные листки и т.п.), для каковой цели в центре, при "Известиях ЦК", создать специальный дискуссионный листок. Желательно создание таких же дискуссионных листов при издающихся "Известиях губкомов" (9-й пункт резолюции).

И во-вторых: "Какие бы то ни было репрессии против товарищей за то, что они являются инакомыслящими по тем или иным вопросам, решенным партией, недопустимы" (11-й пункт резолюции) (27).

Первый из этих двух пунктов представляет собой развитие следующего положения из дополнений Ленина к проекту резолюции: "Создать литературные органы, способные осуществлять более систематично и широко критику ошибок партии и вообще критику внутри партии (дискуссионные листки и т.п.)" (ПСС, т.41, стр.293).

Второй же пункт, прямо адресованный Лениным недавно созданной контрольной комиссии (28), он спустя месяц после конференции счел нужным развить в виде постановления Политбюро. В предложенный им проект постановления (принятый на заседании Политбюро 26 октября 1920 г. по вопросу "О внутрипартийных настроениях") входит, между прочим, следующий параграф: "4. — Как особое задание Контрольной комиссии (созданной решением 9-ой конференции — Автор) рекомендовать внимательно-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение по отношению к представителям так называемой оппозиции, потерпевшим психологический кризис в связи с неудачами в их советской или партийной карьере. Надо поста-

ратся успокоить их, объяснить им дело товарищески, подыскать им (без способа приказывания) подходящую к их психологическим особенностям работу, дать в этом пункте советы и указания Оргбюро ЦК и т.п.” (ПСС, т. 41, стр. 394 и 541) (29). А через три месяца, в разгар профсоюзной дискуссии, Ленин цитирует слова Троцкого: ”Идейная борьба в партии не значит взаимное отметание, а значит взаимное воздействие” и добавляет: ”Само собою разумеется, что партия применит это правильное рассуждение и к т.Троцкому” (25 января 1921 г. ”Еще раз о профсоюзах...” — ПСС, т. 42, стр. 303). И становится понятным, почему при Ленине, в соответствии с порядком, введенным с самого начала существования Политбюро по его, Ленина, прямому настоянию, выступления участников прений на заседаниях Политбюро никогда не протоколировались.

Принятием двух вышеприведенных положений, развивающих и логически дополняющих партийный устав, было в сентябре 1920 года завершено формирование ленинского понимания идейного единства коммунистической партии, единственно легальной и правящей. Такое единство предусматривает возможность и допускает существование разномыслия и борьбы идей внутри единой партии (30) — в пределах партийной программы по вопросам выполнения программы. А тем самым признается законность меньшинства, ”иначе мыслящего” по отношению к взглядам большинства, выраженным в решениях руководящих партийных органов, и утверждается ограждение прав иначе мыслящих членов партии от посягательств партийной администрации (от ”репрессий”) — как до, так и после принятия этих решений. Через полгода, выступая на собрании партактива г. Москвы 24 февраля 1921 г., Ленин считал нужным напомнить: ”Резолюция Всероссийской конференции говорит, что надо считаться с мнением меньшинства, нужно обсуждение и дискуссии внутри партии” (ПСС, т. 42, стр. 350; впервые напечатано в 1963 году).

То обстоятельство, что только с приближением конца гражданской войны и периода мирного строительства стало возможным и необходимым законченно формулировать и полностью ввести в действие ленинские нормы партийной

жизни для компартии, стоящей у власти и не делящей эту власть с другими партиями (31), это обстоятельство исторически вполне естественно (32). Но так же естественно и то, что партия, за четыре года ожесточенных боев и военной дисциплины сжившаяся с милитарным внутрипартийным режимом, не смогла осуществить переход к полной внутрипартийной демократии ("рабочей демократии", как тогда говорили) сразу и без противоречий и издержек. Первая большая дискуссия — о роли и задачах профсоюзов, — развернувшаяся в ноябре 1920 г. — январе 1921 г. на основе полной свободы обсуждения и критики во всех звеньях партии (33), прошла неудачно. Не имея опыта полностью свободного дискутирования, спорящие стороны не смогли (как выразился потом Ленин) "удержать меру, какую нам надо отвести нашим разногласиям" (16 марта 1921 года — "Речь при закрытии X съезда". — ПСС, т. 43, стр. 126). Необоснованно обобщался и "углублялся" предмет спора, и это приводило к неразумному, неконтролируемому обострению самого спора, переводя подчас идейное отмежевание во фракционное обособление. Раздутая совершенно непропорционально тому значению, которое по объективным условиям ее тема могла иметь на тогдашнем этапе революции, дискуссия отвлекла внимание партии от более важных, актуальных и грозных проблем и задерживала выявление и кристаллизацию исторической проблемы того времени — проблемы перехода к нэпу. Да и для своей собственной темы — задачи профсоюзов — дискуссия вылилась поэтому в нерасчетливую трату сил и времени на надуманные словопрения общего характера вместо делового обсуждения опыта и практических задач, в непосильное для тогдашнего состояния партии роскошествование — в значительной мере бесполезное. Вдобавок, эта дискуссия дала повод и почву для проявления, формирования и выступления внутрипартийного течения т. наз. "рабочей оппозиции", отвергающего программные положения партии и этим, а также своими приемами внутрипартийной борьбы (34), создавшего угрозу раскола партии (35). Известно, что X съезду пришлось в связи с этим принять две специальные резолюции, ограничивающие некоторые край-

ности того порядка внутрипартийной демократии, который был введен девятой партконференцией в сентябре 1920 г. — крайности, порожденные дискуссией о профсоюзах, но не предусмотренные и не оговоренные в резолюции этой конференции. (Обе резолюции были внесены Лениным).

Но, конечно, ошибки и неудача первой широкой общепартийной дискуссии, проходившей в условиях полного осуществления ленинских принципов внутрипартийной демократии, ни в каком отношении не повлекли за собой пересмотра этих, уже введенных в жизнь, принципов и, тем более, отказа от них. В самом деле:

Во-первых, сам Ленин рассматривал ограничения, устанавливаемые его двумя резолюциями, как *временную* меру, вызванную особыми, особенно обостренными политическими трудностями и опасностями *перехода* от гражданской войны к мирной жизни. Он говорил: в обстановке, "когда кризис крестьянского хозяйства доходит до грани и недовольство крестьянства пролетарской диктатурой растет, когда демобилизация крестьянской армии выкидывает сотни и тысячи разбитых, не находящих себе занятия людей, привыкших заниматься только войной, как ремеслом, и порождающих бандитизм", когда "наш пролетариат в большей части своей деклассирован, неслыханные кризисы, закрытие фабрик привели к тому, что от голода люди бежали, рабочие просто бросали фабрики, должны были устраиваться в деревне и перестали быть рабочими", и когда в результате всего этого получилось Кронштадтское вооруженное выступление мелкобуржуазной контрреволюции, которая во много раз страшнее, чем все Деникины, Колчаки и Юденичи, сложенные вместе, — в этот критический переходный момент должны быть прекращены партийные споры, "нужна большая сплоченность, — и не только формальная, — нужна единая, дружная работа" (ПСС, т. 43, с. 16, 17, 18, 35, 42). И свой взгляд на единственно приемлемую в объективных условиях X съезда меру партийных разногласий Ленин резюмировал в следующих, не допускающих кривотолкований, словах, обращенных к участникам "рабочей оппозиции": "*Не надо теперь оппозиции, товарищи, не то время! Либо —*

тут, либо — там, с винтовкой, а не с оппозицией. Это вытекает из *объективного положения*, не пеняйте.” (ПСС, т. 43, стр. 43).

Во-вторых, тот же X съезд, который наложил временные ограничения на полное применение принципов внутрипартийной жизни, установленных девятой конференцией, специальным пунктом включил в порядок дня вопросы партийного строительства, заслушал и обсудил доклад и принял резолюцию по этим вопросам независимо от тех ограничений. Этой резолюцией съезд подтвердил без каких-либо изъятий (см. § 24) и в развернутой форме конкретизировал решения девятой конференции в качестве обязательных принципов внутрипартийной жизни в период мирного строительства. Так, в § 30 резолюции читаем: ”В целях оживления партийной жизни необходимы следующие мероприятия: а) широкое обсуждение всех важнейших вопросов общепартийной, общеполитической и местной жизни на общих собраниях членов партии, вплоть до ячеек, необходимо сделать систематическим... б) открытые собрания руководящих органов партии, которые необходимо ввести в систему... в) постоянный контроль со стороны общественного мнения партии над работой руководящих органов и постоянное деловое взаимодействие между последними и всей партией в целом, проведение систематической отчетности соответствующих парткомов не только перед высшими, но и перед низшими организациями...”

В-третьих, свои две резолюции по поводу ”рабочей оппозиции” Ленин предложил X съезду не в противопоставление нормам партийной жизни, установленным девятой конференцией и подтвержденным съездом в резолюции о партийном строительстве, и не для ослабления принципиального смысла этих норм. Он позаботился, чтобы исключить самую мысль об этом, сделав соответствующие вставки в обе резолюции. Заключительная фраза резолюции ”О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии”, после слов о признании пропаганды идей ”рабочей оппозиции” несовместимой с принадлежностью к компартии, гласит: ”Съезд указывает вместе с тем, что в специальных изданиях, сборниках

и т.п. может и должно быть уделено место для наиболее обстоятельного обмена мнений членов партии по всем указанным вопросам". А в резолюции "О единстве партии" (п. 4) читаем: "Съезд предписывает издавать регулярнее "Дискуссионный листок" и особые сборники", чтобы "безусловно необходимая критика недостатков партии, всякий анализ общей линии партии или учет ее практического опыта, проверка исполнения ее решений и способ исправления ошибок и т.п." были "направлены не на обсуждение групп, складывающихся на какой-либо "платформе" и т.п., а на обсуждение всех членов партии".

И выступая на съезде с обоснованием этих двух резолюций, Ленин счел нужным особое внимание уделить объяснению смысла и значения таких вставок. Он сказал: "Покончить с ним (с уклоном "рабочей оппозиции" — Автор) в таком смысле — не дискутируй больше и конец — было бы неправильным. Но одно дело теоретическая дискуссия, другое дело — политическая линия партии, политическая борьба. Мы — не дискуссионный клуб. Издавать сборники, специальные издания мы, конечно, можем и будем, но мы должны прежде всего бороться в самых трудных условиях, и поэтому должны сплотиться воедино"... Своими предложениями оппозиция перетолковывает программу партии и выступает против нее"... "От имени съезда, который утверждает программу и который является высшим органом партии, надо сказать: вот как мы эту программу понимаем. Повторяю, что теоретические споры этим не пресекаются. Предложения изменить программу могут делаться, на этот счет не вносится никакого запрета... Но мы сейчас не имеем формальных предложений, мы не посвящали времени на разбор этого вопроса... Аутентичное толкование программы дает нам возможность соединить необходимую тактическую сплоченность и единство с необходимой свободой дискуссии, что и подчеркнуто в конце резолюции"... "Разве вы не видите разницы между пропагандой идей внутри борющихся политических партий и обменом мнений в специальных изданиях и сборниках?... Есть теоретики, которые всегда дадут партии полезный совет. Это необходимо. Мы издадим два-три боль-

ших сборника, — это полезно и абсолютно необходимо. Но разве это похоже на пропаганду идей, на борьбу платформ, разве это можно смешивать? Этого никто из желающих *вникнуть в наше политическое положение* не смешает (подчеркнуто нами — Автор)... Вот почему я возобновляю и поддерживаю предложение о том, чтобы мы обе эти резолюции приняли, подкрепили единство партии и дали правильное определение того, чем должны заниматься партийные собрания и чем в свободные минуты свободны заниматься отдельные лица — марксисты, коммунисты, которые хотят помочь партии и заняться теми или иными вопросами теории” (ПСС, т. 43, стр. 102-106).

И вот два эпизода, в которых наглядно сказались бережность и настороженность Ленина в отношении к демократическим принципам партийной жизни в тех условиях, когда особенные политические опасности вынудили его предложить временно ограничить их применение.

Когда делегат съезда Марченко внес поправку к резолюции “О синдикалистском и анархистском уклоне”, предлагавшую, чтобы дискуссионные сборники могли издаваться только ЦК или областными бюро ЦК, Ленин возразил: “Сказать это от имени съезда — это чрезмерно запретительно. Я предлагаю не принимать этой поправки, конечно, не отнимая у ЦК права рекомендовать и, в случае надобности, сосредоточить все в сборниках ЦК; но от имени съезда исключительный запрет издавать сборники на местах мне кажется чрезмерным” (ПСС, т. 43, стр. 115 и 442).

А когда Рязанов внес поправку к резолюции “О единстве партии”, предлагающую не допускать выборов на съезд по платформам, Ленин решительно и подробно выступил против такой поправки. Он сказал: “Лишить партию и членов ЦК права обращаться к партии, если вопрос коренной вызывает разногласия, мы не можем. Я не представляю себе, каким образом мы можем это сделать! Нынешний съезд не может связывать чем-либо выборы на будущий съезд: а если будет такой вопрос, как, скажем, заключение Брестского мира? Вы ручаетесь, что не может быть таких вопросов? Ручаться нельзя. Возможно, что тогда придется выбирать по

платформам... Но в вашей резолюции написано: никаких выборов по платформам. Я думаю, что запретить это мы не в силах. Если наша резолюция об единстве и, конечно, развитие революции нас сплотит, то выборы по платформам не повторятся. Урок, который мы получили на этом съезде, не забудется. Если же обстоятельства вызовут коренные разногласия, можно ли запретить вынесение их на суд всей партии? Нельзя! Это чрезмерное пожелание, которое невыполнимо и которое я предлагаю отвергнуть". (ПСС, т. 43, стр. 112 и 442).

Вчетвертых. — В резолюции по вопросам партийного строительства, в разделе, озаглавленном "Общие меры по оздоровлению партии", X съезд объявил "крайней необходимостью" провести "очищение партии от некоммунистических элементов" (п. 21). После десятой партконференции (май 1921 г.) ЦК и ЦКК 21 июня приняли постановление о проверке, пересмотре и очистке партии, и когда дело было всесторонне подготовлено, 27 июня в "Правде" было напечатано обращение ЦК ко всем партийным организациям "Об очистке партии", в котором разъясняются задачи и принципы проведения генеральной чистки партии. Об этой чистке партии, осуществленной в 1921 году по указаниям и под наблюдением Ленина, единственной генеральной чистке *правящей компартии* за всю ее историю, речь подробнее пойдет ниже, в параграфе о моральном единстве партии. Здесь же, в параграфе об ее идейном единстве, необходимо привести следующее место из обращения ЦК: "Ни в коем случае недопустимы репрессии по отношению к инакомыслящим внутри партии (например, против членов бывшей "рабочей оппозиции" и т.п.) (36).

Здесь в связи с предстоящей чисткой партии в категорической форме повторен уже известный нам пункт резолюции девятой конференции, определившей принципы внутрипартийной жизни для правящей коммунистической партии. Поставим рядом с этим тот факт, что по предложению и по настоянию Ленина X съезд ввел в ЦК лидеров оппозиции *без требования отказа от взглядов*, осужденных съездом, а лишь с запрещением пропагандировать эти взгляды,

но при этом с разрешением защищать, развивать и публиковать их в теоретических изданиях партии (37). Напомним также, что ЦК включил лидеров оппозиции в состав Центральной комиссии по чистке (38), а других участников оппозиции — в местные комиссии. Все это с неоспоримостью показывает, что чрезвычайные и временные ограничения внутрипартийной демократии, введенные двумя резолюциями X съезда в связи с выступлением "рабочей оппозиции", не означали отказа от признания допустимости инакомыслия в партии и свободы дискуссии между различными течениями партийной мысли — отказа от этих двух обязательных элементов ленинского понимания идейного единства коммунистической партии, несменяемо стоящей у власти, — единства, немыслимого и неосуществимого без признания и гарантирования прав идейного меньшинства.

Так на подступах к эпохе мирного строительства социализма русские коммунисты, следуя Ленину, выработали свою концепцию идейного единства своей партии, которую история поставила в положение единственной в стране и несменяемой правительственной партии. При Ленине последующая идейная жизнь партии строилась и развивалась в соответствии с этой концепцией. До сих пор нет опубликованных данных о прениях на X Всесоюзной партконференции, в чрезвычайном порядке созванной в мае 1921 года (39), но стенограмма XI конференции (декабрь 1921 г.) (40) и в особенности XI съезда (март-апрель 1922 г.), последнего партсъезда, прошедшего с участием и под непосредственным руководством Ленина, показывают это нагляднейшим образом. Прения на XI съезде вошли в историю русской компартии замечательным свидетельством революционной творческой мощи и полной осуществимости ленинского понимания свободы внутрипартийного обсуждения и критики деятельности партии и ее ЦК. Свободы раскрытия и развертывания разносторонних и не унифицированных политических талантов и индивидуальностей, которые именно в силу этого в своих самостоятельных размышлениях и поисках остаются в границах коммунизма, партийности, товарищеской лояль-

ности и в откровенных и горячих столкновениях мнений не впадают во фракционные обособления. Не существует для коммуниста наших дней лучшего средства увидеть и *ощутить* обстановку и стиль партийной жизни при Ленине, так сказать, вобрать в себя двух ленинской партийности, чем страницу за страницей прочитать том стенографического отчета XI партийного съезда (41) — и, читая, сопоставить все это с партийной жизнью, созданной Сталиным, с ее так называемой "монолитностью" (42), сиречь единством без идейности, — единством страха и угодливости, затхлости и безмыслия, послушания и поэтому — повального политического двурушничества.

г) Ленин о коммунистической партии в однопартийной системе: Моральное единство партии.

Если вопросы идейного единства партии, осуществляющей государственную власть в стране пролетарской революции, непосредственно являются предметом забот руководящих деятелей этой партии (говоря шире: ее интеллектуальной верхушки) и лишь косвенно затрагивают большинство ее рядовых членов, то вопросы морального единства партии ощущаются каждым членом партии и самым непосредственным образом входят в жизнь всей партийной массы. Но не сразу эти вопросы воспринимаются и понимаются как вопросы единства партии. Должен пройти некоторый этап, когда все дело видят в том, что множатся *случаи* засоренности партии морально чуждыми элементами, обманом пробравшимися в партию и засевающим в ней, и задачу сводят к тому, чтобы изгнать их из партии. Эта задача очищения рядов Российской коммунистической партии от людей, не обладающих моральными качествами, обязательными для члена партии, которая одна возглавляет пролетарскую революцию и строительство социалистического общества в своей стране, ставилась, обсуждалась и решалась уже весной 1919 года на восьмом партсъезде. Под этим углом зрения была построена часть доклада по организационному вопросу, посвященная партийному строительству, и в этом же русле шли прения.

Стихия народной революции в стране с огромным преобладанием крестьянства и городского мещанства еще не была введена большевиками в берега пролетарской революции и социалистического строительства. Народ, безвозвратно порвавший с вековыми устоями жизни и находившийся в состоянии жесточайшей гражданской войны и разрухи, еще только начинал организовываться на новых основах, еще только искал новые формы власти, законности, быта, — и новые нормы морали. В этих условиях немалое число членов партии, вступивших в нее после революции как в правительственную партию и далеких от коммунистических идей и этических идеалов и традиций, позорило ее в глазах народа, губило ее авторитет, порождало народную ненависть к ней "пьянством, разгулом, взяточничеством, разбоем и безрассудными действиями" — как говорилось на съезде. На съезде говорилось и о второй стороне дела — о том, что "если мы обратимся к нашим партийным работникам, которые принимали участие в создании партийных организаций, то, как ни печально это, мы должны признать, что большинство из них перестало быть партийными работниками. И если мы не примем самых решительных постановлений, то немислимо будет дальнейшее существование партии" (43). Употреблялись слова "происходит (или "начинается") перерождение партии", "партия переживает период застоя", "партия оторвалась от масс", "необходимо постановление об оздоровлении партии" (44). Однако, говоря объективно, в то время дело шло еще только об эксцессах *новой*, не устоявшейся и не оформленной власти, об исключительностях в поведении поставленных у власти членов компартии, подавляющее большинство которых вступило в нее после Октября. Эксцессы были многочисленны и грозны, и против них съезд постановил "начать самую решительную борьбу немедленно же" и назначил срочно провести по всей стране перерегистрацию членов партии, применяя особые меры контроля по отношению к тем, кто вошел в ее ряды после октября 1917 года (45). Но тогда эти бесчинства членов партии представляли собой явления, присоединившиеся к новой политической системе и налипшие на нее извне, из вчерашнего прошлого;

они еще не вросли в эту новую систему и сами еще не выросли в систему. Словом, это были скорее не явления начавшегося перерождения советского строя, а явления еще не сложившегося советского строя, но стоящие препятствием на пути его самоопределения и формирования.

И такими (т.е. именно как порождения исключительностей переходного состояния страны, крестьянской и мещанской по громадному большинству народа, и трудного, сложного, исторически нового положения ее пролетарской партии) они и понимались на восьмом съезде — в докладе от ЦК по организационному вопросу (его делал Зиновьев), в выступлениях делегатов, в мерах борьбы против этих зол, установленных резолюцией.

Но за последующие год-полтора стремительного революционного времени дело приняло иной оборот и картина изменилась. Оформление и закрепление советской республики и места коммунистической партии в ней происходили в стране с мелкобуржуазным населением и в обстановке нарастания гражданской войны и хозяйственного развала. В то же время и в этих же социальных и экономических условиях численность партии, в результате "партийных недель", стремительно возросла и по инерции продолжала возрастать. А в итоге, все те факты моральной неустойчивости и морального разложения, которые обсуждались на восьмом съезде и которые могли повести к мелкобуржуазному перерождению тех или иных клеток партийного организма, множась и углубляясь, разрослись в болезнь партии в целом, в систематическую болезнь, угрожающую *моральному единству* партии. Уже весной 1920 года, закрывая девятый партсъезд, Ленин употребил слова: "*совершенно реальная опасность*" для партии. Он напомнил те "громадные трудности", которые переживала партия, "когда приходилось бороться против того, чтобы к правительственной партии, — естественно открытой, потому что она есть правительственная партия, и открывающей дорогу к власти, — могли присосаться и примазаться худшие элементы, отбросы старого капитализма", и с радостью и гордостью говорил о том, что "когда Деникин стоял к северу от Орла, а Юденич — в 50 верстах от Петрограда, в

партию могли вступить только люди, искренне преданные делу освобождения трудящихся”. Но тут же Ленин с тревогой предупредил: “Эти условия теперь, по крайней мере в ближайшем будущем, не повторятся, и нужно сказать, что то громадное число членов нашей партии, по сравнению с предыдущими съездами, которое достигнуто и осуществлено, порождает некоторые опасения, и имеется совершенно реальная опасность, состоящая в том, что быстрый рост нашей партии не всегда шел в уровень тому, насколько мы воспитали эту массу для ее настоящих задач” (5 апреля 1920 г. — ПСС, т. 40, стр. 281-282).

Ленин, как видим, выбирал осторожные выражения для характеристики ситуации, сложившейся в партии. Но после съезда, летом 1920 года, партию залихорадило — и в столичных, и в провинциальных организациях. Вот как этот *“внутрипартийный надлом”* описан в “Отчете о работе ЦК за период от 9 до 10 партийного съезда”, опубликованном в “Известиях ЦК РКП(б)” № 29 за 7 марта 1921 г. (46): “К началу лета ЦК стал замечать, что в ряде местных организаций на губернских конференциях стала остро проявляться борьба различных групп... Картина в разных местах была различная, но прежней объединяющей партийной спайки в ряде губерний не было. ЦК приступил к изучению причин наметившегося в этих организациях раздвоения”. Причины оказались двоякого рода. “Одна из двух основных причин болезни, начавшейся в нашей партии”, это — обстоятельства, определившие тогдашний состав партии: страшная усталость и измотанность старых пролетарских кадров партии и расширение партии за счет либо преданных революции, но политически мало развитых рабочих и крестьян, либо за счет лиц, перешедших (пусть искренно) из других партий. “Вторая причина заключалась в отрыве значительной части руководящих верхов нашей партии в центре и на местах... от широких рабочих масс. Занятые постоянной своей ведомственной работой, ... они постепенно утрачивали контакт с массами, разучивались говорить с рабочими... В свою очередь рядовые члены партии, не видя на своих собраниях того или другого из наиболее ответственных советских, а иногда и партийных

рабочников, переставали считать их своими, утрачивали к ним доверие, и создавалось взаимное непонимание и отчужденность. В том же направлении действовало неравенство в условиях жизни и питания. Первое время после Октябрьской революции этого неравенства не было. Все рядовые и ответственные работники питались одинаково, бывало даже, что ответственные работники, особенно приезжие, находились в худших условиях, чем рядовые рабочие, постоянные жители того или иного города. Но позднее, когда товарищи, работавшие без всякого ограничения времени, со значительно подорванным прошлой подпольной работой, ссылкой и тюрьмой здоровьем, окончательно подорвались и начали выбывать из строя активных работников и в центре и на местах, мы вынуждены были прибегать к дополнительному усиленному питанию этих ответственных товарищей, к улучшению квартирных и иных условий их жизни. Пока это носило характер исключения, допускаемого по отношению к этим товарищам, притом поддерживающим постоянное общение с массами, это было понятно всем членам партии, признавалось ими совершенно законным и не вызывало никаких нареканий. Когда же эти привилегии начали получать широкое распространение, когда одновременно с этим появился описанный выше отрыв ответственных работников от масс, тогда начались нарекания и против самих этих привилегий и против правильности их распределения”.

Этот диагноз болезни, поставленный ленинским ЦК уже вскоре после Девятого съезда, был целиком подтвержден дальнейшим развитием партийной жизни: если первая причина (состав партии) была ответственна за трещины и разлады в идейном единстве партии, то вторая причина (отрыв верхов от партийной массы) вызвала разложение морального единства партии, внутрипартийный моральный надлом.

Мы видели, что идейное единство партии зиждется на признании партийной программы (во всех ее далеких и более близких целях) всеми членами партии. При отсутствии свободы мысли и обмена мнениями внутри партии разногласия по поводу путей и форм осуществления программы мо-

гут, а при известных обстоятельствах должны превратиться и заостряться в отклонения от программы и, таким образом, повести к фракционности и распаду идейного единства партии. Для сохранения и укрепления идейного единства требуется поэтому установление полной свободы мысли, дискуссий и критики в рамках партийной программы и гарантирование прав партийного меньшинства. Но на чем зиждется моральное единство партии?

На признании принципа материально-экономического и партийно-правового *равенства* всех членов партии. Не может партия быть коммунистической и действовать как коммунистическая, не может она учить народ коммунизму и вести его к коммунизму, если в ней является и признается нормой фактическое деление ее членов на богатых и бедных, на привилегированных и обделенных, на управляющих и управляемых, словом — на "верхи" и "низы". Только широчайшая гласность на собраниях и в печати, только полная свобода критики и разоблачения образа жизни и поведения (на работе, во внутрипартийных отношениях, в быту...) любого члена партии, невзирая на его положение в служебной и партийной иерархии и на парторганы, его прикрывающие, — только это способно устранить возможную, а при известных обстоятельствах неизбежную, опасность мелкобуржуазного перерождения значительных и существенных частей пролетарской революционной партии — и, тем самым, предотвратить распад ее морального единства. И для этого требуется конкретно и строго определить меру допустимых до поры до времени (до *какой* поры, до *какого* времени!) *несущественных* отклонений от принципа равенства членов партии и иметь партийные органы, контролирующие соблюдение меры таких неравенств. Посмотрим теперь, как при Ленине решалась эта проблема, от которой зависит судьба коммунистической партии и пролетарской революции.

Когда выяснилась острота проблемы, вопрос был в июле (напомним: 1920 года) поставлен на пленуме ЦК. Доклад, подготовленный на материалах разных парторганизаций и с участием их представителей, был составлен секретарем ЦК Преображенским, и пленум передал его тезисы для

обсуждения в Политбюро. В начале августа Политбюро единогласно приняло их и для разработки практических мер создало комиссию в составе двух секретарей ЦК, Преображенского и Крестинского, и представителя МК Минькова. (Одновременно вопрос был поднят членом ЦК Бухариным на московской губконференции). На основе мер, намеченных комиссией, Преображенский написал проект циркулярного письма ЦК "Всем парторганизациям, всем членам партии". По совету Ленина проект был литературно переработан Зиновьевым (47) и в таком виде письмо, с одобрения Ленина (48), 4 сентября опубликовано в "Известиях ЦК" № 21. В письме говорится:

"ЦК считает своевременным обратить внимание членов нашей партии на некоторые нездоровые явления в нашей партийной организации, которые за последнее время все больше о себе дают знать. В довольно многих партийных организациях вопрос о так наз. "низах" и "верхах" партии становится жгучим вопросом. Разобщенность все больше дает о себе знать, выливаясь иногда, как это было на некоторых губернских конференциях, в прямые конфликты... При нормальном развитии партийной жизни в такой партии, как наша, самый вопрос о так наз. "верхах" и "низах" не должен существовать вовсе"... Однако, среди товарищей, претендующих на звание ответственных работников, есть такие, которые "на деле совершенно отрываются от партийной работы, не встречаются с широкими кругами рабочих, замыкаются в себе, отрываются от масс... Громадное значение имеет также то материальное неравенство в среде самих коммунистов, которое создается сознательным или бессознательным злоупотреблением своей властью со стороны этой части ответственных работников, не брезгующих тем, чтобы установить для себя лично и для своих близких большие личные привилегии... Не нужно упрощать вопроса... Установить полное и абсолютное равенство в материальной области даже среди одних только 700 тысяч членов нашей партии в данное время еще не возможно... Каждый сознательный рабочий, рядовой член партии, согласится с тем, что интересы партии и рабочего движения требуют того, чтобы те наши партийные и

советские работники, которые работают для нас не 6 и не 8 часов в день, а 12-14 и большее количество часов, те товарищи, здоровье которых особенно подорвано предыдущими тюремными заключениями, ссылкой и т.д., ставились в несколько лучшие материальные условия... Каждый сознательный рабочий, который участвует в нашей партии не первый месяц, вместе с тем знает, что среди наших ответственных работников есть очень большая часть таких людей, которые отказывают себе абсолютно во всем, голодают иногда больше, чем рядовой рабочий на фабрике и заводе, отдают работе все свои силы, не думая о себе и не заботясь о своем здоровье. Об этих ответственных рабочих, показывающих нам образцы самоотверженности и преданности делу, нам не следует забывать... Но когда часть членов нашей партии, претендующих на звание ответственных работников, относясь к своим советским обязанностям только формально, пользуются своим высоким званием для того, чтобы обеспечить свои личные привилегии, это неизбежно вызывает справедливый протест... Наша партия привыкла к самокритике. РКП всегда смотрит правде в глаза. Борясь против демагогии и предостерегая молодых членов партии от преувеличивания, мы должны вместе с тем, как подобает серьезной и организованной рабочей партии, принять ряд организационных мер для того, чтобы ослабить и изгнать указанное зло..." Далее в письме намечается ряд практических предложений, которые ЦК выносит на Всероссийскую партконференцию (49) и которые (скажем здесь, забегая вперед) были конференцией положены в основу своей резолюции. Кончается же письмо следующей, характерной для нашей партии того времени *"просьбой"*: "Настоящее циркулярное письмо ЦК просит прочитать на всех общих собраниях членов партии всех организаций РКП. Протоколы этих собраний, а также принятые решения отправить в копиях в ЦК партии. Ставя этот вопрос перед всеми партийными организациями, ЦК уверен в том, что товарищи на местах со своей стороны разработают целый ряд строго деловых предложений, которые дадут нам возможность в кратчайший срок покончить с вышеуказанными нездоровыми явлениями в партии".

Этот замечательный документ, написанный в соответствии с прямыми советами Ленина и одобренный им, ни в научных, ни в популярных работах по истории партии, насколько нам известно, не приводился. Но не только по этой причине мы так подробно цитируем его, а потому, прежде всего, что он впервые провозглашает борьбу против главного источника разрушения морального единства коммунистической партии, безраздельно держащей власть в стране диктатуры пролетариата и строительства социализма, — против проникновения мелкобуржуазного неравенства внутрь партии. И кладет начало этой борьбе, которую коммунистическая партия неотступно вела *все годы*, пока во главе ее стоял Ленин. Он, этот тщательно готовившийся документ, предопределил русло и направление той страстной дискуссии, которая разгорелась в конце сентября на 9-ой Всероссийской партконференции по докладу с откровенно-грозным названием: "Об оздоровлении партии", сделанному членом Политбюро Зиновьевым (50).

В истории российской компартии 9-ая конференция сыграла важнейшую роль: ей принадлежит определяющее место в борьбе партии за свою моральную чистоту и свое моральное единство. Но ее стенограмма ни разу не была издана — ни при Сталине, ни после него, ни в наше время; только спустя 52 года, осенью 1972 года (!), Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС опубликовал ее протоколы (все еще не стенограмму (51), а лишь *протоколы!*). Это упорное желание вытравить девятую конференцию из памяти партии не должно нас удивлять. Так же как не удивительно, что когда в 1942 году решились опубликовать написанный Лениным "материал" к проекту резолюции об очередных задачах партийного строительства, вводные части которого были *текстуально* включены в резолюцию конференции, то из публикации выпало как раз место о необходимости борьбы за большее равенство — дескать "рукопись сохранилась не полностью..., одна страница утеряна" (52). Так же как не удивительно, что даже *речь Ленина*, с которой он выступил на конференции в прениях по докладу "Об оздоровлении партии" с защитой своего "материала" — одна из замечательней-

ших его речей как по существу темы, так и для понимания истории партии — была впервые опубликована в 1963 году (ПСС, т. 41, стр. 286-291). Так же, как не удивительно, что в "Протоколах" конференции, изданных только в 1972 году, не опубликована стенограмма заключительного слова Ленина по Отчетному докладу ЦК под детски-смешным, но сталински-бесцеремонным предлогом, что она "неправленная" (53), а ленински-прямой заголовок доклада Зиновьева "Об оздоровлении партии" (54) заменен (как это было сделано уже в 1963 году в 41 томе ПСС) сталински-ханжеским, стандартным "Об очередных задачах партийного строительства". Словом, из ленинских материалов девятой конференции по нашей здесь теме сегодняшнему читателю доступны только стенограмма речи Ленина от 24 сентября да резолюция конференции "Об очередных задачах партийного строительства" (55) и отрывки из "материала" Ленина для этой резолюции. Но если принять во внимание, что резолюция (составленная Зиновьевым) редактирована (56), а в общеполитической части написана) Лениным, то, пожалуй, и этих документов достаточно, чтобы определить и оценить вклад, сделанный под руководством и по прямым указаниям Ленина, 9-ой конференцией в борьбе за моральное единство партии. Рассмотрим же резолюцию 9-ой конференции в той ее части, которая относится к задаче восстановления морального единства партии.

Вводный абзац — тот самый, что написан Лениным, — гласит: "Неслыханно тяжелое положение Советской Республики в первые годы ее существования, крайнее разорение и величайшая военная опасность сделали неизбежным выделение "ударных" (и потому фактически привилегированных) ведомств и групп работников... Это обстоятельство, в связи с трудно изживаемым наследием капиталистических и частнособственнических привычек и настроений, объясняет необходимость еще и еще раз направить внимание всей партии на борьбу за проведение в жизнь большего равенства, во-первых, внутри партии; во-вторых, внутри пролетариата, а затем и внутри всей трудящейся массы; наконец, в-третьих, между различными ведомствами и различными группами

рабочников, особенно "спецов" и ответственных работников по отношению к массе. Различая членов партии лишь по степени их сознательности, преданности, выдержанности, политической зрелости, революционной опытности, готовности к самопожертвованию, — партия борется со всякими попытками проводить различие между членами партии по какому-либо другому признаку: верхи и низы, интеллигенты и рабочие, по национальному признаку и т.п."

Пункты 1 и 2: "Возможно чаще собирать общие собрания членов партии с обязательным присутствием на них всех ответственных работников организации. На этих собраниях необходимо ставить все важнейшие вопросы общепартийной, общеполитической и местной жизни..." "Желательно не только губернские конференции, но и пленумы губкомов и местных комитетов по вопросам, не требующим закрытых заседаний, делать публичными для всех членов партии". Ленин назвал это "мерами к развитию самодеятельности членов партии", средствами "выдвинуть середняка", и сказал, что, если бы это не удалось, "дело Советской России было бы безнадежно", но что этого можно добиться. (ПСС, т. 41, стр. 293, 288). И сюда же относятся *пункты 9 и 11* о мерах по осуществлению более систематичной и широкой критики местных и центральных учреждений партии, — пункты, о которых подробно говорилось выше, в параграфе об идейном единстве партии.

Пункт 16: Все без исключения ответственные коммунисты, независимо от занимаемой должности, должны быть прикреплены к фабрично-заводским, красноармейским или сельским ячейкам, где они должны нести партийные обязанности наравне со всеми членами партии и не только участвовать в собраниях, но давать на них отчеты о своей деятельности. Особо отмечается: "Участие в субботниках необходимо сделать абсолютно обязательным для всех членов партии... Время, потраченное на субботники, надо рассматривать не только с точки зрения непосредственных хозяйственных результатов, но, главным образом, с точки зрения укрепления единства внутри партии на основе выполнения каждым коммунистом без изъятия всех партийных обязанностей". И в

закключение указывается, что в особенности членам партии из ответственных работников следует "внушать не словами, а делом понятие о равной ответственности всех перед партией и пролетарским государством".

Пункт 17: "Ответственные работники-коммунисты не имеют права получать персональные ставки, а равно премии и сверхурочную оплату".

Пункт 18: "Выработать вполне годные практические меры к устранению неравенства (в условиях жизни, в размере заработка и т.п.) между "спецами" и ответственными работниками, с одной стороны, и трудящейся массой, с другой стороны, — поскольку это неравенство нарушает демократизм и является источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов". Обращаем внимание читателя, что текст этого пункта вставлен в резолюцию из "материалов" Ленина (ПСС, т. 41, стр. 293) лишь с незначительными словесными изменениями.

Пункт 19: Создать "Контрольную комиссию наряду с ЦК из товарищей с наибольшей партийной подготовкой, наиболее опытных, беспристрастных и способных осуществлять строго партийный контроль". Она должна выбираться съездом партии и, в случае надобности, вступать в соглашение с ЦК, устраивать совместные заседания с ним или переносить вопросы на партийный съезд... Отметим здесь, что первое же обращение Контрольной комиссии ко "Всем членам партии", которое Ленин советовал сделать "очень обстоятельным и торжественным" (ПСС, т. 41, стр. 394), начинается фразой: "Конференция поставила в порядок дня и вынесла ряд решений по одному из самых больных и острых вопросов нашей резолюции — по вопросу о так называемых "верхах" и "низах" внутри нашей партии". Отметив "обстановку страшной нищеты, когда люди считают маленькие кусочки хлеба за драгоценность, когда массы устали от сверхчеловеческого напряжения, когда чувствительность обострена до последней степени", Обращение указывает: "С другой стороны, не подлежит никакому сомнению, что перед нами налицо пустившая корни болезнь отрыва части работников от масс и превращения некоторых лиц, а иногда и целых группок, в

людей, злоупотребляющих привилегиями, переходящих все границы дозволенного и тем сеющих разлад, рознь, вражду внутри пролетарской партии” (57).

Так 9-я конференция с подлинно ленинской прямоотой и смелостью поставила очередные вопросы партийного строительства как *вопросы оздоровления партии*, назвав вещи своим полным именем. Старые кадры борцов за социалистическую революцию быстро редели (фронты гражданской войны, контрреволюционные восстания, изматывание непомерной работой при физическом истощении и т.д.). К руководящим постам в партии и, через партию, в государстве все больше приходили новые люди. И в *таких* людях слишком часто централизм (обязательный и неизбежный!) поощрял зазнайство, карьеризм, самоснабжение, чиновничество и порождает всяческие черты материального и статусного неравенства. Раскрыв исторические корни и реальные причины морального разлада в коммунистической партии, возглавляющей диктатуру пролетариата в нашей стране, конференция установила, что мелкобуржуазное материальное неравенство внутри партии, лежащее в основе болезни морального разлада, очень часто не имеет объективного оправдания и должно быть, не откладывая дело, устранено. В той же части, в какой это неравенство объективно оправдано, оно должно расцениваться как явление чрезвычайное, временное и притом *кратковременное*, возникшее из нищеты много лет воюющей и в конце разоренной страны и, по мере преодоления этой нищеты и возвращения страны к достаточно нормальным условиям материальной жизни, оправданность мелкобуржуазного неравенства внутри коммунистической партии отпадает и оно должно быть ликвидировано. Исходя из такого понимания природы и источников морального разлада в партии, девятая конференция определила принципы и разработала методы восстановления и сохранения морального единства партии, — единства, которое может быть основано только на равенстве внутри партии и на неуклонной борьбе против материального, а тем самым и партийно-правового, неравенства членов партии. И партия тут же приступила к практической реализации этих принципов и методов. ”Наи-

более острый и болезненный вопрос — о "низах" и "верхах" — писала "Правда" 28 сентября 1920 года в передовой об итогах конференции и призвала к "работе в области сближения верхов и низов партии". А о серьезности и решительности действий ЦК в этом направлении выразительно говорит уже то, что на первом же после конференции заседании пленума он для Москвы утвердил специальную Кремлевскую контрольную комиссию. Вот как это мотивировано в "Отчете о работе ЦК РКП (б) за время с 15 сентября по 15 декабря 1920 года: "Так как неравенство в условиях жизни между членами партии особенно остро ощущалось в Москве, где сосредоточено наибольшее количество ответственных работников-коммунистов и где в то же время особенно тяжелы общие условия жизни, то вопрос о кремлевских привилегиях являлся и является наиболее острым. ЦК считает необходимым, чтобы беспристрастная и авторитетная комиссия обследовала положение дел Кремля, установила истинные размеры существующих привилегий, ввела их, поскольку невозможно было бы полное устранение, в те рамки, которые были бы понятны каждому партийному товарищу, и вместе с тем опровергала бы слухи и разговоры о кремлевских порядках, то, что не соответствует действительности" (58). Что же касается советской (да и партийной) бюрократии, из которой, в основном, составляются привилегированные верхи, и бюрократизма, который противопоставляет их низам, то примерно в это же время Зиновьев в докладе "Об улучшении советских органов и о борьбе с бюрократизмом", сделанном по поручению ЦК на 8-м Съезде Советов РСФСР, сказал: "Мы не оторвались еще от буржуазного бюрократизма, но в то же самое время мы натолкнулись на своего рода социалистический бюрократизм, и теперь мы страдаем от того, что имеем бюрократизм и старого и нового типа" (59).

Однако для того, чтобы "борьба с тем разложением, которое стало проникать в психику многих членов нашей партии (60) — борьба за моральную чистоту и за основанное на ней моральное единство партии могла стать ограниченной частью партийной жизни, нужно было, чтобы мнения и реше-

ния конференции стали партийным законом, то есть были приняты и санкционированы высшим органом партии — съездом. Это было сделано собравшимися через полгода после 9-й конференции — в первом году мирной жизни Советской республики и при переходе от военного коммунизма к нэпу — десятым съездом (март 1921 года). В резолюции этого съезда по вопросам партийного строительства читаем: ”II — Громадные материальные затраты на войну и, как их следствие, обеднение страны шли параллельно развитию необходимости поддержания особенно ударных ведомств и групп работников, в том числе и партийных. Неизбежным следствием — в значительной степени общественно-необходимым — был, таким образом, рост материального неравенства членов партии при росте общей нищеты”. И в специальном разделе этой резолюции, озаглавленном ”Общие меры по оздоровлению партии”, десятый съезд провозгласил: ”Съезд подтверждает решения Всероссийской партийной конференции 1920 г. и вменяет ЦК и контрольным комиссиям в обязанность решительную борьбу с злоупотреблениями со стороны членов партии своим положением и материальными преимуществами. Съезд целиком подтверждает курс на уравнивательность в области материального положения членов партии” (61).

Но X съезд сделал еще больше. По идее и настоянию Ленина, он назначил общую чистку партийных рядов — операцию, которая не только должна была в ходе широко и глубоко захватывающей, но кратковременной кампании избавить стоящую у власти коммунистическую партию от морально-некоммунистического балласта, но должна была послужить школой постоянной борьбы партии за свое моральное единство. Подчеркиваем: именно за *моральное* единство, ибо (как мы видели в предыдущем параграфе настоящей главы) вопросы идейного единства стояли по Ленину (и при Ленине) вне компетенции чистки (62). Напомним, что в обращении ЦК по поводу чистки было прямо сказано: ”Ни в коем случае не допустимы репрессии по отношению к инакомыслящим внутри партии” (63).

Актом назначения *такой* именно генеральной чистки

партии была, наконец, осуществлена мысль, которая занимала, чтобы не сказать преследовала, Ленина и его близких сотрудников по меньшей мере с конца зимы 1918-1919 года. Выше мы встретились с нею у Ленина в связи с его идеями о численности и составе партии. Теперь мы покажем, что потому Ленин в чистке партии видел необходимое и естественное средство для регулирования численности и социального состава партии, что только при ее помощи возможно добиться моральной чистоты и на ее основе, морального единства партии. В феврале 1919 года Ленин требует "на одно из первых мест" поставить "беспощадное *изгнание*" тех, кто "обманно пользуясь званием коммунистов, проводят на деле не коммунистическую, а бюрократическую, начальническую политику" ("Черновой набросок проекта программы РКП" — ПСС, т. 38, стр. 102). В марте требует "опять и опять, если эта нечисть пролезла, *чистить*, выгонять, надзирать и смотреть через рабочих коммунистов, через крестьян, которых знают не месяцы и не год" ("Ответ на записки" на заседании Петроградского совета. — ПСС, т. 38, стр. 15-16); называет "правильным" требование беспартийного профессора Дукельского "*очистить*" компартию от "бессовестных случайных попутчиков, от рвачей, авантюристов, прихвостней, бандитов" ("Ответ на открытое письмо специалиста". — ПСС, т. 38, стр. 222); заявляет о "твердой решимости" *очистить* деревню от "худших врагов рабочего народа, насильников, прилипших к власти ради корыстных целей и действующих обманом", называющих себя коммунистами ("Обращение к Красной Армии" — ПСС, т. 38, стр. 235). В марте же VIII партсъезд, как мы уже знаем, решает: "необходима серьезная *чистка* и в советских и в партийных организациях", и в соответствии с этим решением в мае-сентябре 1919 года проходит перерегистрация членов партии, по сути дела бывшая первым опытом организованной чистки партии; ее "целью (писала "Правда" 24 апреля) является *очищение* партии от некоммунистического элемента, главным образом, от лиц, примазавшихся к партии ввиду ее господствующего положения и использующих в своих личных интересах звание члена партии". Ленин внимательно следил за ходом перерегистра-

ции и неоднократно откликался на нее. Так, в июне Ленин пишет: "Все дело в том, чтобы правящая партия, опирающаяся на здоровый и сильный передовой класс, умела производить *чистку* своих рядов. В этом отношении мы начали работу давно. Надо продолжать ее неуклонно и неустанно... Надо продолжать чистку, используя почин "коммунистических субботников" ("Великий почин", — ПСС, т. 39, стр. 27). В сентябре, в предисловии Ленина к статье Зиновьева "О численном составе нашей партии", читаем: "Надо, чтобы все партийные товарищи обратили на нее внимание и чтобы повсюду, по примеру Петербурга, занялись одновременно и *строжайшей чисткой* нашей партии от "примазавшихся" и усиленным привлечением в партию всех лучших элементов массы рабочих и крестьян" (ПСС, т. 39, с. 195). В октябре Ленин пишет: "Мы не раз производили перерегистрацию членов партии, чтобы изгнать "примазавшихся", чтобы оставить в партии только сознательных и искренне преданных коммунизму. Мы пользовались и мобилизациями на фронт и субботниками, чтобы *очистить* партию от тех, кто хочет только "попользоваться" выгодами от положения членов правительственной партии, кто не хочет нести тягот самоотверженной работы на пользу коммунизма" ("Государство рабочих и партийная неделя". — ПСС, т. 39, стр. 224). В декабре, в политическом докладе на 8-ой Всероссийской партконференции, Ленин говорит по поводу перерегистрации: "мы не боимся приступить к *изъятию* тех, кто не вполне надежен" (ПСС, т. 39, стр. 361), а в докладе о субботниках на московской партконференции указывает "то значение, которое они имеют для *очистки* партии от примазавшихся к ней элементов" (ПСС, т. 40, стр. 38).

Такова, если угодно, предыстория генеральной чистки партии, назначенной X-м съездом. И так же, как в этой предыстории, так и в организации и осуществлении самой чистки инициатива и ведущая роль самым непосредственным образом принадлежала Ленину. Уже в своем проекте резолюции съезда о единстве партии Ленин к числу вопросов, "привлекавших особое внимание, например, группы так называемой "рабочей оппозиции" и по которым "какие бы то ни

было деловые предложения должны быть рассматриваемы с величайшим вниманием и испытываемы на практической работе”, отнес вопрос “об *очистке* партии”. (ПСС, т. 43, стр. 91-92). А когда 21 июня Политбюро приняло директивы о чистке партии, то в качестве таких директив были взяты “Предложения”, внесенные Лениным (впервые опубликованы в 1969 г. — см. ПСС, т. 43, стр. 361). И 25 июня эти предложения с небольшими изменениями вошли в постановление ЦК и ЦКК “О проверке, пересмотре и очистке партии” (64).

Мы уже знаем, что 27 июля 1921 г. в “Правде” было напечатано письмо ЦК партийным организациям “Об очистке партии”, и мы ссылались на него в связи с вопросом об идейном единстве партии. Теперь, при рассмотрении вопроса о моральном единстве, на нем следует остановиться подробнее.

“Мы производим не просто очередную перерегистрацию, а именно генеральную чистку”, — говорится в этом обращении ЦК. “Строго, систематически и обдуманно мы приложим все меры к тому, чтобы в наших рядах не осталось ни одного сомнительного тоже — “коммуниста””. Указав, что такие некоммунистические элементы в партии больше всего встречаются среди людей из кулацко-крестьянской, мещанской и полумещанской среды, потянувшихся в победившую и единственную правительственную партию, а также из буржуазной интеллигенции и полуинтеллигенции, и обратив особое внимание на выходцев из других партий, трудно выздоравливающих от мелкобуржуазного политического мышления, даже если они искренно стремятся к выздоровлению, — ЦК вместе с тем напоминает: “И среди бывших рабочих, которые вот уже несколько лет находятся не у станка, к сожалению, находится теперь довольно много таких, которых справедливо прозвали “закомиссарившимися”. Среди этих бывших рабочих, а ныне плохих “сановников”, находятся такие, которые успели потерять все хорошие черты пролетариев и приобрести все плохие черты бюрократов... Пролетарское происхождение отнюдь не гарантирует нас от того, что в лице иного такого закомиссарившегося “пролетария”

партия имеет очень вредный балласт"... "Дело очистки нашей партии есть самое ответственное дело, какое только нам приходилось выполнять за последнее время..." "Необходимо проверить каждого товарища, нисколько не останавливаясь перед тем, что данный товарищ занимает хотя бы самый высокий пост. Необходимо объявить борьбу карьеризму, бездушному формализму, пытающемуся угнездиться в наших собственных рядах. Надо добиться того, чтобы между членами партии были отношения близкие, тесные, чтобы наша партия состояла исключительно из подлинных коммунистов, для которых движущим мотивом является только благо партии и благо пролетарской революции".

И Ленин неотступно следит за тем, чтобы чистка не превратилась в формальность, чтобы эти ее задачи, поставленные ЦК и ЦКК перед парторганизациями, проводящими чистку, были действительно выполнены. Так, в сентябре 1921 года он пишет секретарю ЦК Молотову: "Со всех сторон слышу, что рекомендации по делу чистки партии дают направо, налево из любезности. Предлагаю опубликовать циркуляр (по соглашению и за подписью ЦКК и Комиссии проверки): "Рекомендации разрешается давать лишь тем, кто не меньше года лично наблюдал работу рекомендуемого, работая с ним вместе в той или иной парторганизации" (ПСС, т. 44, стр. 121). И тогда же Ленин выступает в "Правде" со специальной статьей "О чистке партии", в которой разгар чистки, когда она "развилась в работу серьезную и гигантски важную", напоминает о ее главном, по его мнению, политическом смысле и о главном методе ее проведения. Ленин пишет: "Есть места, где чистят партию, опираясь главным образом на опыт, на указания беспартийных рабочих, руководясь их указаниями, считаясь с представителями беспартийной пролетарской массы. Вот это — самое ценное, самое важное. Если бы нам действительно удалось *таким образом* очистить партию сверху донизу, "не взирая на лица", завоевание революции было бы в самом деле крупное. Ибо завоевания революции теперь не могут быть такими же как прежде..." Теперь, "при переходе с военного фронта на хозяйственный, переходе к новой экономической поли-

тике ..., главным завоеванием революции становится улучшение внутреннее ..., улучшение в смысле борьбы против разлагающих и пролетариат и партию влияний мелкобуржуазной и мелко-анархической стихии. Чтобы осуществить такое улучшение, надо чистить партию от элементов, отрывающихся от массы (не говоря уже, разумеется, об элементах, позорящих партию в глазах массы). Конечно, не всем указаниям массы мы подчиняемся, ибо масса тоже поддается иногда — особенно в годы исключительной усталости, переутомления чрезмерными тяготами и мучениями — поддается настроением несколько не передовым. Но в оценке людей, в отрицательном отношении к "примазавшимся", к "закомиссарившимся", к "обюрократившимся" указания беспартийной пролетарской массы, а во многих случаях и указания беспартийной крестьянской массы, в высшей степени ценны. Трудящаяся масса с величайшей чуткостью улавливает различие между честными и преданными коммунистами и такими, которые внушают отвращение человеку, в поте лица снискивающему себе хлеб, человеку, не имеющему никаких привилегий, никаких "путей к начальству". Чистить партию, считаясь с указаниями беспартийных трудящихся -- дело великое... Оно сделает партию гораздо более сильным авангардом класса, чем прежде, сделает ее авангардом, более крепко связанным с классом, более способным вести его к победе среди массы трудностей и опасностей." (ППС, т. 44, стр. 122-123). И через месяц, в октябре, Ленин высказывает свою "надежду, что тысяч 100 из нашей партии мы удалим", и добавляет: "Некоторые говорят, что тысяч 200, -- и эти последние мне больше нравятся. Я очень надеюсь, что мы выгоним из нашей партии от 100 до 200 тысяч коммунистов, которые примазались к партии и которые не только не умеют бороться с волокитой и взяткой, но мешают с ними бороться". (Доклад о новой экономической политике и задачах политпросветов на II Всероссийском съезде политпросветов. ППС, т. 44, стр. 171).

19 декабря 1921 г., к открытию II Всероссийской партконференции, которой предстояло подвести предварительные итоги чистки и сделать из них общеполитические и кон-

кретно-практические выводы, Ленин пишет об этом руководителям чистки Залуцкому и Сольцу и членам Политбюро: "Мне кажется, что опубликованные факты вполне доказывают гигантский успех чистки в целом, несмотря на довольно многочисленные индивидуальные ошибки..." И тут же делает вывод: "Я бы советовал установить решением партконференции более строгие условия для приема в члены партии", и этим начинает борьбу за увеличение кандидатского стажа, которая описана нами выше, в параграфе о численности и социальном составе партии (65). Для Ленина несомненно, что нельзя будет ограничиться *одной* чисткой, что такие чистки надо ввести в систему, но он считает, что "назначать срок поввторной чистки не следует, чтобы ни в каком отношении не связывать себе руки" (ПСС, т. 44, стр.283). Что же касается этой первой чистки, что в преддверии XI съезда, Ленин так расценил ее результаты и уроки: "После того, как мы начали чистку партии и сказали себе: "Шкурников, примазавшихся к партии, воров — долой", стало у нас лучше. Сотню тысяч, примерно, мы выкинули, и это прекрасно, но это только начало. На съезде партии мы этот вопрос обсудим как следует... Следующая чистка пойдет на коммунистов, *мнящих* себя администраторами" (66). (6 марта 1922 г. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов "О международном и внутреннем положении Советской республики", — ПСС, т. 45, стр.15-16).

Окончательные итоги этой ленинской генеральной чистки партии (67) подвел XI партсъезд (68) и выводы из них он изложил в пространной резолюции "Об укреплении и новых задачах партии". Не излагая здесь содержания всей резолюции, приведем лишь некоторые выдержки из нее, имеющие прямое отношение к теме настоящего параграфа — к вопросу о моральной чистоте и моральном единстве партии.

"С того времени, как партия стала правительственной партией" — гласит резолюция — "к ней с неизбежностью стали примазываться чуждые, карьеристские элементы, преимущественно из слоев городского мещанства, которые составляют теперь главную массу изгнанных, в результате всероссийской партийной чистки, элементов. Для того, чтобы обе-

запасить партию от проникновения в нее таких "примазавшихся", партии и впредь придется прибегать к подобным мерам очистки"... "Первая чистка партии, проведенная во всероссийском масштабе, в общем прошла удовлетворительно. Но партия должна ясно сознавать, что понадобится еще громадная работа для того, чтобы преодолеть опасности, угрожающие ей. Обстоятельства переходного периода несомненно таят в себе потенциальную возможность ухудшения социального состава партии и заражения ее мелкобуржуазными влияниями. Основной пролетарский кадр партии должен все время сознавать эту опасность и принимать против нее все меры, которые вытекают и совокупности условий"... "Материальное положение рядовых членов партии, а в особенности тех, которые активно ведут партработу, крайне тяжелое. В связи с новой экономической политикой оно становится безвыходным. Съезд поручает ЦК принять все меры, чтобы поставить в удовлетворительные условия существования эту основную группу работников, выносящих на своих плечах главные трудности работы"... "Признавая крайне необходимым решительно положить конец большой разнице в оплате различных групп коммунистов, съезд поручает ЦК в срочном порядке урегулировать вопрос о чрезмерно высоких зарплатах для членов партии, установив пределы, свыше которых остальная сумма заработка поступает на партвзаимопомощь"... "Партия должна ясно сознавать опасности, связанные с новой экономической политикой, она должна с величайшей энергией бороться против попыток использования новой экономической политики для насаждения буржуазных нравов в самой партии. Беспощадным образом должны преследоваться попытки личной наживы "коммунистов" — руководителей государственных или хозяйственных органов"... (69).

В этих выдержках из резолюции XI партсъезда мы узнаем мысли Ленина, прошедшие перед нами на предыдущих страницах настоящего параграфа. Дело идет (как Ленин говорил уже в 1919 году) о *"той стороне"* диктатуры пролетариата, которую злостно не хотят видеть враги и которую выше всего ценят действительные друзья освобождения труда

от ига капитала”, именно, об “особой силе *морального* (в лучшем смысле слова) влияния пролетариата (владеющего государственной властью) на массы” (“Итоги партийной недели в Москве и наши задачи”, октябрь 1919 г. — ПСС, т. 39, стр. 234; подчеркнуто Лениным). Дело идет о “моральном авторитете” членов партии, “авторитете, почерпающем свою силу... в морали революционного борца, в морали рядов и шеренг революционных масс” (“Речь памяти Я.М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 г. — ПСС, т. 38, стр. 77). Дело идет о том, чтобы предотвратить опасность утраты этого морального авторитета и морального влияния — предотвратить угрозу морального перерождения, идущую от омешивания ряда слоев партии (особенно тех, что потеряли связь с пролетарскими массами) (70), от насаждения буржуазных нравов в них (даже в самом тривиальном смысле — использования занимаемого ответственного поста для личной наживы) (71). И о том идет дело, что причиной причин такой утраты “партийной и пролетарской совести” (72) многими, и притом ответственными, коммунистами и растущего отсюда распада “внутренней солидарности, спаянности и единства” партии (73) является неравенство в оплате труда и в материальном положении членов партии.

XI партсъезд был последним съездом, в работах которого участвовал и которым руководил Ленин. Болезнь не позволила ему присутствовать не только на следующем, XII съезде (в марте 1923 г.) и на XIII конференции (в январе 1924 г. — месяце его смерти), но на XII партконференции (в августе 1922 г.). Ниже, в параграфе о Сталине, мы увидим, в каких формах и в какой мере ленинская линия в вопросах морального единства партии соблюдалась в это время, когда Ленин был еще жив, но руководство партией все больше сосредотачивалось в руках Сталина — все больше из ленинского руководства коммунистической партией превращалось в сталинское управление партией. Здесь же, в заключение параграфа о ленинском понимании проблемы морального единства коммунистической партии, как единственной правительственной партии в стране диктатуры

пролетариата и строительства социалистического общества, надлежит отметить и подчеркнуть следующее обстоятельство принципиального и решающего значения.

Требование ориентации на экономическое (материальное) и, на нем покоящееся, социальное (статусное) равенство членов такой партии это отнюдь не абстрактный, из головы (или, скажем, из сердца) идущий моральный принцип, искусственно, доктринерски навязываемый внутрипартийной жизни партии. Это — принцип общественного строя и общественных отношений социализма, основанный на социалистическом принципе оплаты труда всех, без изъятия, работающих людей *по количеству* труда, которое каждый из них дает обществу. В другом месте (74) мы подробно рассмотрели этот принцип, констатирующий социализм как первую фазу коммунизма, т.е. как социализм в смысле Маркса.Ленина, и его отличие как от капиталистического принципа оплаты рабочей силы по количеству и квалификации даваемого ею труда, так и от сталинского принципа оплаты труда по "количеству и качеству", уводящего общество в сторону от социализма. Мы там показали, что следствием и применением *этого* принципа является оплата так называемых ответственных работников государственного, профсоюзного, партийного и т.д. аппарата по заработной плате среднего рабочего — требование, которое Ленин выставлял для социалистической революции, для общества, строящего социализм, выставлял и до и после Октября, и до и после введения нэпа. И мы показали также, что Ленин не был утопистом — выставляя это требование и предлагая сразу взяться за его осуществление, он не имел в виду сразу же полностью осуществить его: в переходный период от капитализма к социализму и принципы оплаты труда не могут быть полностью социалистическими. С источником отступлений и компромиссов при осуществлении социалистической системы оплаты труда, унаследованным от капиталистических порядков, Ленину приходилось считаться. Но, во-первых, в стране строящегося социализма этот источник должен с ходом времени иссякать, и движение к социализму здесь в том и состоит, что отступлений и компромиссов,

им питаемых, становится все меньше. А, во вторых, положение коммунистической партии, развязавшей и возглавляющей движение человечества к социализму, делает для нее *объективно* необходимым и обязательным идти впереди движения, максимально отказываясь для *своих* членов от компромиссов и отступлений, в максимально возможной мере осуществляя в *своих* рядах социалистический принцип равной оплаты за количественно-равный труд.

Ибо в революционную эпоху, когда еще не сложились новые моральные традиции, их может и, следовательно, должен заменять личный пример. Именно в этом исторический *смысл* того, что, как мы видели, X партсъезд под непосредственным руководством (а возможно, и по инициативе) Ленина, "целиком подтвердил курс на уравнительность в области материального положения членов партии". И именно в этом исторический *урок* личного примера самого Ленина. В мае 1918 года, как Председатель Совнаркома, он объявил выговор своим чиновникам за "самочинное" и "беззаконное" повышение ему, Ленину, жалованья сверх 500 рублей "в прямое нарушение декрета Совета Народных Комиссаров от 23 ноября 1917 года" (75); а в феврале 1922 года, т.е. уже в начале нэпа, заполняя анкету для Всероссийской переписи членов РКП(б), Ленин в графе "последний месячный заработок" сообщает цифру 4 700 000 рублей, то есть сумму лишь на 37% превышающую среднюю зарплату фабрично-заводского рабочего, составлявшую тогда 3 421 000 рублей в месяц (ПСС, т. 44, стр. 511, 595) (76).

Нет сомнения, что в этой отчетливой и непреклонной позиции Ленина говорит и его личный душевный склад, которому органически претило пользование материальными благами, недоступными среднему работающему человеку. Но абсолютно ошибочно было бы все дело сводить к этому и от социальной проблемы решающего значения упрятаться в ни к чему не обязывающее, а то и сюсюкающее восклицание: "такой уж наш Ильич был человек!" (восхищение, обычно смешанное с неискренностью и покровительственным иронизированием над "наивностями" "чудака"... (Нет, не в том дело, что Ленин был такой человек, а в том, что он был ТА-

КОЙ коммунист — что у него было *такое* понимание (и ощущение!) социализма и членства в коммунистической партии, ведущей народ к социализму, — и это как в общественном, так и в личном плане — и в экономике и в морали...

Хочется параграф о моральном единстве коммунистической партии, стоящей у власти, закончить документом из ленинских годов нашей революции, в котором содержание и смысл партийной морали, как они понимались тогда, выступают особенно наглядно в одном частном (но по тогдашним понятиям немаловажном!) деле. Осенью 1921 года ЦК и ЦКК обращаются ко "всем губкомам, областкомам, фракции ВЦСПС, Президиуму ВЦИК" со следующим циркуляром: "В практике партийных организаций как в центре, так и на местах неоднократно наблюдалась выдача делегатам партийных и советских съездов и съездов профсоюзов предметов широкого потребления (обуви, одежды и т.п.), а также комплектов литературы, нередко обращаемой делегатами в свое единоличное пользование. Учитывая политическую сторону этого вопроса и считая нужным устранить всякий элемент материальной заинтересованности в работе делегатов, ЦК предлагает всем партийным организациям впредь воздерживаться от массовых выдач делегатам предметов широкого потребления и обязывать получаемую литературу сдавать тем организациям, откуда они делегированы" (77).

д) Ленин о коммунистической партии в однопартийной системе: Организационное единство партии

Мы видели, что, по Ленину, принцип идейного единства партии, состоящий в признании всеми членами партии ее программы, может быть осуществлен только при свободе партийной мысли и критики, при свободных внутрипартийных обсуждениях и при гарантированных правах партийного меньшинства в таких обсуждениях. Мы видели, далее, что согласно Ленину, принцип морального единства коммунистической партии, исходящий из признания и строящийся на признании материального и партийно-правового равенства в партии, может быть осуществлен только при систематичес-

ком, все более широком и полном внедрении фактического равенства в жизнь и нормы поведения (личного, бытового и внутрипартийного) всех членов партии и при внедрении желания такого равенства и стремления к нему — в самую психику коммуниста. Теперь мы покажем, что, по Ленину, принципом организационного единства партии является *единство действия* всей партии, которое может строиться только на обеспечении обязательного активного участия каждого члена партии в строительстве и в работе партии и *на одинаковой для всех членов* партии дисциплине в осуществлении такого участия.

Для коммунистической партии, стоящей у власти, организационное единство составляет средство, без которого невозможно соблюдать подлинное идейное и моральное единство. В этом именно смысл самой проблемы организационного единства, которое в глазах большевика не является самоцелью и тем более не является первой целью, целью, определяющей содержание идейного и морального единства, подчиняющей их себе. Весной 1920 года, делаясь с европейскими коммунистами уроками русской революции и опытом большевистской партии, Ленин подробно разъяснил им место и роль организационного единства в жизни партии пролетарской революции: "Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? чем она проверяется? чем она подкрепляется?" — ставил он вопрос. И отвечал: "Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью делу революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся... В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы собственным опытом убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращают-

ся в пустышку, в фразу, в кривлянье” (“Детская болезнь “левизны” в коммунизме”, — ПСС, т. 41, стр. 6-7).

Рассматривая выше вопросы идейного и морального единства партии, мы поэтому уже тем самым имели дело и с ее организационным единством. Говоря конкретнее: в предыдущих параграфах уже приведены почти все сколько-нибудь существенные выдержки из Ленина и партийных документов времени Ленина, относящиеся к принципиальным вопросам организационного единства партии, и здесь достаточно будет по ходу изложения ссылаться на них, лишь в отдельных случаях повторяя их текст или пополняя их.

Принципы организационного единства партии, ее “основные организационные начала” Ленин перечислил уже в июле 1905 года, когда партии предстояло возглавить ширящуюся революцию. (Предисловие к брошюре “Рабочие о партийном расколе”. — ПСС, т. 11, стр. 162-163) (78).

Но кажется, впервые Ленин формулировал принцип единства действий, как “новый еще в практике нашей партии принцип”, да и самый этот термин широко употреблял в мае 1906 года в “Докладе об объединительном съезде РСДРП”, составленном в виде письма к петербургским рабочим. Ленин писал тогда, задолго до Октября, в период строительства революционной партии: “В единой партии идейная борьба не должна раскалывать организаций, не должна нарушать единства действий пролетариата... Свобода обсуждений, единство действия, — вот чего мы должны добиться... За пределами единства действий — самое широкое и свободное обсуждение... Пока нет еще призыва к действию — самое широкое и свободное обсуждение и оценка резолюции, ее мотивов и ее отдельных положений” (ПСС, т. 13, стр. 64, 65). И тогда же Ленин выступил в легальной большевистской газете “Волна” со статьей, которую озаглавил: “Свобода критики и единство действий”. В ней он так определяет “соотношение между свободой критики внутри партии и единством действия партии”: “Критика, в пределах *основ* партийной программы, должна быть вполне свободна... и не только на партийных, но и на широких собраниях. Запрещать такую критику или такую “агитацию” (ибо критику

нельзя отделить от агитации) невозможно. Политическое действие партии должно быть едино. Никакие "призывы", разрушающие единство определенных действий, недопустимы ни на широких собраниях, ни на партийных собраниях, ни в партийной печати." И это определение Ленин противопоставляет тогдашнему ЦК, который "определил свободу критики неточно и слишком узко, а единство действия — неточно и слишком широко" (ПСС, т. 13, стр. 129). Напомним еще статью, написанную Лениным полгода спустя, из которой мы выше цитировали его определение "значения и понятия дисциплины в рабочей партии". "Единство действий, свобода обсуждений и критики — вот наше определение (писал Ленин, подчеркивая эти слова курсивом)... организованность есть единство действий, единство практического выступления. Но, разумеется, всякие действия и всяческие выступления ценны лишь потому и постольку, поскольку они... идейно сплавиваются... Безыдейная организованность — бессмыслица. Поэтому без свободы обсуждения и критики пролетариат не признает единство действий". (ПСС, т. 14, стр. 125-126).

Как же такой принцип единства действий, сопряженного с идейным единством, — принцип идейно-содержательной организованности — реализуется и претворяется в виде конкретных норм организационного единства партии? На этот вопрос Ленин дал ответ еще до того, как пришел к обобщенной формуле "единства действий"; он гласил: в виде норм "демократического централизма". Уже первая большевистская, под руководством Ленина проходившая, партийная конференция (в Таммерфорсе в декабре 1905 года) вставила этот ответ в свою резолюцию о "Реорганизации партии". Резолюция начинается фразой: "Признавая бесспорным принцип демократического централизма, конференция считает необходимым проведение широкого выборного начала с предоставлением выбранным центрам всей полноты власти в деле идейного и практического руководства, наряду с их сменяемостью, самой широкой гласностью и строгой подотчетностью их действий" (79). В марте 1906 г., в "Тактической платформе к объединительному съезду РСДРП" Ленина,

читаем (в разделе "Основы организации партии"): "Принцип демократического централизма в партии является в настоящее время общепризнанным" (ПСС, т. 12, стр. 237). И действительно, съезд (IV, Стокгольмский, апрель 1906 года) внес даже термин "демократический централизм" в устав партии, написав в его § 2: "Все организации партии строятся на началах демократического централизма" (80). А тут же после съезда, в "Обращении к партии делегатов объединительного съезда, принадлежавших к бывшей фракции "большевиков"", Ленин разъяснял: "Мы все сошлись на принципе демократического централизма, на обеспечении прав всякого меньшинства и всякой лояльной оппозиции, на автономии каждой партийной организации, на признании выборности, подотчетности и сменяемости всех должностных лиц партии. В соблюдении на деле этих принципов организации, в их искреннем и последовательном осуществлении мы видим гарантию от раскола, гарантию того, что идейная борьба в партии может и должна оказаться вполне совместной со строгим организационным единством, с подчинением всех решениям общего съезда" (ПСС, т. 12, стр. 399-400. См. также ПСС, т. 13, стр. 60). Формулировка, принятая IV съездом, была текстуально повторена V съездом (Лондон, апрель-май 1907 г.) в пункте 2-м "Организационного устава" и затем, после десятилетнего перерыва, уже на подступах к Октябрю, — в § 5 устава, введенного VI съездом (август 1917 г.) (81).

После победы революции и превращения коммунистической партии в единственную и несменяемую правительственную партию принцип сочетания единства действий с идейным единством, основанным на свободе критики и обсуждения, полностью остается в силе. Остается в силе также и реализация этого принципа через уставные нормы демократического централизма. В первом же послеоктябрьском партийном уставе (выработанном и принятом в 1919 году на VIII конференции по поручению VIII съезда) §10 гласит: "Руководящим принципом организационного строения партии является демократический централизм", а в §50 этого устава читаем, что, вместе с соблюдением "строжайшей партий-

ной дисциплины”, ”внутри партии обсуждение всех спорных вопросов партийной жизни вполне свободно до тех пор, пока решение не принято” (82). Как мы видели, при Ленине после революции строго соблюдались твердые, уставом определенные, сроки созыва партийных съездов и всероссийских конференций (ежегодно и те и другие!), а также местных конференций всех уровней, регулярно собирались пленумы ЦК, регулярно составлялись отчеты ЦК и его отделов и публиковались в доступном в сей партии журнале ”Известия ЦК”. И критика и обсуждения партийной политики и партийной жизни на партсобраниях всех уровней и в партийной печати не расценивались как нарушение партийной дисциплины, а были вполне свободны — в соответствии с требованиями демократического централизма, изложенными в уставе партии. Что же касается ”внутреннего распорядка работы ЦК”, то вот что Ленин рассказал о нем в докладе ЦК на XI съезде: ”Только коллегиальные решения ЦК, принятые в Оргбюро или в Политбюро, или на пленуме ЦК партии, исключительно только такие вопросы проводились в жизнь секретарем ЦК партии. Иначе работа ЦК не может идти правильно”. (29 марта 1920 г. — ПСС, т. 40, стр. 238) (83).

Но конечно, в своем новом положении единственной и несменяемой правящей партии большевистская партия при проведении принципов демократического централизма оказалась поставленной в совершенно новые политические условия и перед лицом совершенно новых партийных проблем. Даже для выполнения традиционной, унаследованной от времен подполья и обязательной для коммунистической партии при всех обстоятельствах, организационной системы, обеспечивающей единство действий на основе идейного единства, требовались новые толкования, перестройки, ограждения. Угроза соблюдению порядков демократического централизма в партии, опасность их нарушений и искажений, сводящих на нет самое существо и смысл демократического централизма, шли именно от положения, которое партия через своих членов занимала (и должна была занимать!) в аппаратах государственного и общественного управления. Докладывая на XI партконференции (декабрь 1921 г.) предва-

рительные итоги чистки, Залуцкий сообщил: "Мы больше вошли в государственный аппарат, чем в массы" (84). И в "Отчете за год работы ЦК РКП (март 1921 — март 1922 г.)" читаем: "Достаточно уже выяснившееся вращание партийной организации в советский аппарат и поглощение партийной работы советскою" (85). А в советский аппарат, в его административные, хозяйственные и прочие звенья, все больше проникала болезнь бюрократизма и бюрократического перерождения, носителями которой все больше становились члены коммунистической партии, поставленные партией на ответственные посты разных уровней. Все большее число таких руководящих коммунистов утрачивало контакт с массой — партийной и беспартийной — и чувство ответственности перед нею и, возвысившись над нею, противостояло ей своим чиновным статусом и материальными привилегиями — противостояло и становилось чуждым ей *внутри партии*. И это обстоятельство уже очень скоро после того, как партия взяла власть и осталась единственной правящей партией страны, принципиально изменило проблему организационного единства партии по сравнению с содержанием и значением этой проблемы в дореволюционный, нелегальный период ее истории. Коротко это радикальное изменение можно формулировать так: для того, чтобы организационное единство партии было возможно и имело смысл, теперь недостаточно, чтобы оно основывалось на идейном единстве и гарантировало идейное единство, но необходимо, чтобы оно, в дополнение к этому, основывалось также на моральном единстве партии и гарантировало бы это единство.

Этим мы, конечно, не хотим сказать, что до того как она взяла власть в период борьбы за свержение капитализма, партия революционного пролетариата вольна не предъявлять высокие моральные требования к своим членам. Ведь и преданность революции, и самопожертвование, и революционный героизм, и слитность с широкими массами трудящихся, и умение завоевать доверие этих широких масс — то, о чем Ленин говорил европейским коммунистам весной 1920 года, — все это моральные качества. Но в обстановке борьбы в капиталистическом обществе (и тем более в условиях под-

поля) отбор на эти качества производит сама борьба — борьба за идеи пролетарской революции; проблема моральной чистоты партии не составляет здесь самостоятельной проблемы, неотделима и неотличима от проблемы идейной чистоты, покрывается этой последнею, растворяется в ней — разрешается заодно с нею и в ней. Другое дело, когда коммунистическая партия стоит у власти и в качестве единственной и несменяемой партии ведет народ к социализму. Тут признание идей партии человеком, который примкнул к ней и числится ее членом, может быть не внутренней убежденностью, а расчетом, и он будет держаться за это членство не от идейности, а из корысти и ради карьеры. Что же касается "преданности революции", "самопожертвования", "революционного героизма" и других моральных качеств, обязательных для коммуниста, то у такого члена партии они будут неискренними, напускными — в лучшем случае поверхностными и конъюнктурными, в худшем случае — бесчестной маскировкой. И тогда решающей проверкой коммунистичности члена коммунистической партии, стоящей у власти, остается тот безошибочный критерий морального отбора, который Ленин, как мы видели, называл "слитностью с самой широкой массой трудящихся", — и, конечно, прежде всего слитность с рядовой массой товарищей по партии. А это означает: ощущает ли себя член партии в этой массе *равным* со всеми партийными товарищами и со всяким из них и придерживается ли он на деле *внутрипартийного равенства* — в устройстве своего материального положения и в своем партийном поведении, а, отсюда, в своем жизненном укладе и в человеческих отношениях.

Вот почему, повторяем, Ленин учил, что для коммунистической партии, стоящей у власти в стране с однопартийной системой, подлинное единство действий и, следовательно, организационное единство должно основываться на двух факторах — идейном единстве партии и ее моральном единстве, факторах, которые внутренне связаны, но на поверхности общественной жизни выступают по-разному и, обычно, самостоятельно один от другого. Но это означает, что и построение организационного единства методами демократи-

ческого централизма должно принять новую форму — такую, при которой учитывается самостоятельное значение морального единства партийных рядов, для чего требуется признание материального и партийно-правового равенства членов партии и постоянная политическая борьба за внедрение этого принципа в жизнь и общественное мнение партии, борьба за политическую и житейскую психологию и практику равенства в партии. Не сразу была найдена эта новая форма демократического централизма. Как всегда бывает, должна быть обнаружена, признана и диагностирована болезнь и должны быть испробованы паллиативы и борьба с симптомами, прежде чем мог быть предложен путь лечения самой болезни. Впервые же эта болезнь проявилась в бюрократизме.

О том, что централизация, обязательная для революционной эпохи, таит в себе угрозу (особенно в исторических условиях послеоктябрьской России) вырождения демократического централизма в бюрократический, Ленин писал уже в марте 1918 года, и даже употреблял тогда выражение *“бюрократический централизм”*, очень скоро вошедшее, как термин, в тогдашний партийный словарь (Первоначальный вариант статьи “Очередные задачи Советской Власти”. — ПСС, т. 36, стр. 151, 152). Но в то время дело шло о внедрении принципов демократического централизма также и в административный и хозяйственный строй страны, и говоря об этом спустя полгода после Октября, Ленин мог иметь в виду только государственный аппарат. Но проходит еще год, и о проникновении бюрократизма внутрь большевистской партии, о фактах и достаточно широком явлении бюрократического централизма в ее внутрипартийных отношениях, пришлось заговорить на партсъезде (восьмом, в марте 1919 года). Мы показали это в предыдущем параграфе и здесь достаточно будет добавить, что уже в то время отмечалось, что бюрократизмом органически связаны случаи морального разложения (карьеризма, самоснабжения, взяточничества, казнокрадства, вымогательства, самодурства и т.д.) среди членов партии, разросшейся после ее прихода к власти, — но отмечалось односторонне. На восьмом партсъезде это, все

обильнее возникавшее и тревогу вселявшее, моральное разложение приписывалось, главным образом, бюрократизму, рассматривалось как продукт и проявление бюрократизма. Видели, как моральное разложение всходит на дрожжах бюрократизма и питается им. Но должно было пройти какое-то время, прежде чем отдали себе отчет в том, что сам бюрократизм питается моральным разложением в рядах партии и растет из него, прежде чем увидели, что проблема распада морального единства партии шире, нежели вопрос о бюрократизации внутрипартийного централизма, что последний является лишь частью проблемы, корни которой глубже и сфера обширнее. Словом, все неотразимее выяснялось, что решение задачи восстановления и оберегания моральной чистоты и морального единства партии невозможно добиться *одними лишь* средствами организационной борьбы с бюрократическими извращениями демократического централизма. Такие средства, как соблюдение выборного начала, гласность и подотчетность деятельности вышестоящих партийных органов, их подконтрольность и сменяемость, свобода критики и т.д., из которых с первых шагов большевистской партии складывался ее демократический централизм, были не просто недостаточны — они были даже неосуществимы, превращались в формальные декларации и пожелания в условиях нараставшего морального заболевания партии.

На протяжении 1920 года, уже на девятом партсъезде, но особенно во время летне-осеннего кризиса в многочисленных парторганизациях (см. предыдущий параграф), формула борьбы против бюрократизации внутрипартийного централизма постепенно сменилась более общей формулой — борьбы *против отрыва значительной части руководящих верхов партии от масс* — включающей в себя первую формулу, но далеко не сводящуюся к ней. Так были, наконец, вскрыты и на 9-ой Всероссийской партконференции (сентябрь 1920 г.) официально признаны и названы действительные корни моральной болезни партии — раздвоение партии на "верхи" и "низы" (86). Выше показано, что существо этого раздвоения было тогда же охарактеризовано как исчезновение равенства и растущее неравенство членов партии — по

материальным условиям жизни и по положению внутри партии. И как там же показано, работа по "оздоровлению партии" (выражение, принятое тогда в официальных документах и в агитационной литературе РКП(б)), которая была объявлена решающей для судеб партии и революции и поставлена во главу угла партийных задач, была направлена в первую голову на то, чтобы "выработать вполне точные практические правила о мерах к устранению такого неравенства (в условиях жизни, в размере заработка и пр.) между "спецами" и ответственными работниками, с одной стороны, и массой, с другой стороны" (87). А собравшийся через полгода десятый съезд партии одобрил эти решения конференции как "меры по оздоровлению партии" и добавил фразу уже программного звучания: "Съезд целиком подтверждает курс на уравнительность в области материального положения членов партии".

Так, естественным образом, по-новому встала проблема организационного единства, долженствующего обеспечить единство действий коммунистической партии, стоящей у власти. В формуле "демократический централизм", конечно, и часть, относящаяся к централизму, затрагивалась задачей борьбы с моральным раздвоением, но сама по себе и в принципе эта часть не нуждалась в обновлении. Другое дело часть, относящаяся к демократизму. Здесь выявившаяся тенденция к усилению неравенства внутри партии, носящая в себе опасность разложения партии, требовала радикально перешифровать и заново формулировать принцип организованного единства партии — привести его в соответствие с курсом на уравнительность в положении членов партии. И никто иной как Ленин дал решающее направление поискам такого нового толкования и определения демократического централизма. В проект резолюции 9-ой конференции об очередных задачах партийного строительства он вставил принципиальное и теоретически сформулированное положение: "*неравенство (между ответственными работниками и массой) нарушает демократизм*" (ПСС, т. 41, стр. 293 — Подчеркнуто нами — Автор).

Поиски длились полгода и завершились на десятом парт-

съезде (март 1921 г.) заменой "старой организационной формы" "новой" — "формой рабочей демократии" (88), которая должна была "решить основную задачу" — "вновь собрать партию", "сблизить верхи и низы" и т.д., — без чего "не может быть выполнена гигантская строительно-хозяйственная роль пролетарского авангарда". Так гласит резолюция съезда по вопросам партийного строительства, в которой далее читаем: "Под рабочей внутрипартийной демократией разумеется такая организационная форма при проведении партийной коммунистической политики, которая обеспечивает всем членам партии, вплоть до наиболее отсталых, активное участие в жизни партии, в обсуждении всех вопросов, выдвигаемых перед ней, в решении этих вопросов, а равно и активное участие в партийном строительстве". ... "Курс на рабочую демократию должен быть взят с такой же решительностью и так же энергично проводиться в жизнь, как в прошлый период проводился курс на милитаризацию партии поскольку это не встречает препятствия в потребностях непосредственной борьбы с силами контрреволюции" (89).

Мы видим, что когда подошел к концу военный период революции, требовавший милитарной организации коммунистической партии, и пролетарский авангард, стоящий у власти, должен был возглавить работу по строительству первой фазы коммунизма, большевики, следуя Ленину, ввели иное понимание организационного единства своей партии. Эта новая форма демократического централизма, названная рабочей внутрипартийной демократией, призвана была организационно оформить и обеспечить сочетание свободы критики и прав меньшинства, как принципа идейного единства партии, с курсом на равенство всех членов партии по положению в партии и по материальным условиям жизни, как с принципом морального единства партии. Что касается свободы критики и прав меньшинства, то новизна состояла в восстановлении исконных традиций большевизма, по необходимости прервавшихся в годы гражданской войны, и для возврата к соблюдению этого принципа идейного единства достаточно было теперь постановления о запрещении репрессий в отношении инакомыслящих. Но борьба за

моральное единство, основанное на равенстве членов партии, было новым делом для большевистской партии, делом, о котором раньше ей не приходилось заботиться. И оно даже потребовало достройки (а по сути, как это вскоре выяснилось, перестройки!) организационной структуры партии — создания нового партийного органа (*нового типа* партийного органа!), Контрольной комиссии, со специальной функцией: охраны моральной чистоты и морального единства партии (90).

Может быть, нелишне будет отметить, что идея такого дополнения строения партии родилась во время работы над докладом об оздоровлении партии, который ЦК поручил сделать на 9-ой партконференции Зиновьеву. Зиновьеву, по-видимому, и принадлежит предложение "создать в партии особый орган, который можно назвать Контрольной комиссией или судом коммунистической чести". Предложение это было включено Зиновьевым в доклад еще до того, как оно официально обсуждалось в ЦК (91), и было тут же, на конференции, поддержано Лениным, который уделил ему особое место в своем выступлении, отметив при этом, что перед открытием конференции большинство (предварительной комиссии ЦК — Автор) отклонило это предложение, и внес его в свой проект резолюции конференции (ПСС, т.41, стр.289).

В июне 1921 г., во время подготовки III-го Конгресса Коминтерна, Ленин горячо одобрил статью Куусинена по организационному вопросу и "безусловно" рекомендовал ее в качестве доклада на Конгрессе (ПСС, т. 44, стр.13, и т. 52, стр. 272-273). В этой статье читаем: "Мы выражали обыкновенно основной характер нашей партийной организации формулой: демократический централизм. Идея очень правильная, но выражение ее недостаточно ясно и точно. Прежде всего, эта формула допускает слишком широкое толкование. Даже самый отвратительный бюрократизм (напр., в Американской Федерации Труда или даже в бонапартизме) характеризовался, как демократический централизм. Во-вторых, эта формула не выражает основного момента коммунистической организации: единая, органическая, — а не формальная, — связь между демократизмом и централизмом" (92). Ра-

бочая внутрипартийная демократия это и есть формула, ясно и точно определяющая единую, органическую, а не формальную, связь между демократизмом и централизмом для коммунистической партии, которой приходится одной управлять страной диктатуры пролетариата и вести ее народ к социализму. Ибо только рабочая внутрипартийная демократия, введенная Лениным для эпохи мирного строительства социализма, может в этих условиях обеспечить подлинную сплоченность такой партии как в плане идейном, так и в плане моральном. И весной 1922 года последний партсъезд которым руководил Ленин — одиннадцатый, — подтвердил линию на "проведение принципов рабочей демократии... , подлинной партийной демократии" и объявил, что "важной задачей местных партийных комитетов является на практике, в повседневной деятельности, суметь провести борьбу с злоупотреблениями и извращениями демократии внутри партии" для "достижения подлинной внутрипартийной спаянности, солидарности и единства" (93). А резюмируя свой доклад об укреплении партии, который он делал на XI съезде от имени ЦК, Зиновьев, поясняя дело, сказал: "Мы должны принять все меры, чтобы постепенно провести ту рабочую демократию в нашей партии, которую мы наметили года два тому назад, но которую не провели еще до сих пор, которую надо провести, и надо провести не на словах, а на деле. Задача настоящего съезда состоит не только в том, чтобы по этому поводу написать новую резолюцию, сколько в том, чтобы разобраться в переплете обстоятельств. Да, опасности, которые подкарауливают нас, существуют; кто пытается их скрыть, тот жалкий трус. Мы никогда не скрываем опасностей и трудностей, никогда не набрасываем вуаль на происходящее, в этом сила нашей партии... Хитросплетение истории таково, что опасность перерождения социальной клеточки есть, об этом мы говорили в 1919 и 1921 гг." (94). Введение режима рабочей демократии внутри партии и должно было, по представлениям Ленина и его учеников, служить организационным противоядием против этой грозной опасности идейного и морального перерождения коммунистической партии, на которую история возложила задачу одной и не-

сменяемо стоять во главе страны диктатуры пролетариата и строительства социалистического общества.

**е) Сталин в годы Ленина: До генерального секретарства.
Неопубликованный замысел.**

В предыдущих четырех параграфах настоящей главы рассмотрено, как Ленин понимал и решал кардинальные вопросы строительства, внутренней жизни и организации работы пролетарской партии в условиях, когда, волей истории, она одна, в единственном числе, стоит у власти в стране диктатуры пролетариата и ведет народ к социализму, — вопросы состава и единства правящей коммунистической партии. Мы могли убедиться, что эти вопросы были предметом каждодневных забот Ленина и что он не устал привлекать к ним внимание партии в целом и партийного руководства в особенности. В их правильном решении Ленин видел главное, решающее условие и средство сохранения пролетарского характера начавшейся в Октябре революции — сохранения и успешного развития движения к социализму. Теперь нам предстоит выяснить взгляды Сталина на партию и ознакомиться с его участием во внутрипартийных делах в годы Ленина, чтобы сопоставить с Лениным Сталина того времени как непосредственно партийного деятеля.

Читатель не мог не заметить, что эти взгляды и это участие Сталина не упоминается в нашем достаточно подробном изложении истории вопроса о численности и социальном составе и вопроса о единстве партии. Это не случайность и не упущение. По этим вопросам, волновавшим партию и определявшим ее судьбы, за все годы Ленина не было ни одного выступления Сталина. Да и вообще, если не считать нескольких единичных и специальных поручений ЦК, вопросам партийной жизни, партийного строительства и партийной работы Сталин, до вступления в должность генсека в апреле 1922 года, не уделял внимания ни в своих публичных выступлениях, ни в своей официальной деятельности.

Самым значительным, да, собственно, единственно значительным из них было поручение руководить IV Украин-

ской партийной конференцией в марте 1920 года — открыть конференцию, сделать центральный доклад ("Об экономической политике"), уладить до предела обострившиеся внутренние взаимоотношения и закрыть конференцию. То было, конечно, серьезное поручение, требовавшее не командования и начальственного окрика, а искусства аргументировать, такта и гибкости. Партийные организации Украины, насчитывавшие 40.000 членов, были в стадии незавершенной большевизации, и действовали они в сложнейшей обстановке только-только начавшей затихать гражданской войны, политической сумятицы мелкобуржуазной стихии, отравленной национализмом, и распыленности главных масс рабочего класса. Коротко говоря, Сталин не справился с возложенной на него миссией. Оказавшись перед разношерстным и разноголосым накаленным политическим собранием, Сталин растерялся. Его бледные, казенные, беспомощные выступления не могли ни убедить, ни вдохновить, ни дисциплинировать, ни объединить. Закрыл он конференцию стандартной фразой: "Позвольте поздравить вас с плодотворной работой конференции". Это сказано о конференции, оказавшейся не в состоянии даже выбрать свой, Украинский ЦК, так что ЦК РКП пришлось создать Временный ЦК Компартии Украины, обратиться с разъяснительным открытым письмом ко всем украинским парторганизациям и объявить перерегистрацию коммунистов Украины (95). Что же касается работы Сталина непосредственно в аппарате ЦК, то все, что о ней можно за эти годы почерпнуть из журнала "Известия ЦК" и из "Биографической хроники", приложенной к "Сочинениям" Сталина, это — что 22 августа 1921 года на него было возложено общее руководство Агитпропом ЦК и что 18 ноября он был "утвержден Центральным Комитетом партии одним из редакторов журнала ЦК РКП (б) "Вестник агитации и пропаганды" (96).

Выполняя свои обязанности по Наркомнацу, по Госкону и РКИ, по военным полномочиям, по специальным советским поручениям ЦК, Сталин пользовался, конечно, партийным аппаратом, партийной общественностью и партийными средствами агитации как необходимым и эффективным в

советских условиях инструментом, но только как инструментом, создаваемым и существующим независимо от него, без его стараний и участия. Этот готовый партийный инструмент интересовал Сталина лишь в отношении и в меру пригодности для содействия выполнению его, Сталина, текущих государственных функций. Но сама жизнь партии, партии как человеческого коллектива — огромного и разноликого, и вместе с тем такими редкими каплями вкрапленного в бурлящее народное море революции, — трудные и противоречивые перипетии и сложные вопросы жизни и развития этого, никогда еще не бывалого, коллектива — в его внутренних отношениях и в его отношениях с этим морем народным, из которого он вышел, родимые пятна которого он несет на себе и которое он взялся ввести в новые, социалистические берега, — вся эта, повторяем, живая жизнь партии, всегда и постоянно стоявшая перед глазами и пребывавшая в мыслях Ленина, была далека от мыслей и чувств Сталина. Вплоть до мая 1922 года именно таковы речи, статьи, письма Сталина, адресованные партийным инстанциям и партийным организациям или соприкасающиеся с работой этих организаций и инстанций и собранные в четвертом и пятом томах его "Сочинений" (97). А потом, на страницах этих "Сочинений", относящихся к следующему году, тема партии вовсе не появляется — до марта 1923 года, когда в "Правде" была напечатана статья Сталина "К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов", предвещающая его выступления на XII партсъезде в апреле 1923 года.

Но уже *после Отечественной войны* в пятом томе "Сочинений" Сталина напечатан *впервые* обширный документ, озаглавленный "О политической стратегии и тактике русских коммунистов. Набросок плана брошюры" и подписанный *июлем 1921 года*. В этом "наброске" имеются 1 1/2 страницы, из которых мы узнаем, как в годы Ленина, когда Сталин в своих публичных высказываниях обходил эту тему, он *в действительности* думал о коммунистической партии и какою он ее хотел видеть. Четверть века эти страницы держались под спудом (98) и были обнародованы лишь тогда, когда ленинские традиции были выветрены из памяти партии,

а каждое слово Сталина встречалось как откровение, которое не то что оспаривать, но в котором и сомневаться было уголовно-наказуемым преступлением, то есть когда партия прочно стала сталинской и, как такая, охранялась органами государства.

”Набросок” Сталина писался, повторяем, вскоре после X партсъезда, утвердившего решение 9-ой конференции об оздоровлении партии путем борьбы с отрывом ”верхов” от ”низов”, подтвердившего курс на внутрипартийное равенство и узаконившего создание Контрольных комиссий, гарантировавшего свободу критики в партии и запретившего партийные репрессии за инакомыслие, придавшего демократическому централизму форму внутрипартийной рабочей демократии. Образ коммунистической партии, преподанный в сталинском ”Наброске”, мало того что игнорирует решения только что прошедшего партсъезда, принятые под руководством и при участии Ленина, и стоит вне партийных забот, партийного способа мышления и всего ленинского духа партийности, отразившихся в съездовских решениях, — он представляет собой прямое отрицание смысла, цели, тенденции, а то и текста этих решений. В тогдашних условиях Сталин и помышлять не мог об опубликовании своего ”Наброска”; он писал его для себя, — так сказать, впрок. И действительно, как мы сейчас увидим, и в части строя отношений внутри партии и в части отношений партии с рабочим классом, ею руководимым, ”Набросок” перекликается с будущей сталинской партией и как бы несет ее в зародыше. Рассмотрим те полторы страницы ”Наброска”, припрятанные Сталиным, в которых это нашло наиболее определенное выражение (99).

1. — ”Партийные кадры — основа партийности” — таков стержневой тезис рассуждений Сталина о самой партии. В соответствии с этим Сталин толкует историю партии так, что образованию партии-де предшествовало ”сформирование партийных кадров как основы будущей рабочей партии”, а само образование партии представляло из себя ”развертывание кадров в рабочую партию и пополнение ее новыми партийными мобилизованными работниками в ходе пролетар-

ского движения". Далее, существо борьбы с меньшевиками изображается здесь как "борьба большевиков за сохранение партийных кадров как основы партийности". И наконец, исторический приоритет кадров по отношению к партии (сначала организация, состоящая из кадров, а потом — партийная организация) реализуется в политический приоритет партийных кадров над партийной массой — через "значение старой гвардии" внутри партии (100). Так уже в 1921 году, при Ленине, перед умственным взором Сталина маячила (и нельзя сказать, чтобы очень уж туманно) та партия, разделенная на управляющих и управляемых, создать которую ему удалось лишь после Ленина.

2. — Что же касается отношения между компартией и рабочим классом, то в "Наброске" оно представлено так: "Партия — это командный состав и штаб пролетариата". Так уже при Ленине, в 1921 году (NB: *после* окончания военного периода гражданской войны!) в мечтах Сталина руководящая роль партии рисовалась в таком виде, что диктатура партии (а в ней, как мы видели, диктатура "кадров") используется как командование пролетариатом — государственный строй, в который он после Ленина превратил исторически сложившуюся в пооктябрьской России однопартийную политическую систему.

3. — Свое понимание существа коммунистической партии Сталин в "Наброске" 1921 года резюмировал на редкость выразительной фразой: "Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность". Что же такое этот орден меченосцев, в котором Сталин видел прообраз коммунистической партии и эталон для нее (он даже подчеркнул эти два слова — "орден меченосцев")? Это был церковно-рыцарский орден, созданный в средние века при содействии папы римского для крестовых походов в Прибалтику. "Братья христова воинства" (таково было официальное название ордена) насильственно насаждали католичество, с чудовишной жестокостью, беспощадностью и бесстыдством грабя и истребляя коренное население — по принципу "цель оправдывает средства". К концу сво-

его существования (в 16-м веке) орден меченосцев создал строго-иерархическую организацию власти над покоренной страной: первый ранг составляли пять епископов во главе с архиепископом; второй ранг — магистр ордена с помощниками из рыцарской аристократии; третий ранг — вассальное дворянство; четвертый ранг — представители городов. Основная же народная масса — крестьянство, — находилась уже в крепостном порабощении и не допускалась к участию во власти.

Чем же эта, как Маркс называл ее, ”крестовая сволочь” настолько приворожила Сталина, что он увидел в ней образец для коммунистической партии, а в принципах построения и деятельности коммунистической партии ”своего рода” вариант построения и деятельности ордена меченосцев? Уже набросок 1921 года отвечает на такой естественно возникающий вопрос, но, конечно, полный ответ дала позднее теория и практика зрелого, то-есть после-ленинского сталинизма. Деление на управляющие кадры и управляемые массы. Закрепленная иерархия самих кадров и до поры до времени авторитет и роль старых деятелей в этой иерархии. Увенчание иерархии группкой из нескольких ”духовных” лидеров во главе с единственным отцом и вождем. Принцип командования и беспрекословного военно-идеологического подчинения — подчинения, основанного не на знании, самостоятельном мышлении и критике, а на слепом и нерассуждающем единомыслии и послушании, на вере — вере в догматы и каноны и в непогрешимость отцов, которые эти догматы и каноны составляют и преподносят массам. Наконец, фарисейская неразборчивость в средствах, вплоть до самых аморальных и античеловечных, коими ”направляются органы” власти и ”одухотворяется их деятельность”...

Таково было летом 1921 года мысленное, и притом, тайное оформление сталинского понимания существа и строения коммунистической партии, правящей в условиях однопартийной политической системы, — понимания, противостоящего ленинскому. Лишь в следующем, 1922 году, после того, как в апреле Сталин был поставлен на пост генерального секретаря ЦК (101), он получил возможность

попытаться реализовать свою мысленную схему, а именно, не прокламируя ее, но действуя в соответствии с нею, попытаться, если не сразу перестроить партию и партийную жизнь, то по крайней мере приблизить их к своей схеме.

**ж) Сталин в годы Ленина: Генеральный секретарь 1922 года.
Косвенные свидетельства.**

Мы не располагаем материалами, которые позволили бы проследить и шаг за шагом документированно изложить партийную деятельность Сталина как генсека в 1922 году — последнем году, когда Ленин, пусть с большими перерывами, непосредственно руководил партией и страной, а в эти перерывы имел возможность быть в курсе политической жизни и через беседы с членами Политбюро и другими руководящими деятелями партии и правительства оказывать влияние на нее (102). Партийная деятельность Сталина в это время сосредоточилась на упорядочении аппарата и работы ЦК и на руководстве губкомами. Когда-нибудь (увы, полвека оказалось для этого недостаточным сроком!) исследователям откроются архивы ЦК и местных парторганизаций и они смогут документально *показать*, в чем конкретно состояло это "упорядочение" и это "руководство" при помощи бюрократических реорганизаций парторганов и перетасовок партработников. Сегодня же нам остается удовлетвориться *косвенными* свидетельствами об этих зачатках "кадровой политики" сталинизма, проводимой с позиции власти генсека — "необъятной власти", как выразился о ней Ленин. Но отказаться от косвенных свидетельств здесь нельзя, потому что именно эти зачатки дают пока что, если не единственный, то главный материал для раскрытия подспудного (и по сей день, к сожалению, сколько-нибудь полностью не опознанного) переноса не только идейного формирования сталинизма при Ленине, но и организационного подготавливания первых побед сталинизма над ленинизмом в коммунистическом движении, можно привести три таких косвенных свидетельства о непосредственно-партийной деятельности Сталина в первый год его генерального секретарства.

Первым косвенным свидетельством являются результаты этой деятельности, постепенно и осторожно, но чем дальше, тем все больше ориентированной на подбор состава, а там и на организацию работы очередного, XII, партсъезда в духе уже известного нам сталинского представления о компартии в однопартийной политической системе (103). Кое о чем уже говорилось в главах о национальном вопросе и об РКИ. Вспомним, что уже ко времени XII партсъезда 30% всех секретарей губкомов были лицами, "рекомендованными" аппаратом ЦК, и что 55% делегатов съезда были работниками партаппарата, а если учесть работавших в партаппарате по совместительству, то 84%. Вспомним также, что на съезде Сталину удалось манипуляции со статьей Ленина об РКИ, с повесткой дня съезда, с составом ЦКК, при помощи которых было извращено и похоронено предложение Ленина съезду. И еще вспомним, что ему удалась комбинация с сен-орен-конвентом, посредством которой записка по национальному вопросу, адресованная Лениным съезду, была снята с обсуждения съездом. Но как Сталину, пользуясь своим положением генсека, удалось все это проделать? Возможность составить себе представление об этом дает ежемесячный журнал "Известия ЦК РКП(б)" за вторую половину 1922 и начало 1923 годов (104). В нем почти нет имен, нет и деталей и, конечно, не говорится о методах, но зато общая картина и смысл массовой и спешной операции выступают в сводном виде и с неоспоримой очевидностью. Из номера в номер перед нами проходит интенсивнейшая, на всю страну распространяющаяся работа по перетряхиванию и очищению руководящего состава местных парторганизаций — губкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий, Облбюро ЦК. Операция проводится под маской выполнения указаний XI партсъезда о замене секретарей, не имеющих требующегося партстажа, об улажении склок, о плановом перемещении работников из центра для усиления провинций и т.д. И для проведения операции разработана целая система благонамеренных и благозвучных мер: тут и объезд губерний и т.д. членами и кандидатами ЦК, ответственными инструкторами ЦК, уполномоченными ЦК, специальными комиссиями ЦК; и вызов в ЦК

секретарей губкомов и т.д. (105); и присутствие представителей ЦК на партконференциях — особенно, при выборах губкомов и делегатов на всероссийскую конференцию и на съезд (106). Но сегодняшнему читателю цель этой первой широкой, буквально общепартийной, операции генсека Сталина ясна: идейная унификация и организационное сковывание руководящего состава партии на пути к XII съезду, изгнание из его среды самостоятельности в партийном мышлении (и уж, конечно, всякого партийного инакомыслия!), то есть, под предлогом организационной дисциплины, приучение партийных руководителей к мышлению директивами, идущими из ЦК, к политическому послушанию (107). Конечно, в партии с еще живыми большевистскими традициями, да при жизни Ленина, эта цель не могла быть достаточно полно достигнута уже с первого налета, — но именно таким предстает замысел генсека Сталина уже в этих приведенных косвенных данных. Но в одном, и как скоро показало развитие событий, *в решающем отношении*, Сталин сумел осуществить свой замысел полностью: уже в первый год своего генсекства он подобрал, собрал в один кулак и расставил на ключевые цекистские посты группку из аппаратных работников, одинаковых с ним взглядов на партию, на нормы партийных взаимоотношений и на методы партийного строительства. Уже в это время мы видим на постах секретарей ЦК пару из Молотова (108) и Куйбышева (последний также председатель ЦКК), секретаря ЦКК — Шкирятова, заворгинструкторским отделом ЦК — Кагановича (109), завучраспредотрелом ЦК — Сырцова (110), завагитпропотдела ЦК — Бубнова. Ими подписывались все циркуляры, инструкции и постановления ЦК (см. номера "Известий ЦК РКП(б)" за эти месяцы), и партийные руководители на местах приучались отождествлять их имена с волей и "линией" партии. Эта группа первых членов сталинского штаба, возможно, и не была посвящена Сталиным в его далекие планы, но уже тогда не за страх, а за совесть помогала ему перестраивать ленинскую партию. А впоследствии, как известно, она разрослась в цекистский центр, вокруг которого формировались аппаратные кадры, осуществлявшие и до-

вершившие эту перестройку ленинской партии в сталинскую.

Таково первое из этих трех косвенных свидетельств о направлении и содержании непосредственно партийной деятельности Сталина в первый год его пребывания на посту генерального секретаря ЦК. *Вторым косвенным свидетельством* являются решения по внутрипартийным делам XII Всероссийской партийной конференции, происходившей в начале августа 1922 г. в отсутствие Ленина (состояние здоровья удерживало его в Горках). Собственно, здесь перед нами тоже *результаты* деятельности Сталина, но о них следует сказать особо: это результаты, получившие выражение в документах партийно-законодательного характера. Внутрипартийные вопросы были на конференции всецело в руках Сталина, как генсека, и по меньшей мере в двух, с первого взгляда незаметных, но весьма существенных и принципиальных, из этих вопросов он преуспел в своем невысказанном замысле увести партию от ленинской линии и, больше того, как бы невзначай повернуть ее против этой линии и, во всяком случае, открыть дорогу такому повороту.

Это, *во-первых*, ни более ни менее как новый устав партии, принятый конференцией. Этот устав ограничивается повторением общей, не конкретизированной фразы о демократическом централизме, как "руководящем принципе организационного строения партии", имевшейся в старом уставе 1919 года, и ни единым словом не упоминает рабочую внутрипартийную демократию, которую, как новую форму демократического централизма, установил X съезд и обосновала XI конференция, а опыт и пути проведения которой широко и взволнованно обсуждал сам XI съезд, по чьему поручению создавался новый устав, — обсуждал на трех пленарных заседаниях и в обширной оргкомиссии, по существу — секции, из 40 человек. Но историк партии отметит здесь одно обстоятельство, которое помогает понять, *как* такое стало возможным уже в 1922 году: путь был проложен уже на самом XI съезде поведением Зиновьева (докладчика от ЦК по внутрипартийным вопросам), который, не ведая того, своим авторитетом облегчил Сталину выполнение его замысла. На этом немаловажном примере наглядно выступает си-

туация в Политбюро, в которой Сталин уже при Ленине готовил свой внутрипартийный переворот, — и мы на нем коротко остановимся.

На XI съезде Шумяцкий предложил поправку к основной резолюции об укреплении и новых задачах партии, гласившую: "В целях оздоровления и укрепления партии XI съезд подчеркивает необходимость решительного проведения в жизнь постановления X съезда РКП по вопросу о партстроительстве на началах рабочей демократии внутри партии". При голосовании Зиновьев, докладчик от ЦК, выступил против такой поправки. Он мотивировал тем, что "демократический централизм это то же самое", что "рабочая демократия", но суть-то была в боязни члена Политбюро Зиновьева пропустить в резолюцию съезда скрытый упрек по адресу партийного руководства в недостаточно решительном проведении рабочей демократии. "Никто из нас не думает посягать на решения X партийного съезда" — добавил Зиновьев, — и поправка была съездом отклонена ("Одиннадцатый съезд РКП (б)...", М., 1961, стр. 806 и 505-506). Так получилось, что в резолюцию XI съезда формула рабочей демократии вошла, как мы видели, не через основной (принципиальный) текст, а через "практические предложения" совещания областных и пр. секретарей, в качестве дополнения включенные в резолюцию съезда. А это, конечно, помогло Сталину на XII конференции не допустить, чтобы ленинская формула была включена в устав партии (111).

Во-вторых, это — специальное постановление конференции "О материальном положении активных партработников", принятое наряду и помимо общего решения "Об улучшении материального положения членов РКП" (112). Перед нами в своем роде замечательный документ: Мы видели послереволюционные постановления и обращения коммунистической партии, в которых констатируется некоторое материальное неравенство ее членов как объективно существующее и до поры до времени полностью неустранимое зло, тающее в себе опасность морального разложения партии, и провозглашается курс на уравнительность в рядах партии. И в таком же именно духе составлены указания XI партсъезда

(весны 1922 г.) о материальном положении членов партии, которые рассматриваемой нами XII конференции надлежало претворить в постановления В резолюции съезда "Об укреплении и новых задачах партии" читаем: "Материальное положение рядовых членов партии, а в особенности тех, которые активно ведут партработу, крайне тяжелое. В связи с новой экономической политикой оно становится безвыходным. Съезд поручает ЦК принять все меры, чтобы поставить в удовлетворительные условия существования эту основную группу работников, выносящих на своих плечах главные трудности работы, ... чьи силы целиком поглощены тяжелой, кропотливой, но крайне ценной организационной и иной работой в местных парторганизациях — в городах, в уездах, в волостях" И далее: "Признавая крайне необходимым решительно положить конец большой разнице в оплате различных групп коммунистов, съезд поручает ЦК в срочном порядке урегулировать вопрос о чрезмерно высоких заработках для членов партии, установив пределы, свыше которых остальная сумма заработка поступает на партвзаимопомощь... Беспощадным образом должны преследоваться попытки личной наживы "коммунистов" — руководителей государственных или хозяйственных органов" (113).

Как же, спустя всего четыре месяца после последнего ленинского партсъезда, в августе 1922 года XII конференция осуществила его недвусмысленные указания? Коротко говоря, политический и моральный смысл этих указаний был передвинут с проблемы бедственного материального положения рядовых членов партии на вопрос о лучшем материальном обеспечении руководящих кадров партии. Прежде всего, вопреки прямому смыслу съездовской резолюции было принято два отдельных постановления — одно для членов РКП, другое для "активных партработников". В первом: декларативные фразы и пожелание, да практически малозначащие прикидки на тему о "необходимости разработать в ближайшее время положение о фонде взаимопомощи среди коммунистов" — и все это в значительной мере перечеркнуто оговоркой — окриком в адрес бедствующих рядовых партийцев: партия, мол, не может допустить, чтобы ее члены по-

лучали больше, чем беспартийные, за ту же работу. Во втором: тщательные цифровые подсчеты и скрупулезная, расчетливо продуманная роспись постов, тарифных ставок и процентных надбавок и отчислений. При этом не может не броситься в глаза характерный сталинский штрих: слова "активный парработник" вынесены в заголовок второго постановления для обозначения руководящих кадров, в то время как в резолюции съезда выражение "активный" относится к рядовым партийцам ("рядовые члены партии, которые активно ведут парработу"). И число таких "активных парработников", т.е. лиц, возглавляющих партаппарат — от ЦК до крупных ячеек — педантично определено: 15325 человек, не больше и не меньше, должны пользоваться привилегированным материальным положением в силу своего места в партаппарате. А в оплате самого этого руководящего состава партии вводится строгая иерархизация — распределение по шести уровням: от высшего, 17-го, разряда, тарифной сетки "ответственных работников" до 12-го разряда. По высшему разряду оплачиваются: "члены ЦК РКП члены ЦКК, завотделами ЦК, члены облбюро ЦК и секретари областкомов, секретари губкомов". Причем "допускаются персональные повышения" в оплате (114). И, наконец, в дополнение к привилегированной денежной оплате, постановление требует: "все указанные товарищи должны быть обеспечены в жилищном отношении (через местные исполкомы), в отношении медицинской помощи (через Наркомздрав), в отношении воспитания и образования детей (через Наркомпрос)", и специально отмечает, что "соответствующие мероприятия должны быть проведены ЦК за счет партии". (То есть, за счет "фонда взаимопомощи среди коммунистов", который, таким образом, должен служить не только для поддержки особо нуждающихся рядовых членов партии, но и для создания дополнительных привилегий руководителям партаппарата).

Словом, перед нами первые документы в истории Лениным созданной партии, которые по-сталински вводят две различные мерки в заботах о материальном положении членов партии — одну мерку для рядовых членов, другую для

лиц из руководящего состава, — и узаконенно закрепляют материальные привилегии последних, как нечто якобы по природе присущее коммунистической партии. В этих документах августовской 1922 г. конференции официально устанавливается *формальный партийный распорядок*, в котором впервые получили ясное и точно разработанное выражение те *материальные принципы*, на коих впоследствии, в разрыве и в полной противоположности с ленинскими, сложились и неизбежно должны были сложиться сталинские *моральные взаимоотношения* внутри правящей партии между ее членами — коммунистами. Если коммунисты представляют собой *авангард* рабочего класса, то их партия должна давать своему классу и всему народу пример материального равенства и морали такого равенства. Если же коммунисты, как того добивался Сталин, становятся *командным составом* рабочего класса, то их партия должна быть организована по принципу субординации, а жизнь и мораль членов такой партии — по нормам иерархически построенного материального неравенства. Через четыре месяца генсекства Сталина уже могла быть узаконена материальная и бытовая иерархизация российской коммунистической партии (115).

Таково второе косвенное свидетельство о содержании и политическом характере непосредственно-партийной деятельности Сталина в первый год его генерального секретарства — решения по внутрипартийным вопросам, принятые на XII конференции. *Третьим и, вероятно, самым убедительным таким свидетельством* может служить отношение Ленина к этой деятельности Сталина.

Из "Дат жизни и деятельности В.И.Ленина", приложенных к 45-му тому ПСС, мы узнаем, что уже 11 июля, т.е. спустя три месяца после того, как Сталин стал генсеком, Ленин беседует с ним о работе ЦК, после чего на завтра же пишет письмо Каменеву (председательствовавшему в Политбюро) по вопросам работы в ЦК (116), а еще через два дня 14 июля, обсуждает эти вопросы с Каменевым в личной беседе. Решения XII конференции, принятые в августе и уже проводившиеся в жизнь, не могли рассеять тревогу Ленина. Его беспокойство о положении, складывающемся в работе

ЦК, не утихает: 1-го декабря, за две недели до последнего отъезда в Горки, он беседует с работниками ЦК Молотовым и Сырцовым (не Сталиным!) о работе этого аппарата. Наконец, после восьмимесячного наблюдения за деятельностью Сталина на посту генсека тревога Ленина по поводу того, что "Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть" и что, "если наша партия не примет мер", то (особенно, в связи с взаимоотношениями Сталина с Троцким) это "способно ненароком привести к расколу", эта тревога Ленина возрастает до предела. Теперь Ленин видит лишь одну такую меру, радикальную и единственно эффективную, когда имеешь дело со Сталиным, проверенную на истории с его военными претензиями и с РКК (116): убрать его с поста генсека. И 4 января 1923 г. Ленин диктует специально о Сталине добавление к "Письму к съезду" от 24-25 декабря 1922 г., которым "предлагает товарищам обдумать способ перемещения Сталина" с поста генсека и которое заканчивает предупреждением, что невыполнение этой меры "может получить решающее значение". (ПСС, т. 45, стр. 344-346).

Это в полном смысле историческое требование Ленина, невыполнение которого стало роковым для большевистской партии и для социалистической революции — русской и мировой, сталинисты наших дней пытаются обесценить. Но все, что они оказались в состоянии придумать, чтобы выгородить Сталина, это два до смешного примитивных толкования ленинского требования, рассчитанных по привычке, на то, что люди не станут сверяться с фактами, ныне уже обнародованными. Первое толкование, чисто обывательское: Ленин де — написал свое "добавление", раздраженный грубостью, которую Сталин позволил себе по отношению к Надежде Константиновне. Но Крупская рассказала Ленину об этом факте в начале марта (см. примечание в ПСС, т. 54, стр. 675), т.е. через два месяца после того, как Ленин продиктовал "добавление" о снятии Сталина (Ленин тут же, 5 марта, направил Сталину письменные требование извиниться перед Крупской, угрожая в противном случае порвать с ним отношения. — См. ПСС, т. 54, стр. 329-330). Второе толкование, с софисти-

ческой хитрецей: Предложение о снятии Сталина было-де Лениным выдвинуто не по политическим мотивам, а из чисто личных соображений (грубость, нелояльность, невнимательность к товарищам, капризность Сталина и т.д.) и было поэтому не политическим предложением, а всего лишь организационным, "кадровым". Но в "Письме к съезду" Ленин и не хотел давать политические характеристики и высказываться о политических биографиях — с явной целью не дать использовать его политические оценки тех или иных руководителей партии в будущих партийных спорах (относительно Зиновьева, Каменева и Троцкого он даже специально указал не ставить им в вину их прошлые ошибки). "Письмо" составлено с истинно ленинским тактом, в выражениях дружеских, умиротворяющих, не позволяющих примешать к делу политические и мнимо-политические распри. Ленин прямо говорит, что "намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства". Другими словами, что он берет те отрицательные личные черты, которые способны привести к серьезным, а в случае со Сталиным — к решающим последствиям (118).

з) Сталин в годы Ленина: XII партсъезд. Прямые свидетельства.

От косвенных свидетельств периода приготовления XII партсъезда перейдем теперь к *прямым свидетельствам самого XII съезда*. Мы покажем, как уже на этом съезде, пользуясь тяжелой болезнью Ленина, лишенного не только возможности присутствовать на нем, но и возможности участвовать в его подготовке и наблюдать за его работой (119), как уже тогда зарождающийся и рвущийся на политическую арену сталинизм *по-своему* ставил и решал внутривнутрипартийные вопросы коммунистической партии правящей в условиях однопартийной системы. Ставил и решал с трибуны партсъезда — и притом не только с молчаливого согласия, но и при активной поддержке со стороны членов Политбюро Зиновьева и Каменева, в политическом ослеплении искавших в члене Политбюро Сталине послушного союзника против члена

Политбюро Троцкого, не соображая, что перед ними разворачивается уход от Ленина и что они прокладывают дорогу этому уходу. Речь пойдет прежде всего, конечно, о выступлениях самого Сталина, решившего, что пришла пора и подготовлена обстановка, чтобы взяться за осуществление программы тайного "Наброска" 1921 года. И действительно, в орготчете ЦК, который Сталин, как генсек, делал на XII съезде, в развитом виде поданы все три главных положения этого наброска, отмеченные нами выше, но, конечно, с дипломатически приглаженной и увертливой терминологией.

(1) – В "Наброске" читаем: "Губкомы – это основная опора нашей партии". Сталин льстит губкомщикам, съехавшимся на съезд в качестве делегатов: "губкомы выросли" за 10 месяцев (читай: за время его генсекства). Но ведь в значительной мере это уже *его*, Сталина, губкомщики, это он подбирал, сколачивал и подучивал (120) "руководящие группы в губкомах", чтобы не было "хороших" и "плохих" членов, которые "уравновешивали бы друг друга", а было "спянное ядро, могущее руководить как один" (читай: по указанию сверху). Вспомним, что Ленин предлагал обновлять ЦК и ЦКК введением в их состав нескольких десятков рабочих, причем (говоря словами Ленина) "преимущественно рабочих, стоящих ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащих ближе к числу рядовых рабочих и крестьян". Сталин же предлагает пополнить ЦК "новыми, свежими работниками, наиболее способными и независимыми", т.е. все теми же губкомщиками, чтобы из них создалось "новое поколение будущих руководителей", так как "члены основного ядра ЦК достаточно поизносились". Это уже в докладе достаточно ясно и прямо преподнесенное, обещание губкомщикам выдвинуть их в руководящие органы партии, Сталин потом, обнадеженный ходом прений по его докладу, так обосновывает и развивает в заключительном слове: "В ходе работы внутри ЦК за последние 6 лет сложились... некоторые навыки и некоторые традиции внутрицекистской борьбы, создающие иногда атмосферу не совсем хорошую. Я наблюдал эту атмосферу на одном из последних пленумов ЦК в феврале

(121), и тут-то я заметил, что вмешательство людей с мест часто решает все. Нам нужны независимые от этих традиций и от этих личных влияний люди для того, чтобы они, войдя в ЦК и принеся туда опыт положительной работы и связи с местами, послужили тем цементом, который мог бы скрепить ЦК, как единый и нераздельный коллектив, руководящий нашей партией.” Эти люди ”нам нужны именно как... элемент, скрепляющий ЦК и предупреждающий все и всякие возможности раскола внутри ЦК” (65-66, 68, 201). Нет оснований полагать, что большинству делегатов съезда эта лезть пришлось по душе. Но слушая Сталина (и за его спиной видя Зиновьева и Каменева), даже те, которых коробило такое откровенное и прямо-таки наглое заигрывание, могли тем не менее в намерении из губкомщиков создать ”новое поколение” цекистских руководителей усмотреть практичную конкретизацию ”непрактично”звучащего ленинского предложения насчет введения в ЦК и ЦКК группы низовых рабочих. Но мы-то теперь видим макиавеллистский дальний прицел Сталина весны 1923 года: подготовку отстранения, а затем и устранения сподвижников Ленина и замену их его, Сталина, собственной верноподданной когортой, — а вместе с этим ликвидации ленинских традиций свободной работы мысли и борьбы мнений в ЦК. Что же касается того, что расширение ЦК должно служить средством против возможного раскола партии, то именно в этом уже на XII съезде с полной определенностью выступила диаметрально противоположность между Лениным и Сталиным: ставка на рядовых членов партии — и ставка на партийный аппарат, ”орабочение и окрестьянивание” состава ЦК — и превращение ЦК в вершину кадровой иерархии.

(2) — В ”Наброске” 1921 года читаем: ”Партия — это командный состав и штаб пролетариата.” Правда, в орготчете на XII съезде Сталин в применении к партии не употребляет слов ”командный состав”, а пользуется привычным для большевика ленинским словом ”авангард”, но ведь одно дело формулировать мысль для самого себя, другое дело — для публичного выступления, к тому же первого на эту тему. Суть, однако, та же. Да и рабочий класс называется здесь

”армией партии” — армией, которую партия ”находит”(!), а потом организует и ведет посредством ”широкой сети беспартийных массовых аппаратов, являющихся щупальцами в руках партии, при помощи которых она передает свою волю рабочему классу, а рабочий класс из распыленной массы превращается в армию партии”. Сталин много раз повторяет эти выражения: ”армия”, ”аппарат”, ”передаточный аппарат” и еще называет этот аппарат ”приводными ремнями”, зачисляя сюда и профсоюзы, и кооперацию, и комсомол, и сеть политпросвещения, и печать, и даже армию и, больше того, ”государственный аппарат..., дающий возможность рабочему классу, в лице его партии, руководить крестьянством” (55-56). И в этой же линии культа кадров и приоритета кадровой политики стоит характерно-сталинское выдвижение на первое место в системе партийного аппарата и партийной работы органов распределения ответственных работников — как ”наиболее реального средства держать в руках партии все нити хозяйства и советского аппарата” (206, а также 64). Прежде всего ”учраспреды” (а потом и ”орграспреды”) должны были стать инструментом для все большей фактической замены выборности партийных органов назначениями сверху. Уже за первый год хозяйничанья Сталина в ЦК (апрель 1922 г. — март 1923 г.) Учраспред ЦК произвел около 4750 назначений на ответственные посты. (122) А вскоре после XII съезда дело было кодифицировано: в ”Отчете Учетно-распределительного отдела ЦК РКП(б) за сентябрь-октябрь 1923 г.” читаем, что уже в июле секретариат ЦК предложил Учраспреду ”охватить распределение партийных сил внутри госаппарата”, что ко времени отчета ”выработана инструкция” и ”установлен единый список должностей госорганов, назначение работников на которое не должно производиться без постановления ЦК партии”, и что учраспред ”не ограничивается этой инструкцией”, а ”постепенно расширяет круг изучаемых и распределяемых работников”, включая в ”командный кадр губернских работников”(123). Вот когда долго, но в ожидании своего времени, скрывавшаяся формула Сталина о существовании партруководства как *командования в партии*, вошла, наконец, в официальный до-

кумент ЦК: для этого понадобилось, чтобы не стало Ленина во главе большевистской партии. А "Постановление ЦК РКП(б) от 8 ноября 1923 г. прямо предлагает Учраспреду заняться "планомерным пересмотром руководящих верхушек", "осуществляя это в первую очередь в отношении постов, указанных в номенклатуре, утвержденной Оргбюро ЦК 12 октября 1923 г." (124). Кажется, здесь впервые (и притом в опубликованном документе ЦК!) мы встречаем термин "*номенклатура*", не требовавшийся и не употреблявшийся при Ленине и приобретший такую постыдную славу в сталинское и послесталинское время (125).

Словом, теперь, в свете дальнейшей истории нашей страны, в докладе Сталина на XII съезде перед нами явственно выступают контуры той его идеи об отношении между коммунистической партией и рабочим классом, которая была им впоследствии положена в основу политического строя общества, движущегося к его "полному социализму", и политического строя самого этого полного социализма. Идеи, не имеющей ничего общего с марксизмом, ленинизмом, социализмом и, конечно же, с большевистской политической традицией. Мрачной идеи, что суть и смысл решительно всех и всяких форм общественной организации людей при диктатуре пролетариата и в социалистическом обществе заключаются (*должны* заключаться!) в том, чтобы составлять "массовые аппараты", могущие служить "приводными ремнями" от единственной в стране политической партии, при помощи которых эта партия командует народом страны.

(3) — Наконец, и третье главное положение своего неопубликованного "Наброска" 1921 года — о компартии, как "своего рода ордена меченосцев внутри государства Советского" — Сталин развивал и конкретизировал на XII съезде, разумеется, и тут избегая употреблять одиозную терминологию. Мы остановимся здесь только на внутрипартийной теме — на том, как уже тогда Сталин намечал и обосновывал те нормы и тот стиль партийной жизни, которые перечеркивали ленинские представления об идейном, моральном и организационном единстве партии, шли в разрез с духом партийных съездов и конференций (начиная с девятой кон-

ференции (126)), да и с их прямыми решениями, осуществлявшими ленинские представления, а в позднейшую пору коммунистического движения развились в знаменитый сталинский внутривнутрипартийный режим. Линия рассуждений Сталина тогда (как и после) сводилась к тому, что единство правящей коммунистической партии не может совмещаться со свободой слова и обсуждения внутри партии. "Как по организационным, так и по политическим соображениям", это "утопия, демократизм маниловщины. Он не годен и не нужен." Как и позднее, при утвердившемся господстве сталинизма, доказательство строилось на двух демагогических аргументах, да и излагалось оно почти теми же словами: 1) Так как партия стоит у власти, то она должна быть "действующей", а не "дискуссионным клубом вечно болтающих и ничего не решающих", "вкривь и вкось толкующих о деятельности ЦК". И 2) "Мы окружены врагами, Волки империализма, окружающие нас, не дремлют... Что случилось бы с нами, если бы мы вместо того, чтобы в тесном кругу доверенных лиц партии обсуждали нашу политическую кампанию на Лозаннской конференции, вынесли бы на улицу всю эту работу, раскрыли бы свои карты? Враги учли бы все минусы и плюсы, сорвали бы нашу кампанию". И Сталин объявляет, что "с радостью слушал" выступления Евдокимова, Урываева и Иванова (199-200), — а это были, кажется, первые в истории наших партсъездов выступления практиков из местных партаппаратов с призывом "натягивать партийные вожжи", чтобы "поставить на путь истинный" теоретиков из центра, затевающих "дискуссию" (Иванов, 162-164), выдвигающих "мысли, которые к партии никак не прививаются" (Евдокимов, 161) и "дающих надежду тем, кто пять лет думает, как бы пошатнуть железный скелет" партии (Урываев, 110-111). Сам же Сталин уже на этом съезде изложил свою концепцию внутривнутрипартийной борьбы, согласно которой "на каждом крутом повороте" "с партийного воза падает та или иная группа" руководителей (68-69) — зловещую концепцию, служившую политическим обоснованием для всех последующих расправ Сталина с неудобными ему членами ЦК.

Итак, мы вправе сказать, что на XII съезде Сталину удалось приступить к коренной перестройке коммунистической партии, задуманной им по меньшей мере за два года до того и изложенной в тайном "Наброске" 1921 года, и по всем трем главным линиям "Наброска" заложить основы такой перестройки. Но два значительных обстоятельства, сопровождавших и обеспечивавших перестройку и, более того, вошедших в нее *обязательным* элементом, не содержатся в том "Наброске" — по крайней мере в явном виде. Без рассмотрения этих двух элементов, созревших на подступах к съезду и на самом съезде, картина зарождения сталинского режима в партии будет существенно неполной. Но читатель легко увидит, что они *внутренне* связаны с реализацией вышерассмотренных трех положений "Наброска" 1921 года — и друг с другом.

Первое обстоятельство. — На XII съезде была впервые применена система сокрытия от делегатов съезда или запрещения обсуждения на съезде документов, предназначенных для съезда и знакомство с которыми и обсуждение которых необходимо для того, чтобы делегаты могли объективно и по-деловому судить о работе ЦК и его руководителей и принимать непредвзятые решения, основанные на знании и сопоставлении фактов. Мы уже встретились с этим в главах о национальном вопросе и об РКИ; добавим, что до сведения делегатов съезда не были доведены и важнейшие, принципиальные предсъездовские письма болевшего Ленина о монополии внешней торговли. Что касается письма Ленина о придании законодательных функций Госплану и его статей "О кооперации" и "О нашей революции", написанных до XII съезда, то согласно официальной версии (изложенной, напр., в примечаниях к 45 тому ПСС, стр. 594 и 598) Крупская формально передала их в ЦК после съезда. Доступа к партархивам автор не имеет и лишен возможности судить о том, сообщила ли Крупская о существовании и о содержании этих документов членам Политбюро до или после съезда.

Особо следует сказать о "Письме к съезду", которое Ленин писал 23, 24, 25, 26 и 29 декабря 1922 г. и (в виде специального добавления о Сталине к записке от 24 декабря)

4 января 1923 г. — письмо огромного значения, решающем для судеб революции, но которое стало известно партии и миру лишь в 1956 году, после XX съезда. Тут официальная версия гласит, что запись от 23 декабря была в тот же день послана Сталину (хотя в протоколах заседаний Политбюро и Пленумов ЦК нет о ней упоминаний). Что же касается записей от 24-25 декабря и 4 января, то эта версия утверждает, что Ленин желал, чтобы они были доведены до сведения очередного партсъезда после его смерти (127). Версия построена на двух "документах": на протоколе о передаче Крупской в Центральный Комитет этих записей, составленном за несколько дней до открытия XII партсъезда, 18 мая 1924 г., т.е. спустя четыре месяца после смерти Ленина, и на письменном сообщении одного из секретарей Ленина, Володичевой, сделанном в 1929 году (см, примечания ИМЭЛ к ПСС, т. 45, стр. 594 и 592-593). Но, во-первых, формальная передача записей Ленина в ЦК в мае 1924 г. для доведения их *до сведений XIII съезда* никак не означает, что в неформальном порядке Крупская не показала их (или не сообщила их содержание) членам Политбюро *до XII съезда*. А во-вторых, уже одна только дата сообщения Володичевой — 1929 год, разгар борьбы Сталина против оппозиций — неопровержимо доказывает, что оно было инспирировано Сталиным или его сподвижниками, а то и сочинено по их прямому заказу; во всяком случае, приводя это сообщение, ИМЭЛ не указывает, где оно опубликовано, а если не публиковалось, то в каком архиве оно хранится. Между тем, та же Володичева под датой "24 декабря" сделала в "Дневнике дежурных секретарей В.И. Ленина" следующую запись: Владимир Ильич "предупредил о том, что продиктованное вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря) является *абсолютно* секретным. Подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать *категорически* секретным". (ПСС, т. 45, стр. 474). Откуда явствует, что в отношении степени секретности Ленин не делал различия между записью от 23 декабря и последующими записями. Как же получилось, что, вопреки Ленину, первая запись была выделена и передана Сталину (но ни в

Политбюро, ни на пленумах ЦК не обсуждалась!), а передача других записей была отложена на "после смерти Ленина"? Тот, кто этим отбором (но недопущением до Политбюро и ЦК) распорядился, должен был во всяком случае, знать содержание *всех* записей. Но дальше — Ленин, не делавший различия между первой и следующими записями, начинает свое письмо словами: "Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе" (ПСС, т. 45, стр. 343). Подчеркиваем: "*на этом*", т.е. на XII съезде, — и слова эти явно относятся ко всему письму в целом, ко всем шести записям, а не только к первой из них. А это уже прямо противоречит созданной задним числом версии, будто Ленин писал их для посмертного использования. Какие, в самом деле, есть основания думать, что в эти месяцы интенсивной и высокопродуктивной творческой деятельности Ленин не рассчитывал прожить еще несколько недель или месяцев, оставшихся до уже готовившегося XII съезда?

А ведь, как бы в действительности ни обстояло дело с записями Ленина от 24 декабря и 4 января, не может быть сомнения, что если бы адресованное XII партсъезду "Письмо" было съезду известно, то Сталину не удалось бы после съезда остаться на посту генсека, на котором он забрал себе "необъятную власть". В январе 1923 года Ленин уже понимал, что назначение Сталина генсеком было ошибкой. Но он также понимал, что за девять месяцев нахождения на посту генсека, Сталин сумел так прочно утвердиться в ЦК, что, действуя через ЦК, его с этого поста не столкнуть. Поэтому, хотя своих секретарей подбирает сам ЦК, и Сталина генсеком поставил не XI съезд, а ЦК, избранный на этом съезде, Ленин с предложением о снятии Сталина обратился через голову ЦК прямо к партсъезду. Будущему историку предстоит сложные и трудные раскопки под нагромождениями расчетливой лжи одних, благонамеренной лжи других, и вынужденной лжи третьих, чтобы установить на ком из тогдашних деятелей русской компартии лежит вина за сокрытие от XII съезда прямо адресованного съезду предложения Ленина — вина за исторического масштаба преступление перед социалистической революцией и коммунизмом (128).

Так или иначе, неоткровенность руководителей ЦК с партсъездом и их нечестное дипломатничанье на съезде, впервые за всю историю большевизма выступившие на XII съезде (129), создали совершенно новое положение в компартии, неизвестное и невозможное при руководстве Ленина. Из действенного верховного органа партии, в принципиальных и откровенных спорах вырабатывающего для ЦК политическую линию на период до следующего съезда, партийный съезд стал превращаться в парадный форум, собираемый не для того, чтобы он критически рассмотрел работу ЦК перед тем как выбрать новый ЦК, и оценил состав ЦК перед тем как выбрать новый ЦК, а для того чтобы в приветственном, благодарственном и верноподданническом стиле он санкционировал эту работу и этот состав, осудил критиков, одобрил все внесенные от имени ЦК резолюции и решения и *избрал новый состав ЦК*, предложенный прежним руководством ЦК.

Этой краткой справкой, вероятно, достаточно, чтобы дать представление о первом из двух обстоятельств и условий сталинского внутривнутрипартийного переворота, непредусмотренных "Наброском" 1921 года и в явной форме в него включенных, но пущенных в ход уже в период XII партсъезда. На втором обстоятельстве следует остановиться подробнее.

Второе обстоятельство. — XII съезд был съездом, на котором Сталину удалось осуществить изоляцию Троцкого в кругу партийного руководства — в составе Политбюро, а тем самым и в составе ЦК. Для массы делегатов съезда и для партии в целом Троцкий и после съезда оставался величайшим и авторитетнейшим после Ленина вождем революции. Но решали уже не опыт, мнения и чувства сотен тысяч членов партии и не симпатия, доверие и желания сотен делегатов партийного съезда — решали воспоминания, самолюбие, ревность, обиды и страхи, словом — биографии и личные чувства неполного десятка членов и кандидатов Политбюро, за которыми слепо следовали три десятка из остальных членов и кандидатов ЦК, избранных на XI съезде.

В последние годы нарастало разочарование Ленина в Сталине, его стороннике и практическом помощнике в стро-

ительстве большевистской партии еще в предреволюционные годы, — нарастало недоверие и охлаждение к нему. Позиция и особенно поведение Сталина в кардинальном для Ленина вопросе мировой революции, в военных делах, в национальном вопросе, в построении советского государства и рабоче-крестьянского контроля, в монополии внешней торговли, а тут еще последняя и тяжелейшая капля — стиль Сталина во внутрипартийных делах и отношениях и в перестройке аппарата ЦК летом и осенью 1922 года — все это наслаивалось одно на другое. И в результате, в дни, когда тяжело больной, отдавая себе отчет в возможности неожиданного конца, Ленин диктовал политическое завещание для партии, он счел необходимым включить в него требование снять Сталина с поста генсека — в качестве меры для сохранения партии. Даже если Сталину не стало тогда же известно это требование Ленина, датированное 4 января 1923 (а такое предположение более чем сомнительно — скорее оно невероятно), даже в этом случае он был достаточно проницателен и чувствителен, чтобы заметить все большее отдаление Ленина от него, все резче ухудшающееся отношение Ленина к нему (130).

И при этом перед глазами Сталина развевалось сближение Ленина с Троцким, на какое-то время несколько омраченное профсоюзной дискуссией перед X партсъездом (131), но тут же после съезда возобновившееся и нараставшее в еще более доверительных и подчеркнутых формах (132). В наши дни читателю нетрудно убедиться в этом, полистав тома 53 и 54 ПСС Ленина, в которых собраны письма Ленина с июня 1921 года по март 1923 г. В обильных письмах Троцкому на какие только возможно темы — внешне — и внутреннеполитические государственные, партийно-политические, коминтерновские, литературные, теоретические — Ленин, в уважительно-товарищеском тоне, то и дело переходящем на тон дружеской частной беседы, делится с Троцким общими и практическими соображениями по принципиальным и текущим вопросам, просит о помощи, обещает поддержку и т.д.; эти письма пестрят репликами "согласен", "вполне согласен" и т.п. (См., например, ПСС, т. 53, стр. 138, 234...; т. 54, стр. 95, 130-131, 148, 314...). И в том же уважи-

тельном тоне Ленин в это время неизменно говорит о Троцком в письмах к третьим лицам (133). И, с другой стороны, не известно (а в данном случае это значит — не существует) за эти годы ни одного документа, в котором не то что были бы высказаны, но хотя бы сквозили недоверие, опасливость, недружелюбие, раздражительность, не говоря уже отчужденность Ленина в отношении Троцкого. К осени же 1922 года это, всему Политбюро демонстрируемое, сближение Ленина с Троцким вырастает в прямые обращения больного Ленина к Троцкому за поддержкой в *коренных вопросах* политики — и причем чем дальше, тем определеннее против Сталина.

В сентябре 1922 года Ленин вносит в Политбюро предложение назначить Троцкого его заместителем по Совету Народных Комиссаров — Зампредсовнаркома (134).

В первой половине ноября 1922 г. Троцкий, по согласованию с Лениным, делает доклад "О русской революции" на IV Конгрессе Коминтерна. После этого доклада, 25 ноября, Ленин пишет Троцкому (а копии направляет членам Политбюро, в том числе Сталину) хвалебное письмо по поводу его, Троцкого, тезисов относительно нэпа и "советует напечатать их пока в газетах, а затем непременно переиздать брошюрой" (ППС, т. 54, стр. 314) (135).

В середине декабря (12-го, 13-го, два раза 15-го, а затем, после ухудшения здоровья, из Горок, 21-го) Ленин пишет Троцкому в связи с остро вставшими разногласиями по монополии внешней торговли: "Мне думается, что у нас с Вами получается максимальное согласие. . . Я бы очень просил Вас взять на себя на предстоящем пленуме (ЦК) защиту нашей общей точки зрения о безусловной необходимости сохранения и укрепления монополии внешней торговли"... "Прошу Вас заявить на пленуме о нашей солидарности... Если паче чаяния не пройдет наше решение, обратимся к фракции съезда Советов и заявим о переносе вопроса на партсъезд". А когда их решение прошло, Ленин просит Троцкого "не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезде вопрос об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению ее

проведения". И опять: "Надеюсь, возражать не станете и не откажетесь сделать доклад на фракции (съезда Советов)". (ПСС, т. 54, стр. 324, 325, 328, а также 323, 326, 327). Сталин же не признавал за этим "коренным вопросом" советской общественной системы проблемы принципиальной, глядящей в далекое будущее. Он подходил к нему чисто прагматически: быть ли в советской Республике монополии внешней торговли или не быть — это для него вопрос текущего баланса прибыли-убытков. Поэтому, как обычно, когда в дело вмешивался Ленин, Сталин занимал здесь уклончивую, выжидательную позицию (136).

27 декабря 1922 г. Ленин диктует записку о придании законодательных функций Госплану, в которой говорит: "Эта мысль выдвигалась тов. Троцким, кажется, уже давно. Я выступил противником ее... Но по внимательном рассмотрении дела я нахожу, что, в сущности, тут есть здоровая мысль... В этом отношении, я думаю можно и должно пойти навстречу тов. Троцкому" (ПСС, т. 45, стр. 349, 350).

А 5 марта 1923 года, т.е. когда ЦК готовил съезд партии, Ленин (напомним) "очень" просит Троцкого "взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии". Он пишет: "Дело это сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным." А назавтра 6 марта Ленин сообщает Троцкому (но не Сталину!) текст записки, посланной им Мдивани, Махарадзе и др.: "Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь" (ПСС, т. 54, стр. 329 и 330).

Троцкий, его деятельность, роль и историческое место в русской и мировой революции и его отношения к Ленину и с Лениным в вопросах и делах революции — согласия и разногласия обоих, их сотрудничество и споры (137) — эта большая тема стоит за пределами настоящей нашей работы. Но восхождение Сталина и утверждение сталинизма было невозможно и его нелегко себе представить без дискредитации и устранения, а затем и Сталиным предписанного, зверского

убийства Троцкого подосланным убийцей. В той социальной и политической обстановке, в которой русская революция оказалась ко времени ухода Ленина от руководства партией и страной, у Сталина существовал лишь один способ расчистить дорогу для генерального отхода от Ленина: надевая на себя личину верного ленинца, в борьбе против врагов ленинизма осуществляющего идеи, заветы и планы Ленина, постепенно заменить ленинизм сталинизмом. И Сталин выдумал, сконструировал и фальсификациями да систематической ложью внедрил легенду об *антибольшевистском течении "троцкизма"*, пробравшемся в ленинскую партию, а самого Троцкого объявил и изобразил (требующимся ему!) "злейшим врагом ленинизма" (138). Жупел "троцкизма" на самом переднем плане сопровождает все тридцатилетие сталинской диктатуры в нашей стране. История сталинизма, как идеологии и политической системы, неотделима от него, от этого жупела, разросшегося в утратившую всякую меру и рациональный смысл фантазмагорию, именем которой совершались самые изощренные по лицемерности и фарисейству из всех бесчеловечных и изуверских политических преступлений XX века. И, не удивительно, кстати говоря, а вполне закономерно, что когда, после кратковременной "эры Хрущева", на поверхность литературы и политической жизни Советского Союза стал выползать сталинизм, то при всех обновлениях и видоизменениях, которые он получил в неосталинизме, жупел "троцкизма" был им воскрешен со всеми онерами и канонический "антитроцкизм" был вытащен на свет во всей своей бесчестности и воинствующей невежественности.

Сказанное о месте, которое легенда о "троцкизме" занимает в формировании и утверждении сталинизма, выходит за хронологические рамки настоящей работы, но и эта органическая и неотъемлемая часть сталинизма родилась при жизни Ленина и в прикрытом противопоставлении Ленину; а это уже непосредственный предмет нашей темы. В предыдущих главах мы видели, что зависть и неприязнь, а потом уже ненависть Сталина к Троцкому копилась с самых первых годов революции, и что питалась она не только лич-

ными чертами Сталина (придававшими ей болезненные и отвратительные формы), но, в основе основ, его идейным и психологическим неприятием ленинских представлений о социалистической революции и пролетарской революционности, которые Троцкий воспринял и убежденным проводником которых он все более становился. Ленин не давал этой мстительной зависти-ненависти (139) реализоваться в практических делах. Когда же Сталин оказался на посту генсека, она стала сначала скрытым, а потом все явственнее выпирающим мотивом его партийной деятельности. Не подлежит сомнению, что в значительной (если не в решающей) мере этим мотивом направлялись те многочисленные выезды членов, представителей и специальных комиссий ЦК для "обследования" местных организаций и "присутствия" на губконференциях и та "широкая работа по перегруппировке партийных сил", которые Сталин, под покровом выполнения задач, поставленных XI партсъездом, организовывал и проводил, как мы видели, в период до XII съезда, заблаговременно готовя состав этого съезда.

Впрочем, совсем недавно Микоян рассказал, с какими целями и как Сталин уже и до XI съезда плел тайные интриги против Троцкого в местных парторганизациях. Читатель не пожалеет, если прочтет большую выдержку из этого позднего живого свидетельства. В нем один из наиболее доверенных и преданных людей Сталина, подпевала и соучастник его отхода от Ленина, а потом и его преступлений и злодеяний, человек воспитанный и изощренный в политике и морали сталинизма, разговорился. Разговорился со знанием дела (от приемов исподтишка совершать подлости до способов прятать концы, от семинарски-фарисейского аргументирования до языка уездного провидца и изрекателя-демагога (140) и с явным восхищением и, даже нескрываемой ностальгией, по "тем", по "нашим" временам. Чтобы не отвлекать внимание читателя от темы настоящего параграфа — XII партсъезда и его подготовки, — вынесем в приложение это подробное свидетельство Микояна о чудовищной внутрипартийной интриге Сталина против Троцкого на подступах к XI партсъезду, построенной на замысле тайно подтасо-

вать состав съезда. (См. "Приложение 4-е" в конце настоящего очерка). Займемся же обстоятельствами подготовки XII партсъезда.

Здесь единственный доступный нам официальный материал это документы полемики с Троцким, происходившей в ЦК накануне съезда, впервые опубликованные в стенографическом отчете съезда, переизданном в 1968 году, — конечно, опубликованные в соответствии с нормами неосталинизма: даются письма, направленные против Троцкого, но не приводится ни одно письмо или выступление самого Троцкого, содержащее положения, с которыми ведется полемика или в которых Троцкий отвечает на критику. Но для нашей темы эта умственная трусливость сталинцев не помеха. Мы не собираемся рассматривать тогдашнюю полемику по существу; мы лишь покажем, что, уже при жизни Ленина, XII партсъезд, происходивший, так сказать, у постели безнадежно больного Ленина, первый же съезд большевистской партии, не контролировавшийся Лениным, был *организован* как съезд, направленный против Троцкого, на изоляцию Троцкого, на его выталкивание из "ядра внутри ЦК" (141) — несмотря на то (а вероятнее вследствие того), что именно в это время Ленин по кардинальнейшим вопросам съезда обращался за поддержкой больше всего и в первую голову к Троцкому.

Итак, перед нами документ, озаглавленный: "Письмо членов Политбюро и кандидатов в члены Политбюро. Членам Политбюро и товарищам, присутствовавшим на заседании Политбюро 22 марта, а также всем членам Пленума и кандидатам" и датированный 29-м марта 1923 года. (142). Письмо" подписано всеми членами и кандидатами Политбюро, кроме Троцкого, и представляет собой "ответ" на письмо Троцкого от 23 марта и на одно из более ранних его писем, а также на его выступление на февральской сессии пленума ЦК и на две его речи в Политбюро. Какие же обвинения выдвигаются против Троцкого? Во-первых, "недооценка роли крестьянства"; во-вторых, "приближение к ликвидаторским идеям" о роли партии в Советском государстве; в-третьих, "намеки на то, будто в Политбюро имеется какое-то

предвзятое большинство, связанное кружковщиной” и будто дела в ЦК решаются секретарским дерганьем; в-четвертых то, что ”пожалуй года два продолжаются... огульные отрицательные характеристики (Троцким) работы Политбюро и в те времена, когда эти работы происходили под председательством Владимира Ильича”; наконец, в-пятых, ”фиксация разногласий”, которая ”тотчас же приводит — независимо от воли отдельных товарищей — к объединению всех, хотя бы и разнородных элементов, объективно дезорганизирующих партию”. Нет необходимости вдаваться в перипетию спора и сопоставлять доводы и контрдоводы, (143) чтобы в этом списке криминалов, приписываемых Троцкому в обширном ”Письме членов Политбюро” *марта 1923 года*, увидеть рождение того жупела ”троцкизма”, хорошо знакомого по последующим годам и десятилетиям (и ныне воскрешаемого неосталинистами), пугая которыми сталинизм прокладывал и проложил себе дорогу в большевистской партии и переделал партию в сталинскую. И увидеть рождение также тех приемов шельмования, ругани эпитетами, подобранными из прошлых (давнопрошедших!) расхождений с Лениным, ”разоблачения” ”задних мыслей”, — словом, ”проработки” и травли (пока что еще более ханжеских, с видом оскорбленной невинности, нежели откровенных!), которыми сталинизм заменил споры с Троцким, а затем и со всеми прочими инакомыслящими в русской партии и в рядах мирового коммунистического движения, и в которых претензии на верность Ленину строились на замалчивании или фальсификации взглядов самого Ленина (144).

Ко времени XII партсъезда Троцкий в глазах партии и народа оставался вторым, после Ленина, человеком революции (145), и рассмотренная нами подготовка и организация съезда предназначена была создать на съезде атмосферу для фактического устранения Троцкого из руководящего ”ядра внутри ЦК”. В известной мере (а, может быть, и в значительной) это удалось. Его роль на съезде старались низвести к роли чиновника по вопросам промышленности, и ныне не может вызывать сомнений, что история с мелкотравчатыми,

кляузными, якобы — политическими "исправлениями" в Политбюро тезисов съездовского доклада, представленных Троцким, имела явную цель принизить политический вес и партийный авторитет Троцкого. Чтобы увидеть это, достаточно ознакомиться с архивными материалами ЦК, относящимися к XII съезду, впервые опубликованными в 1968 году (146). См. в особенности издевательскую, в грубо начальническом тоне, телеграмму, которую 4 апреля Троцкому послал Сталин, взявший на себя, в качестве "Секретаря ЦК" функцию суперарбитра по политическим аспектам доклада по промышленности (147). См. также выпады Сталина против Троцкого на самом съезде, впервые напечатанные в 1968 году, и реакцию Троцкого на них, считавшего себя "вынужденным в двух-трех словах чисто формально ликвидировать инцидент" и исчерпать его "в данной стадии для съезда", но явно предвидевшего неизбежность его продолжения (148).

"Ну хорошо, — может сказать читатель. — Сталину требовалось убрать Троцкого с дороги, чтобы осуществить свой замысел перестройки партии и советской однопартийной системы, и к тому же у Сталина действовал личный фактор — его личная зависть-ненависть к Троцкому. Но ведь предсъездовское "Письмо членов Политбюро" о Троцком подписали и в его составлении (надо думать) принимали участие и все другие члены Политбюро — Зиновьев, Каменев, Томский, Рыков. И на самом съезде главной фигурой был не Сталин, а Зиновьев, делавший политический отчет ЦК и произнесший заключительную резюмирующую речь от имени съезда; а рядом с ним стоял Каменев, открывший съезд от имени ЦК (149).

Чтобы дать исчерпывающий ответ на этот естественно возникающий вопрос, надо ближе ознакомиться с Зиновьевым и Каменевым, как политическими фигурами и как личностями, и с местом, какое каждый из них и оба вместе занимали при Ленине и около Ленина в верховном руководстве партии. Это не может входить в задачи нашего очерка, но о роли Зиновьева и Каменева в возвышении Сталина сле-

дует здесь коротко сказать. Этим мы и закончим настоящий затянувшийся параграф.

Зиновьев и Каменев были наиболее известными из группы талантливых старых большевиков — близких соратников и помощников Ленина до и после революции, — возглавлявших вместе с Лениным партию в годы революции, и в глазах партии они как-бы воплощали традицию ленинского руководства. Но единственным партийным и не только партийным, но и народным вождем, которого партия, рабочий класс и народ привыкли за суровые и героические революционные годы видеть и ставить рядом с Лениным, и в мужество, ум и преданность которого привыкли безоговорочно верить, — был Троцкий. Зиновьев и Каменев опасались, как бы после ухода Ленина естественный ход событий не поставил Троцкого на его место, и этого они не хотели допустить. В какой мере здесь говорило личное соперничество (хотя оба они восприняли от Ленина глубокое уважение и товарищеские чувства к Троцкому и, конечно, ничего подобного сталинской мелкой зависти и ненависти у них не было) и в какой мере действовали политические соображения (боязнь как бы Троцкий, большевик всего лишь с 1917 года, став во главе страны и партии!) и не имея над собой контроля и авторитета Ленина, не увел революцию с ленинского пути) — мы не беремся судить; обычно у значительных (но не великих) политических деятелей личное и политическое так сложно и густо переплетается и перемешивается, что отделить одно от другого едва ли возможно. Пятый же член старого Политбюро, Сталин, был хорошо известен только партаппарату, и то лишь как умный, деловой и волевой администратор партии, но не как соучастник в формировании ее политики, мало был известен даже партийному активу (150) и вовсе неизвестен широким массам партии и рабочему классу, а тем более народу. Зиновьеву и Каменеву Сталин представлялся поэтому хорошим и совершенно безопасным союзником (а то и просто инструментом) для охлаждения возможных расчетов партии на Троцкого и ограничения возможных (ненароком) претензий самого Троцкого. В сущности, триумвират Зиновьев-Каменев-Сталин на-

метился уже в конце 1922 года. На протяжении же XII съезда Сталина всячески рекламировали, а тот молчаливо и многозначительно собирал этот политический капитал.

Истории понадобилось всего лишь несколько лет, чтобы вскрыть, что это был трагический просчет, — что не в Троцком, а в Сталине олицетворялись глубинные социальные процессы в стране, ведущие к идейному и политическому перерождению ленинской партии, и что, следовательно, не через Троцкого и мифический "троцкизм", а через Сталина и уже достаточно реальный сталинизм надвигалась угроза для социалистической революции. Зиновьев и Каменев, конечно, были уверены, что, затеяв вместе со Сталиным (и, как им представлялось, используя Сталина) борьбу против Троцкого и соорудая жупел "троцкизма", они идут по пути Ленина и утверждают ленинизм. Но ход событий очень скоро уяснил, что на деле они широко распахнули ворота набирающему силы сталинизму и сами повернули против Ленина на путь Сталина, оказавшись союзниками и помощниками, да просто подручными Сталина в формировании течения сталинизма в партии большевиков.

Но скоро не значит сразу. Еще год после XII съезда, год, когда Ленин был еще жив, но уже не участвовал в жизни партии и страны, эта чудовищная аберрация навязывалась партии во все нарастающих масштабах, со все большим использованием возможностей и власти партаппарата и все большим извращением и подавлением внутрипартийного обсуждения — пока не достигла апогея на подступах к следующему, XIII, партсъезду и на самом съезде. Этот апогей составили, с одной стороны, довершение разрыва с Троцким и, с другой стороны, возведение Сталина на положение фактически единоличного вождя партии. Первое было проделано на XIII партконференции, в январе 1924 г., принятием резолюции, осуждающей Троцкого и его сторонников как выразителей "мелкобуржуазного уклона" (151). Второе было осуществлено на XIII партсъезде, в мае 1924 г., путем отклонения предложения Ленина о снятии Сталина с поста генерального секретаря (152). Так Зиновьев и Каменев, в политическом ослеплении упиваясь победой над Троцким, одержанной

с помощью подобранных и выученного партийного аппарата, принесли Сталину *двойную победу: победу над Троцким и победу над Лениным*, — и вручили ему "необъятную власть" *генсека навсегда*. После этого Сталин уже быстро полностью забрал партию в свои руки, и своими методами "меченосца" — методами интриг, лицемерия и ударов в спину — сразу же начал подготовку к тому, чтобы оттеснить Зиновьева и Каменева, сделать сомнительным их авторитет и несущественным их влияние, словом, лишить их возможности ограничивать его, Сталина, власть. В формуле "мавр сделал свое дело, мавр может уйти" резолютивная часть по-сталински всегда гласила: "мавр должен быть убран". Но все это находится за хронологическими рамками нашего очерка. Его тема — Сталин и сталинизм при Ленине — кончается на XII партсъезде, когда партия еще верила, что здоровье может вернуться к отсутствующему Ленину, и жила, оглядываясь на живого Ленина. В это время сталинизм уже созрел и завоевал опорные позиции внутри партии, и последовавший после XII съезда процесс расширения этих позиций и вытеснения ленинизма сталинизмом шел почти сам собой и, если мерить историческими сроками, стремительно. Начиная наш очерк, мы предупредили читателя, что историческими причинами и социально-экономическими корнями рассматриваемых явлений возникновения и формирования сталинизма в ленинский период революции мы не занимаемся. Но оставляя в стороне этот объективный аспект проблемы, а также то "личное, человеческое, слишком человеческое" во внутривнутрипартийной борьбе, на которое справедливо указывал Троцкий (однако, несправедливо называя его "второстепенным"), мы не можем обойти *идейно-политическое содержание проблемы*: без его рассмотрения наша тема не будет исчерпана в главном, решающем пункте.

Вопрос, к которому мы, таким образом, пришли, заключается в следующем: как могло получиться, что идеологи и теоретики партии, такие как Зиновьев и Каменев, руководящие практические деятели партии, осуществлявшие ее политику и внедрявшие ее идеологию, до и масса рядовых партийцев, приобретших свои политические понятия в ле-

нинские революционные годы, не разглядели в Сталине и его деятельности, в его круге идей и идеалов, в его манере мышления и руководства черты, чуждые и противоречащие практике и идеологии ленинизма, и незаметно вползли в русло отхода от Ленина?

Достаточно так поставить вопрос (а только так он может быть поставлен), чтобы ответить: для того, чтобы такое могло получиться, в партии должны были тогда существовать и играть определяющую роль какие-то глубоко укоренившиеся представления, рожденные в послереволюционном опыте, а из опыта перешедшие в традиции и принципы, которые мешали разобраться в Сталине и, во всяком случае, в степени серьезности и опасности тех его отличительных черт для партии и революции. И действительно, оглядываясь ныне на те годы и рассматривая совершавшиеся тогда процессы в свете их позднейшего трагического завершения, мы видим, что такие партийные представления, принципы, традиции существовали. Это — *абсолютизирование и фетишизирование однопартийной политической системы*, которую история навязала первой Советской республике уже в первый год ее жизни, — и притом однопартийной системы в той форме диктатуры партии, в какую она сложилась в гражданскую войну и в пору еще неустоявшейся политической жизни начала нэпа. Такова та проблема, которую нам предстоит сейчас исследовать.

Настоящую главу мы начали с вопроса об однопартийной политической системе, которую создала русская социалистическая революция. Этим же вопросом мы, естественным образом, и закончим главу, а вместе с нею и весь наш очерк о зарождении и путях формирования исходных элементов сталинизма при Ленине и в противоположность Ленину. Но если там советская однопартийная система рассматривалась в историческом плане — как продукт реальной политической истории, то сейчас нам следует разобраться в ней в плане теоретическом — как в своеобразном социально-политическом образовании. Словом, мы займемся вопросом о диктатуре коммунистической партии в нашей стране.

и) О диктатуре коммунистической партии в Советской России

Когда выяснилось, что политическому строю первой в мире страны диктатуры пролетариата, огромной страны Советов, предстоит (в силу исторических обстоятельств ее возникновения и условий ее сохранения), быть и, во всяком случае на длительное время оставаться, однопартийной системой — системой непредусмотренной и негаданной, — тогда встала задача оправдания этой системы. А это значит не только констатировать ее фактическое существование и ссылаться на ее практическую необходимость в условиях российской социалистической революции, но обосновать ее в принципиальную допустимость и правомерность, — т.е., *возможность* ее разумности, целесообразности, предпочтительности. Защищать идею и советскую реализацию однопартийности пришлось в спорах как с противниками справа — с социалистическими пратиями поборниками капитализмом созданной демократии, — так и с критиками "слева" — с антикапиталистическими синдикалистскими и анархистскими течениями в коммунистическом движении. Дискуссии, политические и теоретические, естественным образом вылились в споры по поводу диктатуры коммунистической партии в однопартийной Советской России: ведь однопартийная система означает безраздельную власть той партии, которая правит страной, не будучи ограничена ни оппозициями других партий ни блоками с ними, или, называя вещи своими именами, означает диктатуру этой партии. И для Ленина, как мы видели на протяжении всей настоящей главы, вопрос состоял в том, можно ли и как можно предотвратить внутренние опасности, которые для социалистической революции кроются в диктатуре одной партии и которые, если их своевременно, систематически и радикальным образом не погашать, способны привести к перерождению социального содержания революции, к срыву социалистической революции изнутри.

Словосочетание "диктатура партии" было придумано недругами для осуждения и дискредитации советской револю-

ции и ее ленинского руководства. Но Ленину было чуждо фарисейство и увиливание в софистическую маскировку словами от прямого диалога по существу. И он не только не отверг это, казалось бы, ядовитое словосочетание, но тут же принял его из рук противников как свою, большевистскую формулу, выражающую суть дела, и не устал повторять ее и настаивать на ней.

Впервые это было, по-видимому, уже летом 1919 года, 31 июля, в речи на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры. Ленин, отвечая тем, кто "упрекают нас в диктатуре одной партии", заявил: "Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата. Это та партия, которая еще до революции 1905 года это положение завоевала. Это та партия, которая еще в 1905 году оказалась во главе рабочих масс, которая с тех пор и во время реакции после 1905 года, когда, при существовании столыпинской Думы, с таким трудом возобновилось рабочее движение, — эта партия слилась с рабочим классом, и она одна только могла вести его на глубокое и коренное изменение старого общества" (ПСС, т. 39, стр. 134. — В наброске плана этой речи место против "доводов идейных защитников капитализма, меньшевиков и социалистов-революционеров" выглядит так: "Диктатура *одной* партии? = авангарда пролетариата. = Диктатура пролетариата", там же, стр. 442). А через месяц, 24 августа 1919 года, Ленин в "Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком" пишет: "Крестьян пугают (особенно меньшевики и эсеры, все, даже "левые" из них) пугалом "диктатуры одной партии", партии большевиков-коммунистов. На примере Колчака крестьяне научились не бояться пугала. Либо диктатура (т.е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса" (Там же, стр. 157-158). В сентябре-октябре того же 1919 года Ленин готовит брошюру о диктатуре пролетариата. Сохранились два варианта плана этой брошюры. В первом варианте в качестве одной из тем называется "Диктатура револю-

ционных элементов класса” (Там же, стр. 267). Во втором эта формулировка повторяется (стр. 459), а наряду с нею есть также формулировка ”Диктатура одной партии” (стр. 458).

Но формулу ”диктатура партии” Ленин защищает в эти годы не только против социалистов, требующих от нас перехода к буржуазной демократии, но и против тех коммунистов, которые пугаются этой формулы, усматривая в ней противопоставление ”диктатуры вождей” ”диктатуре масс” и ратуя за последнюю. Весной 1920 года Ленин подробно разъясняет ”смехотворную нелепость и глупость” доводов таких ”левых” коммунистов (”Детская болезнь ”левизны” в коммунизме”. — ПСС, т. 41, стр. 22-28). А двумя месяцами позже, на II Конгрессе Коминтерна, в речи по докладу о роли коммунистической партии, Ленин полемизирует с английским левым (в те годы коммунистом) Таннером, который ”говорит, что он стоит за диктатуру пролетариата, но диктатура пролетариата представляется не совсем такой, какой ее представляем себе мы. Он говорит, что мы понимаем под диктатурой пролетариата в сущности диктатуру его организованного и сознательного меньшинства.” Ленин не оспаривает, что таково наше понимание диктатуры пролетариата, но уточняет его, разъясняя, что ”в сущности, такое меньшинство есть не что иное, как партия” (ПСС, т. 41, стр. 236-237) (153). В январе следующего, 1921, года Ленин пишет: ”Партия — это непосредственно правящий авангард пролетариата, это — руководитель”. (”Еще раз о профсоюзах...”, ПСС, т. 42, стр. 294), а в марте напоминает X партсъезду свою речь на II Конгрессе Коминтерна. ”Мы” — сказал Ленин в заключительном слове по отчету ЦК — ”после двух с половиной лет Советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коммунистическом Интернационале, что диктатура пролетариата невозможна иначе, как через Коммунистическую партию. И нас тогда бешено ругали анархисты и синдикалисты.” И обращаясь к положению в Советской России, Ленин тут же раскрывает корни анархо-синдикалистских протестов против диктатуры коммунистической партии, а тем самым и революционную необходимость этой диктатуры. Он

говорит: "Ясно, что наш пролетариат в большей части своей деклассирован, что неслыханные кризисы, закрытие фабрик привели к тому, что от голода люди бежали, рабочие просто бросали фабрики, должны были устраиваться в деревне и переставали быть рабочими... Это все и есть то, что экономически порождает деклассирование пролетариата, что неизбежно вызывает и заставляет проявляться и тут мелкобуржуазные, анархические тенденции" (ПСС, т. 43, стр. 42) (154).

В начале настоящей главы показано, как обстоятельства взятия власти большевиками, а потом империалистическая интервенция и гражданская война вызвали к жизни советскую однопартийную систему, т.е. диктатуру коммунистической партии в революционной России. Но после окончания гражданской войны ситуация в стране была такова, что сразу отказаться от диктатуры партии как от формы диктатуры пролетариата было невозможно. Рабочий класс был деклассирован и поэтому политически неустойчив; в этих условиях отказ от диктатуры одной партии неминуемо привел бы к крушению самой диктатуры пролетариата (155).

Но вот был введен нэп — почему же теперь Ленин не отменил диктатуру одной партии? По простой причине: в стране не было политических партий, которые желали бы сотрудничать с коммунистической партией *на почве нэпа*. Для такого сотрудничества требовалось по меньшей мере одинаковое понимание задач, смысла и перспектив нэпа, взятого в большом плане истории, но этого-то и не было. Лениным и компартией нэп был задуман как единственный путь, на котором можно уберечь социалистическую революцию от опасности реставрации капитализма и, больше того, сохранить и развить ее главные, решающие социальные завоевания; ибо, как показали процессы и события, происходившие в стране в 1920-21 годах, без перехода к нэпу стремительное деклассирование пролетариата и катастрофически нарастающий разрыв с крестьянством грозили гибелью социалистической революции, а значит, восстановлением капитализма. Социалистические же партии России — меньшевики и социалисты-революционеры (а точнее говоря, их руководящие ос-

татки внутри и за пределами страны) видели в нэпе и ждали от нэпа осуществления их неизменных пророчеств и мечтаний о провале и капитуляции Октябрьской социалистической революции и свои политические расчеты, стратегию и тактику строили на надеждах на контрреволюционное свержение правительства большевиков или на буржуазное перерождение. В программной статье "Новые времена, старые ошибки в новом виде", написанной 20 августа 1921 года, Ленин в таких словах изложил "основной мотив у меньшевистствующих": "Большевики повернули назад, к капитализму, тут им и смерть. Революция все же оказывается буржуазной, и Октябрьская в том числе! Да здравствует демократия! Да здравствует реформизм!" (ПСС, т. 44, стр. 101) (156).

И все же, в эти первые месяцы перехода к нэпу Ленин по поводу прислужничества Чернова и Мартова Милюкову писал, что они это делают "частью по глупости, частью по фракционной злобе на нас, а главным образом по объективной логике их мелкобуржуазно-демократической позиции" ("Письмо Г. Мясникову" 5 августа 1921 г. — ПСС, т. 44, стр. 80). И еще в январе 1922 г., в плане своей статьи "Заметки публициста", Ленин такими словами характеризует "идеальную для капиталистов тройку Мартов, Чернов и анархисты": "Идеально-чистая, — глупая, — педантичная, — никчемная, — доктринерская, — удобная, — влиятельная (идеальная для проведения в рабочем классе идей буржуазии), — бессильная, — говорливая etc." (ПСС, т. 44, стр. 502; впервые напечатано в 1959 году). Тон этих двух отзывов Ленина о "меньшевистствующих" убийственно-саркастический, но вместе с тем эпически-незлобивый. Он не исключает возможности их "легализации" — тема, которую Ленин, когда писал план "Заметок публициста", собирался в них рассмотреть (Там же, стр. 502, 505). Легализация же социалистических партий, в случае если бы они готовы были включиться в работу по социалистическому строительству, пробила бы брешь в системе однопартийности и открыла бы *при нэпе* дорогу к установлению в нашей стране того сотрудничества социалистических пратий в осуществлении диктатуры пролетариата, к которому Ленин призывал еще в на-

чале Октябрьской революции и от которого эти партии тогда отказались.

Однако, даже эти осторожнейшие (и архисдержанные) мысли-надежды по поводу русских социалистов, которые у Ленина могли быть в начале нэпа, не оправдались. Социалистические партии встретили нэп истощным злопыхательством, злорадством и непримиримой ненавистью к великой народной революции, да и прямыми антисоветскими политическими интригами (вспомним, например, те, что плелись вокруг Советской Грузии!), сомкнувшись таким образом с партиями свергнутых революцией эксплуататорских классов. Уже в ноябре 1921 года Ленину пришлось констатировать "трогательное единство в этом вопросе всех партий — от феодалов до меньшевиков", которое "только лишний раз показывает, что против пролетарской революции являются действительно "одной реакционной массой" все эти партии" ("О значении золота теперь и после полной победы социализма". — ПСС, т. 44, стр. 221-222). А к тому времени, когда весной 1922 года было объявлено, что экономическое отступление, проведенное переходом к нэпу, остановлено, что оно "кончилось" (см. речь Ленина на конференции Всероссийского съезда металлистов 6 марта, а потом его Политический отчет ЦК на XI партсъезде 27 марта — ПСС, т. 45, стр. 8-16, и 86), к этому времени в глазах Ленина окончательно определились "фактическая связь наших меньшевиков и эсеров с общим фронтом помещиков и буржуазии против Советской власти" (ПСС, т. 45, стр. 149) и "вражда белогвардейцев, эсеров и меньшевиков ко всякому советскому строительству вообще" (там же, стр. 51). С окончанием той, начальной фазы нэпа, когда он представлял собой отступление и этим вселял мстительное чувство ликования и реформистские надежды в русских социалистических партиях, рухнули эти надежды, испарилось это ликование — и озлобление против большевиков и контр-революционная активность этих партий получили новый и усиленный импульс. Теперь было уже совершенно неоспоримо, что ни о каком привлечении меньшевиков и эсеров к участию в строительстве социалистического общества в нашей стране не может быть

речи также и в условиях нэпа, и Ленин констатировал, что "расширять свое влияние на рабочие массы приходится, при Советской власти, не обращением к меньшевикам и с.-р." (там же, стр. 131). Больше того, на их усилившуюся антисоветскую деятельность пришлось ответить угрозой, а то и осуществлением, политического надзора и репрессий. (ПСС, т. 45, стр. 89-90) (157).

Итак, и после того как гражданская война, приведшая к установлению однопартийной системы в стране Октябрьской революции, закончилась и началось мирное восстановление разрушенного хозяйства и строительство фундамента социалистической экономики, политическая ситуация внутри страны и за ее пределами вынудила Ленина сохранить однопартийную систему, т.е. диктатуру коммунистической партии — без сколько-нибудь близкой перспективы перехода на многопартийную систему (158), имевшуюся в виду, когда совершалась Октябрьская революция. Но, таким образом, вставший в порядок дня отход от военной системы, в которую естественным образом и неизбежно вылилась диктатура коммунистической партии в период империалистической интервенции и гражданской войны, предстояло осуществлять на основе опять-таки диктатуры одной единственной партии. Говоря конкретнее: постепенная, но радикальная *демократизация* политического строя страны, без которой ни строительство социализма, ни сам социализм не только практически невозможны, но и теоретически немыслимы, — эта задача *социалистической демократизации* предстала как задача *реформирования системы диктатуры партии*.

Встает вопрос: *разрешима ли такая задача?* Совместимы ли диктатура партии и социалистическая демократия — вообще, и существовала ли возможность их совмещения в реальных исторических условиях тогдашней России — в частности? Ленин, отдававший себе отчет в том, что от этого зависят перспективы и сама судьба русской социалистической революции, был убежден в *положительном ответе*. И в последние полтора-два года деятельности Ленина его размышления и настоятельные призывы к партии все больше шли в этом направлении и сосредоточивались на "*переменах в нашем поли-*

тическом строе” (159), которые могли бы, по его мнению, и должны были обеспечить решение задачи.

Осуществление этих перемен должно было не только исходить от партии, но его следовало начать с партии — с перемен в самой партии. При этом перемены должны были направляться и регулироваться двумя внутренне-связанными идеями (160). *Во-первых*, чтобы партия, именуемая себя коммунистической и взявшаяся осуществлять диктатуру пролетариата, оставалась пролетарской, ибо только пролетариат может вести общество к социализму. Это значит: пролетарской по преобладающему составу, по идеологии и применяемым политическим средствам, по житейским интересам, идеалам, морали и внутрипартийным взаимоотношениям ее членов, по характеру отношений между партией и народными массами. *Во-вторых*, чтобы диктатура партии не превратилась в диктатуру верхушки партии (будь то олигархия или один ”вождь”), а, беря шире, в диктатуру партийной бюрократии над партией, ибо это означало бы перерождение диктатуры партии из инструмента и формы диктатуры пролетариата в диктатуру над пролетариатом.

Во второй и третьей главах предлагаемой работы показано, как Ленин представлял себе демократизацию однопартийной системы в решении национального вопроса и в строительстве государственного аппарата, а также в управлении им. В настоящей главе было рассмотрено, как Ленин решал вопрос о требованиях, коим должна удовлетворять коммунистическая партия, которая находится в положении единственной партии в стране диктатуры пролетариата. Попробуем теперь резюмировать и собрать воедино все, что мы узнали о том, как Ленин представлял себе демократические принципы диктатуры пролетариата, которая посредством и в форме диктатуры коммунистической партии ведет народ к коммунизму, и демократические принципы самой этой партии. Может быть, нагляднее всего ленинские принципы выступят, если их изложить в следующих шести рубриках:

Во-первых, не может быть демократии в стране, если нет демократии внутри ее единственной правящей партии.

Внутрипартийная же демократия означает, прежде всего, свободу критики и обсуждение и гарантирование прав меньшинства, ибо без этого идейное единство партии, выборность ее руководящих и исполнительных органов, контроль партии над ними и над своим аппаратом становятся формальными, иллюзорными, показными. Без этого, в лучшем случае, можно в какой-то мере организовать контроль над выполнением решений вышестоящих партийных (и советских) органов, но невозможен контроль партии и народа над самими этими органами и их решениями.

Во-вторых, не может партия вести народ к коммунизму (даже к его первой стадии — социализму), если ее внутрипартийная демократия не покоится на коммунистическом моральном единстве, то есть на таких отношениях партийной морали, главным и определяющим из которых является курс на материальное и партийно-правовое равенство членов партии, курс на изгнание и недопущение фиксированной материальной и статусной иерархии в партии, на борьбу против деления членов партии на богатых и бедных, на управляющих и управляемых.

В-третьих, не может правящая партия бороться с главным препятствием, стоящим на пути демократизации государства, — с бюрократией и бюрократизмом в государственном аппарате, если ее собственные, партийные, органы построены и функционируют бюрократически. В таком случае, она не в состоянии бороться с опасностью бюрократического перерождения, существующей для партии, стоящей у государственной власти, особенно если эта партия не разделяет власть с другими партиями и не может быть сменена другой партией. Больше же всего и непосредственным образом такая опасность идет от тенденции к саморасширению, присущей всякому бюрократическому организму. И XI партсъезд, последний съезд, работой которого руководил Ленин, без изменений утвердил пункт резолюции одиннадцатой конференции декабря 1921 года, гласивший: "Сократить до минимума рабочий аппарат парткомов и повысить его качественный состав" (161).

В-четвертых, не может правящая партия заслужить и

удержать доверие народа, который она обещает вести к коммунизму, если лицемерит перед народом и ставит себя и своих членов в привилегированное положение в общественной жизни и в государственной машине. Принадлежность к правящей коммунистической партии не должна приносить никаких выгод и преимуществ материального, бытового, служебного, правового характера — ни откровенно-демонстрируемых, ни мотивируемых интересами "представительства", — ни прикрытых, ни утаенных. Своих членов, выдвинутых ею на ответственные государственные и общественные посты, партия ни в каком отношении и ни в какой мере не должна ставить выше закона и вне досягаемости законов. Ни при каких обстоятельствах не должна она выгораживать их, если они совершили антигосударственные или антиобщественные проступки или преступления. Больше того, партия и возглавляемое ею государство должны судить их с повышенной строгостью. "Азбука юридической работы... — тройная кара коммунистам против кары беспартийным" — писал Ленин 20 февраля 1922 г. в письме Курскому о задачах Наркомюста. (ПСС, т. 44, стр. 397).

В-пятых, не может правящая партия демократически строить свои отношения с народом, если он лишен возможности контролировать и корректировать ее политику, ее действия, ее членов, ее вождей. На капиталистическом этапе своего развития общество создало многопартийную политическую систему, обладающую механизмами проверки степени доверия, которое народ оказывает правящей партии. Это формы и приемы публичной борьбы разных пратий за влияние на те или иные классы и слои народа, а в конечном итоге, за власть в стране, — борьбы как в повседневной и гласной взаимной критике в печати, на митингах, в парламентских дебатах и т.д., так и периодических голосованиях избирателей на выборах в представительные государственные и муниципальные органы, формирующие общенациональные и местные власти. Как ни несовершенны и как ни искажены эти механизмы в условиях капитализма, но однопартийная система вовсе лишена этого существенного приобретения демократического развития человечества, и единственная пра-

вляющая партия подвержена опасности утратить контакт со своим классом и народом и замкнуться в организацию с догматизированной идеологией, унифицированной мыслью и бюрократизированным аппаратом. Массовый, по численности, характер такой партии сам по себе не устраняет этой опасности, а, напротив, лишь усугубляет ее. Единственность и несменяемость привлекают в правительственную партию людей, безразличных к ее целям, а то и вовсе политически аморфных и ищущих в ней возможностей устройства личной жизни, карьеры, привилегий и т.п. И вот, тем средством, которым в однопартийной системе можно эффективно заменить публичную борьбу политических партий и избирательные кампании многопартийной системы, естественным образом являются публичные *чистки партии*. Но для этого чистки, *по Ленину*, должны быть: а) гласными, при активном и широчайшем участии народа, т.е. беспартийных масс; б) генеральными, т.е. охватывать все партийные организации; в) периодическими с достаточно короткими интервалами; г) распространяющимися на всех без исключения членов партии, включая самых ответственных деятелей, чтобы правящая партия могла, прислушиваясь к голосу народа, обновлять руководящий партийный и государственный состав. Без выполнения этих условий партийная чистка правительственной партии оказывается демагогической и бюрократической формальностью и лишена смысла. Другим же способом возместить утраченные формы демократичности многопартийной системы однопартийная система не располагает.

Наконец, *в-шестых*, не может существовать социалистической демократии в управлении страной, если правящая партия монополизирует всю государственную, правовую, общественную и интеллектуальную деятельность в стране, подменяя собою и подминая под себя все и всякие учреждения и организации, осуществляющие эту деятельность; если эта партия автократически определяет все материальные и духовные проявления такой деятельности, не оставляя свободы для *самодеятельности* и *самоуправления* масс в области государственного, общественного и культурного строительства, присваивая себе право опекать всякую народную

самодеятельность и накладывать на нее вето. На последнем партсъезде, работавшем с участием и под непосредственным руководством Ленина, этот универсальный ленинский принцип был конкретизирован для одной из наиболее простых, но вместе с тем решающих проблем — для проблемы отношения между партийными и советскими (в частности — хозяйственными) учреждениями (162). Но принцип этот Ленин считал обязательным для отношения между партийными органами и всеми решительно областями государственной и общественной работы — административной, военной, судебной, профсоюзной и, конечно, также сферой просвещения, науки, литературы, искусства.

Изложенные шесть принципов и составляют *линию Ленина* в вопросе о диктатуре коммунистической партии в Советской России. Без их выполнения не могут быть обезврежены антидемократические очаги и не могут быть устранены антидемократические тенденции, таящиеся в политической системе однопартийности, а при их выполнении монополярная диктатура коммунистической партии *способна* стать *демократической формой* диктатуры пролетариата, то есть не только не вступать в противоречие, но естественным образом совмещаться с социалистической демократией. Внутрипартийная рабочая демократия. Курс на материальное и статусное равенство между членами партии. Недопущение бюрократизма, разбухания и засилья партаппарата. Недопущение ни в чем и никаких привилегий членов партии перед беспартийными. Гласность работы партии и периодические чистки партии при участии широких беспартийных масс трудящихся. Недопущение автократизма со стороны партии в ее руководстве жизнью страны и народа, подавления партийным аппаратом самостоятельности и самоуправления масс, присваивания себе партией монополярного права на мысль и творчество и на их административное предписывание. При выполнении этих шести требований, *но не иначе как при их выполнении*, в политической системе диктатуры партии не только не утрачиваются демократические завоевания многопартийной системы, достигнутые человечеством в буржуазном обществе, но открывается

простор для их очищения, совершенствования и развития в более широкий и высокий тип демократии — в демократию социалистическую.

На XII партсъезде (апрель 1923 г.), последнем при жизни Ленина, но уже без Ленина (163), вопрос о диктатуре партии стоял в центре его работы. Можно сказать, что руководители ЦК направляли работу съезда на то, чтобы отстоять диктатуру коммунистической партии от нависшей, как им представлялось, угрозы ее ослабления в нэповских условиях переориентации жизни страны с задач войны на задачи хозяйственного восстановления и строительства. В этом они видели решающую проблему времени. В политическом отчете ЦК (его делал Зиновьев) она ставится в плане темы *"партия и государство"* и говорится: "В тот самый момент, когда беспартийные массы, когда сотни тысяч рабочих повсюду голосуют за диктатуру партии, потому что в этом заключается отношение рабочих к нам, — в это время у нас появляются голоса: а не надо ли тут чего-нибудь пересмотреть, чего-нибудь ослабить, перестроить и т.д." И дальше: "Мы должны сейчас добиться того, чтобы и на нынешнем новом этапе революции руководящая роль партии или диктатура партии была закреплена. У нас есть товарищи, которые говорят: "диктатура партии — это делают, но об этом не говорят". Почему не говорят? Это стыдливое отношение неправильно... Почему мы должны стыдиться сказать то, что есть и чего нельзя спрятать? Диктатура рабочего класса имеет своей предпосылкой руководящую роль его авангарда, т.е. диктатуру лучшей его части, его партии... В этой области нам нельзя допускать никаких ревизий". И в заключительном слове Зиновьева сказано: "ЦК на то и ЦК, что он и для Советов, и для профсоюзов, и для кооперативов, и для губисполкомов, и для всего рабочего класса есть ЦК. В этом и заключается его руководящая роль, в этом выражается диктатура партии"... "Без этого начнется ревизия формы диктатуры пролетариата" (164).

Что же это за ревизии, которые так напугали Политбюро, оставшееся без Ленина, и кто были эти "ревизионисты"? На съезде это были Красин, Осинский, Ларин, которые на-

стаивали на некотором расширении самостоятельности административных и хозяйственных органов советского государства и апеллировали к резолюции предыдущего, XI-го съезда, установившей (как мы выше видели), что "партоорганизации ни в коем случае не должны вмешиваться в повседневную текущую работу хозорганов, должны направлять деятельность хозорганов, но ни в коем случае не стараться заменять и обезличивать их". Но в это время формула "диктатура партии", введенная Лениным в политический (да и теоретический) арсенал РКП, была обязательной и само собой разумеющейся, и названные "ревизионисты" признавали ее не в меньшей мере, нежели их обвинители (165). И единогласно принятая резолюция XII съезда по отчету ЦК ввела эту формулу также и в официальный руководящий документ партии. "Диктатура рабочего класса — читаем мы в ней — не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т.е. ибо она одна исторически призвана быть действительным проводником диктатуры рабочего класса (166). И закрывая съезд, Зиновьев резюмировал: "Мы приняли важнейшее решение в вопросе о диктатуре партии... Съезд подчеркнул ту линию, которая является единственно марксистской, единственно правильной... В вопросе о диктатуре нашей партии нет и не может быть ни малейших отступлений от той дороги, по которой мы шли и по которой мы пойдем дальше" (167). "Правда" же в передовой, посвященной резолюции съезда по отчету ЦК (20 апреля), употребляет выражение "партийная диктатура рабочего класса", а в передовой об итогах съезда (27 апреля) угрожает: "Съезд никому не позволит шутить с вопросом о диктатуре партии".

Оглядываясь на полную новых противоречий и по-новому грозную обстановку того времени, не трудно понять, почему руководители партии заострили вопрос о диктатуре партии и выдвинули его на передний план (168). Нэп вызвал среди буржуазии и мелкобуржуазной стихии и, конечно, у последышей их политических партий за рубежом и внутри страны надежды на капиталистическое *перерождение* советской экономики (а вслед за нею и вместе с нею — все-

го советского строя) *через ослабление зависимости* от воздействия и контроля со стороны компартии. На это еще Ленин обратил внимание партии и предостерегал, что от надежд на реставрацию капитализма враги неизбежно перейдут к попыткам тихой сапой осуществить реставрацию, и что в компартии, стоящей у власти, не могут не появиться их невольные пособники в государственном (особенно в хозяйственном) аппарате. Но Ленина не было — и ответственность за сохранение пролетарского характера и социалистических перспектив революции легли на плечи партийного руководства. Первой его реакцией на вражеское противопоставление советского государства коммунистической партии, наиболее простой и непосредственно напрашивающейся реакцией, было, — так сказать, административно оградить советский аппарат от этой опасности, теснее сомкнув его с партийным аппаратом. И тут традиция подсказывала апеллировать к аргументу, понятному всей партии, да и большей части рабочего класса, — и к необходимости в полной мере соблюдать диктатуру компартии в нашей стране. Кто был прав в определении меры такого смыкания работы советских и партийных учреждений — руководство партии или "ревизионисты" (169) (ибо, по существу, спор шел только о *мере!*) — не место здесь разбирать. Здесь для нашей темы важно другое: в своих поисках решения задачи укрепления диктатуры партии XII партсъезд *прошел мимо* того решения, которое разработал и предлагал Ленин, *мимо* тех требований, которые Ленин предъявлял к диктатуре одной партии, — *мимо* идей Ленина об усовершенствовании этой диктатуры путем ее радикальной демократизации "*рядом перемен в нашем политическом строе*" и о немедленном приступе к такой демократизации.

Настаивая на укреплении диктатуры партии, Зиновьев, конечно, ссылаясь на Ленина — на то, что "тов. Ленин дал нам в своих подготовительных работах к съезду ясные указания по вопросу о диктатуре партии" (170). Как другие делегаты, говорившие на эту тему, Зиновьев имел в виду прежде всего предложение Ленина об РКИ и ЦКК, но как раз здесь выступает особенно наглядно различие между линией

Ленина и ориентацией руководителей XII съезда. План реорганизации НКРКИ посредством его слияния с ЦКК, предложенный Лениным в январе-марте 1923 года, как читатель мог увидеть в третьей главе настоящей работы, ни с какой стороны не направлен на ограничение и никак не "предостерегает против слишком расширительного истолкования" решения XI съезда, принятого при Ленине в марте 1922 года, о невмешательстве партийных органов повседневную работу хозорганов. Напомним — 1) что в этом плане дело идет не об одностороннем контроле партаппарата над советским аппаратом, а о создании единой контрольной системы для всех областей (и при том на всех уровнях) общественной жизни, как государственных, так и партийных; 2) что по способу комплектования ее работников и по методам работы это система непосредственно общественная, народная, во всех звеньях демократическая и принципиально-антибюрократическая; 3) что по своему существу и организационному строю это не система дублирования государственного аппарата в партийном аппарате и подчиненности первого второму, а система *слияния* их обоих в один аппарат — в той сфере деятельности (контролирования, а не управления!), в которой функции рабоче-крестьянского государства и коммунистической партии органически совпадают. Словом, для Ленина план реорганизации РКИ на основе слияния ее с КК был одной из "ряда перемен в нашем политическом строе", которые должны были в самой основе демократизировать — "орабочить и окрестьянить" — исторически образовавшуюся у нас систему диктатуры одной коммунистической партии и этим сделать ее приемлемой формой диктатуры пролетариата на пути к социализму как первой фазы коммунизма. А докладчик от ЦК Зиновьев на XII съезде заявил по поводу диктатуры партии: "По крайней мере, на 10 лет вся международная и вся внутренняя обстановка таковы, что мы никак этой диктатуры, которую знали до сих пор, изменять не можем" (171).

В предыдущем параграфе мы видели, что на XII съезде Зиновьев и Каменев, которые на съезде выступали как два главных его руководителя и как потенциальные преемники

Ленина, не отдавая себе в том отчета и твердя о верности Ленину, фактически делали дело Сталина — расчищали почву для сталинского отхода от Ленина. В вопросе о диктатуре партии это выглядит более завуалированно и запутанно, чем в истории с сокрытием от делегатов съезда или с запрещением обсуждения на съезде документов, предназначенных для съезда, и чем в махинациях по дискредитации и устранению Троцкого из "ядра внутри ЦК". Но и здесь позиция, занятая Зиновьевым и Каменевым, открывала дорогу не ленинскому преобразованию системы диктатуры одной партии путем развития и расширения демократических возможностей этой системы и максимального внедрения в нее социалистического демократизма, а, напротив, сталинским расчетам на максимальное ограничение, свертывание и сужение ее исконных пролетарско-демократических черт и превращение ее в диктатуру автократическую и бюрократическую.

В своих выступлениях на съезде Сталин не употреблял выражение "диктатура партии". Но он поддерживал резолюцию, гласящую, что "диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т.е. Компартии" (172). И его подпись стоит под пресловутым "Письмом членов и кандидатов Политбюро" по поводу Троцкого, упоминавшимся в предыдущем параграфе настоящей главы, а в этом письме одним из центральных позитивно сформулированных положений является следующее: "Теперь Политбюро, в связи с болезнью Владимира Ильича, придется еще больше играть роль фактического правительства" (173). Главное же в том, что в орготчете ЦК, который он делал на съезде, Сталин, как мы уже знаем, во всех подробностях развернул целую систему практического построения диктатуры партии, какой бы он хотел ее видеть. Напомним, что заключительный раздел своего отчета Сталин озаглавил: "О партии как организме и партии как аппарате" (174) — различие (чтобы не сказать — противопоставление) немислимое в представлении Ленина о коммунистической партии. Конечно, главная и значительно большая часть раздела посвящена именно партии как аппарату. Если Сталин на XII съезде поддерживал формулу "диктатура пар-

тии", то в том смысле, который он этой диктатуре придавал в старом, еще тайном "Наброске" 1921 года, а именно в смысле политической системы, при которой страной управляет иерархически организованный командный состав одной единственной партии, или, выражаясь проще и вместе с тем вполне точно, в смысле *диктатуры партийного аппарата* (175).

Повторяем, что при этом Сталин на съезде, где все (и даже резолюция по отчету ЦК!) щеголяли формулировкой "диктатура партии", не употреблял ни эту формулировку, ни тем более формулировку "диктатура партийного аппарата", отлично выражающими суть дела соответственно в ленинском и сталинском плане. Но только ли по своему ханжеству и макиавеллизму Сталин, уже давно замысливший создать и в то время уже начинавший создавать автократическую и, как показала позднейшая история, тоталитарную форму диктатуры партийного аппарата, — только ли поэтому он избегал пользоваться этими формулировками? Словом, только ли потому, что он принадлежал к числу тех умственно трусливых руководителей партии, о которых, как мы видели, Зиновьев в политотчете сказал: "У нас есть товарищи, которые говорят: "диктатура партии — это делают, но об этом не говорят""?

Нет, не только поэтому. Как показало дальнейшее, здесь у Сталина имелся расчет. Во всяком случае, уже через год, 17 июня 1924 года, в докладе на курсах секретарей укомов при ЦК об итогах XIII партсъезда он переходит от позиции молчаливой поддержки формулы "диктатура партии", которую он занимал на XII съезде, к атаке на эту формулу, как на "чепуху" и "несообразность" и, не моргнув глазом, развязно заявляет, "что в резолюции XII съезда было пущено такое выражение, конечно, по недосмотру" (!). И эта атака тут же из узкой партаппаратной аудитории выносится в народ — на страницы "Правды" (176). К этому времени Сталин уже вышел на первое место в иерархии партаппарата и мог безнаказанно позволить себе полемику заменить запелляционным демагогическим враньем и издевательскими извращениями мыслей (и текстов!) противника — и торже-

ствуя, "опровергать" мысли и высказывания, которых у противника и в помине не было. "Видимо кое-кто из товарищей полагает, что у нас диктатура партии, а не рабочего класса" — говорит он тут же по поводу взгляда (и бесконечно *повторенных* формулировок), что диктатура рабочего класса у нас осуществляется *в форме* диктатуры партии... Но кто же эти "кое-кто"? Конечно не Троцкий, с которым как с партруководителем в это время было уже покончено, да которого, к тому же, уже стало правилом обвинять в "недооценке роли партии". Удар был направлен против вчерашних патронов Сталина — Зиновьева и Каменева, первый публичный удар, рассчитанный на их компрометацию в глазах партаппарата (и нанесен-то он был перед секретарями укомов!), а через партаппарат — по схеме и по практике Сталина — в глазах партии. Началась далеко загаданная кампания по устранению главного в то время препятствия на пути Сталина к единодержавию — двух оставшихся некомпрометированными членов старого ленинского Политбюро — Зиновьева и Каменева.

Но атака Сталина на формулу "диктатура партии" имела и более далекий прицел. Конечно, она была доходчивым демагогическим средством усилить тягу партийных кадров от Зиновьева и Каменева, хотя и привычно окутанных ореолом первых после Ленина политиков и теоретиков большевизма, но именно поэтому не близких и не всегда понятных, к Сталину, который, правда на людях мало выделялся при Ленине, но зато теперь, когда он вышел из тени, оказался более своим и понятным, более практичным, более аппаратным. И партаппарат с энтузиазмом подхватил атаку уже потому, что этим морально укреплялось его положение в глазах рядовых партийцев, да и беспартийных: "мы-де представители не диктатуры партии, а диктатуры всего рабочего класса". Однако, дело шло не только и не просто о Зиновьеве и Каменеве. Правда, Сталин фактически уже занимал первое место в партии, но где была уверенность, что он останется на нем? Формула "диктатура партии", да еще действующая как директива верховного органа партии, партсъезда, таила в себе постоянную опасность опеки над ним, угрозу не-

устойчивости его положения. "Диктатура рабочего класса" — формула вполне безопасная: это нечто "вообще", что-то декларативное и безличное. Но диктатура партии это — нечто вполне конкретное, организационно-связанное и весьма личное: она персонифицирована в партийных съездах, в ЦК, ЦКК, Политбюро, от которых могут придти всякие неожиданности. И Сталин придумал дезавуировать ленинскую формулу "диктатуры партии", изгнать ее из партии, растоптать и осмеять, чтобы раз навсегда закрыть ей доступ в партийную литературу и в партийный язык. Приступив к этой операции вскоре после XIII партсъезда, он довершил ее с претензией на теоретичность назавтра после XIV съезда (после того как отделался на нем от Зиновьева и Каменева) в брошюре с фарисейским названием, "К вопросам ленинизма", написанной в январе 1926 года и с тех пор входившей во все издания евангелия сталинизма — сборника речей и статей Сталина "Вопросы ленинизма". Теоретичность же состояла, как водится у Сталина, в том, чтобы представить формулу "диктатура партии", выдвинутую и развитую Лениным, противоречащей Ленину. Мы не станем здесь излагать ту беззастенчивую словестную эквилибристику, при помощи которой это производится. 1926 год далеко отстоит от нашей темы. Но, пожалуй, стоит отметить, что в этом раннем сталинском комментарии к Ленину среди примитивной, семинаристского пошиба, казуистики и прямых подтасовок да фальсификаторских перетолкований уже встречаются элементы отмежевания от Ленина (напр., снисходительные оправдывания "неточностей" и "переносных смыслов", допускаемых Лениным, и т.п.) (177).

Однако, не личные мотивы Сталина в его борьбе против ленинской формулы "диктатуры партии" составляют главный интерес и раскрывают исторический смысл этой борьбы, а тот широкий объективный фон, который стоял за нею и в который мотивы Сталина органически вплетались. Время XII партсъезда, когда больной Ленин не участвовал в политической жизни, и время XIII съезда, первое время после смерти Ленина, совпали с периодом, когда судьбы социалистической революции и диктатуры пролетариата в нашей стране

оказались на развилке, — и в вопросе о диктатуре партии это получило наиболее концентрированное выражение.

Если мы осознанно и последовательно считаем, что формой диктатуры пролетариата у нас является и должна быть диктатура коммунистической партии, и открыто ориентируемся на это рабочий класс и весь народ, то первым условием соблюдения и углубления социалистичности нашей исторически сложившейся однопартийной политической системы признается постоянное внимание и противодействие антидемократическим опасностям, таящимся в ней, а стержневой задачей ее строительства и развития считается постоянное и неустанное расширение и углубление демократичности диктатуры партии, а для этого — и самой партии, осуществляющей диктатуру. Такова и была позиция Ленина — в этом заключалось содержание тех его требований к компартии в однопартийной политической системе, которые мы выше изложили в шести рубриках, и в этом объяснение и смысл его предложений XII съезду *”предпринять ряд перемен в нашем политическом строе”, начав их с партийных перемен* (или, как он их в том же *”Письме к съезду”* называл — *”реформ”*) — с введения рабочих, неискушенных в советской службе, в состав ЦК и ЦКК, и *через эти непосредственно партийные реформы* реформировать советский строй и советские порядки (слияние НКРКИ с ЦКК!). В однопартийном социалистическом государстве, стремящемся (а оно не может не стремиться!) к социалистической демократии в государственных и общественных отношениях страны, ключ к ней лежит в демократизации отношений внутри правящей коммунистической партии — вот в чем, коротко говоря, состоит, по Ленину, теоретическое и практическое содержание и значение формулы *”диктатура партии”*.

Если же формула диктатуры партии объявляется *”чепухой”*, как это сделал Сталин, и отбрасывается, то тем самым выбрасывается и этот ленинский ключ к сохранению диктатуры пролетариата и к строительству социализма в условиях однопартийной политической системы. Идея произвести политические перемены в стране через демократические реформы в партии логически отпадает. Сами эти реформы утрачи-

вают первостепенность и настоятельность. Вместе с ними уходит и задача политических перемен — она остается без практического опосредствования, без механизмов осуществления, да и без реального выполнения. И все это *заменяется* улучшением — без каких-либо перемен в политическом строе — аппарата управления государством и аппарата управления партией, как организационным костяком и поставщиком кадров для государственного аппарата. Словом, в противоположность ленинскому курсу на социалистическую демократизацию партии и страны перед нами сталинский курс на их рациональную бюрократизацию.

Приведем здесь полностью одно (надо думать, искреннее) рассуждение Сталина, из его заключительной речи по организационному отчету ЦК на XIII партсъезде, в мае 1924 года, в ответ на предостережение Троцкого об опасности, идущей от бюрократизации партийного аппарата: "Опасность состоит не в этом, а в возможности реального отрыва партии от беспартийных масс. Вы можете иметь партию, построившую аппарат демократически, но если она не связана с рабочим классом, то демократия эта будет впустую, грош ей цена. Партия существует для класса. Поскольку она связана с классом, имеет контакт с ним, имеет авторитет и уважение со стороны беспартийных масс, — она может существовать и развиваться даже при бюрократических недочетах. Если всего этого не имеется, то поставьте какую угодно организацию партии — бюрократическую, демократическую — партия погибнет наверняка. Партия есть часть класса, существующая для класса, а не для себя самой" (178)... Это рассуждение весьма характерно для Сталина и сталинизма. Это — *софизм бюрократа*, разумению коего органически недоступно, что не может партия без демократии быть связана с рабочим классом (если это не "связь" посредством командования), что не может такая партия иметь внутренний контакт с рабочим классом и его доверие, не может она оставаться частью рабочего класса, что без демократии в собственных рядах партия эта неминуемо вырождается в организацию, пусть в какой-то мере и выходцев из рабочего класса, но оторвавшихся от него и поставивших себя над ним, словом,

что без демократии партия перестает существовать для дела рабочего класса.

Вспомним еще раз Зиновьева и Каменева. На XII партсъезде они выступали с формулой диктатуры партии, как единственно закономерной в нашей исторически образовавшейся однопартийной политической системе и ставшей особенно необходимой в условиях оживления антисоциалистических элементов с введением нэпа. Они провели эту формулу в резолюцию съезда и пропагандировали ее после съезда. Но и тогда (как показано выше), и еще на следующем, XIII съезде, и чуть ли не целый год после него они не разделяли ленинский план социалистической демократизации диктатуры партии, не понимали существо, значение и неотложность этого плана. Осуществление этого плана давало *единственную возможность* предотвратить вырождение диктатуры партии в диктатуру партийного аппарата, которая неминуемо, в силу логики вещей, должна рано или поздно завершиться диктатурой партийной олигархии или единственного партийного вождя. Зиновьев и Каменев прокламировали диктатуру партии, потому что видели в ней заслон против капиталистических сил, развязанных нэпом, в то время как Ленин видел в ней прежде всего и главным образом заслон против опасности бюрократического, а там и бонапартистского вырождения партийного руководства. Для Ленина центральной и конституирующей проблемой диктатуры партии, поскольку и пока в стране существует однопартийная система, была задача ее социалистической демократизации. Для Зиновьева же и Каменева это был вопрос второстепенный; знакомясь с материалами периода XII съезда, мы видим, что из тогдашних членов Политбюро один лишь Троцкий более или менее близко подходил к проблеме демократизации партии, за что, как мы уже знаем, получил от остальных членов Политбюро еще до съезда упрек в "приближении к ликвидаторским идеям" о роли партии в Советском государстве. Даже когда в глазах Ленина опасность, от которой должна была уберечь демократизация диктатуры партии, предстала воплощенной в "необъятной власти", сосредоточенной в руках генсека Сталина, — персонифи-

цировалась в личности Сталина, — и Ленин указал партсъезду первую и неотложную меру против нее — снятие Сталина с поста генсека, даже тогда мысли Зиновьева и Каменева были настолько далеки от этой опасности и от всей этой проблемы, что они не только оставили без внимания ленинский план демократизации партии, а вместе с нею и страны, но даже пошли против прямого указания Ленина насчет Сталина (179). Последнее, впрочем, вполне естественно: без принятия плана Ленина не могло получиться противопоставления Сталину и его замыслам. Без этого идея диктатуры компартии низводится до идеи *осуществления* этой диктатуры *парторганами* — процесс, который фактически шел уже с 1922 года, с тех пор как Сталин занял пост генсека, шел все более утверждаясь и убыстряясь (180), и которому Зиновьев и Каменев в это время потворствовали. Далекие же замыслы Сталина состояли в том, чтобы для отвода глаз и заматывания следов грома в теории и в пропагандистских выступлениях формулу диктатуры партии (181) в то же время в государственных делах и в практической политике проводить режим и, в конечном счете, создать строй диктатуры партийного аппарата, как инструмент диктатуры одного единственного и несменяемого вождя — его диктатуры в стране и внутри партии.

Да, и внутри партии — *прежде всего внутри партии*. Как тут не вспомнить злое предупреждение Плеханова периода еще первых дореволюционных споров? Плеханов тогда в запальчивости писал: "Вообразите, что за Центральным Комитетом всеми нами признано пока еще спорное право "расскассирования". Тогда происходит вот что. Ввиду приближения съезда, ЦК всюду "расскассировывает" все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивают себе вполне покорное большинство на съезде. Съезд, составленный их креатур ЦК, дружно кричит ему "ура!", одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас, действительно, не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха" —

«j'amaís politique, toujours hourrah! et puis фюить!» (181). У нас тогда будет как раз это самое: «j'amaís politique, toujours hourrah! et puis ...расскашивание»... В партии "остались бы лишь лягушки, получившие, наконец, желанного царя, да *Центральный Журавль*, беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другой. J'amaís politique, toujours hourrah! et puis... прощай, бедные, неразумные лягушки!" (183).

Ленин, конечно, всегда помнил об этом и был на страже, чтобы не могла осуществиться картина, нарисованная его противником. Увы, когда не стало Ленина, предостережение Плеханова очень скоро обернулось пророчеством, а сатира — зловещим ясновидением: перед нами до буквальности точная картина перерождения пролетарской революционной партии в извращенной Сталиным советской однопартийной политической системе. . .

ПРИМЕЧАНИЯ

1) То, что в ГДР, Польше, Болгарии наряду с коммунистической партией имеются другие партии, не меняет дела. Эти "партии" не стоят в оппозиции к коммунистической партии и заведомо построены так, что возможность такой оппозиции исключена, а их "блок" с компартией — бутафория. Это не независимые политические единицы, а более или менее массовые организации, служащие коммунистической партии для воздействия на те или иные слои населения.

2) См. также "Бюллетени ЦК большевиков" в первые послеоктябрьские недели, издававшиеся под руководством

Свердлова на гектографе и рассылавшиеся парторганизациям для внутреннего употребления. Они были опубликованы А.Бубновым из его личного архива в первой книжке журнала "Пролетарская революция" (1921 г., № 1). В шестом бюллетене читаем: "Абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти" (стр. 16 журнала), а в других бюллетенях приводятся подтверждающие факты (стр. 11, 12, 14, 15).

3) "Протоколы Центрального Комитета РСДРП (август 1917 — февраль 1918)". М., 1929, стр. 216 и примеч. на стр. 219; при переиздании "Протоколов" в 1958 г. это примечание почему-то было устранено.

4) В декабре 1917г. СНК состоял из 11 большевиков и 7 левых эсеров. См. кн. "Политическая организация Советского общества" из пятитомника АН СССР "Социализм и коммунизм". М. 1967, стр. 377.

5) "Съезды Советов в документах 1917—1936", т. 1, М. 1959, стр.59.

6) См. Е.Г.Гимпельсон — "Из истории образования однопартийной системы в СССР" ("Вопросы истории", 1965, № 11, стр. 29). В этой статье читатель найдет некоторые интересные материалы, литературные и архивные по ее теме.

7) В. Яроцкий — "Профессиональное движение в Советской России" в "Ежегоднике Коммунистического Интернационала", П.-М., 1923, стр. 446.

8) См. "Восьмой Всероссийский съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов". Стенографический отчет (22-29 декабря 1920 года). М., 1921.

9) "Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 года. Стенографический отчет." М. 1961, стр. 545. (Резолюция "Об укреплении и новых задачах партии", § 3).

10) Да и на подступах к Октябрю Ленин исходил из того, что после взятия ею власти государством будет управлять немногочисленная пролетарская партия. В брошюре "Удержат ли большевики государственную власть?", написанной в конце сентября — начале октября 1917 года, он писал против скептиков: "Россией управляли после 1905 года 130.000 помещиков, управляли посредством бесконечных насилий

над 150 миллионами людей... И Россией, будто бы, не смогут управлять 240.000 членов партии большевиков, управлять в интересах бедных и против богатых" (ПСС, т. 34, стр. 313).

После смерти Ленина Зиновьев, настойчивый сторонник максимально-многочисленной партии (многочисленной за счет рабочих от станка), изображал Ленина своим единомышленником в этом вопросе. Так, в статье "Новый "ленинский призыв" и новая глава в жизни нашей партии" ("Ленинградская Правда", 17 и 18 февраля 1924 г.; перепечатано в кн.: Г.Зиновьев — "Сочинения", т. XV, Ленинград, 1924, стр. 182-200) он ссылается на два "одобрения" со стороны Ленина. Но в первом случае, в котором речь идет о рекомендательном примечании к статье для "Правды" от 21 сентября 1919 года, присланной Зиновьевым из Петрограда, Ленин ничего не говорит о центральном пункте статьи — о лозунге "за миллион членов коммунистической партии" — и лишь призывает, "чтобы повсюду, по примеру Петербурга, занялись одновременно и строжайшей чисткой нашей партии от примазавшихся и усиленным привлечением в партию всех лучших элементов массы рабочих и крестьян" (ПСС, т. 39, стр. 195). Вторым случаем Зиновьев называет написанную им резолюцию II Конгресса Коминтерна (лето 1920 года) "О роли коммунистической партии в пролетарской революции", в которой есть фраза: "Лишь после того, как окончательное поражение буржуазного строя станет очевидным для всех, в ряды коммунистической партии начнут входить все или почти все рабочие" ("2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет." Петроград, 1921, стр. 569.). Ленин поддержал резолюцию в целом, но значит ли это, как утверждает Зиновьев, что он разделял и эту фразу?

Во всяком случае, приводимые в настоящем параграфе факты свидетельствуют, что Ленин во все годы после Октября (в том числе в годы, на которые ссылается Зиновьев) был сторонником малочисленной, узкой компартии как единственной партии, стоящей у власти.

11) Со стороны Ленина это была, конечно, не принципиальная, но практическая уступка. Первоначально (в вышеупомянутом письме Залуцкому, Сольцу и членам Политбюро от 19 декабря 1921 г.), Ленин, "считая рабочим того, кто не меньше 10 лет своей жизни работал в крупной промышленности простым наемным рабочим и теперь работает не меньше 2-3 лет", предлагал для такого рабочего "срок кандидатура 1 1/2 года" (ПСС, т. 44, стр.283). Напомним, что устав

партии, принятый восьмой партконференцией в декабре 1919 г., гласил: "Рабочие и крестьяне должны пробывать в числе кандидатов не менее 2 месяцев, остальные — не менее 6 месяцев" ("Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 года. Протоколы." М. 1961, стр. 192).

12) "Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 года. Стенографический отчет." М. 1961, стр. 500 и 501). Доклад Зиновьева от комиссии по партстроительству).

13) "Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 г. Стенографический отчет". М. 1961, стр. 549.

14) Читатель, конечно, обратил внимание, что Ленин писал это в 1921-22 гг. и, стало быть, отказывал в праве на сокращенный кандидатский стаж не только рабочим, пришедшим на заводы и фабрики после революции, но и тем, кто пришел в годы первой мировой войны, когда это давало освобождение от фронта.

15) Эту волновавшую его мысль Ленин тогда же повторил в Политическом отчете ЦК на XI партсъезде, пока что воздержавшись, однако, перед широкой аудиторией от формулирования своих далеко идущих выводов. Он сказал: "Очень часто, когда говорят "рабочие", думают, что значит это фабрично-заводской пролетариат. Вовсе не значит. У нас со времен войны на фабрики и на заводы пошли люди вовсе не пролетарские, а пошли с тем, чтобы спрятаться от войны, а разве у нас сейчас общественные и экономические условия таковы, что на фабрики и заводы идут настоящие пролетарии? Это неверно. Это правильно по Марксу..., а для России теперешней неверно. Сплошь да рядом идущие на фабрики — это не пролетарии, а всяческий случайный элемент" (27 марта 1922 г. — ПСС, т. 45, стр. 106-107).

16) ЦПА ИМЛ. — Приведено в ст. О. Обичкина "Вопросы парт. строительства на VI (Пражской) Всерос. конфер. РСДРП". "Вестник Моск. Ун-та", серия IX (История) 1962, № 3, стр. 17. Протоколы конференции не разысканы.

17) "Вам, партии (читаем мы в первом письме) нужна социалистическая наука, а она не может существовать без свободы развития... Даже легкая размовка, не говоря уже о разрыве между немецкой партией и немецкой социалистической наукой была бы ни с чем несравнимым несчастьем и позором. Что Правление (партии) и лично вы сохраняете и

должны сохранять значительное *моральное* влияние на "Нойе Цайт" и на все, что вообще печатается, — это само собой разумеется. Но этим вы должны и можете удовлетворяться" (М. и Э. — Сочинения, изд. 2-е, т. 38, М. 1965, стр. 77). Во втором же письме Энгельс разъясняет: "Вам, безусловно, *необходимо* иметь в партии прессу, независимую непосредственно от Правления и даже от партийного съезда, т.е. прессу, имеющую возможность в рамках программы и принятой тактики свободно выступать против тех или иных шагов, предпринятых партией, а также, не преступая границ партийной этики, подвергать свободной критике программу и тактику. Такую прессу вы как Правление должны поощрять и даже создавать, тогда вы будете иметь на нее большее моральное влияние, чем если она возникнет наполовину *вопреки* вашей воле... Формально независимая партийная пресса появится-то непременно, но будет лучше, если вы вызовете ее к жизни при таких обстоятельствах, чтобы она с самого начала находилась под вашим моральным влиянием, а не возникла наперекор вам против вас" (там же, стр. 441-442).

18) Вот как говорил о блоках Ленин на IX съезде партии в связи с дискуссией между сторонниками коллегиальности и сторонниками единоначалия: "Пусть те и другие будут представлены в ЦК — и будет блок. Пусть будет так составлен ЦК, что путем блока можно будет найти поприще для оперирования круглый год, а не только в течение недели партийного съезда... Нужна такая организация ЦК, чтобы он знал оттенки не только 600.000 членов партии, но и 3.000.000 членов профессиональных союзов, чтобы он мог вести в любой момент всех как одного человека! Такая организация необходима! Это интерес основной, политический, без которого диктатура пролетариата не будет диктатурой. Блок так блок! Не пугаться его, а приветствовать и осуществлять крепче и шире в самых центральных учреждениях партии." (31 марта 1920 г. — ПСС, т. 40, стр. 274-275). А о блоках *во время* дискуссии Ленин сказал перед X съездом: "Блокироваться разным группам (особенно перед съездом), конечно, дозвоительно (и гоняться за голосами тоже). Но надо это делать в пределах коммунизма." (Январь 1921 г., брошюра "Кризис партии". — ПСС, т. 42, стр. 243).

19) Содоклады оппозиций были: на седьмом съезде по вопросу о войне и мире (Бухарин); на восьмом съезде по военной политике (В.Смирнов) и организационному вопросу (Осинский); на девятом съезде по хозяйственному строительству (Осинский и Рыков), о профсоюзах (Ряза-

нов) и по организационному вопросу (Максимовский); на девятой конференции по задачам партстроительства (Сапронов); на десятом съезде по партийному строительству (Игнатов, Максимовский и Смилга) и о профсоюзах (Троцкий и Шляпников), да еще по вопросу о продналоге, если не с содокладом, то с отличной от ЦК резолюцией выступил Фрумкин.

20) Ленин считал: "Когда на выборах борются две группы, два течения или фракции, то для того, чтобы собрать партийную конференцию, как решающий орган, или партийный съезд, пропорциональное представительство необходимо" (21 ноября 1920 г., речь по выборам в МК. — ПСС, т. 42, стр. 39).

А Пленум ЦК, готовивший X партсъезд, в постановлении от 12 января 1921 г. предлагает добиться полной свободы дискуссии... допустить выборы на съезд по платформам... и указывает, что "содокладчиками могут быть все желающие" ... Ибо все это даст "возможность съезду вынести обдуманное и твердое решение, которое объединит всю партию в единстве действий." (ЦПИМЛ; приведено в кн. Э. Генкиной "Государственная деятельность В.И.Ленина. 1921-1923". М. 1969, стр. 94-95).

На самом же X съезде Ленин в речи о профсоюзах сказал: "Когда здесь острят по поводу того, что бывают совещания в двух комнатах, — это наивно. Я хотел бы посмотреть на того шутника, который скажет, что запрещаются совещания делегатов на съезде, чтобы не раскололись их голоса." (ПСС, т. 43, стр. 53).

21) "Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы". М. 1959, стр. 325. И там же, стр. 219: "Худого в оппозиции ничего нет. Каждый товарищ, если считает, что нужно партийный и советский корабль направить в другую сторону, может об этом заявить, — это его право." — Мы не говорим уже о том, что нередко делегаты партсъездов и не в порядке оппозиции выступали со своими самостоятельными вариантами тезисов, помимо предлагаемых официальными докладчиками от ЦК, — и эти вольные тезисы принимались съездом к обсуждению и для выработки резолюций наравне с тезисами ЦК. Так, на девятом съезде стоял вопрос о кооперации. Тезисы ЦК внес докладчик Крестинский, а наряду с ним свои тезисы представили: Мещеряков и Сольц; Милютин; Цюрупа, Свидерский и Хинчук.

22) "Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы." М. 1959, стр. 423 и 429.

23) "Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. Протоколы." М. 1961, стр. 25-26.

24) Там же, стр.197-198.

25) Несколько позднее, в политическом отчете ЦК на X партсъезде, 8 марта 1921 года, Ленин так сказал об этом разномыслии: "Наша партия, как партия... , перевалившая за полмиллиона членов, стала массовой партией, во-первых, партией правительственной, во-вторых, и, будучи партией массовой, она отражает частью кое-что такое, что происходит вне ее рядов. Это очень и очень важно понять" (ПСС, т. 43, стр. 16).

26) См. "Отчет о работе ЦК за период от IX до X партийного съезда". "Известия ЦК РКП(б)", 1921, 7 марта (перепечатано в кн. "Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографич. отчет", М. 1963, стр. 800).

27) "КПСС в резолюциях и решениях...". Изд. 8, т. 2 (1917-1924). М. 1970, стр. 192.

28) Впервые ЦКК приступила (и притом в широких масштабах) к нарушению этого строгого требования Ленина относительно инакомыслящих в партии осенью 1923 г., когда, тяжело больной, он уже не имел контроля над партийным руководством и партия после XII съезда была в руках Зиновьева, Каменева, а практически — Сталина. ЦКК обрушила тогда свои репрессии на сторонников Троцкого и сторонников открытой и честной дискуссии с ним. Впрочем, как мы уже знаем, несколькими месяцами раньше, на июньском ("Четвертом") совещании ЦК РКП(б) по национальному вопросу, была проведена генеральная репетиция — в связи с "делом" члена коллегии Наркомнаца Султан-Галиева, которое докладывал председатель ЦКК Куйбышев. Автор сейчас не располагает протоколами совещания и, к сожалению, не в состоянии изложить ход поучительнейшего для нашей темы обсуждения этого "дела" (протоколы были изданы в 1924 году, и в давно прошедшее время автор их читал). Но и опубликованной резолюции было достаточно, чтобы ее политическая методика, ее язык и стиль ("анти-партийность и объективно-контрреволюционность", "сама логика внутри-партийной работы", "приведшая" к "предательству" и "преступным действиям по отношению к Советской республике" и т.д. и т.п.) предстали не только как модель надвигавшихся (задуманных?) сталинских "идейных" разгромов внутри-

партийных противников, но и как предвосхищение более далеких "судебных" расправ с инакомыслящими в партии (См.: "КПСС в резолюциях...", изд. 8-е, т. II, стр. 487, М. 1970).

29) Читателя, разумеется, не удивит, что этот ленинский документ был впервые напечатан только после XX съезда, в 1959 году.

30) Закрывая от имени ЦК конференцию, Зиновьев сказал: "Мы не можем стричь всех под одну гребенку, иначе партия была бы серой." ("Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 года. Протоколы.", М. 1972, стр. 267). А делегатское собрание Московской парторганизации, через месяц после конференции обсуждавшее ее решения, написало в своей резолюции: одним из средств "теснейшего единения партийных центров с массами" является "свободное допущение идейных споров, которые не только неизбежны, но и желательны, так как вносят живую струю в партийную работу." ("Правда", 31 октября 1920 г.).

31) Но, конечно, сам Ленин *всегда* придерживался этого принципа идейного единства революционной партии — и не только после прихода большевиков к власти, но уже и тогда, когда он создавал партию в условиях царской России. Так, в январе 1904 года, в проекте резолюции Совета РСДРП, Ленин писал об "установлении мира в партии и нормальных отношений между несогласномыслящими членами партии." (ПСС, т. 8, стр. 143).

32) Вот как Ленин сказал об этом на 9-ой конференции: "Положение общее настолько тяжело, что найти время для партии, найти возможность для партии специально этот вопрос поставить, — раньше мы не могли. И сейчас мы ставим его с трудом..." Но "общее положение республики улучшилось настолько, что сейчас мы имеем возможность обсуждать с большим хладнокровием: мы не ставим теперь вопроса о преждевременном прекращении конференции, как ставили несколько раз в эпоху наступления Колчака и Деникина... Во всяком случае, теперь мы находимся в таком положении, что можем и должны, не ограничивая себя, теперешние рассуждения кончить." (ПСС, т. 41, стр. 286-287). — К этой замечательной речи Ленина, скрытой от партии до 1963 (!) года, мы подробнее вернемся в следующем параграфе, о моральном единстве партии.

33) 24 декабря 1920 г. ЦК вынес решение о свободной дискуссии. См.: Ленин — ПСС, т. 42, стр. 237, 268.

34) Напр., тактикой "никаких уступок", на которую Ленин ответил: "А мы пойдем вопреки этому на "уступки" и завоюем все, что есть здорового" (ПСС, т. 42, стр. 49).

35) "Рабочая оппозиция" противопоставляла себя *обоим* главным спорящим партийным течениям. В заключительном слове по отчету ЦК Ленин рассказал: "Когда мне приходилось на II съезде горнорабочих спорить с т.т. Троцким и Киселевым, две точки зрения выступали явно: "Рабочая оппозиция говорила: "Ленин и Троцкий соединятся." Троцкий выступил и говорил: "Кто не понимает, что нужно соединиться, тот идет против партии; конечно, мы соединимся, потому что мы — люди партии." Я поддержал его. Конечно, мы с т.Троцким расходились; и, когда в ЦК образуются более или менее равные группы, партия рассудит и рассудит так, что мы объединимся согласно воле и указаниям партии. Вот с какими заявлениями мы с т. Троцким шли на съезд горнорабочих и пришли сюда." (ПСС, т. 43, стр. 48).

36) "КПСС в резолюциях и решениях..." Изд. 8-е, т. 2, М. 1970, стр. 276.

37) Выдвигая свои две резолюции по поводу "рабочей оппозиции", Ленин на X съезде говорил: "Не тормози нашей политической работы, особенно в тяжелый момент, но не оставляй научных изысканий. Если т. Шляпников, к примеру сказать, в дополнение к своему тому, который он недавно выпустил об опыте его революционной борьбы в эпоху еще нелегального положения, добавит от своих досугов в ближайшие месяцы второй том, с анализом понятия "производитель" — пожалуйста!" (ПСС, т. 43, стр. 105). Напомним, что манипулирование именно понятием "производитель" привело оппозицию к отступлению от партийной программы РКП(б).

А в заключительном слове по этим резолюциям Ленин, обращаясь к оппозиционерам, сказал: "Если вы находите, что мы теоретически неправы, то у нас есть возможность издать десятки сборников, и если есть молодые товарищи, например, в самарской организации, которые имеют что-то новое по этому вопросу, то — пожалуйста, товарищи самарцы! Мы напечатаем несколько ваших статей." (Там же, стр. 110).

38) "Известия ЦК РКП(б)", № 34, 15 ноября 1921 г., стр. 4.

39) "Не вполне очередной", как выразился Ленин, открывая ее (ПСС, т. 43, стр. 297). В первый и единственный раз ее "материалы" — но без прений — были изданы в 1933 году, причем от редакции сказано, что "запись прений не сохранилась". См. "Протоколы десятой Всероссийской конференции РКП(б). Май 1921", изд. ИМЭЛ, М. 1933.

40) Для внутрипартийной обстановки тех годов характерно, что стенограммы XI конференции, без малейшей утайки дающая картину столкновения и свободную борьбу мнений в руководящей верхушке партии, была *тут же* издана во многих городах страны, чтобы сделать ее достоянием широких партийных масс. Для внутрипартийной обстановки сталинских (да и нынешних) годов характерно, что этот содержательнейший и поучительнейший документ одного из самых серьезных и ответственных периодов партийной истории не был переиздан ни при Сталине, ни после него, и до сих пор является библиографической, если не музейной редкостью. Мы пользовались "Стенографическим отчетом", изданным в Самаре в 1922 году Политуправлением Приволжского Военного Округа.

41) Его успели переиздать при Хрущеве в 25 000 экз. (М. 1961).

42) Ленин не употребляет эпитет "монолитный" в применении к большевистской партии. Сталин же заговорил о большевистской партии как "монолитной организации, высеченной из одного куска" на XIII конференции РКП(б) в январе 1924 года. (См. его "Сочинения" т. 6, стр. 23) — т.е. *в отсутствие безнадежно больного Ленина*. И тогда же, т.е. *после Ленина*, слово "монолитность" впервые появилось в официальном партийном документе — в резолюции конференции "Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии". (См. "КПСС в резолюциях..." изд. 8-е, т. II, М. 1970, стр. 510: "большевистский взгляд на партию как на монолитное целое"). О том, как подействовала эта резолюция на Ленина, когда Крупская прочитала ее ему, речь будет ниже.

43) Говорилось и конкретнее. Напр., что в агитпоездах им. Ленина "надо было бы иметь арестантский вагон и целые исполкомы и комитеты погрузать и везти в Москву"; что "кое-где в провинции, а иногда и в крупных центрах, рефор-

ма в области жилищного вопроса свелась к тому, что дома у буржуазии отняли, но рабочим их не дали, а отдали их советским чиновникам,... а также их бабушкам, тещам и кумовьям"; и т.д. ("Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы". М. 1959, стр. 169, 204, 174, 283).

44) Там же, стр. 166, 168, 284.

45) Там же, стр. 423—424.

46) Этот отчет перепечатан в "Приложениях" к книге "Десятый съезд РКП(б)... Стенографический отчет". М. 1963, см. стр. 800-803.

47) 24 августа Ленин написал в Оргбюро: "Надо подробнее, *агитационнее*, прочувствованнее — и яснее, деловитее. Пусть напишет Зиновьев, а Оргбюро исправит". (ПСС, т. 51, стр. 268; напечатано впервые).

48) На этом окончательном тексте письма Ленин написал о своем согласии (ПСС, т. 51, стр. 449).

49) Вот, к примеру, одно из них — "в отношении центральных работников": "Поручить Московскому комитету партии произвести статистическое обследование материального положения и жилищных условий всех коммунистов города Москвы и губурнии с целью установления более одинаковых условий жизни для них".... а также "условий пользования транспортными средствами со стороны ответственных работников с целью борьбы с расточительностью и бесконтрольностью в этой области".

50) Ленин ставил рядом с письмом ЦК еще резолюцию МК "Очередные задачи партии", напечатанную в "Правде" спустя две недели, 17 сентября: и оно и эта резолюция дали, по его мнению, "правильную, марксистскую постановку". И свое предложение к резолюции Всероссийской конференции (см. ниже) Ленин внес "не в замену, а в дополнение письма ЦК и резолюции МК как материал" (ПСС, т. 41, стр. 287 и 292). Приведем поэтому из обширной резолюции МК хотя бы небольшую выдержку о "постоянной опасности бюрократизации и выделения слоя оторвавшихся от масс, советских и партийных работников": "Эта опасность особенно увеличивается тем, что неизбежное материальное неравенство, вытекающее из экономического истощения, имеет тенденцию выходить из общественных рамок и превращать-

ся в длительные привилегии лиц, даже не выполняющих такой работы, которая давала бы соответствующее возмещение пролетарскому государству. Она увеличивается и тем, что в партию правящего пролетариата проникают чужеродные элементы, недостаточно переработавшиеся, чтобы быть действительными работниками революции. Наконец, она обостряется и благодаря тому, что лучшие работники партии и государственного аппарата отвлекаются от работы внутри страны на наши военные фронты"... Приведем также одно из практических мероприятий, предлагаемых резолюцией МК: "В целях устранения материальных привилегий среди различных категорий партийных работников и членов партии вообще, необходимо провести следующее: уравнивать тарифы ответственных работников и ввести единый паек для ответственных работников, работающих неограниченное время."

51) А что такая стенограмма существует, свидетельствует редакционная справка, в ПСС, т. 41, стр. 291.

52) "Ленинский сборник XXXIV". М. 1942, стр. 361-362. Перепечатано в ПСС, т. 41, стр. 292-293. — И получился конфуз: из сопоставления этой публикации с текстом резолюции сразу видно, какое именно место оказалось "утерянным".

53) "Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 года. Протоколы." М. 1972, стр. 79.

54) "Правда", 1920 г., 23-30 сентября. — Заметим, что после девятой конференции выражение "оздоровление партии" вошло в повседневный и официальный партийный язык. Например, "Положение о контрольных комиссиях", разосланное Центральным Комитетом всем партийным организациям, гласит, что "Контрольные комиссии призваны содействовать оздоровлению нашей партии". См. "Известия ЦК РКП(б)", № 26, 20 декабря 1920 года. А напечатанный там же "Отчет о работе ЦК РКП(б) за время с 15 сентября по 15 декабря 1920 г." сообщает, что "поиски путей к оздоровлению (партии) вслед за Москвой идут по всей России".

55) "Девятая конференция..." М. 1972, стр. 276-282.

56) См.: В.И. Ленин — "Сочинения", изд. 2-е, т. XXV, М. 1928, стр. 635.

57) "Правда", 28 сентября 1920 г.

58) "Известия ЦК РКП(б)" № 26, 20 декабря 1920 г. Перепечатано в "Приложениях" к кн. "Девятая конференция РКП(б)..." М. 1972, стр. 322. — Приведем еще несколько характерных примеров. В проекте инструкции МК о проведении резолюции конференции, опубликованном в "Правде" 24 октября 1920 г., читаем: "Для возможного устранения материального неравенства провести следующие мероприятия: а) уничтожение всяких "именных" привилегий... б) радикальное урегулирование жилищного вопроса... в) установление для активных партработников единой ставки и единого пайка, с уничтожением разных дополнительных выдач (возможные исключения точно оговорить)"... А ЦК внимательно следил за тем, как на местах протекает осуществление резолюции конференции. Так, 5 января 1921 г. в "Правде" был опубликован следующий циркуляр ЦК "Всем организациям РКП": "В целях наиболее полного всестороннего осведомления и изучения вопроса о "верхах" и "низах" ЦК предлагает всем организациям нашей партии присылать в секретариат все материалы, касающиеся этого вопроса".

59) "Восьмой Всероссийский Съезд Советов. Стенографический отчет (22-29 декабря 1920 года.)", М. 1921, стр. 217.

60) Слова из передовой "Правды" от 22 сентября 1920 года "Задачи партийной конференции".

61) "Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет". М. 1963, стр. 561, 564. — Отметим еще п. 27 этой резолюции съезда: "Необходимо начать систематическое осуществление постановлений еще VIII съезда партии об откомандировании к станку и плугу работников, долго бывших на советской или партийной работе, причем они должны быть поставлены в обычные условия жизни рабочих".

62) И этим чистка компартии, стоящей (и притом несменяемой!) у власти, отличается от чистки рабочей партии, готовящейся к борьбе за власть или ведущей такую борьбу. Там это в первую голову периодические самоочищения от "ненадежных друзей", от временных политических "попутчиков" из числа колеблющихся интеллигентских и мелкобуржуазных элементов, которые примкнули к рабочему движению, главным образом, в надежде на близкое торжество буржуазно-демократической революции. (Ленин — "На дорожку", январь 1909 года. — ПСС, т. 17, стр. 363, 357. См. его же:

"Партийная организация и партийная литература", ноябрь 1905 г., ПСС, т. 12, стр. 103, и "Условия приема в Коммунистический Интернационал", июль 1920 г., ПСС, т. 41, стр. 209). Другими словами, там по существу и смыслу очищение партийных рядов это прежде всего и именно средство обеспечения и сохранения *идейного единства* партии, и лишь попутно и постольку оно оказывается также средством укрепления ее морального единства.

63) Ленин считал одной из "частных задач чистки партии чистку ее от бывших меньшевиков", вступивших в нашу партию "позже начала 1918 года", но не как от оппозиционеров внутри партии, а как от "примазывающихся к РКП не только и даже не столько из макиавеллизма..., сколько из-за их "приспособляемости"... — особенность меньшевиков, которую надо знать и учесть". ("О чистке партии", 20 сентября 1921 г., — ПСС, т. 44, стр. 123-124.) Конечно, Ленин требовал индивидуального подхода, а не "исключения всех их", и сам подавал этому пример. Напомним подробное, на полных трех страницах печатного текста, письмо "члена РКП (б) В.Ульянова-Ленина" в "Московскую губернскую комиссию по проверке и чистке партии", в котором он разъясняя это, аргументированно, с соблюдением всех формальностей, но настойчиво заступает за исключенного Шапиро (Шанина). (3 декабря 1921 г. — ПСС, т. 54, стр. 52-55. — Нельзя здесь не отметить, что при Сталине Шанин был все же исключен из партии).

Но, быть может, исчерпывающее представление о том, что *при Ленине* означала чистка компартии от выходцев из других партий, дают цифры участников XI партконференции, происходившей *после* генеральной чистки. Среди делегатов с решающим голосом там было 28 таких выходцев, в том числе 15 бывших меньшевиков — 23,3% и 12,4% к общему числу 121 учтенных делегатов. ("XI Всерос. парт. Конференция... Стенографический отчет". Самара, 1922, стр. 161).

64) "Правда" 30 июня 1921г., а также примечания к ПСС, т. 43, стр. 460 и т. 44, стр. 546.

65) Уже с самого начала этой *первой*, по замыслу Ленина, чистки партии она в его мыслях связывалась с введением более строгих норм для приема в члены партии. В августе он пишет: "Мое мнение, что первый серьезный опыт чистки партии даст нам ряд практических указаний, которые мы используем в дальнейшем для выработки условий приема".

(“Телеграмма В.Н.Каюрову” — ПСС, т. 53, стр. 144).

66) И дальше Ленин поясняет: “Самый худший у нас внутренний враг — бюрократ, это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту”... и “не научился бороться с волокитой, ... прикрывает ее. *От этого врага мы должны очиститься* и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся.”

67) В первой и единственной, ибо чистка 1929-1930 гг. проводилась сталинским партийным аппаратом сталинскими методами и в соответствии со сталинским критерием партийности.

68) Вот как выглядят эти итоги в цифровом выражении: Из 660 тысяч членов осталось 500 тысяч — выбыло 160 тысяч, т.е. 24,1%, в том числе 3,1% ушло добровольно. Из общего числа исключенных: 33,8% пассивный элемент, ни в какой мере не участвовавший в партийной жизни; 24,7% — исключены за карьеризм, шкурничество, пьянство, буржуазный образ жизни; 8,7% — взяточники, любители поборов в свою пользу, вымогатели, шантажисты и лица, злоупотреблявшие своим положением и властью... (“Известия ЦК РКП(б)”, март 1922 г., № 40: “Итоги проверки, пересмотра и очистки РКП в 1921 г.”, стр. 20 и 22).

69) “Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 года. Стенографический отчет”. М. 1961, стр. 545, 547, 551, 552.

70) В октябре 1920 г. Ленин предостерегал молодежь от “психологии и настроения” тех, кому “нет дела до другого” и кто “имея свое местечко”, старается, “потворствуя, угоняя власть имущим”, сохранить его, а возможно, и дальше “пробиться” (“Задачи союзов молодежи”. Речь на III съезде РКСМ. — ПСС, т. 41, стр. 312). А в мае 1921 г. он сказал о таких членах партии: “Обыватели, мелкая буржуазия, которая живет живучим образом не только за пределами коммунистической партии” (“Речь на X Всероссийской партконференции.” — ПСС, т. 43, стр. 330).

71) “Повысить моральный уровень членов партии” — выразительно сказал об этом при обсуждении итогов чистки на XI конференции (в декабре 1921 года) широко известный в партии секретарь Краснопресненского района г. Москвы, любимец московских рабочих Г.Беленький (“XI Всероссийская партийная конференция РКП(б)... Стенографический

отчет." Изд. политуправления Приволжского Военного округа, Самара, 1922, стр. 160).

72) Выражение Ленина. См. его проект постановления Политбюро о ЦКК 26 окт. 1920 г. (ПСС, т. 41, стр. 394. — Впервые напечатано в 1959 году.) А вот фраза их письма Ленина в Политбюро 18 марта 1922 г.: "Верх позора и безобразия: партия у власти защищает "своих" мерзавцев!!" (ПСС, т. 45, стр. 53. Впервые напечатано в 1962 г.!).

73) Слова из резолюции совещания секретарей обкомов, оббюро и губкомов РКП от 27-29 декабря 1921 г., утвержденной XI партсъездом как дополнение к своей резолюции об укреплении партии в связи с ее чисткой. См.: "Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 г. Стенографический отчет." М., 1961, стр. 559.

74) См. очерк автора "Социалистический принцип оплаты труда". М. 1970.

75) ПСС, т. 50, стр. 78, 79 и 428. — Прожиточный минимум — на основании курса денег и уровня цен того времени — был определен декретом от 16 января 1918 г. в 8 рублей в день (см. материалы ЦГАОР, приведенные в книге З. Астапович "Первые мероприятия советской власти в области труда. 1917-1918 гг." М., 1958, стр. 45). В примечании к ПСС, т. 36, стр. 588, правильно указывается, что плата в 500 рублей тогда примерно соответствовала среднему заработку рабочего.

76) Чтобы читателю нагляднее предстали социальные отношения и моральные нормы советской республики *в годы Ленина*, переведем эти расчеты на язык современных цифр. По данным ЦСУ (Статистический ежегодник "Народное хозяйство СССР в 1979 года", М., 1980, стр. 394) среднемесячная денежная зарплата рабочих и служащих в 1979 году была 163 рубля. С надбавкой в 37% это составило бы 223 рубля в месяц в качестве заработка для главы Правительства страны Советов.

77) "Известия ЦК РКП(б), октябрь 1921г., №33, стр.26.

78) Отметим, что самостоятельным пунктом в это перечисление Ленин вставил следующее из "основных организационных начал" партии: "Права всякого партийного меньшинства должны быть точно определены в уставе партии".

79) "Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях..." Изд. 8-е, Т.1, М., 1970, стр. 136.

80) Там же, стр. 182.

81) Там же, стр. 220 и 496.

82) "Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. Протоколы." М., 1961, стр. 192 и 197-198.

83) Спустя год Ленин в недоумении, ипожалуй, с оттенком обиды упрекает А.Иоффе: "Зачем... писать совершенно невозможную, совершенно невозможную (подчеркнуто и повторено Лениным — Автор) фразу, будто Цека — это я." (Письмо к А.А.Иоффе 17 марта 1921 г. — ПСС, т. 52, стр. 100).

84) "XI Всероссийская партконференция РКП... Стенограф. отчет" Самара, 1922 г., стр. 154. — На этой же конференции Яковлев в таких словах выразил это: "Нет главного, нет прохождения через массовое партийное мнение, нет прохождения через партию — по целому ряду основных вопросов страны." (там же, стр. 157).

85) "Известия ЦК РКП(б)". Март 1922 г., №40, стр. 13.

86) В цитированном выше "Отчете о работе ЦК за период от IX до X партийного съезда" так и сказано, что в партии "бюрократические навыки и настроения возникают на почве этого отрыва." ("Известия ЦК РКП(б)" №29, 7 марта 1921 года; перепечатан в "Приложениях" к книге "Десятый съезд РКП(б)... Стенографический отчет." М., 1963, стр. 802). А в фразе Ленина, вошедшей в резолюцию 9-ой конференции, как читатель помнит, говорится: "неравенство является источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов".

87) Это формулировка Ленина (ПСС, т. 41, стр. 293), которая была лишь незначительно переработана при включении ее в приведенный выше п. 18 резолюции 9-ой конференции.

88) О "методах рабочей демократии", как "намеченных Всероссийской конференцией (девятой) для партийного строительства", говорится уже в "Отчете о работе ЦК за время с 15 сентября по 15 декабря 1920г.", напечатанном в "Известиях ЦК РКП(б)" №26, 20 декабря 1920 г.

89) "Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет". М., 1963, стр. 563.

90) Но, — напоминаем и подчеркиваем — ни в коем случае не с функцией сберегания партии от инакомыслия и борьбы с инакомыслящим меньшинством. Присвоение Контрольным комиссиям *такой* функции было совершено после смерти Ленина и в противоположность Ленину. Это сделало Контрольные комиссии в руках Сталина первым по времени и едва ли не первым по значению инструментом многолетней операции разгрома большевистской партии — еще до того, как он передал ее на физическую расправу органам Госбезопасности.

91) "Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г. Протоколы". М., 1972, стр. 153.

92) "Коммунистический Интернационал" (орган ИККИ). Петроград, 1921, №17, стр. 4141.

93) "Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 г. Стенографический отчет". М., 1961, стр. 559-560. (Из практических предложений по организационным вопросам партстроительства, принятых на совещании секретарей обкомов, оббюро и губкомов РКП от 27-29 декабря 1921 г., утвержденных ЦК и включенных XI съездом в свою резолюцию "Об укреплении и новых задачах партии"). См. там же, стр. 548, 558.

94) Там же, стр. 408-409.

95) См. "Очерки истории Коммунистической партии Украины" (Изд. 2-ое, дополн. — Киев, 1964, стр. 291), в которых, кстати говоря, о злосчастном участии Сталина в работе IV конференции и даже о его присутствии на ней не сказано ни слова. Выступления же Сталина на ней напечатаны в его "Сочинениях", т. 4, стр. 294-304.

96) "Известия ЦК РКП(б)", №36, 15 декабря, 1921 г., стр.22; И.В.Сталин — "Сочинения", т. 5, стр. 427, 428.

97) Единственное исключение — статья "Партия до и после взятия власти", напечатанная в "Правде" 28 августа 1921 г. сразу же после поручения Сталину руководства Агитпропом ЦК и явно предназначенная им продемонстрировать его компетентность для такого руководства.

98) Отдельные мысли и целые куски этого "наброска" Сталин использовал для статьи "Партия до и после взятия власти" ("Правда", 28 августа 1921 года), о которой речь в предыдущей сноске, и для упомянутой в тексте мартовской статьи 1923 г. (обе статьи перепечатаны в 5-ом томе "Сочинений"), а также для брошюры "Об основах ленинизма", опубликованной в "Правде" в апреле и мае 1924 г. и вошедшей в 6-ой том "Сочинений". Но те полторы страницы были Сталиным припрятаны и не вошли ни в одну из его работ, опубликованных при Ленине и за четверть века после Ленина.

99) См.: И.В.Сталин "Сочинения", том 5-ый, стр. 71-72.

100) Чуть ли не единственной в этот период (то есть до XI партсъезда) публичной речью Сталина по внутрипартийному вопросу было выступление 28 января 1922 г. на учредительном заседании "Общества старых большевиков" об уставе общества. (Упоминание об этом выступлении см. в "Биографической хронике", приложенной к 5-му тому "Сочинений" Сталина, содержание же его нам не известно: оно не напечатано в этих "Сочинениях", нет его и в "Правде"). Впрочем, известно, что впоследствии Сталину потребовалось создать свою собственную партийную гвардию, и тогда одним из первых шагов, подготовлявших массовое уничтожение ленинской "старой гвардии", была ликвидация "Общества старых большевиков" в августе 1935 года.

101) Это произошло на первом после XI съезда пленуме ЦК, на котором было принято решение убрать Сталина с работы в РКИ и перевести его по возможности на работу в аппарате ЦК. Чтобы, после его на шумевшей неудачи в РКИ, создать ему авторитет на новом месте (и, надо думать, чтобы удовлетворить его самолюбие!), для него была придумана новая должность с почетным чином "генерального секретаря ЦК". Официальные историки партии меняют местами причину и следствие и представляют дело так, будто Сталин был убран из РКИ, чтобы избавить его от работы в советских учреждениях и дать ему возможность полностью сосредоточиться на работе в ЦК. Но тогда почему же он был оставлен во главе Наркомнаца? Да потому, что не представлялось нужды снимать его с этого поста. Ко времени XI съезда дело выглядело так, будто после ноябрьского 1921 г. конфуза с Закавказской федерацией Сталин отказался от своей автономистской позиции или что он, во всяком случае, смирился с необходимостью проводить линию Ленина в национальном вопросе. Конечно, оставшись Наркомнацом, Сталин, как мы

уже знаем, через несколько месяцев (когда Ленин заболел!) возобновил свою старую борьбу против ленинской линии.

102) Первый приступ болезни, оторвавший Ленина от работы, был 25-27 мая и после этого Ленин только через четыре месяца, 2 октября, смог из Горок, где лечился и отдыхал, вернуться в Москву и приступить к работе. Но проходит всего два месяца и, по категорическому предписанию врачей, Ленин 7 декабря уезжает на неделю в Горки, а на завтра после возвращения, 13 декабря, начинаются прогрессирующие приступы болезни, окончательно уводящие его от работы. 24 декабря, после совещания Сталина, Каменева и Бухарина с врачами, Ленину запрещены деловые свидания и переписка, а друзьям и домашним запрещено сообщать ему что-либо из политической жизни. Таким образом, из 8-ми месяцев после вступления Сталина в должность генсека и до последнего приступа болезни всего лишь 4 месяца Ленин непосредственно участвовал в партийной и государственной работе, а остальные 4 месяца участвовал в ней и информировался о ней беседами с приезжавшими к нему товарищами.

103) Постепенно и осторожно, потому что, во-первых, Ленин, даже из Горок, все с большей опаской следил за действиями генсека в аппарате ЦК и через аппарат ЦК. А во-вторых, Сталин имел рядом с собой, а в глазах партии пока что впереди себя, двух старых большевистских вождей, Зиновьева и Каменева. Они не были посвящены в далекие планы Сталина, которых (как показали последующие годы) они не разделяли, и Сталину приходилось гарантировать себя от возможного их прозрения. Правда, они не прозрели и тогда, когда в конце года Ленин, раскусивший, куда гнет и куда поведет Сталин, потребовал его снятия с поста генсека. Прозрение пришло к Зиновьеву и Каменеву после того, как с их помощью Сталин совершил свой внутрипартийный переворот, а это было поздно для них и для революции.

104) См. особенно: за 1922 года — июнь (№42, стр. 4-7), июль (№43, стр. 4-6, 20), сентябрь (№45, стр. 4-5, 9, 10), ноябрь-декабрь (№47-48, стр. 5-6, 10-11); за 1923 год — февраль (№50, стр. 15-16), март (№51, стр. 7-13).

105) В "Известиях ЦК РКП(б)", март 1923 г. (№51, стр. 11) приведен список парторганизаций, секретари и заводы которых делали доклады в ЦК за время генсекства Сталина: 37 секретарей и 18 заводов.

106) Там же, стр. 10, сообщается, что "наблюдение за ходом конференций, созыв и обслуживание их представителями ЦК" значительно увеличились. "В прошлом году члены ЦК и его представители посетили 15 парторганизаций и присутствовали на 96 конференциях". См. также список на стр. 12-13.

107) В "Известиях ЦК" за июнь 1922 г. напечатано "Положение об ответственных инструкторах ЦК РКП" (№42, стр. 28-29), в пункте 1-ом которого так и значится: "Являясь звеном, соединяющим ЦК с местами, ответственный инструктор обследует, инструктирует и направляет работу парткомов, помогает им твердо и неуклонно проводить директивы центральных партийных органов".

108) Молотов работал секретарем ЦК до XI партсъезда. Поручения, которые давал ему Ленин, были почти исключительно секретарского, а не политического характера, и выполнял их он с отменной исполнительностью и безгласностью. Оставшись на этом посту после XI съезда, Молотов сразу же оказался на месте в сталинской упряжке; можно сказать, в ней он нашел себя не только организационно, но и политически.

109) Уже тогда определилась ведущая роль Кагановича — человека более грамотного, чем Сталин, — в формировании сталинского стиля управления партией (именно управления, а не руководства!) и в практическом осуществлении этого стиля. Приведенная выше выдержка из "Положения об ответственных инструкторах ЦК РКП", составлена Кагановичем. А вот, что можно прочитать в "Отчете организационно-инструкторского отдела ЦК к XII съезду", им же написанном: На очереди "переход партии к плановой работе, проводимой путем выдержанного организационного руководства... Работа по кодификации партийного законодательства, главная цель которой — создание единого "кодекса" общепартийного законодательства, представляющего собою единую логически стройную систему внутренне связанных между собой и жизненных партийных директив по всем отраслям работы партии" ("Известия ЦК РКП(б)", март 1923 г., №51, стр. 23 и 27). Здесь, пожалуй, можно сказать больше, чем по поводу прихода Молотова к Сталину. Сталин и Каганович не просто нашли друг друга; каждый из них в другом нашел самого себя.

110) Поручая этот ключевой пост Сырцову, Сталин, конечно, учитывал его, мягко выражаясь, напористый административ-

ный стиль, проявившийся в приемах (предупредительного!) усмирения донского казачества в феврале-марте 1919 года. Тогда по инициативе Сырцова и полагаясь на исходившую от него дезинформацию, Оргбюро ЦК приняло в отношении донского казачества ошибочную политику "расказачивания", уже в конце марта отмененную. Сам же Сырцов, в роли председателя Донбюро РКП(б), проводил в течение двух месяцев эту политику ничем не оправданными методами массовых расстрелов и чудовищных расправ над казачьим населением, предвосхитившими человеконенавистнические методы сталинского "раскулачивания" крестьянской деревни на всей территории СССР десять лет спустя. Подробности читатель найдет в работе С.П.Старикова и Р.А.Медведева "Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова (Советская власть и донское казачество в 1917-1921 гг.)".

111) Может быть, стоит отметить, что слова "внутрипартийная демократия" Сталин включил в устав партии лишь в 1939 году, XVIII партсъезде (См. КПСС в резолюциях и решениях...", 8-е изд., т. 5, М., 1971, стр. 385). В это время, после только что завершенного физического уничтожения последних инакомыслящих, ликвидации всякой критики внутри и вне партии и установления иерархически закрепленного экономического и статусного неравенства как вне, так и внутри партии, Сталину требовалось (еще требовалось!) облачать свое предательство дела социалистической революции в слова, заимствованные из эпохи Ленина. "Внутрипартийная демократия", дарованная сталинским XVIII съездом, так же ничего общего не имела с рабочей внутрипартийной демократией, введенной Лениным, как "полный социализм" Сталина с первой фазой коммунизма Маркса-Ленина.

112) "КПСС в резолюциях и решениях...", изд. 8-е, т. II, М., 1970, стр. 397-400.

113) "Одиннадцатый съезд РКП(б)... Стенограф. отчет". М., 1961, стр. 551-552.

114) Напомним здесь специальный (17-й) пункт резолюции девятой партконференции "Об очередных задачах партийного строительства": "Ответственные работники-коммунисты не имеют права получать персональные ставки, а равно премии и сверхурочную оплату". ("Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г. Протоколы". М., 1972, стр. 281).

115) Глаз нынешнего читателя отметит уже и в стиле этих

официальных партийных документов сталинские демагогию и лицемерие (отождествление партийной активности с руководящим постом в парппарате; ложь о финансировании привилегий партийной верхушки из денежных средств партии; и т.д.).

Но в 1922 году еще жив был Ленин, хотя из-за болезни и не участвовавший в августовской конференции и только через генсека приславший ей приветствие, — и нельзя было обойтись без некоторых ограничений в этом первом официальном статусе внутрипартийного неравенства. В постановлении относительно "активных партработников" включен был пункт об отчислениях в партийный фонд взаимопомощи с коммунистов, работающих не в партийном, а в советском и пр. аппарате и имеющих заработок выше 17 разряда. Впрочем, и это мероприятие не без лицемерия: его второй, скрытый, смысл состоит в том, чтобы не дать советским, хозяйственным и прочим деятелям стать в преимущественное материальное положение перед партийными руководителями, — чтобы и с этого конца не умалился статусный приоритет партийного аппарата.

116) Станным образом это письмо исчезло: нет его ни в 45-м, ни в 54-м томе ПСС Ленина. Но почему-то оно не упоминается и в "Списке писем В.И.Ленина, до настоящего времени не разысканных", приложенном к 54-му тому. Отметим, кстати, что в этом списке значится 11(!) писем Ленина, посланных Сталину с 7 апреля по 3 ноября 1922 года. О чем были эти письма, остается неизвестным. Но едва ли будет ошибкой предполагать, это, если бы они свидетельствовали в пользу Сталина, они бы не исчезли.

117) В третьем случае, с Наркомнацом, к этой мере не пришлось прибегнуть: с созданием Совета национальностей Наркомнац, напомним, был ликвидирован и национальная политика оказалась изъятой из административного ведения Сталина.

118) Насколько личные черты Сталина были уже задолго до "Письма к съезду" неприятны Ленину, видно из его письма к Иоффе 17 марта 1921 г-да, в котором находим такую, вскользь, брошенную, но по-ленински выразительную, фразу о Сталине: "Уж, конечно, он-то бы за себя постоял". (ПСС, т. 52, стр. 100. — Разумеется, это письмо было впервые напечатано в 1959 году).

119) Напомним слова Каменева, открывшего съезд, что Ле-

нин "не мог знать и не знает ни порядка дня нашего съезда, ни резолюций, приготовленных ЦК..., ни течений, существующих в партии". (См. "Двенадцатый съезд РКП(б) 17-25 апреля 1923 г. Стенографический отчет" М., 1968, стр. 5. — В дальнейшем ссылки на материал XII съезда даются по этому же изданию, причем страницы указываются в тексте, в скобках).

120) Да и материально выделил — решениями августовской 1922 года (XII-й) конференции.

121) Об этом пленуме см. ниже.

122) "Известия ЦК РКП(б)", март 1923, №3(51), стр. 39-40.

123) "Известия ЦК РКП(б)", октябрь-ноябрь 1923, №9-10 (57-58), стр. 33-34.

124) "Известия ЦК РКП(б)", январь 1924, №1(59), стр.64-65.

125) Может быть, здесь следует отметить и аппаратно-кадровый подход к месту и роли партийной печати, уже через месяц после съезда вызвавший у Сталина две статьи против Ингулова с обвинением этого "одного из главных работников нашей печати" в том, что он "недооценивает... и извращает организационное значение печати". Впрочем, здесь Сталиным двигало еще и раздражение: Ингулов осмелился (да еще в "Правде") поправить одну из формулировок сталинского орготчета, да к тому же в подтверждение своей мысли сослаться на Троцкого. Но времена еще были такие, когда Ингулов мог и в публичной полемике со Сталиным не остаться в долгу и в ответ на грубый и злобно-придирчивый окрик корректно упомянуть о "людях с особо повышенной подозрительностью" и о "ни с чем несообразным чтением в сердцах" ("Правда", 1923 г., 5 и 9 мая — статьи Ингулова, 6 и 10 мая — статьи Сталина. — На этот раз свои статьи Сталин спустя четверть века перепечатал в "Сочинениях", т. 5-й, стр. 281-290, без искажений; он только выкинул буквы "тов." перед фамилией Ингулова).

126) За исключением двенадцатой конференции августа 1922 года. См. выше о роли Сталина в ее решениях по внутривнутрипартийным вопросам.

127) О записях от 26 и 29 декабря эта версия (так, как она изложена в примечаниях ИМЭЛ к т. 45 ПСС) ничего не гово-

риг. Но ведь и о них партсъезду было сообщено только после смерти Ленина!

128) В хрущевские времена историк В.С.Зайцев мог позволить себе оспорить официальную версию, будто свое предложение снять Сталина с поста генсека Ленин адресовал не XII съезду, на подступах к которому оно было продиктовано, а тому съезду, который состоится после его, Ленина, смерти. На Всесоюзном совещании историков (1962 г.) Зайцев сказал: "Содержание письма показывает, что оно действительно адресовано не XIII-му, а XII-му съезду... Видимо, какие-то обстоятельства помешали обсуждению письма на XII съезде. Исследовать этот вопрос нам помогут старые большевики, делегаты XII и XIII съездов партии, да и документы многое покажут". ("Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам", М., 1964, стр. 290). Увы, сегодня, спустя почти двадцать лет после этого выступления историка, из немногих таких большевиков, уцелевших во время сталинских убийств, остались считанные единицы. Что же касается документов, то они по-прежнему, по прошествии полувека, за семью печатями.

129) Вплоть до того, что при выборах в ЦК было проведено предложение не оглашать цифры голосов, поданных за отдельных кандидатов. ("Двенадцатый съезд РКП(б) ... Стенографич. отчет". М., 1968, стр. 661).

130) Можно представить себе, как в этой ситуации должно было подействовать на Сталина упомянутое нами выше личное письмо по поводу его грубой выходки в отношении Крупской, посланное ему (и в копии — Каменеву и Зиновьеву) Лениным 5 марта 1923 г., — письмо, в котором Ленин требует "взять сказанное назад и извиниться", угрожая в противном случае "порвать между нами отношения" (ПСС, т. 54, стр. 329-330).

131) Да и то, на самом съезде, полемизируя с Троцким, Ленин с душевной теплотой назвал его "моим неосторожным другом" (Речь о профсоюзах 14 марта 1921 г. — ПСС, т. 43, стр. 52). Напомним еще, как там же Ленин с явным неудовольствием и в назидание рассказал о случае на II съезде горнорабочих, когда он поддержал слова Троцкого, что при всех расхождениях "мы, конечно, соединимся, потому что мы — люди партии". "Вот с какими заявлениями мы с т. Троцкий шли на съезд горнорабочих и пришли сюда" —

закончил свой рассказ Ленин (заключительное слово по отчету ЦК. — ПСС, т. 43, стр. 48). — Позднее Троцкий сообщил об этих переполненных стремительными событиями неделях: "Я еще во время съезда ликвидировал какие бы то ни было совещания с единомышленниками по профессиональному вопросу. Через несколько недель после съезда Ленин убедился, что я не менее его озабочен тем, чтобы ликвидировать временные группировки, под которыми уже не осталось никакой принципиальной базы." ("Моя жизнь", т. II, стр. 202. — Цит. по рец. М.Н.Покровского в "Большевике", 1930 г., №7-8, стр. 140).

132) Чтобы излагаемое в тексте предстало читателю в правильной перспективе, следует напомнить здесь главные вехи истории *дооктябрьского* сближения, а затем и объединения Ленина с Троцким, поскольку история эта была скрыта от партии при Сталине и до сих пор тщательно скрывается и фальсифицируется официальными историками КПСС. Но так как она относится к временам, стоящим за хронологическими рамками нашего очерка, мы выносим ее в "Приложение". См. "Приложение 3-е" в конце очерка.

133) Вот, например, письмо Ленина в Политбюро от 11 августа 1921 года по поводу дипломатических сложностей с организацией международной помощи нашим голодающим: "это сделать очень трудно, а сделать надо. Я не могу работать. Абсолютно необходима помощь Троцкого, у коего на эти вещи способность есть (и дипломатический опыт и военный и политический нюх)." (т. 53, стр. 110). А вот отзыв Ленина о Троцком в совершенно другой области — по вопросам теории и научной политики марксизма — относящийся к этому же периоду. Его известное письмо журналу "Под знаменем марксизма" — "О значении воинствующего материализма", написанное 12 марта 1922 г., открывается фразой: "Об общих задачах журнала "Под знаменем марксизма" тов. Троцкий в № 1-2 сказал уже все существенное и сказал прекрасно." (ПСС, т. 45, стр. 23).

134) Этот факт оказался извлеченным из секретного архива ЦК *только в 1968 (1) году* при переиздании стенографического отчета XII съезда.

135) А десятью днями раньше, посылая специальное письмо о нэпе "Русской колонии в Северной Америке", пишет в нем: "Тех, кому вопрос о нашей новой экономической политике, единственно правильной политике, представляется недоста-

точно ясным, — я отсылаю к речам тов.Троцкого и моей на IV конгрессе Коммунистического Интернационала, посвященных этому вопросу”. (ПСС, т. 45, стр. 297). Напомним, что Сталин *никакого* участия не принимал в подготовке нэпа, как и в разработке и обосновании его принципов.

136) Достаточно будет привести письмо Сталина, адресованное всем членам ЦК от 20 октября 1922 г.: “Письмо тов. Ленина (от 13 октября — Автор) не разубедило меня в правильности решения пленума ЦК от 6 октября о внешней торговле. “Миллионы” Внешторга (их еще нужно установить и подсчитать) теряют свой вес, если принять во внимание то обстоятельство, что они в несколько раз перекрыты десятками миллионов золота, вывезенного Внешторгом из России. Тем не менее ввиду настоятельного предложения т. Ленина об отсрочке решения пленума ЦК исполнением, я голосую за отсрочку с тем, чтобы вопрос был поставлен на обсуждение следующего пленума с участием Ленина”. (ЦПА ИМЛ — Приведено в кн.: Л.А.Фотиева — “Из жизни В.И.Ленина М., 1967, стр.262). Лишь после письма Ленина от 13 декабря, т.е. через два месяца, Сталин, чтобы не остаться в меньшинстве, свои возражения против монополии внешней торговли снял.

137) Сам Троцкий говорил: “Я шел и пришел к Ленину с боями”.

138) Эпитет, который неосталинизм сохраняет в неприкосновенности, как унаследованную от Сталина и канонизированную формулу. См., напр., слово “Троцкий” в “Указателях имен”, приложенных Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС к томам ПСС Ленина.

139) Ее биографические корни, уходящие в далекое дореволюционное прошлое, очень правильно показал Ис.Дойчер. См. его упомянутую выше книгу Is. Deutscher — «Stalin. A Political Biography», N.Y. 1969, особенно стр.200 и сл.

140) Правда, с языком не все ладно. В январе 1922 года не в ходу были словечки “бдительность партии” (к самой себе), “троцкисты”, “поднять голову” (внутри своей же партии), “борьба против ЦК” и т.п., которыми пестрят воспоминания Микояна. Партийного языка того времени мемуарист Микоян не запомнил. Зато в его плоть и кровь вошел устрашающий и зубодробительный лексикон годов зрелого сталинизма.

141) Выражение в кавычках принадлежит Сталину ("Двенадцатый съезд РКП(б)... Стеногр. отчет", М., 1968, стр. 68). Этим он выделил "ядро в 10-15 человек" из 27 членов и 19 кандидатов ЦК — *неформальную* руководящую группу, более широкую, чем Политбюро, которую он считал (и очевидно, рассчитывал сделать) стоящей между ЦК и Политбюро и, стало быть, над Политбюро. Не выступает ли здесь в зародыше тот прием действовать в обход партийного устава через пресловутые неуставные "десятки", "семерки", "тройки" и т.д., при помощи которого впоследствии Сталин уничтожил и заменил самовольным комбинаторством ленинские внутрипартийные организационные принципы?

142) Там же, стр. 816-820.

143) Что, кстати сказать, и не представляется возможным, так как (повторяем) ни одно из внутренних, за закрытыми дверями ЦК, писем и выступлений Троцкого по сей день не опубликовано. Полемика же в "Письмах членов Политбюро" ведется против специально выбранных цитат и даже не против цитат, а против обрывков фраз и отдельных слов, так что не может не возникнуть вопрос: а не искажен ли этим выхватыванием кусочков смысл текста, из которого они выхвачены?

144) Приведем лишь один *пример*, чтобы читатель мог увидеть, как уже в подготовке XII партсъезда, которой практически руководил Сталин, такое нечестное использование отсутствующего Ленина во внутрипартийной, так наз. "идейной", борьбе, начало применяться верхушкой ЦК. Пусть этим примером будет первое и главное из перечисленных нами обвинений Троцкого, содержащихся в "Письме членов Политбюро", — обвинение в расхождении с Лениным и с партией по крестьянскому вопросу. Так вот, 14 февраля 1919 г. Ленин написал статью "Ответ на запрос крестьянина". На четырех страницах книжного текста Ленин дает обстоятельное разъяснение всех принципиальных и политических сторон отношения большевистской партии к крестьянству и, прежде всего, по наиболее сложному и тогда еще не всем ясному вопросу об отношении к среднему крестьянству. Статья начинается следующим вводным абзацем: "В "Известиях ЦИК" от 2 февраля было помещено письмо крестьянина Г. Гулова, который ставит вопрос об отношении нашего рабоче-крестьянского правительства к крестьянам-середнякам и рассказывает про распространяемые слухи, будто Ленин с Троцким не ладят, будто между ними есть крупные разногласия

и как раз насчет середняка-крестьянина. Товарищ Троцкий уже дал свой ответ в "Письме к крестьянам-середнякам", напечатанном в "Известиях ЦИК" от 7 февраля. Товарищ Троцкий говорит в этом письме, что слухи о разногласиях между мною и им самая чудовищная и бессовестная ложь, распространяемая помещиками и капиталистами, или их вольными и невольными пособниками. Я, со своей стороны, целиком подтверждаю заявление товарища Троцкого. Никаких разногласий у нас с ним не имеется." (ПСС, т. 37, стр. 478).

Статья Ленина была тут же, 15 февраля, напечатана в "Правде" и в "Известиях" и много раз переиздавалась в виде брошюры. Само собой разумеется, что она нашла свое место в первом и втором-третьем изданиях "Сочинений" Ленина. Но также само собой разумеется, что в четвертом, *сталинском*, издании сочинений Ленина статья была не к месту: в угоду Сталину (если не по его прямому указанию) эта важнейшая, буквально директивная работа Ленина была устранена из издания. Напомним, что за все послеоктябрьские годы это первое и последнее, стало быть, единственное высказывание Ленина о позиции Троцкого в крестьянском вопросе.

145) Вот как по свидетельству "Правды", народ в эти дни понимал и принимал Троцкого. Приветствовать открытие VII Всеукраинской партконференции пришли массовые делегации беспартийных рабочих. Им отвечал Троцкий, присутствовавший на конференции в качестве представителя ЦК РКП(б). И "Правда" (6 апреля 1923 г.) сообщает: "Речь тов. Троцкого потрясла огромную беспартийную аудиторию. Многие слушали со слезами на глазах. К концу речи окружавшая Троцкого толпа беспартийных делегатов, все более сгущалась. Он закончил при гробовой тишине. Некоторое время длилась пауза, а затем вихрь аплодисментов потряс весь зал. Заседание конференции было прервано до следующего дня".

Хотя фигура Троцкого стоит за пределами настоящего очерка, читатель, может быть, сочтет извинительным, если мы в сноске приведем краткие выдержки из доклада Троцкого на этой, VII Всеукраинской, партконференции — за отсутствием доступных нам (и вообще, опубликованных) документов самого Троцкого, относящихся к его участию в спорах перед XII съездом. Доклад был сделан 5 апреля, т.е. после "Письма членов Политбюро", и, стало быть, отражает отношение Троцкого к обвинениям, возведенным против него в "Письме". Вот эти выдержки из доклада, в которых моральное достоинство, политическая принципи-

альность и спокойное чувство ответственности противостоят тому нервозному, неоткровенному и неправдивому письму, построенному не на развитии принципов, а на нанизывании шумных слов и грозных жестов: "Конечно, товарищи, партия состоит из живых людей, у людей есть недостатки, недочеты, и у коммунистов в том числе; есть много человеческого, слишком человеческого", как говорят немцы; есть групповые и личные столкновения, серьезные и мелкие, — есть и будут, ибо без этого большая партия жить не может. Но нравственный вес, политический удельный вес партии определяется тем, что всплывает при такого рода трагической встряске (речь идет о болезни Ленина — Автор) наверх: воля к единству, дисциплина или же второстепенное и личное, человеческое, слишком человеческое". И партии требуется "единство не на почве простого тревожного сгущивания в минуту опасности, а единство на почве коллективного мужества, твердости, беспощадной оценки всех опасностей и предвидения основных задач". ("Правда", 12 апреля 1923 г.)

146) "Двенадцатый съезд РКП(б)... Стенографич. отчет." М., 1968, стр. 810-820.

147) Там же, стр. 820.

148) Там же, стр. 198-199 и 398.

149) О Рыкове и Томском 1922-1923 годов можно не распространяться. Автор вспоминает, как позднее в узком партийном кругу рассказывали, что после первых же заседаний Политбюро с участием этих двух новых его членов, Ленин заметил: "Ну вот, и представительство от комобывателей есть теперь в нашем Политбюро".

150) Так, на VII Всеукраинской партконференции, состоявшейся перед XII съездом, Сталин не был избран в почетный президиум — избраны были только Ленин, Троцкий и Зиновьев.

151) Есть достаточно оснований считать, что эта резолюция была непосредственной причиной смерти Ленина. Летом 1923 года в состоянии здоровья Ленина, находившегося в Горках, намечилось улучшение и с июля шло выздоровление. 10 августа Ленину стали давать газеты, и Крупская читала ему вслух по его указанию. В январе 1924 года Ленин чувствовал себя значительно лучше: он присутствовал на ел-

ке, устроенной для детей рабочих и служащих совхоза и санатория "Горки"; выезжал на сани в лес, наблюдал за охотой; Крупская читала ему отчет о ходе XIII партконференции. "Я очень боялась партдискуссии" — писала позднее Надежда Константиновна (то есть газетных материалов о дискуссии большинства ЦК, поддерживаемого партийным аппаратом, с Троцким и его сторонниками), однако ничто не предвещало катастрофы. И вот 19-20 января Крупская читает Ленину резолюции конференции. "Когда в субботу, — пишет она, — Владимир Ильич стал, видимо, волноваться, я сказала ему, что резолюции приняты единогласно. Суббота и воскресенье ушли у нас на чтение резолюций". Но благонамеренный обман Надежды Константиновны (даже на конференции, состоящей из одних, к этому времени уже вполне унифицированных, секретарей губкомов и облбюро, резолюция о мелкобуржуазном уклоне была принята не единогласно) не помог. На завтра, в понедельник 21 января, наступает неожиданное резкое ухудшение в состоянии здоровья Ленина, и вечером он скончался. — См.: Н.К.Крупская. — "Воспоминания о Ленине", изд. 2-ое, М., 1972, стр. 459-462 (Из очерка о жизни Владимира Ильича в Горках в 1923 г., впервые опубликованного в 1968 г.); "Тринадцатая конференция РКП(б). Бюллетени". М., 1924, стр. 198; "Даты жизни и деятельности В.И.Ленина" в ПСС, т. 45, стр. 716-717)

И есть еще одно свидетельство Надежды Константиновны. 28 января она пишет письмо дочери Инессы Федоровны Арманд, Инессе Александровне, и начинает его так: "Милая, родная моя Иночка, схоронили мы Владимира Ильича вчера. Хворал он недолго в последний раз. Еще в воскресенье мы с ним занимались, читала я ему о партконференции и о съезде Советов. Доктора совсем не ожидали смерти и еще не верили, когда началась уже агония. Говорят, он был в бессознательном состоянии, но теперь я твердо знаю, что доктора ничего не понимают". Текст письма опубликован в журнале "Вопросы истории КПСС", 1969, №1, стр. 43, в очерке И.А. Арманд — "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине".

152) Читателя уже не удивит, что это отклонение было не результатом обсуждения и голосования на основе внутрипартийной демократии. Никакого обсуждения и голосования предложения Ленина не было, письмо Ленина, адресованное съезду, было попросту изъято из ведения съезда. Операция была проделана следующим образом: 21 мая, т.е. за два дня до открытия съезда, пленум ЦК вынес решение не включать в повестку дня съезда и не ставить на его рассмотрения "Письмо к съезду" Ленина, в котором

содержалось предложение о снятии Сталина, и ограничиться его "оглашением по делегациям" (Архив ИМЛ; приведено в кн. "Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г. Стенографический отчет". М., 1963, стр. XXII). И члены ЦК (делегат съезда Я. Б. Быкин рассказывал автору, что в их числе был и Зиновьев) ходили по делегациям и уговаривали заколебавшихся делегатов. Уговаривали не протестовать против нарушения духа и буквы устава партии, не допускающего, чтобы ЦК (избранный на прошлом съезде) решал за съезд, как обращаться с письмами, адресованными съезду, и особенно с письмами членов ЦК, а в данном случае — самого Ленина. Уговаривали не возражать против невыполнения завещания Ленина и соглашаться на оставление Сталина генеральным секретарем.

153) Позволим себе привести здесь еще следующее место из самого доклада о "Роли коммунистической партии до и после завоевания власти пролетариатом". (Доклад делал Председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев) : "Такие люди как Каутский говорят нам: у вас в России диктатура не рабочего класса, а диктатура партии. Думают укорить нас этим. Ничего подобного. У нас существует диктатура рабочего класса, и именно поэтому и диктатура коммунистической партии. Диктатура коммунистической партии есть лишь функция, лишь признак и выражение диктатуры рабочего класса". Эти слова были покрыты аплодисментами. ("2-ой Конгресс Коминтерна. Стенографический отчет". Петроград, 1921, стр. 64-65).

154) А Троцкий на этом же партсъезде, выступая против синдикалистских предложений "рабочей оппозиции", разъяснял: "Необходимо сознание, так сказать, революционного исторического первородства партии, которая обязана удерживать свою диктатуру, несмотря на временные колебания стихии, несмотря на временные колебания даже в среде рабочих... Без этого сознания партия может погибнуть зря на одном из поворотов, а их много." И повторял: "Над формальным моментом стоит диктатура партии, которая отстаивает основные интересы рабочего класса даже при временных колебаниях его настроения" ("Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет". М., 1963, стр. 351).

155) Свидетельством того, что Ленин в это время (в июне 1921 г.) и именно в этой связи размышлял о системе "1 партии", может служить его план ненаписанной (по-видимому) брошюры о "деклассированности" (ПСС, т. 44, стр. 459).

156) В статье "О значении золота теперь и после полной победы социализма" Ленин так изложил "вывод меньшевиков и им подобных" из перехода к нэпу: "Если, испытав революционные приемы, вы признали их неудачу и перешли к реформистским, то не доказывает ли это, что вы вообще революцию объявляете ошибкой? Не доказывает ли это, что не надо было вообще с революции начинать, а надо было начать с реформ и ограничиться реформами?" (ПСС, т. 44, стр. 222). См. также саркастическую метафору Ленина о восхождении на высокие горы в "Заметках публициста" (там же, стр. 415-417).

157) Впрочем, репрессии коснулись только эсеров, у которых отказ от сотрудничества в деле проведения нэпа на основе советской власти вылился в активную контрреволюционную деятельность (летом 1922 г. в Москве состоялся суд над членами ЦК и другими ведущими деятелями партии эсеров). Что же касается меньшевиков, то свой отказ от сотрудничества с советской властью они тогда ограничили непримиримыми программными декларациями. В октябре 1922 года в "Социалистическом Вестнике" Мартов писал: "Основная политическая задача момента может быть формулирована в нашей программе как борьба со всеми средствами организованного массового движения за переход к нормальному режиму демократической республики" (№ 19), а проще и крепче писал Дан: "Ликвидация большевистского режима путем замены его демократической республикой" (№ 20). И в том же октябре всероссийское совещание меньшевиков провозгласило лозунг демократической республики главным лозунгом своей партии.

158) О сроках сохранения однопартийной системы в Советской России говорилось на XII партсъезде (апрель 1923 г.). Красин полагал, что она должна существовать до победы мировой революции, Зиновьев — что пересмотреть вопрос о диктатуре партии можно будет не раньше, чем через 10 лет. ("Двенадцатый съезд РКП(б)... Стенограф. отчет". М., 1968, стр. 126-126, стр. 53, 228-229).

159) Напомним, что слова, приведенные в кавычках, написаны Лениным перед XII съездом в "Письме к съезду" (ПСС, т. 45, стр. 343).

160) Разумеется, те особенности, которые диктуются положением единственной правительственной и легальной партии в стране — партии, правящей без сотрудничества и без оппо-

зиции других политических партий, должны при переменах органически сочетаться с другими ее необходимыми особенностями. Прежде всего, с исконными особенностями большевистской партии как пролетарской и притом коммунистической — теми из особенностей, сложившихся еще в период ее существования и борьбы в царской России и обусловивших ее революционный приход к власти, которые надлежит сохранить и при диктатуре пролетариата. Но далее, и с теми новыми особенностями, которые партия приобрела после прихода к власти и без коих, в любых исторических обстоятельствах, при любой политической системе, однопартийной или многопартийной, невозможна ее работа по сохранению и развитию диктатуры пролетариата и по строительству социалистического общества.

161) "Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 г. Стенографический отчет". М., 1961, стр. 556.

162) В политическом отчете ЦК этому, XI партсъезду Ленин специально привлек внимание к тому, что он назвал "неправильным отношением между партией и советскими учреждениями". Подробно на вопросе остановился Троцкий в своем выступлении по отчету ЦК. Он сказал: "Каждый хозяйственный вопрос сложен. Но сплошь и рядом считают, что если этот сложный вопрос внести в губком, или в Оргбюро, или в Политбюро ЦК, он сразу станет простым. Считается, что тот самый хозяйственник, который не справлялся со своей хозяйственной работой, когда заведовал губсовнархозом, в случае его назначения секретарем губкома получает помазание благодати. Точно в силу какого-то поистине "помазания" он решает, не задумываясь, все хозяйственные, военные, административные и всякие прочие вопросы, — не с точки зрения принципиального направления, ибо сейчас вопросы принципиального направления не так часто встречаются, а с точки зрения точных конкретных решений о том, сколько пудов нефти надо дать сейчас сюда, сколько туда — кубов дров и пр. и пр.

В результате такого отношения к хозяйственным вопросам губком становится недифференцированным, нарасчленным, неспециализированным аппаратом, вечно спешащим, торопливым советским аппаратом. При этом то, что есть худшего в бюрократизме, т.е. отношение к делу без знания существа дела, а подход с точки зрения только формы дела, неизбежно просачивается в партийный аппарат." Что же касается советских органов, то в них "ни один работник ни на одном посту не считает, что он отвечает за это,

— головой ли, репутацией ли деловой (что тоже немалая ответственность). Более упрямый, более твердый работник на своем посту знает, что губком сейчас же этот практический вопрос перерешит, и — у него опускаются руки. А работник, который лишен необходимого характера и чувства ответственности, сам норовит забежать в губком, уком или Политбюро, чтобы скинуть с себя ответственность. Это самая опасная вещь во всей нашей работе..." "Партия правящая не значит вовсе партия непосредственно управляющая всеми деталями дела."

Эти мысли по поводу построения и практического осуществления диктатуры коммунистической партии, высказанные Лениным и Троцким на партсъезде весной 1922 года, вошли в резолюцию съезда "Об укреплении и новых задачах партии". Напомнив о заявлении VIII съезда (1919 г.), что "партия старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их", резолюция гласит: "Одиннадцатый съезд РКП подтверждает это заявление с особой силой... Парторганизации ни в коем случае не должны вмешиваться в повседневную текущую работу хозорганов и обязаны воздерживаться от административных распоряжений в области советской работы вообще. Парторганизации должны направлять деятельность хозорганов, но ни в коем случае не стараться заменять или обезличивать их. Отсутствие строгого разграничения функций и некомпетентное вмешательство приводят к отсутствию строгой и точной ответственности каждого за вверенное ему дело, увеличивает бюрократизм в самих парторганизациях, делающих все и ничего, мешают серьезной специализации хозработников... Парторганизации сами разрешают хозяйственные вопросы лишь в тех случаях, и в той части, когда вопросы действительно требуют принципиального решения партии." ("Одиннадцатый съезд РКП (б) ... Стенограф. отчет". М., 1961, стр. 43, 133-134 и 553-554).

163) Находившемуся в тяжелейшем состоянии Ленину не было ничего сообщено о съезде — ни о его подготовке, ни о его повестке, ни о ходе и результатах его работы.

164) "Двенадцатый съезд РКП(б) 17-25 апреля 1923 г. Стенограф. отчет". М., 1968, стр. 45, 47, 228. — Это же говорили и другие руководители ЦК. Троцкий сказал: "Так же, как в октябре 1917 года мы единодушно боролись за диктатуру партии, — так же, если понадобится, пойдем против всякой попытки, направленной против диктатуры партии, против ее всестороннего руководства во всех областях." И, назвав диктатуру партии одним из "четырёх элементов, на которых

основаны наши надежды на развитие социалистического хозяйства" (наряду с Красной Армией "как необходимого оружия этой диктатуры", национализацией средств производства и монополий внешней торговли), он указал: "В резолюции по докладу ЦК мы формулировали диктатуру партии в более категорических, чем когда бы то ни было, терминах". (Там же, стр. 350 и 415-416). *Каменев*, подчеркнув, что в нашей стране "пролетариат и Коммунистическая партия держат в своих руках диктатуру, окруженные не только международными врагами, но и мелкобуржуазной и эповской стихией внутри своей собственной страны", не употребил, правда, слово "ревизия", но заявил: "тут были предъявлены политические линии, и то, что они предъявлены с этой трибуны, свидетельствует о том, что мы были правы, когда за два месяца до съезда начали бить тревогу" (Там же, стр. 153). Что же касается *Сталина*, то о нем речь идет ниже.

165) Так, Красин отвергал его "причисление к лику неприемлющих партийную диктатуру" (Там же, стр. 125). А Осинский заявил: "Формула правильная с моей точки зрения такова: вся власть партии" (Там же, стр. 131).

166) Там же, стр. 672.

167) Там же, стр. 666.

168) Это было сделано еще до съезда и составляло существенную часть его идейного приготовления. 28 марта 1923 г. в "Правде" появилась статья *Зиновьева* "Государство и партия", посвященная защите и развитию положения, что "диктатура пролетарской партии есть выражение диктатуры пролетариата" и что "только организованный авангард пролетариата, т.е. компартия, и способен проводить диктатуру класса". А 12 апреля в "Правде" же опубликован доклад *Троцкого* "Задачи XII съезда РКП", сделанный 5 апреля на VII Всеукраинской партконференции, и в нем читаем: "Если есть у нас вопрос, который в основе своей не только не нуждается в пересмотре, но не допускает и мысли о пересмотре, так это вопрос о диктатуре партии и о ее руководстве во всех областях нашей работы". И дальше: "в этой области допустить какие бы то ни было перемены, допустить мысль о частичной, прямой или замаскированной урезке руководящей роли нашей партии значило бы поставить под знак вопроса все завоевания революции и ее будущее".

169) Строго говоря, в отношении последнего ленинского

партсъезда (XI-го) ревизионистами на XII съезде были члены Политбюро, ортодоксами же — их критики. XI съезд, как мы видели, предложил парторганизациям "не вмешиваться в повседневную текущую работу хозорганов". А Зиновьев на XII съезде призывал "партию вмешиваться еще гуще в хозяйственную жизнь" ("Двенадцатый съезд РКП(б)... Стенографический отчет". М., 1968, стр. 225). И резолюция XII съезда прямо "предостерегает против слишком расширительного истолкования упомянутых решений" XI съезда. (Там же, стр. 672).

170) Там же, стр. 601.

171) Там же, стр. 53; см. также стр. 228-229... Удачно определил ситуацию Красин, когда сказал: "По мнению тов. Зиновьева, по-видимому, надо все оставить по-старому" (там же, стр. 126; правда, предлагавшиеся *им* изменения тоже шли не в русле Ленина). В заключительном слове Зиновьев попытался отклонить этот упрек: "Разве ЦК не предложил письменно, а т. Сталин не изложил устно целый план расширения ЦК? Разве это значит оставить все по-старому?" — спрашивал Зиновьев (стр. 226). Но в главе третьей мы подробно показали, что и здесь (как и в случае с РКП) Ленин требовал "оработить и окрестянить" состав ЦК "преимущественно рабочими, стоящими ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих и принадлежащих ближе к числу рядовых рабочих и крестьян", а руководители XII съезда в прямом противоречии с Лениным провели усиление бюрократической части ЦК введением в его состав дополнительного числа секретарей губкомов, обкомов и т.д. Мотивировал Зиновьев такое "изменение" отсутствием Ленина, т.е., по существу, тем, что оно необходимо для того, чтобы и без Ленина все оставалось, как прежде. И ни намека на перемены в политическом строе, к чему призывал Ленин.

172) Там же, стр. 672.

173) Там же, стр. 818.

174) Там же, стр. 65 и сл.

175) Показательно: именно в эти годы среди партийной молодежи, особенно той, которая в комвузах и партшколах заседала, наконец, за общественные науки, ходили острота (ее приписывали Бухарину): "история человечества делится на три периода: матриархат, патриархат и секретариат".

176) "Правда", 1924, 20 июня. — При включении доклада в "Сочинения" Сталина к слову "чепуха" сделана добавка: "которая проникла в партийную среду" (том 6, М., 1947, стр. 258).

177) И. Сталин — Сочинения, т. 8, стр. 47-60.

178) "Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г. Стенографический отчет". М., 1963, стр. 233.

179) Мы не располагаем документальными материалами о том, возникали ли в это время у Зиновьева и Каменева опасения возможности бонапартистского перерождения коммунистического партийного руководства. Но если возникали, то, во всяком случае, опасения эти связывались ими с личностью Троцкого, но никак не Сталина. Лишь когда Сталин приподнял маску на своем лице и публично выступил против них после XIII партсъезда, подлинная расстановка политических сил *начала* доходить до их сознания.

180) Поздней осенью 1923 года Е. Преображенский мог писать: "Вместо курса на коллективную самостоятельность организаций и поднятия уровня всех членов партии в процессе живого участия во всех внутрипартийных решениях, на почве сознания ответственности за каждое из этих решений, был взят курс на хороший аппарат и на хорошего партийного чиновника". ("О нашем внутрипартийном положении". — "Правда", 28 ноября 1923 г.). Мы приводим напечатанную резюмирующую формулировку, потому что документы, в которых это положение было развито и подробно, на фактах доказывалось, — письмо Троцкого от 8 октября и последовавшее через несколько дней "Заявление 46" — были Центральным Комитетом тут же запрещены к опубликованию и в настоящее время недоступны автору. Но отчетливо вспоминается, что Троцкий, например, указывал, что режим, в основном сложившийся в партии уже до XII съезда, а после съезда окончательно утвердившийся, гораздо дальше от рабочей демократии, чем режим самых грозных периодов гражданской войны, что назначение на партийные посты стало в десять раз чаще, чем тогда, а назначение секретарей губкомов стало правилом. "46" же говорили о "секретарской иерархии", и о том, что рядовые члены партии не участвуют в партийной жизни. Официальную реакцию на эти документы и их оценку (конечно, без изложения их содержания!) см. в резолюции Объединенного пленума ЦК и ЦКК совместно с представителями 10 парторганизаций 25-27 октября 1923 г.

(“О внутрипартийном положении” — “ЖПСС в резолюциях...”, изд. 8-е, т. II М., 1970, стр. 496-497).

181) Конечно, до поры до времени. Когда формула “диктатура партии” уже не могла представлять опасности для его навсегда утвердившейся единоличной диктатуры, при которой Сталин и партия стали как бы по понятию тождеством, а те, кто защищал формулу диктатуры партии, были уничтожены, тогда не только исчезла надобность в ее политическом осуждении, но такое осуждение выглядело бы неуместным. В “Кратком курсе” истории партии, этом катехизисе сталинизма, отредактированном, а в значительной части написанном самим Сталиным (1938), нет ни слова против формулы диктатуры партии. И это понятно: ведь за два года до того, Сталин придал однопартийности политической системы Советского Союза статус *государственного закона*, введя коммунистическую партию в Конституцию СССР, как “представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных” (ст. 126 Конституции 1936 г.), — и этим канонизировал *огосударствление компартии*.

182) Этот персидский шах — персонаж Салтыкова-Щедрина, а слова “никогда никакой политики, всегда одно лишь ура, а потом фюить!” — восторженное восклицание шаха по поводу порядков, увиденных им в России.

183) Статья “Централизм или бонапартизм?” в “Искре” №65 от 1 мая 1904 года. См.: Г.В.Плеханов. Сочинения. Том XIII, под ред. Д. Рязанова. М., 1926, стр. 90 и 92.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сталинизм это политическое и идейное течение, стоящее вне ленинизма. И своим теоретическим пониманием социалистической революции и социалистического общества и своей практикой строительства социализма сталинизм чужд и противостоит ленинизму, извращает основы ленинизма и изгоняет ленинизм из мировой борьбы за социализм и из дел русской социалистической революции. Нас здесь не интересуют враги и противники коммунизма и социалистической революции, для которых отрицание такого утверждения и та или иная форма отождествления сталинизма с ленинизмом служит аргументом в пользу капитализма или реформистского социализма. Но факт существования сталинизма как течения отличного от ленинизма отрицают также сталинисты (и в их числе — неосталинисты), говорящие от имени коммунизма; *что же они* противопоставляют установлению этого факта и *как они* ведут его отрицание? С самого начала формирования сталинизма и по сию пору *их* отрицания идут в обоих руслах лжетолкования, друг друга дополняющих и обуславливающих и друг с другом переплетающихся — в русле исследования фактов истории и в русле подачи литературных свидетельств об этих фактах. И на этом следует коротко остановиться.

В первом русле аргументация строится на игнорировании и отклонении самого вопроса, которому посвящен наш очерк, — вопроса о том, возможно ли уже в ленинский период русской социалистической революции в политических идеях и политическом поведении Сталина (и его окружения) обнаружить истоки идеологии и политики сталинского периода советской истории? *Вместо* этого вопроса, на который мы получили положительный ответ, ставится другой вопрос: не имелись ли среди конкретных явлений советской действительности ленинского периода, получавших санкцию и поощрение Ленина, такие, которые могут быть представлены как определяющие и неотъемлемые элементы партийной и государственной идеологии и политики, коими при Сталине создавалось и на коих держалось послеленинское советское общество "полного социализма"? Положительный ответ *на этот* вопрос призван доказать, что послеленинская деятельность Сталина и его "полный социализм" не есть отход от Ленина, а что, напротив, они преемственно связаны с ленинизмом и осуществляют его "генеральную линию", — словом, что в коренных проблемах идеологии и политики Сталин был "верным ленинцем".

Но правомерна ли, имеет ли рациональный смысл сама замена вопроса? Не является ли она, напротив, порочной *подменой* научного подхода апологетическим? В самом деле, констатируя существование в те или иные моменты, в тех или иных обстоятельствах при Ленине и с согласия Ленина таких явлений, как приостановка действия демократических свобод, милитарный режим в партии, унификация общественной мысли, цензура на печать и литературу, ограничение деятельности церкви и религиозных общин, чрезвычайные меры насилия и принуждения, судебные функции органов государственной безопасности, массовый террор и т.д. делают затем вывод, что тоталитаризм, попираание своих же законов, произвол и злодейства времен Сталина восходят к временам Ленина, что в зародышевой, а то и в начальной форме все это возникло и насаждалось при Ленине, и, стало быть, входит в существо Октябрьской революции и социализма, этой революцией принесенного. Однако, дело не толь-

ко в том, что и здесь действует закон диалектического перехода количества в качество. Дело прежде всего в том, что при Ленине это были *временные меры и эксцессы начальной стадии перехода к социализму*, вызванные чрезвычайной ситуацией гражданской войны, контрреволюционных заговоров и восстаний, острой враждебности свергнутых классов и их приспешников, экономического развала и, от прошлого унаследованной культурной отсталости народных масс, пришедших к власти. При Ленине все такие меры понимались и объяснялись именно и только как *временно* допущенные нарушения социалистических норм — вводились и применялись как чрезвычайные. Господствовало убеждение и считалось непреложной истиной, это это продукт и выражение незрелости социалистических отношений и что при социализме (и при приближении к социализму) необходимость в этих временных мерах исчезнет (1). Сталинисты не вправе ссылаться здесь на Ленина, ибо временные и чрезвычайные меры первых лет революции сталинизм, в прямом противоречии с Лениным, возвел в ранг постоянных и органических — более того, конституирующих — элементов своего общества "полного социализма", в закон и канон социализма.

Вторым руслом, которым сталинисты, ради апологии сталинизма, пользуются, чтобы изобразить его осуществлением и развитием ленинизма, служат приемы подачи и толкования партийной литературы ленинских годов революции. Эти приемы, образующие сложную систему фальсификации и сокрытия документов, начало которой положил и в совершенствовании которой участвовал сам Сталин, достаточно подробно прошли перед читателем настоящего очерка и о них можно здесь не распространяться. Подчеркнем лишь: предприятие облегчалось тем, что при жизни Ленина, когда партийные дискуссии были свободны, а у Сталина были коренные расхождения с Лениным и даже интриги против Ленина, он *публично ни разу* не выступал против Ленина. И строилось оно на том, что и после Ленина все, что Сталин делал, он маскировал именем Ленина, именуя это ленинизмом и, скрывая от народа подлинного Ленина, подлинный лени-

низм и подлинную историю большевистской партии (2), афишировал себя верным учеником Ленина, ни на шаг не отступающим от учения и заветов учителя, разоблачающим и изничтожающим врагов ленинизма. Само собой разумеется, вся эта система фальсификаций и утаиваний была бы невозможна, не будь в нашей стране монополии партийного аппарата на печать, — монополии, под угрозой политических кар и уголовного наказания охраняемой аппаратом тоталитарного государства.

Итак, искать истоки и корни сталинизма в Ленине — ложно. Длительная и затяжная эпоха сталинизма войдет в историю как разрыв с кратковременной могучей эпохой ленинизма. Но для коммунистов — и для исторической науки! — не может быть сомнений, что ленинизм принадлежит к числу тех великих творений человеческого гения, о которых у поэта было сказано: они "минуя внуков, к правнукам уйдут..." (3) Вернемся же к теме нашего очерка.

Теория и практика сталинизма непосредственно воплотились в так называемом "полном социализме", построенном в Советском Союзе по идеям, методами и под государственным правлением Сталина и представляющем собой отход от представлений Маркса—Ленина о социализме как первой фазе коммунизма. Но исторически ряд исходных и неотъемлемых элементов сталинизма зародился и складывался уже в 1918—23 годах внутри большевистской партии, созданной и почти до конца этого времени руководимой Лениным, зародился и складывался в открытом или скрытом противопоставлении Ленину (а в последний год — ленинской традиции), — и выявление и описание этих *истоков сталинизма* составило предмет настоящего очерка. Тема эта естественным образом, встала перед автором при работе над книгой о социализме и строительстве социализма в понимании В.И.Ленина. Возникла необходимость уделить ей в книге отдельную главу — экскурс. Однако, разработка темы истоков сталинизма потребовала привлечения такого обилия материалов и сами эти материалы должны представлять для сегодняшнего читателя столь острый интерес, что намечавшаяся глава разрослась в самостоятельный очерк, сам со-

держаний пять глав. Но и в таком разросшемся виде предлагаемый очерк ограничивается тем, чтобы по возможности компактно и связно изложить фактическую сторону дела, избегая давать исторические и теоретические объяснения и заключения. Читатель, надеемся, поймет и не осудит такое самоограничение автора. Отчасти оно неизбежно при соблюдении *хронологических* рамок очерка, отчасти же подсказано тем, что объяснения фактов, собранных в очерке, и научно-обоснованные выводы из них возможны лишь в ином контексте — в контексте широкого *социологического* анализа существа и генезиса, а также тенденций и перспектив сталинского общества "полного социализма".

В годы, которыми занимается наш очерк, зарождавшийся сталинизм проявлялся в несогласии Сталина с линией Ленина в ряде программных, стратегических и тактических вопросов социалистической революции и в попытках провести *свою* линию вопреки Ленину или нарушая линию Ленина. Кульминационной точки период этого несогласия и этих попыток достиг в 1923 году — в противопоставлении XII партсъезда ленинской идее предпринять ряд перемен в нашем политическом строе. Однако, в известном смысле можно сказать, что в целом это был период сталинистских ошибок, но еще не сталинистских преступлений и сталинистских злодеяний. Правда, уже в эти годы зарождения сталинизма строптивость, властолюбие и макиавеллизм Сталина часто не позволяют провести грань между ошибкой и преступлением и даже злодейством. Куда, например, отнести царицынскую баржу 1918 года, или предательство Варшавской операции 1920 года, или грузинские безобразия 1922 года, или сокрытие от партсъезда писем Ленина, предназначенных для съезда, или вообще махинации на XII и XIII съездах и вокруг этих съездов (а также сообщенные Микояном факты внутрипартийных заговорщицких интриг перед XI съездом) и т.д.? Что это — ошибки или преступления? Ошибки, переросшие в преступления и злодеяния, или преступления и злодеяния, ныне маскируемые под ошибки? В одних случаях будет убедительнее звучать первый ответ, в других — второй. Ибо, как правило, ошибки Сталина были таковы, что, по

самому своему существу, они несли в себе возможность и тенденцию приводить к преступлениям против социалистической революции и к злодеяниям против народа, тенденцию *вылиться* в такие преступления и злодеяния. Но в годы, о которых рассказывает наш очерк, каналы для реализации этой возможности и этой тенденции были разрозненными и возникали спорадически, частота и степень их реализации могли быть лишь незначительными, а формы реализации были еще неопределенными и неявными. Для нашей темы, охватывающей 1918–23 гг., представлялось поэтому достаточным (и целесообразным) ограничиться рассмотрением сталинских извращений линии социалистической революции как (тогда еще отдельных) звеньев в *идейно-политическом* процессе генезиса сталинизма.

К 1923 году, которым оканчивается рассматриваемый нами период, эти отдельные звенья будущей идейно-политической системы сталинизма, правда, уже начинают связываться в систему — именно в ходе борьбы за дискредитацию и изоляцию Троцкого, — но теоретический и пропагандистский стержень системы в этот эмбриональный период сталинизма еще не нащупан. Поэтому, строго говоря, в настоящем очерке, показывающем некоторые важнейшие истоки и генетические линии сталинизма, генезис даже только идейно-политического содержания сталинизма мог быть дан лишь в незаконченном виде. В самом деле, сердцевину завершенного сталинизма, так сказать, фокус, от которого исходят и к которому сходятся все его теоретические и практические линии, основу, на которой, в конечном счете, строится вся и всякая его позитивная и полемическая аргументация и вся его политика, составляет положение о возможности построения полного социалистического общества в одной, отдельно взятой стране. Но этого положения, в котором резюмируется разрыв Сталина с принципиальными представлениями Маркса и Ленина о социализме (4), не существовало в известных нам выступлениях (да и помыслах!) Сталина 1918–23 годов и даже первой половины 1924 года. Цитированные в предыдущей сноске "Заметки публициста" Ленина, в которых невозможность достижения социализма

усилиями одной страны, называется "азбучной истиной марксизма", были напечатаны в "Правде" и в "Известиях ВЦИК" 16 апреля 1924 г., а через месяц, в мае 1924 года, в Комвузе им.Свердлова, Сталин читает цикл лекций "Об основах ленинизма". До этого Сталин был в глазах партии практиком — авторитетным практиком, но далеким от теории — и затеянные им лекции представляли для него как бы экзамен на право быть включенным в число теоретиков партии. И желая в эти критические для него месяцы прослыть в глазах партии верным учеником Ленина, Сталин (как водится на экзамене) даже формулировку азбучной истины заученно повторяет вслед за учителем. Он говорит: "Главная задача социализма — организация социалистического производства — остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране, без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны — об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, — для этого необходимы усилия пролетариата нескольких передовых стран" (5). Только к концу 1924 году Сталин публично выступил с идеей социализма в одной стране, — и этим завершается становление сталинизма как политической идеологии, исподволь формировавшейся в недрах послереволюционной российской коммунистической партии и с первых же шагов своих на исторической арене и вплоть до своих нынешних неосталинистских вариантов извращающей и ниспровергающей ленинизм — под личиной охраны партии от троцкизма (6).

Настоящий очерк должен был подвести читателя к проблеме такого завершения, но заниматься ею не входит в нашу тему. Это должно составить предмет другой работы — о производственных отношениях и историческом месте общества сталинского "полного социализма", о рождении, о развитии и завершении этого общества. При этом следует

отдавать себе отчет, что генезис (идейный и социально-политический) сталинизма и сталинского общества "полного социализма" это — явление совершенно иного, *принципиально* иного порядка, чем генезис марксистско-ленинского понимания социализма как первой фазы коммунизма. У Маркса и Ленина идея социализма и представления о переходе к нему росли из философских, социологических и экономических исследований и размышлений, из теоретического осмысления человеческой истории — ее движущих сил, тенденций, содержания ее современного этапа, — теоретического осмысления, которое в общих и решающих чертах было завершено еще до того, как Октябрь сделал строительство социалистического общества практической задачей. Ленинское строительство первой фазы коммунизма было осуществлением и разработкой предвидений и велений науки в конкретно-исторических условиях нашей страны. Иначе обстоит дело с идейным содержанием сталинского "полного социализма". Фактически противостоя первой фаза коммунизма и отвергая ее основополагающие идеи и требования, оно, однако, возникло и складывалось не как предвиденная и, уж конечно, не как задуманная и продуманная альтернатива социализму как первой фазе коммунизма, но в результате прагматически нараставшего ухода от начатого Лениным движения к *такому* социализму. Вначале то были, возможно, неосознанные, спорадически внешне одно с другим не связанные отступления и отклонения от методов построения социализма как первой стадии коммунизма, а потом (и уж очень скоро) это движение все более рассчитанно, связно и систематически извращалось и подменялось насаждением несоциалистических и антисоциалистических отношений и норм по всему организму общества. Естественно, что подмена строительства первой фазы коммунизма построением сталинского "полного социализма" должна была иметь свою внутреннюю логику, свои закономерности и закономерные этапы.

И действительно, хотя в существе своем строительство сталинского "социализма" было на протяжении всей его истории (да и предыстории) одним и тем же — по идее, по-

литике, морали, социальному содержанию, — но на пути к своему полному самоопределению и завершению оно прошло три последовательных этапа. *Первый этап*: Формулирование и мотивирование теории социализма в одной стране и, в соответствии с этим, идейное и практически-политическое переориентирование партии (а через нее рабочего класса и всего советского народа) с социализма как дела "совместных усилий рабочих нескольких передовых стран" (Ленин), дела "мировой революции", на социализм как дело русского рабочего класса в своей одной, отдельно взятой, стране, как самостоятельное, национальное дело русской революции. *Второй этап*: Строительство социализма в одной стране понимается как его строительство в одном государстве и, в соответствии с этим, происходит практически-политическое переориентирование социализма с марксо-ленинской первой стадии коммунизма, постепенно изживающей приоритет государства и все больше освобождающей общество от связанности с государством и государством. Переориентирование на сталинский "полный социализм", который опирается на государство и все больше усиливает его роль во всех сферах общественной жизни, все больше растворяет идеологию социализма в культе государства, а мораль социалистического равенства в морали чиновной и частнособственнической иерархии, — и который тем самым неизбежно все глубже вбирает в себя национальную ограниченность государства, все непоправимее отравляясь ею. *Третий этап*: Этот национально-ограниченный государственный "полный социализм", это подчинение социализма государству и утопление социалистичности в государственности оснащается и пронизывается националистическими интересами и устремлениями, традициями и амбициями — и мифологией именно русского государства, унаследованными от капиталистического (если бы только капиталистического!) прошлого. В соответствии с этим, происходит практически-политическое переориентирование с социализма как цели, достижению которой призвано служить строительство советского типа государства, на такой "социализм", который мог бы служить средством для строительства великой национальной держа-

вы. Перед нами *три этапа эволюции сталинского "социализма"*: этап идейного *перетолкования* существа социализма, этап его фактического *перерождения* в псевдосоциализм и этап его *вырождения* в антисоциализм.

И только в связи с этой эволюцией идеи и политики социализма в одной стране может быть рассмотрен и решен вопрос о социальных корнях и социальном наполнении, словом, — о социальном эквиваленте идейно-политического генезиса сталинизма. *Почему* было возможно, чтобы в недрах большевистской партии в годы, когда ею руководил Ленин, могли зародиться, пустить широко расходящиеся и глубоко уходящие корни, дать обильный цвет, а после Ленина тут же овладеть партией, течение мыслей, политические порядки и моральные нормы, чуждые и противостоящие ленинским? *Что* лежало в основе вытеснения программы и методов Ленина программой и методами Сталина — в основе победы, одержанной Сталиным над Лениным внутри коммунистической партии? *Чем* были исторически детерминированы этот поворот русской социалистической революции от Ленина к Сталину и эта ее сталинская перестройка? *Была ли* эта детерминированность однозначной и единственной, т.е. была ли она неизбежностью или это была реализация одной из различных возможностей, заложенных в исторической ситуации формирования диктатуры пролетариата в послеоктябрьской России? И если верно последнее, то какие иные, тоже объективно детерминированные, возможности содержались в этой ситуации, и *была ли в их числе возможность ленинского пути* развития революции, и какие факторы и силы воспрепятствовали превращению этой возможности в действительность — созданию в России общества, представляющего собою первую фазу коммунизма? Ко всем таким вопросам настоящий очерк самым непосредственным образом подводит, но давать на них ответы не может входить в его задачи. Эти ответы могут быть получены лишь в связи с исследованием производственных отношений и исторического места общества сталинского "полного социализма", т.е. в той другой работе, о которой сказано выше.

И это уже относится к вопросу, который сам по себе не

входит в проблему истоков сталинизма, но не может не возникать при ознакомлении с материалами об этих истоках, собранными в настоящем очерке. Мы говорим о вопросе, как бы перебрасывающем мост от проблемы генезиса сталинизма к проблеме его преодоления. Ибо только разобравшись в генезисе и эволюции сталинизма как уходе от ленинизма, можно поставить в правильную, научную перспективу проблему возврата от сталинизма к ленинизму — самую актуальную проблему для судеб Советского Союза, да вероятно, и для судеб всего современного человечества.

Если после смерти Ленина наша страна упустила имевшуюся тогда объективную возможность пойти по пути строительства социализма как первой фазы коммунизма, то каковы *в настоящее время* возможности, формы и методы *возврата* нашей социалистической (по загаду, по Октябрьскому развороту и Октябрьским тенденциям) революции на этот путь Маркса и Ленина? На этот вопрос тоже должно ответить исследование производственных отношений и исторического места общества сталинского "полного социализма". Здесь же можно только указать на ту истину, что в делах человеческих, а тем более в делах человеческой истории, возврат не есть повторение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Пожалуй, достаточно одного *примера*, чтобы читателю наглядно предстала суть дела. Летом 1921 года вышел первый номер знаменитого журнала "Печать и революция", и в нем в директивной статье, озаглавленной "Свобода книги и революция", наркомпрос Луначарский писал: "Человек, который скажет "долгой все эти предрассудки о свободе слова,

нашему коммунистическому строю соответствует государственное руководство литературой, цензура есть не ужасная черта переходного времени, а нечто присущее упорядоченной, социализированной социалистической жизни”, — тот, кто сделает этот вывод, что самая критика должна превратиться в своего рода донос или в пригонку художественных произведений на примитивно-революционные колодки, тот покажет только, что под коммунистом у него, если немного потереть, в сущности, сидит Держиморда и что, сколько-нибудь подойдя к власти, он ничего другого из нее не взял, как удовольствие куражиться, самодурствовать и, в особенности, тащить и не пущать... Переходное время есть переходное время. Не надо нетерпеливо отмахиваться от тех его сторон, которые в нем неизбежны, которые являются путями к лучшему будущему, но не надо эти стороны, часто горькие, превращать чуть ли не в источник удовольствия, чуть ли не в самоцель”.

2) Вершины это достигло в осуществлении специально просеянного, отобранного и подчищенного многотомного собрания сочинений Ленина (“четвертого”), со специально же составленным аппаратом примечаний к ним, и в пресловутом “Кратком курсе” истории ВКП(б). Но в значительной мере ради этого же были физически уничтожены тысячи и тысячи старых большевиков — живых свидетелей ленинского времени.

3) О.Мандельштам. — “Я не слыхал рассказов Оссиана...”

4) Напомним, например, в каких словах эти представления изложены в работе, неписанной Лениным в последнем году его деятельности, в феврале 1922 г., на подступах к XI партсъезду (последнему с его участием): “Мы всегда исповедывали и повторяли ту азбучную истину марксизма, что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран. А мы все еще пока одни”. И еще: “Доделать” советский тип государства удастся лишь практическим опытом рабочего класса нескольких стран” (“Заметки публициста”. ПСС, т. 44, стр. 418 и 417).

5) Этот отрывок взят нами из брошюры: “И.Сталин. — О Ленине и ленинизме”. М., 1924, стр. 60. Лекции свердловцам перепечатывались много раз — во всех изданиях “Вопросов ленинизма” Сталина и, конечно, в томе 6-м его “Сочинений”, но тщетно стали бы мы там искать приведенный отрывок. Ведь в нем под “окончательной победой социализма” пони-

мается, следуя Ленину, "организация социалистического производства", а не семинарского пошиба софизмы насчет "гарантий от интервенции и реставрации", софизмы, которые вскоре составили основу теории о возможности построения полного социалистического общества в одной стране, — наряду с семинаристским же (духовной семинарии!) аргументом от *веры* (нельзя, мол, строить социализм в одной стране без "веры" в возможность построить *полный* социализм в этой отдельно взятой стране).

6) Не случайно это первое провозглашение идеи социализма в одной стране Сталин преподнес в статье "Октябрь и теория перманентной революции Троцкого". ("Правда", 20 декабря 1924 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1-ое.

О так называемом реализме сталинского отношения к мировой революции и об ответственности сталинизма за ее задержку

Сдвиг от принципа Ленина к принципу Сталина произошел не сразу. Лишь постепенно, проходя ряд этапов, растянувшихся на годы и десятилетия, совершались одновременно оба изменения: было изменено понимание места и роли России в путях и судьбах современного человечества и было изменено понимание места и роли мирового социализма в путях и судьбах современной России. В целом же и в конечном своем результате сдвиг означал, что строительство новой, послереволюционной России ведется уже не по замыслу и программе Октября 1917 года, не такими методами и не в таких формах, в каких Россия может (только и может!) осуществлять историческое предназначение быть для человечества носителем идеи мировой социальной революции и первым участником, представителем, вдохновителем и рычагом этой революции. Напротив, методы и формы строительства социализма в нашей стране были сталинским сдвигом определены таким образом, чтобы это строительство *подчинялось* задаче и фактически велось для национального утверждения и возвеличения мирового места России как великой державы (по нынешней терминологии: как сверхдержавы). Но это означает, что если на пути достижения этой цели препятствием или затруднением встают интересы мировой социалистической революции, то такие ее интересы должны быть

принесены в жертву; поддерживать же следует лишь те революционные движения в других странах, которые могут действовать этой высшей цели. Мы видели, что при Ленине Сталин, еще только нащупывавший свой собственный путь, вынужден был прикрываться тогдашним лозунгом из ленинской работы 1919 года: "провести" максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах". В годы торжества сталинизма действительное положение вещей выражал бы противоположный лозунг: "в максимальной мере использовать революционные процессы в других странах для пробуждения, поддержания и развития национального духа, мощи и мирового веса Советского Союза как наследника России". А слова "пролетарский интернационализм", которые в ленинской концепции Октября означают солидарность в мировой пролетарской революции, для сталинизма являются синонимом словосочетания "советский (читай: российский) патриотизм".

Но тут в наше время слышится многоголосый (и на разные голоса!) вопрос: "К чему все эти рассуждения о двух путях, которые предлагались и были якобы возможны для русской революции, и о преимуществах ленинского пути перед сталинским? Ведь реалистической же, как показала жизнь, была линия Сталина, игнорирующая мировую революцию и ориентирующаяся на внутренние силы, национальные традиции и исторический экспансионизм России. Ориентация же Ленина на мировую революцию и на согласование с нею стратегии и тактики русской революции оказалась утопией: вот уже больше полувека длится задержка революции в передовых капиталистических странах, и виды на конец этой пресловутой "задержки" сегодня, пожалуй, менее обнадеживающи, чем полвека тому назад. Хорошо же мы выглядели бы с нашей русской революцией, если бы во время развилки 20-х годов выбрали путь Ленина!" И т.д.

Но так ли, в самом деле, обстоит дело? Правильно ли в этом вопросе прочитаны уроки истории? Не школьной ли (или администраторский, бюрократический?) фатализм говорит в этой аргументации? Раз произошло, то и должно было произойти и иначе не могло произойти — так, что ли? Нет,

не так просто шли исторические процессы в минувшие полвека.

Задержка мировой революции в 20-х годах, была результатом поражения, которое рабочий класс, не имевший опыта и выучки, да и просто достаточных сил, потерпел в героической схватке в буржуазией и ее правительствами в капиталистических странах. Эта задержка представляла перерыв в наступательной борьбе рабочего класса против капиталистического строя — перерыв для перестройки своих боевых рядов и накопления новых сил, для усовершенствования своей организации и стратегии. Она, эта задержка, не убила революционного духа и революционных устремлений, надежд, и расчетов западного пролетариата; доказательство — рост и успехи Коминтерна. Но к концу 20-х годов на сцену истории выступила сталинская фантазмагория построения "полного социализма" в одной, изолированно взятой, экономической и культурно отсталой России. Это построение, состоявшее в бюрократической "индустриализации" страны с применением разных степеней и форм принудительного труда и в насильственной "коллективизации" сельского хозяйства, могло осуществляться только тоталитарными и террористическими методами. Оно потребовало миллионы казненных и замученных людей и десятки миллионов лагерных рабов, ссыльных полурабов да погибших от голода помимо тюрем, лагерей и ссылок. Оно привело к казарменному умертвлению демократического духа, чувства личного достоинства, народной самодеятельности и высоких моральных ценностей, принесенных Октябрьской революцией. Оно создало (и канонизировало!) экономическую систему безысходной неэффективности и беспомощности, даже в лучшие из сталинских годов державшую народ на грани нищеты и голодания.

Победа сталинизма в стране строящегося социализма по времени совпала с экономическим кризисом невиданной силы в капиталистическом мире, сотрясавшим этот мир до самых его основ и вплотную приведшим к окончанию задержки мировой социалистической революции, к переходу рабочего класса в новое революционное наступление. И страшные события в сталинской России не только парализовали этот,

подготовленный и стимулируемый всей экономической и социально-политической ситуацией, новый революционный подъем, не только помешали задержке революции закончиться, не только продлили задержку, но и переродили ее, изменили ее внутренний характер, ее существо. Рабочие массы Запада, видевшие в ленинском Октябре свой собственный путь и свое будущее, в смятении и ужасе отшатнулись от нашей революции и нашего социализма (1). А затем на западные коммунистические партии обрушились известные сталинские акции, все более бессовестные и преступные, все более жестокие, а там и прямо кровавые, — более остервенелые и отвратительные, нежели преследования коммунистов капиталистическими государствами. И наступившие десятилетия (увы, еще не закончившиеся) говорят уже не о перерыве в мировой социалистической революции из-за превосходящей — до поры до времени — силы капиталистической реакции, не о временном (относительно *кратковременном*!) отливе непосредственно-революционной ситуации. Они говорят о затяжном и все более глубоком разочаровании трудящихся масс капиталистических стран в целесообразности и разумности революционного пути к социализму, после того, как Сталин обесчеловечил, обессмыслил и обесчестил этот путь, пронизав его всенародными муками и залив морями крови, до дна отравив материальную, моральную и интеллектуальную жизнь народа нашей огромной страны и деморализовав, унизив, развалив и разгромив детище Октября, организатора и вождя мировой революции — Коминтерн.

Между тем монополистический капитализм хорошо использовал длительную передышку, которую ему предоставило разочарование народных масс в коммунистической революции. Передышка позволила ему стать инициатором и продвигателем современной научно-технической революции, и таким образом, перехватить это всемирно-историческое дело у социализма, который, будучи извращен и обессилен сталинизмом, оказался не только не способен творчески участвовать в ней, но даже не в состоянии достаточно весомо следовать за капитализмом в ее осуществлении, все больше отставая в темпах и размахе. Опираясь на научно-техническую

революцию и приспособив ее к своим потребностям и возможностям, монополистический капитализм усовершенствовал и укрепил свои экономические основы и воспользовался этим для создания и расширения социально-политических и пропагандистских механизмов примирения с рабочим классом и "интегрирования" его в *свою*, капиталистическую, систему. И вместе в этом жестокая и расточительная цена экономического и технического прогресса в обществе сталинского "полного социализма" отпугивала и отталкивала поднявшиеся и ширящиеся антиимпериалистические революции в колониях и полуколониях Азии, Африки, Латинской Америки и помогала монополистическому капитализму вытравлять из них социалистические устремления и тенденции, рожденные Октябрем, и уводить эти революции в русло капиталистического развития, "интегрируя", таким образом, в мировую систему капитализма и этих, XX веком предуготовленных и исторически естественных соратников и участников мировой социалистической революции.

Словом, если в человеческой истории видеть не мертвый механический и, стало быть, фаталистический процесс, а ход реальной общественной жизни, совершающийся стремлениями и борьбой реальных живых людей и реальных социальных институтов, то подлинной исторической причиной современной затянувшейся задержки мировой социалистической революции предстает торжество сталинизма в первой стране строящегося социализма. Не фаталистически понимаемый ход истории повинен в полувековой задержке мировой социалистической революции XX века. За эту задержку несет ответственность сталинизм, который в решающие десятилетия отнял у народов марксистско-ленинское понимание коммунизма и пути к коммунизму через социализм, как первую его стадию, и шаг за шагом, методически переродил и погубил марксистско-ленинские коммунистические партии — единственно возможный инструмент, созданный человеческой историей для движения по этому пути. А сказать, что путь Сталина был единственно реалистическим путем, значит отождествить реализм с преступностью. В большом плане истории преступление Сталина — двойное преступление: против России

— что он вырвал ее из мировой социалистической революции, и против человечества — что он погасил и отнял у мировой революции ленинский маяк русского Октября. Удастся ли исправить это историческое несчастье — вот от чего, в буквальном смысле слова, зависит судьба современного человечества. И тем, кто желает участвовать в трудах и борьбе по такому исправлению, надлежит твердо усвоить: Не "задержку" мировой революции предстоит теперь истории преодолеть, чтобы вывести человечество (а значит и народы Советского Союза) на дорогу к коммунизму. Истории предстоит преодолеть, рассеять, изжить разочарование в коммунизме, порожденное сталинизмом, а ныне питаемое неосталинистским так наз. "реальным социализмом", очистить и вновь вселить в умы и сердца людей коммунистический идеал и восстановить убеждение в том, что и в наше время ленинский путь мировой социалистической революции остается единственно разумным и человечным путем осуществления этого идеала — разумеется, с учетом тех, исторического масштаба, перемен, которые прошедшие полвека внесли в характер и в соотношения сил капитализма и антикапитализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Вспомним, что и в первые годы нашей революции бедствия и жертвы гражданской войны и хозяйственного разорения *временами* смущали и отпугивали западный пролетариат. И тогда об этом говорилось открыто. В марте 1924 года, напр., председатель Коминтерна Зиновьев, выступая на торжествен-

ном заседании Ленинградского Совета, посвященном пятилетию Коминтерна, сказал: Республика Советов в прошедшие 5 лет из базы "превращалась иногда в источник новых затруднений для Коммунистического Интернационала. Ведь ни для кого не секрет, товарищи, что в 1921-22 гг. наша Советская Республика, вместо того, чтобы быть магнитом для рабочих всего мира, временно стала кое-где устрашающим примером". ("Ленинградская правда", 7 марта 1924 г.; см. также: Г.Зиновьев "Сочинения", т. XV, Л., 1924, стр. 283). Насколько же страшнее, грознее, непоправимее этих тягот, выпавших на долю народа, в одиночку вступившего в борьбу с капитализмом, те ужасы, злодейства, массовые убийства, которые совершал над победившим народом Сталин!

ПРИЛОЖЕНИЕ 2-е.

Из дооктябрьской истории большевистской программы по национальному вопросу.

В программе партии, принятой на 2-ом съезде (1903 г.), пункт 9-й, посвященный национальному вопросу, составлял одну коротенькую фразу: "Право на самоопределение за всеми национальностями, входящими в состав государства" (1). К концу 1912 года национальный вопрос вышел на видное место в политической жизни России, и так как в среде социал-демократии (и не только в ее национальных организациях, но в ее большевистской части) существовали такие толкования этого пункта, которые уводят в сторону от революционной линии большевиков, то Ленину пришлось вплотную заняться теоретической и политической стороной национального вопроса. В результате этих занятий Ленин в 1913 году пришел к заключению, что в условиях империализма, а следовательно, и для империалистической России, эта общая, лапидарная формулировка недостаточна. Он пишет: "§ нашей программы (о самоопределении наций) не может быть толкуем иначе, как в смысле *политического* самоопределения, т.е. права отделения и образования самостоятельного государства. Для с.-д. России этот пункт с.-д. программы абсолютно необходим." ("Тезисы по национальному вопросу", июнь 1913 года — ПСС, т. 23, стр. 314). И осенью, на Поронинском совещании ЦК с партийными работниками, эта расширенная формулировка включается по докладу Ленина в

резолюцию Совещания, Лениным же написанную (ПСС, т. 24, стр. 58) (2).

А вскоре пришла мировая империалистическая война, которая обнаружила и обострила проблему, непосредственно связав ее с задачей подготовки революционной борьбы против империализма и колониализма во всем мире. В последние месяцы 1915 г. и первые 1916 г. Ленин снова много занимается правом наций на самоопределение и снова подчеркивает толкование этого права как права на отделение, но уже не в масштабе российских задач, а в общем плане движения мировой истории — в плане мировой социалистической революции (3). И он поясняет: "Мы требуем свободы самоопределения, т.е. независимости, т.е. свободы отделения угнетенных народов не потому, чтобы мы мечтали о хозяйственном раздроблении или об идеале мелких государств, а, наоборот, потому, что мы хотим крупных государств и сближения, даже слияния, наций, но на истинно демократической, истинно интернационалистской базе, немыслимой без свободы отделения." ("Революционный пролетариат и право наций на самоопределение", октябрь 1915г., ПСС, т. 27, стр. 68) (4).

Как же это стремление к сохранению и созданию разнонациональных крупных государств сочетать с национальным равноправием, со сближением наций, как построить такие крупные государства на истинно интернационалистской базе? Свобода отделения есть обязательное политическое условие для этого, но ею не исчерпывается решение национального вопроса. И Ленин уже в 1913 г., но в особенности в 1915-1916 гг. намечает два решения, друг друга дополняющие: для тех наций, что не пожелают (или экономически, культурно и т.д. не в состоянии) выделиться в самостоятельное государство, ввести территориальную (областную) автономию, а нациям, которые стали самостоятельными или уже и прежде были самостоятельными, предоставить возможность объединиться в новое государство — в "свободный союз" наций, т.е. в государство с конституционным правом выхода из него (5). В эти годы речь шла о программе по национальному вопросу в условиях современного капиталистического

тического (а точнее: империалистического) государства, и Ленин еще предпочитал, по возможности, не пользоваться словом "федерация". В среде старой социал-демократии с этим понятием связывались националистические и сепаратистские тенденции в капиталистических федерациях, и считалось, что принцип федерализма это — буржуазный и, притом, реакционный принцип, идущий вразрез с историческим процессом укрупнения и централизации человеческих обществ, а кроме того федерализация капиталистического государства ведет к федерализации и, следовательно, к разъединению и ослаблению рабочего движения в борьбе против капитала (6). Впрочем Ленин и тогда не отказывался употреблять термин "федерация". Так, в письме С.Шаумяну от 6 декабря 1913 г., заявляя, что "мы в принципе против федерации", он вместе с тем пишет: "Федерация есть союз равных, союз, требующий *общего* согласия" (ПСС, т. 48, стр. 235). А в тезисах "Социалистическая революция и право наций на самоопределение", январь-февраль 1916 г., опубликованных от имени редакции "Социал-демократа" (ЦО РСДРП), читаем: "Признание самоопределения не равносильно признанию федерации как принципа. Можно быть решительным противником этого принципа и сторонником демократического централизма, но предпочитать федерацию национальному неравноправию, как единственный путь к полному демократическому централизму." (ПСС, т. 27, стр. 255-256).

Таким образом, с точностью до терминологии (как ска- зал бы математик) у Ленина уже в 1913 году, во всяком случае, к началу 1916 года складывалась его концепция решения национального вопроса при переходе к социализму. Мы сказали "с точностью до терминологии", потому что в термине "федерация" Ленин, в согласии с принятым тогда у социал-демократов словоупотреблением, усматривает синоним буржуазной федерации. Но если брать существо дела а не терминологию, то уже в это время, еще до февральской революции, а, пожалуй, и до мировой войны, мы находим у Ленина все три главных момента той концепции решения национального вопроса, которая у него сложилась при размышлении над уроками империалистического капи-

тализма, т.е. капитализма, приведшего многонациональное человечество к порогу социалистической революции: право на отделение, территориальную автономию, свободное объединение равноправных и суверенных национальных государств в разнонациональный добровольный союз.

И почти сразу же после февральской революции в России, весной 1917 года, эти три момента были Лениным отработаны и связаны в единую программу национального строительства как органического элемента строительства социалистического общества. Так, уже на Апрельской (VII) конференции РСДРП Ленин говорил: "Мы хотим братского союза всех народов. Если будет Украинская республика и Российская республика, между ними будет больше связи, больше доверия. Если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Миллюкова, они отделятся." (ПСС, т. 31, стр. 436). В начале мая 1917 года, в "Наказе избираемым по заводам и по полкам депутатам в Совет рабочих и солдатских депутатов", Ленин предлагает "предоставить каждому народу решить свободно, всенародным голосованием, хотят ли они жить в отдельном государстве или в союзном государстве с кем угодно" (ПСС т. 32, стр. 41). Тогда же, в проектной партийной программы, он следующим образом формулирует пункт 9-й, вместо старой, 1903 года, формулировки, приведенной нами в начале настоящего приложения: "Право на свободное отделение и на образование своего государства за всеми нациями, входящими в состав государства. Республика русского народа должна привлекать к себе другие народы или народности не насилем, а исключительно добровольным соглашением на создание общего государства. Единство и братский союз рабочих всех стран не мирятся ни с прямым, ни с косвенным насилем над другими народностями" (там же, стр. 154). А в речи на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 9 (22 н.ст.) июня Ленин сказал: "Не надо бояться отдельных республик. С точки зрения рабочих и крестьян это не страшно. Пусть Россия будет союзом свободных республик" (Там же, стр. 286).

Таков Ленин до Октября. А Сталин?

В конце 1912 года, во время Краковского совещания ЦК с партийными работниками, Ленин беседовал со Сталиным как с человеком, имеющим опыт партработы на многонациональном Кавказе, и после этих бесед поручил Сталину написать статью против сторонников культурно-национальной автономии, федералистов, сепаратистов и прочих противников большевистской линии в национальном вопросе в капиталистическом мире. По совету Ленина Сталин поехал для этого в Вену (там в это время находился молодой Бухарин, который мог помочь Сталину, не знающему языков, в использовании важной для этой темы австрийской литературы). Сталин постарался в доходчивой форме изложить мысли и аргументацию, почерпнутые из бесед с Лениным, — и Ленин остался доволен политически злободневной статьей Сталина "Национальный вопрос и социал-демократия" (7). Когда читаешь эту, в общем неплохую, пропагандистскую статью рядом с глубокими и блестящими произведениями Ленина на ту же тему, написанными в том же 1913 году, она производит впечатление ученической, а в ее теоретической части схоластически-семинаристской (8). И о ней не стоило бы здесь упоминать, если бы не одно обстоятельство, представляющее непосредственный интерес для темы нашего очерка о зачатках сталинизма в годы, когда партией руководил Ленин. Дело в том, что "намечая положительное решение национального вопроса", Сталин называет две из числа трех ленинских главных частей этого решения — право на самоопределение (включая отделение) и областную автономию, — но ни единым словом не упоминает третью часть — свободное объединение суверенно-равных национальных государств в разнонациональный Союз. Такое решение не представляется Сталину "положительным" уже тогда, на заре формирования его концепции национального вопроса. ("Сочинения", т. 2, стр. 359-367).

После статьи "Национальный вопрос и социал-демократия", напечатанной в марте 1913 г., Сталин замолчал на целых 4 года. Только 28 марта 1917 г., спустя месяц после февральской революции, появляется его статья, недвусмысленно и даже воинственно озаглавленная "Против федерализ-

ма". И здесь он без изменений повторяет свою программу 1913 года. Он пишет: "Решение национального вопроса должно быть настолько же жизненным, насколько радикальным и окончательным, а именно: 1) право на отделение для тех наций, населяющих известные области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого; 2) политическая автономия в рамках единого (слитного) государства с едиными нормами конституции для областей, отличающихся известным национальным составом и остающихся в рамках целого". И поясняет: "Неразумно добиваться для России федерации, самой жизнью обреченной на исчезновение..." "Федерализм в России не решает и не может решить национального вопроса, он только запутывает и усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории..." "Федерация не удовлетворяет и не может удовлетворить интересов демократии". ("Сочинения", т. 3, стр. 27-28, 25, 27).

Обращаем внимание читателя, что статья Сталина появилась в "Правде" до приезда Ленина в Россию. В нашем распоряжении нет сведений о том, как Ленин отнесся к статье и даже представился ли ему в горячие апрельские недели случай заинтересоваться этой мартовской статьей, полимизировавшей с с.-р.-ской газетой "Дело народа" по не очень актуальному в те дни вопросу. Но одно мы знаем: когда через месяц Сталин делал на апрельской конференции доклад по национальному вопросу, он полностью обошел тему федерализма и даже ни разу не произнес слово "федерация" (там же, стр. 49-57). Надо думать, здесь сказалась корректура Ленина.

На этом можно было бы закончить наш экскурс в предоктябрьские годы, потому что после апрельской конференции Сталин по национальному вопросу не выступал. Но, может быть, на одном казусе, относящемся к значительно более позднему времени, но связанному со статьей "Против федерализма", стоит здесь остановиться: очень уж наглядно и, так сказать, компактно показывает он сталинский стиль заметания следов, а проще говоря, элементарную непорядочность Сталина в делах политики — и, если угодно, в деле пользования литературой.

Включая статью в свои "Сочинения", Сталин снабдил ее примечанием, написанным в декабре 1924 года, т.е. в разгар внутрипартийной дискуссии когда против него выдвигались обвинения в отходе от Ленина. Этим "Примечанием автора" (9) Сталин, после того, как принцип федерализма был положен большевистской партией в основу государственного устройства страны социализма (и притом в ленинском смысле — не только как территориальной автономии, но и как союза суверенных государств, имеющих право свободного выхода из состава союза), хочет оправдаться перед партией и страной в том, что после свержения монархии выступил со статьей против федерализма. Как же оправдывается? Он заявляет, что "статья отражает господствовавшее тогда в нашей партии отрицательное отношение к федеративному устройству государства"!

Мы сразу узнаем сталинскую манеру "самокритики": свалить вину с себя на других, в данном случае на партию и, конкретнее (сейчас мы это увидим) — на Ленина. Но как же это продельвается? Недостойным (но опять-таки в характерно сталинской манере!) манипулированием тремя значительными и, уж поистине, достойными дооктябрьскими документами: письмом Ленина Шаумяну от 23 ноября (6 дек. н.ст.) 1913 г., резолюцией апрельской 1917 г. конференции партии и работой Ленина "Государство и революция" (август-сентябрь 1917 г.). Рассмотрим эти манипуляции по порядку.

Из письма Шаумяну Сталин выбирает две фразы против федерации, но скрывает от читателя, что в переписке Шаумян-Ленин речь шла о программе национального устройства для *капиталистической* России. Поэтому при цитировании Сталин опускает слова Ленина, находящиеся между этими фразами и приведенные нами выше, слова о федерации как союзе равных, т.е. о чем-то таком, что при капитализме, конечно, невозможно или экономически реакционно. Поэтому же Сталин опускает и следующее за этим возражение Ленина против формулы Шаумяна "право на федеративную связь" (Ленин разъясняет Шаумяну: союз равных, каким является федерация, "требуется общего согласия. Как же может быть

право одной страны на согласие с ней другой страны? Это абсурд". — ПСС, т. 48, стр. 234-5).

На резолюцию апрельской конференции по национальному вопросу Сталин ссылается потому, что в ней "ни одного слова не сказано о допустимости федерального устройства государства", а говорится о "едином (унитарном) государстве". Но, во-первых, слов "единое (унитарное) государство" в резолюции нет, тут Сталин, попросту говоря, приврал (10). Во-вторых, почему *неупоминание* федерализма должно свидетельствовать, что партия была тогда *против* федерализма? Почему это не может свидетельствовать, что партия считала тогда этот вопрос не настолько актуальным, чтобы ответственной резолюцией фиксировать на нем внимание рабочих и крестьян России, особенно в обстановке, когда внутри партии имеются противники федерализма, каким незадолго до того заявил себя прежде всего Сталин непримиримой статьей в "Правде"? (11). В-третьих, казалось бы, Сталин должен был, раз он ссылается на апрельскую конференцию, объяснить читателю тот, отмеченный нами выше факт, что в докладе по национальному вопросу, который он делал на конференции, он не повторил ни одного слова критики в адрес федерализма из той своей статьи. Сталин же не только не сделал этого, но скрыл от читателя самый факт, по меньшей мере странный для непосвященного.

Наконец, на "Государство и революцию" Сталин ссылается, чтобы сказать, что это "первый серьезный шаг к признанию допустимости федерации, как переходной формы к централистической республике". Но мы уже знаем, что это прямая ложь. Как мы видели, еще за полтора года до "Государства и революции" и за год до февральской революции Ленин в тезисах "Социалистическая революция и право наций на самоопределение", в специальном параграфе: "Значение права на самоопределение и его отношение к федерации", заявил, что можно "предпочитать федерацию национальному неравноправию, как единственный путь к полному демократическому централизму" (ПСС, т. 27, стр. 256). Уж это ли не (выражаясь языком Сталина) "серьезный шаг", в особенности, когда он сделан от имени центрального орга-

на партии, в документе программного значения для мирового форума — и притом в обстановке мировой войны и в преддверии социалистической революции.

А в целом, не повторяет ли эта история со статьей "Против федерализма" и "Примечанием автора" к ней другую послефевральскую сталинскую историю — историю поведения Сталина в вопросе о характере русской революции? Приехав из Сибири в Петроград, Сталин поторопился отстаивать каменевскую старобольшевистскую позицию буржуазно-демократической революции. Но после апрельских тезисов Ленина он как-то незаметно, без шума, споров и самокритики вдруг оказался в числе сторонников ленинской позиции перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, а впоследствии сочинил и навязал легенду, что это он, Сталин, "Разоблачил оппортунистическую, антиленинскую линию Каменева, Рыкова и их немногочисленных единомышленников", как сказано в биографии Сталина, составленной Митиным, Пospelовым и др. и апробированной самим Сталиным (12). Неудивительно, что, чуждый идее перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, Сталин был неспособен после февраля оторваться от антифедералистской позиции в условиях буржуазной революции и механически перенес ее на условия революции социалистической. Неудивительно и дальнейшее: ведь быстрая перебежка от "немногочисленных единомышленников" к большинству, чтобы постараться принять участие в возглавлении этого большинства и в "разоблачении" своих бывших единомышленников, — хорошо теперь известная политическая норма Сталина...

ПРИМЕЧАНИЯ

1) "Компартия Сов. Союза в резолюциях и решениях...", изд. 8-ое, т. 1, М., 1970, стр. 63.

2) В 23, 24 и 25 томах ПСС читатель найдет много работ (а в 48 томе — письма) Ленина этого времени по национальному вопросу, и почти во всех излагается это толкование и защищается от его противников среди разных групп российской социал-демократии.

3) 15 (28) октября 1915 г. Ленин читает в Женеве реферат: "Империализм и право наций на самоопределение", конспекты которого сохранились. Вот несколько выдержек из них: "Свобода самоопределения, то есть свобода отделения"... "Классовая солидарность рабочих разных наций невозможна без признания права на отделение"... "Непризнание свободы отделения есть поддержание господства" (ПСС, т.37, стр.436, 442, 444). При этом Ленин специально оговаривает, что тему реферата составляет "не национальный вопрос", а "империализм и самоопределение наций" (там же, стр.435), т.е. национальный вопрос не как таковой, а как одна из проблем мировой антиимпериалистической революции.

4) В написанных в апреле-мае 1917 г. "Материалах по пересмотру партийной программы" Ленин предлагает удалить 9-й пункт старой программы (о праве наций на самоопределение) из новой программы и вместо него написать: "9. — Право на свободное отделение и на образование своего государства за всеми нациями, входящими в состав государства. Республика русского народа должна привлекать к себе другие народы или народности не насилием, а исключительно добровольным соглашением на создание общего государства. Единство и братский союз рабочих всех стран не мирятся ни с прямым, ни с косвенным насилием над другими народностями" (ПСС, т. 32, стр. 154). А за две недели до Октября, в статье "К пересмотру партийной программы", дает подробное обоснование своего весеннего предложения. (ПСС, т. 34, стр. 378-380).

5) См., напр., для 1913 года "Критические заметки по национальному вопросу", октябрь-декабрь (ПСС, т. 24, стр. 144), и письмо С.Шаумяну 6 декабря (ПСС, т. 48, стр. 234-5), а для 1916 года см., напр., тезисы "Социалистическая революция и право наций на самоопределение", январь-февраль (ПСС, т. 27, стр. 252-3).

6) Ленин вел настойчивую борьбу против "федералистических начал в построении с.д. партий". (См., напр., для января 1913 г. ПСС, т. 22, стр. 267-9 и т. 48, стр. 145-8).

7) См., напр., письма Ленина Каменеву от 25 февраля и конца марта 1913 года (ПСС, т. 48, стр. 169 и 173).

8) Статья эта, отвечавшая текущей партийной задаче, была впоследствии, с претензией на программность, переименована в "Марксизм и национальный вопрос", и, конечно, сталинисты возвели ее в ранг гениального откровения в теории и политике национального вопроса — аналогично, впрочем, тому, как это было по поводу пресловутых "шести условий", по поводу четвертой главы "Краткого курса истории ВКП (б)", по поводу статьи о языкознании, и т.д. и т.п. — словом, подобно тому, что неизменно повторялось по поводу всякого выступления Сталина. При этом умалчивается, что в то время Ленин хвалил и продвигал не только статью "одного чудесного грузина" (ПСС, т. 48, стр. 162) в журнале "Просвещение", но работы и ряда других большевиков-националов по злободневному в тогдашней России национальному вопросу. Так, к статье латыша Стучки "Национальный вопрос и латышский пролетариат" в том же "Просвещении" Ленин дал рекомендательное редакционное предисловие (ПСС, т. 24, стр. 342). По поводу долго ожидавшейся им брошюры армянина Шаумяна "О национально-культурной автономии" Ленин писал автору: "О Вашей брошюре... *обязательно* дайте *Selbstanzeige* (сообщение от автора — Ред.) или изложение в "Просвещении" ", и просил его помочь выработать марксистский законопроект по национальному вопросу для внесения в Государственную Думу. (ПСС, т. 48, стр. 288-291). О работе украинца Лолы (Степанюка) "Из истории украинского марксизма" Ленин выразился, что она "очень хороша" и писал автору: "Непременно буду настаивать перед редакцией "Правды" о помещении Вашей статьи" (статья была напечатана тоже в "Просвещении"), советуя при этом написать еще одну статью (ПСС, т. 48, стр. 202, 203)...

Пожалуй, здесь следует отметить, что в политическом плане все эти понравившиеся Ленину работы, написанные в

канун мировой войны большевиками из угнетенных при царизме наций, и в их числе статья Сталина, были направлены против местного национализма, — и это было тогда, конечно, в согласии с ленинским пониманием интернационализма. Но как мы видели во второй главе настоящего очерка, Сталин вел эту политическую линию своей статьи 1913 года и после революции, когда шло строительство многонационального советского государства, а он выступал уже от имени господствующей великорусской нации, и когда ленинский интернационализм требовал главный удар направлять против великодержавного шовинизма.

9) Там же, стр. 28, 29. — "Примечание" представляет собою часть предисловия к сборнику статей и речей Сталина "На путях к Октябрю", вышедшего небольшим тиражом в 1925 году. *С изъятием страниц, вошедших в рассматриваемое "Примечание" и еще одной страницы, о которой речь будет ниже, это предисловие много раз печаталось в виде статьи под названием "Октябрьская революция и тактика русских коммунистов"* (см., например, все 11 изданий конъюнктурно составлявшегося свода трудов Сталина "Вопросы ленинизма" и том 6-й его "Сочинений", а также всевозможные издания отдельной брошюрой и в разных сборниках).

10) См. "КПСС в резолюциях и решениях...", изд. 8-ое, т. 1, стр. 448-449.

11) Отметим, что резолюция по национальному вопросу была на апрельской конференции принята отнюдь не единогласно: а за нее голосовало 56 делегатов, против — 16 и воздержалось 18 (там же, стр. 449).

12) "Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография". 2-ое издание, исправленное и дополненное. М. 1947, стр. 60... Ниже, в "Приложении 3-ем", мы вернемся к этой характерной сталинской лжи.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3-ье

К истории сближения и объединения Ленина с Троцким на пути к социалистической революции.

Широко известен внутривнутрипартийный разрыв 1912 года, когда Троцкий отказался участвовать в созванной большевиками январской Пражской конференции, а летом организовал вместе с ликвидаторами августовский блок. Но благодаря стараниям сталинистов мало кому известно, что уже через два года намечается поворот в отношении Ленина к Троцкому. Поворот имел глубокие принципиальные основания, ибо выражал радикальный поворот мировой, а вместе с нею и русской истории — вступление в эпоху мировой социалистической революции. Он необходимым и естественным образом наметился, когда Троцкий уже в первые месяцы мировой империалистической войны занял позицию революционера-интернационалиста, еще долго, правда, нестрого сформулированную и непоследовательную, а в делах партийной тактики ошибочную, но по своим революционным и интернационалистским устремлениям недвусмысленную. Непоследовательности, ошибки и колебания Троцкого в конечном счете проистекали из его неспособности расстаться с иллюзиями о возможности повернуть меньшевиков на путь социалистической революции, из нежелания увидеть в оборонцах изменников делу социализма и полностью порвать с ними (1). Находясь в эмиграции, Ленин поэтому все годы войны вел борьбу с Троцким, но смыслом и целью

этой борьбы все больше становилось не закрепление старого разрыва, а *поиски сближения*.

Человечество вступило в новую, в предреволюционную эпоху, и новая эпоха требовала от партии социалистической революции коренного изменения партийной стратегии. Уже через полгода после начала войны Ленин в законченной, строго теоретической, программной и, вместе с тем, предельно доходчивой для партии форме определил и пояснил суть и исторический смысл этого изменения стратегии. 11 февраля 1915 года Ленин пишет из Берна в Стокгольм Шляпникову (своему представителю в сношениях с иностранными партийными группами и с Русским бюро ЦК): "Я думаю, что и у нас в России и во всем мире намечается новая основная группировка внутри с.-д.: шовинисты ("социал-патриоты") и их друзья, их защитники, — и антишовинисты. В основном, это деление соответствует делению на оппортунистов и революционных с.-д., но оно *plus précis* (более точно — Автор), и представляет, так сказать, высшую, более близкую к социалистическому перевороту, стадию развития. И у нас старая группировка (ликвидаторы и правдисты) устаревает, сменяясь новой: социал-патриоты и антипартии" (ПСС, т. 49, стр. 64).

Эта новая стратегическая, а по сути дела — программная, линия проходит через все написанное и сказанное Лениным в годы империалистической войны (2). И именно такая линия на соби́рание, объединение и организацию всех подлинно-интернационалистских и подлинно-революционных сил социал-демократии (при обязательном и бескомпромиссном размежевании с социал-шовинистами и социал-патриотами всех мастей) для подготовки и осуществления интернационального дела социалистической революции, — именно эта предреволюционная линия открыла путь к сближению Ленина с Троцким. Однако, до февральской революции речь могла идти только о сближении, но не об объединении (3). Февральская же революция повела это сближение в направлении объединения, ибо она почти сразу сделала размежевание политики (и идеологии) международной пролетарской революционности и политики (и идеологии) патристичес-

кой мелкобуржуазной революционности основным историческим водоразделом эпохи, осью общественной борьбы в России, впитывающей в себя решительно все злободневные интересы народной жизни, — и тем самым перенесла это размежевание в широчайшие массы восставшего народа.

Ленин вернулся в Россию 3 апреля (16 апреля н.ст.) и встал на свое место главы большевистской партии; Троцкий, которого месяц продержало под арестом английское правительство на его пути в Россию, вернулся 4 мая (17 мая н.ст.) и сразу же возглавил петроградских "межрайонцев" — членов междурайонной организации социал-демократов интернационалистов (в нее входили и меньшевики и большевики). Эта организация, возникшая в Петербурге в 1913 году, уже 20 июля 1914 года выпустила антивоенную прокламацию ("...плечом к плечу, рука к руке, в ногу с пролетариями Англии, Германии и Франции мы пойдем. Войну войне объявим беспощадную... Да здравствует международная солидарность пролетариата! Да здравствует революция!") (4), в ноябре 1914 года совместно с Василеостровским райкомом большевистской партии, в ответ на арест пяти большевистских депутатов Государственной Думы, выпустила новую прокламацию ("...Товарищи-рабочие, ваших депутатов схватили за то, что они подняли голос против кровавой бойни... На борьбу с милитаризмом и войной!") (5), в 1916 году призывала к созданию III Интернационала (6), а на подступах к февральской революции совместно с петербургским комитетом большевиков выступила против всеобщей стачки, на 14 февраля затеянной оборонцами в поддержку буржуазного "прогрессивного блока" IV Государственной Думы (7). Но вот совершился февральский переворот, и уже через неделю Междурайонный комитет выступил с предложением слить свои организации с большевистскими организациями Петрограда. 10 (23 н.ст.) марта Залеский докладывает об этом на собрании большевистского Петербургского комитета (ПК). 18 (31 н.ст.) марта докладчик от бюро ЦК сообщает собранию ПК, что Бюро ЦК, рассмотрев предложение Междурайонного комитета, приветствует его и "передает этот вопрос на обсуждение ПК и для

выработки практических шагов для объединения". А 21 марта (3 апреля н.ст.) ПК собирается вместе с представителями Междурайонного комитета и по докладу одного из этих представителей (Юренева) принимает резолюцию о желательности объединения и о создании совместной организационной комиссии по созыву съезда (8). Это было подтверждено Лениным в проекте резолюции об отношении к социалистическим партиям и течениям, написанном им для Петроградской общегородской конференции РСДРП(б), происходившей 14-22 апреля (27 апреля-5 мая н.ст.) (ППС, т. 31, стр. 258). Кстати говоря, в это время из руководителей революционных рабочих Петрограда в "Межрайонку" входили Луначарский, Иоффе, Антонов-Овсеенко, Мануильский, Урицкий, Чудновский, Володарский, Юренев---

С 24 по 29 апреля (с 7 по 12 мая н.ст.) работает исторического значения Всероссийская апрельская конференция большевиков, на которой принимается написанная Лениным резолюция "Об объединении интернационалистов против мелкобуржуазного оборонческого блока"; резолюция гласит: "признать сближение и объединение с группами и течениями, на деле стоящими на почве интернационализма, необходимым на основе разрыва с политикой мелкобуржуазной измены социализму" (ППС, т. 31, стр. 429). Вскоре собралась и конференция межрайонцев, которая тоже обсуждала вопрос об объединении социал-демократов-интернационалистов, и на это обсуждение пригласили представителей большевистского ЦК. Прибыли Ленин, Зиновьев и Каменев. В своей речи Ленин сообщил, что "во исполнение решения Всероссийской конференции, ЦК нашей партии, признавая чрезвычайно желательным объединение с межрайонцами, выступил со следующими предложениями": "Объединение желательно немедленно. Центральному Комитету РСДРП будет предложено немедленно включить в состав обеих газет (нынешней "Правды", которая будет превращена во всероссийскую популярную газету, и ЦО, который будет создан в ближайшем будущем) по одному представителю межрайонцев. Центральному Комитету будет предложено создать специальную организационную комиссию по

созыву (через 1 1/2 месяца) партийного съезда. В состав этой комиссии межрайонная конференция получит право посылать двух своих делегатов.” После речи Ленина взял слово Троцкий и, после критического разбора речи и предложения Ленина, внес другой проект резолюции ”О единстве”, который и был принят конференцией. Текст выступления Троцкого нам недоступен, и мы процитируем из него несколько фраз так, как они тут же были записаны Лениным: ”С резолюциями (видимо, Апрельской конференции большевиков — Автор) я согласен целиком — но, вместе с тем, я согласен постольку, поскольку русский большевизм интернационализировался. Большевики разбольшевичились — и я называться боьшевиком не могу. В основу ценза можно (и должно) положить их резолюции. Но признания большевизма требовать от нас нельзя” (9).

Таков был Троцкий через неделю после возвращения в Россию, когда он еще не вошел вплотную в дела революции — в подготовку пролетарской революции. Но Ленин не считал возможным и разумным в момент, когда объединение всех действительных интернационалистов было неотложным делом, вступать в полемику с Троцким, еще не сбросившим груз эмигрантских разногласий, — и в этом мы тоже узнаем Ленина, глядевшего не в прошлое, а в будущее, и видевшего это будущее. Речи Ленина и Троцкого были произнесены 10 (23 н.ст.) мая, а через неделю, 18(31 н.ст.) мая, Ленин выступил в ”Правде” со статьей ”К вопросу об объединении интернационалистов”, в которой опубликовал свои предложения, рассказав, что они были сделаны межрайонцам сначала только от имени Ленина и нескольких членов ЦК, но что затем и большинство членов ЦК одобрило эти предложения, и тут же, без единого слова привел полный текст резолюции межрайонцев. Закончил же свою статью Ленин словами: ”Какое решение скорее ведет к единству, — этот вопрос должны теперь обсудить и разрешить все рабочие-интернационалисты. Политические резолюции межрайонцев в основном взяли правильную линию разрыва с оборонцами. При таких условиях какое бы то ни бы-

ло дробление сил, с нашей точки зрения, ничем оправдать нельзя.” (ПСС, т. 32, стр. 112-113).

Фактически единство в это время уже существовало. На заседании Петроградского комитета (ПК) большевиков 30 мая (12 июня н.ст.) Ленин сообщил, что ”ЦК привлекает к участию в постановке популярной газеты” Троцкого (ПСС, т.32, стр.226), и 4 (17) июня Свердлов пишет Антонову-Овсеенко: ”Почти решен вопрос об участии Троцкого и Луначарского в нашей газете, как только начнет выходить в большом формате” (10). В мае-июне на муниципальных выборах в Петрограде большевики и междрайонцы выступали как одна партия. А после июльского выступления петроградского пролетариата и репрессий Временного правительства на конференции (июльской) междурайонной организации, на которой все делегаты говорили, что рабочие недоумевают, почему междрайонцы не в одной партии с большевиками, было вынесено окончательное решение о слиянии с большевиками до съезда. И тут же было приступлено к подготовке формального объединения, и притом так, как Ленин предлагал, — с совместной организации созыва партсъезда, которому предназначено было быть объединенным съездом и который собрался как таковой. Вот как Свердлов рассказывал об этом на самом съезде (IV-м), выступая 26 июля (8 августа н.ст.) с докладом Организационного бюро по созыву съезда:

”На Апрельской конференции было решено объединиться со всеми социал-демократами, которые на деле порвали с меньшевиками-оборнцами. К этому толкала нас сама жизнь. В этом направлении велась работа в провинции. На местах разбросаны организации интернационалистские (объединенные организации) и большевистские. В Петербурге существуют две интернационалистские организации: ПК (большевиков — Автор) и Междурайонный Комитет. Резолюции по основным вопросам в той и другой организации ничем по существу не отличались. Вопрос об объединении оставлен до партийного съезда, так что на настоящем съезде присутствуют и большевики и междурайонцы. С приездом тт. Троцкого, Луначарского, Чудновского было обра-

зовано Организационное бюро из 5 человек (3 от большевиков и 2 от междурайонцев) по созыву съезда, которое выступало от тех и от других (11). Тов. Троцкий уже до съезда вошел в редакцию нашего органа, но заключение (арест его Временным правительством — Автор) мешало фактическому его участию в редакции. ... По вопросу о докладчиках Организационное бюро сделало все, что могло, но съезду придется отказаться от тех докладчиков, к голосу которых мы привыкли прислушиваться. В самое последнее время т. Троцкий, докладчик по текущему моменту, был изъят (т.е. арестован — Автор), как и другие” (12). Думаем, не найдется никого, кто бы усомнился в том, что поручение центрального и обобщающего политического доклада Троцкому сделано с одобрения, если не по инициативе Ленина, который вынужден был скрываться в подполье и не мог сам выступить на съезде с этим докладом. Добавим, что заменить Троцкого одним человеком из числа не арестованных и не разыскиваемых властями руководителей партии оказалось невозможным, и доклад был поделен между троими: Бухариным (“Война и международное положение”), Сталиным (“Политическое положение”) и Милютиным (“Экономическое положение”) (13).

Факты, приведенные в настоящем “Приложении” (14), с неоспоримостью показывают лживость (не просто ошибочность, а именно нарочитую лживость) Сталиным сочиненной и по сию пору из одной сталинской книжки в другую перекочевывающей, легенды, будто шестой “съезд принял в партию междурайонцев во главе с Троцким, заявившим, что они согласны со всеми положениями большевизма” (15). Но несколько фактов из работы съезда, в дополнение к сказанному, пожалуй, следует привести.

1) Пункт порядка дня съезда, относящийся к нашей теме, озаглавлен “Объединение партии”. Не прием в большевистскую партию членов из других партий, а объединение всех революционных социал-демократов-интернационалистов в одну партию.

2) Доклад по этому вопросу делал междурайонец Юрнев. Обрисовав невозможность объединения с меньшевист-

скими группами, не желающими рвать с оборонцами, Юренев закончил доклад словами: "Единственно возможное объединение — между нами, междурайонцами, и вами, большевиками, — фактически уже состоялось уже до съезда. Теперь остается только подтвердить его. Те разногласия, которые разделяли нас и побудили строить свою организацию, имевшую цель объединять оба течения, теперь изжиты. Мы вошли в единую партию, туда же будем звать и других." Эти слова Юренева были покрыты аплодисментами, а предложенная им резолюция "Об объединении партий" была принята единогласно (16).

3) Еще до доклада Юренева Орджоникидзе заявил: "Объединение с межрайонцами уже произошло на деле" (17).

4) Доклад Юренева был заслушан и резолюция по нему была принята на заключительном, пятнадцатом, заседании съезда. Между тем, на первом же заседании Юренев, еще до "принятия (по сталинской версии!) в партию", был избран в состав Президиума партийного съезда (и даже на тринадцатом заседании председательствовал), а еще "не принятый в партию" Иоффе был избран в мандатную комиссию (18).

5) Доклады с мест, естественно, открыла (на четвертом заседании) Петербургская организация. Так вот, от Петербургского комитета большевиков (ПК) политический доклад на партийном съезде делал межрайонец Володарский, еще не состоявший (если верить Сталину) в большевистской партии (19).

6) В прениях то и дело выступают в качестве полноправных делегатов этого полулегального съезда межрайонцы Юренев, Володарский, Мануильский — еще до того, как они (по сталинской версии!) стали членами партии.

Такова, вкратце, история сближения и объединения Ленина с Троцким на пути к Октябрю, как началу мировой социалистической революции, — история, фальсифицированная Сталиным и все еще фальсифицируемая сталинистами. И, конечно, вполне естественно, что распространяя выдумку, будто в период VI съезда Троцкий был для партии чужаком, только на этом съезде "принятым" в ее ряды, официальная история КПСС замалчивает тот факт, что уже тогд-

да Троцкий был в глазах партии одним из первой четверки ее руководителей, избранной на VI съезде в ЦК практически единогласно (из 134 возможных голосов Ленин получил 133, Зиновьев — 132, Каменев и Троцкий — по 131), и что оглашение этого факта перед закрытием съезда делегаты встретили шумными аплодисментами (20). А в резолюции "О неяске т. Ленина на суд" съезд называет Троцкого в числе трех "вождей революционного пролетариата" — после Ленина и Зиновьева (21).

Перед нами прошел путь Троцкого к VI съезду (22). В заключение настоящего приложения напомним совсем коротко путь Сталина к этому съезду. Напрашивающееся сопоставление весьма поучительно.

После свержения царизма Сталин приехал из ссылки в Петроград с идеей не социалистической, а буржуазно-демократической революции, и в соответствии с этим на первом послереволюционном (мартовском) всероссийской совещании большевиков выступил за объединение с меньшевиками, чтобы внутри единой партии изживать оставшиеся, мелкие, как он считал, разногласия (23). Из четырех программных "Писем из далека", срочно посланных Лениным из Швейцарии для опубликования в "Правде" и своевременно доставленных, "Правда", которую тогда редактировали Сталин и Каменев, напечатала только первое, но и его с задержкой и со значительными и принципиальными купюрами и изменениями. (Это письмо поступило в "Правду" 19 марта, Сталин же введен в ее редакцию 15 марта.). А из изложения речи Ленина 3 апреля на Финляндском вокзале, первого его непосредственного обращения к народу после возвращения в Россию, "Правда" выкинула резюмирующий лозунг: "Да здравствует социалистическая революция!"

Мы уже видели, что спустя 30 лет, в 1947 году, Сталин поручил своим биографам изобразить дело так, будто именно он после февральской революции "разоблачил" антиленинскую линию Каменева и его "немногочисленных единомышленников". Но то была не единственная версия Сталина по поводу его тогдашней политической позиции. Когда в ходе внутривнутрипартийной дискуссии 1924 года противники Сталина,

живые свидетели и участники тех событий, вспомнили эту его позицию и еще имели возможность рассказать о ней, Сталину было невозможно скрыть от партии свое кардинальное расхождение с Лениным в основном вопросе революции и ее стратегии и тактики. Ему пришлось признать свое участие в отстаивании ошибочной линии в решающий период революции, и тут Сталин прибег к иной, противоположной, лжи: не "немногочисленные единомышленники" Каменева были-де против Ленина, а большинство партии, и Сталин-де принадлежал к этому большинству. В упомянутом выше предисловии к сборнику статей и речей за март-октябрь 1917 года "На путях к Октябрю", вышедшему небольшим тиражом в 1925 году (предисловие написано в декабре 1924 года), читаем: "Эти статьи (первые три статьи в сборнике—Автор) отражают известные колебания большинства нашей партии по вопросам мира и власти Советов, имевшие место, как известно, в марте-апреле 1917 года". И дальше: "Нужна была новая ориентировка партии. Немудрено, что большевики, разбросанные царизмом по тюрьмам и ссылкам и теперь только получившие возможность съехаться с разных концов России для выработки новой платформы, — не смогли в один присест разобраться в новом положении. Немудрено, что в поисках новой ориентировки партия остановилась тогда на полдороге в вопросах о мире и о власти Советов. Понадобились знаменитые "апрельские" тезисы Ленина, для того, чтобы партия смогла одним взмахом выйти на новую дорогу. Я уже говорил раз в своей речи на фракции ВЦСПС, что эту ошибочную позицию я разделял тогда с большинством партии и отказался от нее полностью в середине апреля, присоединившись к "апрельским тезисам" Ленина" (24). Впрочем, в этой речи ("Троцкизм или ленинизм?", ноябрь 1924 г.) сказано еще резче: "Были ли тогда у партии разногласия с Лениным? Да, были" (25). Обратите внимание: даже не у большинства партии, а "у партии"; против Ленина был-де не Сталин — против Ленина была большевистская партия и в ее составе также Сталин, ее верный и дисциплинированный член...

Итак, если верить *этой* хронологии Сталина, он в сере-

дине апреля принял курс Ленина на социалистическую революцию и впрягся в общепартийную работу по ее осуществлению. Но вот, после июльских дней, в отсутствие Ленина, Зиновьева, Троцкого, на его плечи легло проведение политической подготовки VI съезда партии. Как же осуществлял он эту подготовку?

10 июля Ленин из Разлива прислал знаменитые тезисы к VI съезду, в которых констатировал, что всякие надежды на мирное развитие революции исчезли окончательно, доказывая необходимость в сложившейся обстановке снять лозунг "Вся власть Советам" и впервые выдвинул задачу организации вооруженного восстания. Свои тезисы Ленин озаглавил "Новейшее политическое положение (Четыре тезиса)". "Правда" в те дни была закрыта, и Сталин, направляя их в кронштадскую большевистскую газету "Пролетарское дело", зачеркнул подзаголовок "Четыре тезиса", внес изменения в текст и, выдав тезисы к съезду за очередную газетную статью, заменил принципиально звучащее название беззубым, ничего не говорящим названием "Политическое настроение". 16-17 июля происходит 2-я Петроградская партконференция, и на ней политический докладчик от ЦК Сталин добивается того, чтобы тезисы Ленина были отвергнуты. Во время обсуждения доклада Сталина многие делегаты требовали оглашения подлинных тезисов Ленина (Сталин ответил: "У меня тезисов с собой нет"!) и критиковали резолюцию, внесенную Сталиным, а представители Выборгского района заявили, что не будут голосовать за эту резолюцию, так как не были оглашены тезисы Ленина, и их поддержали делегация Московского района и ряд других делегатов. В результате голоса разделились: 28 за резолюцию Сталина, 28 против и 3 воздержавшихся. Но стараниями Сталина в протоколе было записано, что принята *его* резолюция.

В 15 газетах была напечатана резолюция, объявленная принятой взамен тезисов Ленина. Но Ленин не дал политически дезориентировать предстоящий партсъезд. Он тут же написал свою работу "К лозунгам", в которой обстоятельно и полемически (хотя и без упоминания имен — этого делать не требовалось) защищал и развивал тезисы от 10 ию-

ля. Она не была напечатана, но кронштадцы привезли ее на съезд, и возможно, что именно она сыграла решающую роль в принятии ленинского курса VI съездом — вопреки помехам, которые этому курсу чинил не Троцкий, а Сталин (26).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Так, в обстановке новой волны революционного подъема Троцкий очень скоро убедился в невозможности единства с ликвидаторами, но, еще в 1913 году организационно порвав с ними и вызвав этим уже к началу 1914 года распад августовского блока, он в то же время остается на позициях примиренчества к ликвидаторству. (См.: О.Вейланд — "Августовский блок (1911-1914 гг.)" в журнале "Пролетарская революция", 1927 г., №1, стр. 172-175).

2) Приведем выдержку еще из одного лишь письма Ленина Шляпникову — от 19 сентября 1915 г.: о "великой пропасти" "между революционерами-шовинистами (революция для победы над Германией) и революционерами-пролетарскими интернационалистами (революция для пробуждения пролетариата других стран, для объединения его в общей пролетарской революции)..." "Отношения должны быть *прямые, ясные*: вы хотите свергнуть царизм для победы над Германией, мы для интернациональной революции пролетариата". (ПСС, т. 49, стр. 149).

3) А говоря точнее, до приезда Ленина и Троцкого из эмиграции в революционный Петроград. 17 марта (4 марта ст.ст.), после первых сообщений о происшедшей революции, Ленин писал Коллонтай из Цюриха в Христианию (Осло): "По-моему, главное теперь — не дать себя запутать в глупые "объединительные" попытки с социал-патриотами (или, еще опаснее,

колеблющимися, вроде ОК, Троцкого и Ко) и продолжать работу *своей* партией в последовательно-интернациональном духе". (ПСС, т. 49, стр. 402).

4) "Памятники агитационной литературы РСДРП", т. VI, вып. 1-ый. М., 1923, стр. 82.

5) Там же, стр. 108-109.

6) См. октябрьский 1916 года листок "Межрайонки", перепечатанный в книге Шляпникова "Канун семнадцатого года", ч. II, М., 1923.

7) И. Юренев, "Межрайонка (1911-1917 гг.)" в журнале "Пролетарская революция", 1924, № 2 (25), стр. 131.

8) См. "Протоколы первого легального Петербургского комитета большевиков и исполнительной комиссии за период с 15 марта по 7 апреля (с 2 по 25 марта) 1917 г." — Журнал "Пролетарская революция", 1927, № 2-3, стр. 351, 362, 374-380.

9) "Ленинский сборник. IV". Л. М., 1925, стр. 300-303.

10) Я. М. Свердлов. "Избранные произведения в трех томах", т. II, М., 1959, стр. 10. Здесь автор не может устоять против желания еще раз (в который уже раз!) показать читателю, как неосталинисты понимают задачу и существо исторической науки. Для "Избранных произведений" Свердлова письмо взято в Центральном партархиве ИМЛ — с приведением всей архивной нумерации и со специальным указанием, что оно перепечатывается с автографа. А вот в *официальном* издании ИМЛ при ЦК КПСС письмо опубликовано с характерной сталинской купорой — выброшено имя Троцкого, так что фраза Свердлова напечатана так: "Почти решен вопрос об участии Луначарского в нашей газете, как только начнет выходить в большом формате". При этом ученые фальсификаторы архивного документа ссылаются, конечно, на этот же партийный архив. ("Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Март-октябрь 1917 г. Сборник документов". М., 1957, стр. 12). Требуются ли комментарии?

11) Добавим к этому сообщению Свердлова, что 29 июня (12 июля н. ст.) Организационное бюро РСДРП по созыву съезда и ЦК РСДРП опубликовали в "Правде" извещение,

озаглавленное "К партийному съезду", в котором говорится: "По соглашению между ЦК РСДРП и междурайонным Комитетом (объединенные большевики и меньшевики-интернационалисты) составлено Оргбюро по созыву партийного съезда... Съезд, созыв которого намечается ЦК, будет, таким образом, съездом интернационалистских организаций и групп, стоящих на почве антиоборончества... Организационное бюро приглашает на партийный съезд с решающим голосом все социал-демократические организации, стоящие на почве интернационализма: организации, связанные с ЦК, междурайонцев, меньшевиков-интернационалистов и пр. ... Организации, желающие принять участие в съезде, но не связанные с ЦК или Междурайонным Комитетом, должны немедленно обратиться в Организационное бюро по созыву съезда..." ("Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 года. Протоколы". М., 1958, стр. 312).

12) Там же, стр. 7-8.

13) Там же, стр. 8, 99, 110, 150. — Сам же Троцкий так писал об этих месяцах бурного собирания сил социалистической революции, вспоминая о них в 1924 году (в "Уроках Октября"): "С первого дня приезда в Петроград работа моя шла совершенно согласованно с ЦК большевиков. Ленинский курс на завоевание власти пролетариата я поддерживал, разумеется, полностью и целиком. В отношении крестьянства у меня не было и тени разногласий с Лениным. Единственным соображением, которое отодвигало формальное вступление в партию на три месяца, было желание ускорить слияние с большевиками лучших элементов междурайонной организации и вообще революционных интернационалистов. Эту политику я вел опять-таки в полном согласии с Лениным". (Л.Троцкий. "1917 год", собрание сочинений, т. III, ч. 1, М., 1924, стр. 370).

14) Эти факты и даты, в тех случаях, когда источник не указан, взяты из примечаний к т. XX 2-го изд. "Сочинений" Ленина, М., 1932, стр. 644 и 662, к т. 32, ПСС, стр. 476-479, и к книге "Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 года. Протоколы". М. 1958, стр. 392, а также из ст. Д.Кина "Борьба против объединительного угара в 1917 году" в ж. "Пролетарская революция", 1927, №6, стр. 18-28.

15) В кавычках — слова из официозной "Истории Коммунистической партии Советского Союза", подготовленной 10 академиками и докторами наук во главе с академиком Пономаревым, изд. 4-е, М. 1971, стр. 211.

16) "Шестой съезд РСДРП(б)... Протоколы". М., 1958, стр. 238-240.

17) Там же, стр. 193.

18) Там же, стр. 2 и 7.

19) Там же, стр. 44.

20) Там же, стр. 252. Может быть, здесь следует напомнить, что после возвращения Троцкого из эмиграции с бескомпромиссной установкой на социалистическую революцию Ленин *ни разу* не употребил слова "троцкизм" — слова, которым он до того пользовался для обозначения отличия политической позиции Троцкого от позиции как большевиков, так и меньшевиков в социал-демократическом движении. По-видимому, в последний раз Ленин сказал слово "троцкизм" 14 (27 н.ст.) апреля 1917 года на Петроградской общегородской конференции РСДРП(б), когда еще неизвестно было, какую позицию Троцкий займет в развертывающейся русской революции, — сказал, опасаясь воскрешения прежнего ошибочного лозунга Троцкого: "без царя, а правительство рабочих" (ПСС, т. 31, стр. 249).

21) "Шестой съезд РСДРП (большевики). Протоколы". М., 1958, стр. 270.

22) Очень выразительно итоги этого пути резюмированы в мемуарах Ф.Раскольниковца, большевика с 1910 года, героя Октября и гражданской войны, человека смелого, правдивого и талантливого, общавшегося с Лениным и высоко им ценимого. Вот два небольших отрывка из этих мемуаров. В статье "Июльские дни" (журнал "Пролетарская революция", 1923, №5, стр. 71-72) читаем: "Лев Давыдович тогда формально не состоял членом нашей партии, но фактически он все время со дня приезда из Америки работал внутри ее. Во всяком случае, уже тотчас после его первого выступления в Совете, мы все смотрели на него, как на одного из своих партийных вождей". А в очерке "В тюрьме Керенского" (в том же журнале, 1923, №10, стр. 150-152) Раскольников свидетельствует: "С огромным уважением относился Троцкий к Владимиру Ильичу. Он ставил его выше всех современников, с которыми ему приходилось встречаться в России и за границей. В том тоне, которым Троцкий говорил о Ленине, чувствовалась преданность ученика. К тому времени Ленин насчитывал за собой 30-летний стаж служения пролетариату,

а Троцкий — 20-летний. Отзвуки былых разногласий довоенного периода совершенно изгладились. Между тактической линией Ленина и Троцкого не существовало различий. Это сближение, наметившееся уже во время войны, совершенно отчетливо определилось с момента возвращения Льва Давыдовича в Россию; после его первых же выступлений мы все, старые ленинцы, почувствовали, что он наш”.

Разумеется, читателя не удивит, что, когда в 1964 г. (т.е. через сорок с лишним лет) в серии “Военные мемуары” был издан сборник очерков Раскольниковца (“На боевых постах”), то в него были включены и эти два очерка, но цитированные нами места были неосталинистами *вырезаны*.

23) На заседании 1 апреля этого совещания, выступая по предложению Церетели об объединении, Сталин сказал: “Мы должны пойти. Необходимо определить наши предложения по линии объединения. Возможно объединение по линии Циммервальда-Кинталя... Забегать вперед и предупреждать разногласия не следует. Без разногласий нет партийной жизни. Внутри партии мы будем изживать мелкие разногласия”. А через несколько дней, 4(17) апреля, Ленин, заканчивая и резюмируя на собрании большевиков — участников Всероссийского Совещания Советов Рабочих и Солдатских депутатов — свое первое после возвращения из эмиграции выступление перед питерскими членами партии, — так сказал по поводу этой позиции, которой придерживался и за которую ратовал Сталин: “Я слышу, что в России идет объединительная тенденция, объединение с оборонцами. Это — предательство социализма. Я думаю, что лучше остаться одному, как Либкнехт: один против 110”. (ПСС, т. 31, стр. 112). — О мартовском совещании большевиков см. у Драбкиной в журнале “Вопросы истории”, №9, 1956. Полный протокол опубликован Троцким в книге “Сталинская школа фальсификации”, Берлин, 1932, стр. 225-290. Версии Драбкиной и Троцкого весьма схожи.

24) И.Сталин. “На путях к Октябрю”, Л. 1925, 2-е изд., стр. VIII. Напомним здесь сказанное уже выше: Предисловие к книге, из которого взято цитированное место, служило до конца жизни Сталина обязательным пособием в сети парт-просвещения и много раз переиздавалось, но ни в одном из переизданий мы не найдем этого места: члены партии Сталина не должны были о нем знать — ни о его содержании, ни о самом его существовании. Впрочем, *эта линия* в вопросе о его расхождении с Лениным после февральской революции — линия замалчивания, сокрытия, а там и отрицания — была

преподана Сталиным *уже через два года*, когда в партии уже была создана обстановка, исключавшая возможность изобличения гонимых в фальсификациях и лжи, и, конечно, в противоречиях с самим собой. В декабре 1926 года, на VII пленуме Исполкома Коминтерна, в заключительном слове по докладу "Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии", Сталин заявил: "Что касается позиции Ленина и его апрельских тезисов в 1917 г., то партия знает прекрасно, что я стоял тогда в одних рядах с тов. Лениным против Каменева и его группы, боровшихся тогда против тезисов Ленина..., воюя вместе с ним против оппозиции тов. Каменева" ("Сочинения", т. 9, стр. 64-65). Это место, разумеется, не было изъято из последующих, тоже многочисленных, изданий речи Сталина.

25) И. Сталин. "Сочинения", т. 6-й, стр. 334.

26) О Сталине до приезда Ленина см. подробности в работе Н. Крутиковой "На крутом повороте", М., 1965 (особенно стр. 19-31, 96-100); о Сталине перед VI съездом — в неопубликованном выступлении А. Снегова в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС на конференции старых большевиков, обсуждавшей 28 июня 1966 г. макет III тома "Истории КПСС". Снегов привел материалы Петроградской конференции, опубликованные в книге "Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года", вышедшей в 1927 году, но все еще припрятанной неосталинистами в секретных фондах т. наз. "спецхранения" и потому недоступной автору. В выступлении Снегова приведены также скрываемые официальными партисториками факты о более, чем двусмысленном, уклончивом, если не демобилизующем поведении Сталина в канун восстания, в решающий день 24 октября 1917 года, — поведении, перекликающемся с его политической позицией перед VI съездом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4-ое

Свидетельство Микояна о Сталине перед VI партсъездом.

В журнале "Новый мир", №11 за 1972 год, напечатаны очередные воспоминания А.Микояна — "В Нижнем Новгороде". В них, на стр. 188-189, читаем, что в начале января 1922 года Сталин вызвал его, Микояна, из Нижнего Новгорода и, предложив проехаться в Ново-Николаевск, в беседе с глазу на глаз сказал: "Условия, в которых идет подготовка к XI съезду, коренным образом отличаются от тех, которые были накануне X съезда. На горизонте не видно никаких разногласий и открытых группировок или политических платформ. ЦК не придает большого значения тому, что Шляпников с узкой группой своих сторонников, оторванный от масс, скрытно ведет групповую работу. Теперь уже он и его группа не представляют серьезной опасности, и если что-нибудь антипартийное возникнет, то быстро провалится.

Главная опасность может идти от Троцкого и его сторонников. Но пока они ведут себя тихо. Никаких заметных разногласий, могущих отразиться на партии, нет. Конечно, от Троцкого можно всего ожидать. До съезда остается еще два месяца. Он может выкинуть какой-нибудь политический трюк, но, по всему судя, это теперь мало вероятно. Надо полагать, что всего скорее он, проученный горьким опытом X съезда, изберет другую тактику: пойдет на съезд без разногласий, без платформ, демонстрируя полное единство.

Этим он рассчитывает усыпить бдительность партии, восстановить свой авторитет, провести побольше своих сторонников в Центральный Комитет. При отсутствии платформ и разногласий делегаты будут отдавать свои голоса за кандидатов в центральные органы партии по соображениям только их персональных достоинств, предавая забвению прошлые принципиальные разногласия. И если в таких условиях в ЦК будет избрано относительно много бывших троцкистов, то это представит опасность для работы ЦК после того, как съезд разойдется. Потом Троцкий может поднять голову, вызвать разногласия в ЦК и, опираясь на своих сторонников, всячески затруднять работу ЦК, мешать тому, чтобы партия под руководством Ленина сосредоточилась целиком на положительной работе, может начать борьбу против Центрального Комитета, как это уже было осенью 1920 года.

Поэтому мы озабочены тем, какие делегаты приедут на предстоящий партийный съезд, и много ли среди них троцкистов.

В этом отношении нас беспокоит Сибирь. Там еще довольно много троцкистов, они пользуются определенным доверием и влиянием в своих организациях, и поэтому есть опасность, что многие из них окажутся в числе избранных делегатов съезда.”

И далее Микоян рассказывает, что Сталин предложил ему поехать ”как бы по личным, семейным делам, и особо предупредил, что обо всем, сказанном им, следует передать только лично Лашевичу... Он сообщит, кому найдет нужным, и сделает практические выводы, чтобы среди сибирских делегатов оказалось поменьше троцкистов. Не секретарю Сибирского бюро ЦК Ярославскому, а тайно от него, за его спиной, Лашевичу (другому члену Сиббюро ЦК, председателю Сибревкома), в прошлом, в гражданскую войну ущемленному Троцким, питавшему неприязнь к Троцкому.

Конечно, Микоян не был бы сам собой, если бы не припутал Ленина к этому сталинскому ”мероприятию”, не просто антипартийному и аморальному, но представляющему собой тяжелое преступление против партии, носящему характер *внутрипартийного заговора*. Сталин, видите ли, ска-

зал ему, что передает поручение Ленина. Очень вероятно, что Сталин так и сказал: свои надругательства над большевистской партией и ее партийными нормами Сталин старался прикрывать именем Ленина. Но не удивительно было бы, если бы оказалось, что Микоян эту ссылку на Ленина сам присочинил: чтобы перед нынешним читателем оправдаться в исполнении предложения Сталина. Так или иначе, перед нами грязная инсинуация против Ленина, — впрочем совершенно в неосталинистской манере подделывать политический портрет Ленина под Сталина, а ленинизм изображать прообразом сталинщины. Ленину было органически чуждо и отвратительно интриганство во внутрипартийных отношениях, а уж о тайных махинациях по подтасовке партийного съезда и говорить нечего. Да у Ленина и не было оснований бояться Троцкого и опасаться его авторитета и успехов в партии, особенно в этот период их нарастающего взаимного доверия и сближения — политического и личного. Сталин же, как мы видели, при его характере и планах, мог быть полон зависти, ненависти, подозрительности, страха по отношению к Троцкому.

1972 – 1974
1981

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Примечания	9
1. Русская революция и мировая революция	10
Примечания	36
2. Русская революция и национальный вопрос	41
Примечания	71
3. Социалистический контроль и социалистическая государственность	83
Примечания	123
4. Военная политика пролетарской революции	131
Примечания	169
5. Коммунистическая партия в однопартийной политической системе	181
Примечания	311
Послесловие	350
Примечания	360
Приложение 1-ое	363
Примечания	368
Приложение 2-ое	370
Примечания	379
Приложение 3-е	382
Примечания	393
Приложение 4-ое	399

Imprimerie SYNTAXIS. 8, rue Boris Vildé, 92260 Fontenay-aux-Roses

